

А. И. РАДЗНЕВСКИЙ

**РАЗВИТИЕ
ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
ПРОРЫВА**

Часть I

ВОЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА КРАСНОЗНАМЕННАЯ
ОРДЕНА СУВОРОВА АКАДЕМИЯ имени М. В. ФРУНЗЕ

Профессор
генерал армии А. И. РАДЗИЕВСКИЙ

*РАЗВИТИЕ
ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ
ПРОРЫВА*

(по опыту Великой Отечественной войны)

Учебное пособие

Издание академии

Москва

1977

Библиотека "Руниверс"

В труде анализируются факторы, определившие необходимость применения прорыва, прослеживаются пути решения этой проблемы в ходе первой мировой войны и в советском военном искусстве в предвоенные годы; исследуется развитие форм и способов прорыва в операциях Великой Отечественной войны с учетом конкретных условий их ведения, обобщается достигнутый в этой области опыт и определяются важнейшие принципы прорыва, сложившиеся в ходе войны.

ВВЕДЕНИЕ

Осуществление программы мира, разработанной XXIV съездом КПСС, позволило в последние годы сделать поворот от «холодной войны» к взаимному сотрудничеству государств, от конфронтации между социалистическими и капиталистическими странами к разрядке международной напряженности.

Однако, как указывал В. И. Ленин, империализм есть всеобщее стремление к насилию и реакции, он «отличается наименьшим миролюбием и свободолюбием, наибольшим и повсеместным развитием военной»¹.

Реакционность современного империализма еще больше усилилась. Созданы мощные агрессивные блоки капиталистических государств, на вооружение и содержание армий тратятся колоссальные средства. После второй мировой войны империалистические круги и блоки, пытаясь задушить национально-освободительное движение развивающихся стран, развязали войны в Корее, Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, на Ближнем Востоке, в ряде регионов Африки. Они организовали серию государственных переворотов: в Чили, Бангладеш, Таиланде и других странах. Империалистические государства продолжают накапливать оружие массового поражения и создавать еще более мощные средства уничтожения.

Оценивая международную обстановку середины 70-х годов, XXV съезд КПСС еще раз подчеркнул, что вопрос войны и мира является главным вопросом современности. И поскольку угроза развязывания войны империалистами еще не устранена, Советский Союз и социалистические страны, усиливая борьбу за мир, за мирное сосуществование между

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 248.

социалистическими и капиталистическими странами, вынуждены всемерно заботиться о повышении боеспособности своих вооруженных сил.

Интересы безопасности Родины требуют от всего личного состава армии и флота дальнейшего повышения бдительности, непрерывного совершенствования боевой готовности, способности в любых условиях обстановки успешно выполнить поставленные задачи.

Одним из действенных средств укрепления боеспособности войск Советской Армии является всесторонняя военно-теоретическая подготовка командных кадров. В основе такой подготовки лежат глубокое изучение и усвоение ленинского военно-теоретического наследия, современного военного искусства, а также военно-исторического опыта, особенно опыта Великой Отечественной войны.

В условиях научно-технической революции, несмотря на значительные изменения в средствах, способах и характере вооруженной борьбы, боевой опыт минувших войн играет большую роль в подготовке войск и командных кадров. Он учит трезвому восприятию всей сложности вооруженной борьбы, позволяет видеть, как воплощаются в жизнь, рождаются и утверждаются новые принципы военного искусства и уставные рекомендации.

Опыт подготовки офицеров в Военной академии имени М. В. Фрунзе показывает, что теория военного искусства усваивается глубже и более творчески тогда, когда ее изучают на прочном теоретическом фундаменте, познают условия возникновения, факторы и тенденции развития новых форм и способов вооруженной борьбы.

Одной из наиболее важных и сложных проблем в годы Великой Отечественной войны был прорыв, образование бреши в обороне противника, позволявший стремительно развивать наступление в глубину и в стороны флангов, окружать противника, вести высокоманевренные действия, выходить к важным оперативно-стратегическим объектам, овладение которыми влияло на исход операции.

Важность этой проблемы заключалась в том, что прорыв являлся начальным этапом почти каждой крупной наступательной операции и от его результатов прямо и непосредственно зависел и успех операции в целом, и достижение ее конечных целей. Если по каким-либо причинам не удавалось совершить прорыв, то и вся операция обрекалась на не-

удачу, хотя последующие ее этапы могли быть весьма тщательно спланированы и для их выполнения подготовлены все необходимые силы и средства.

Сложность прорыва обуславливалась необходимостью преодоления вражеской обороны, прорыва ее фронта, насыщенного большим количеством огневых средств, боевой техники, инженерных сооружений и заграждений. При этом важно было не только быстро образовать в нем брешь путем уничтожения живой силы, боевых средств противника и овладения его укреплениями на всю тактическую глубину, но и стремительно развить тактический успех в оперативный с тем, чтобы не допустить закрытия противником созданной бреши.

Способы подготовки и осуществления прорыва и его развития в ходе войны непрерывно совершенствовались с учетом боевого опыта, изменений в вооружении, техническом оснащении и организационной структуре наших войск, а также изменений в обороне противника. Несмотря на большую сложность проблемы прорыва в годы минувшей войны, в целом она была успешно решена советским военным искусством.

Многие теоретические положения и практические вопросы прорыва в операциях Великой Отечественной войны не утратили своего значения и могут быть творчески использованы в современных условиях с учетом изменившихся средств и способов вооруженной борьбы. Не меньший интерес для современного военного читателя, особенно молодого, не прошедшего горнила тяжелой войны, представляет процесс поисков путей решения проблемы прорыва в конкретной обстановке, извлечение из боевого опыта уроков и внедрения выводов в практику войск в условиях непрекращающихся ожесточенных военных действий, как это имело место в минувшей тяжелой войне.

Труд предназначенся в качестве учебного пособия для слушателей и профессорско-преподавательского состава академии при изучении курса истории военного искусства. В нем рассматриваются возникновение проблемы прорыва, поиски путей ее решения в годы первой мировой войны, развитие теории и практики прорыва в межвоенный период и особенно в Великой Отечественной войне.

Исследование развития прорыва обороны противника в годы Великой Отечественной войны проведено по периодам войны, а в каждом периоде —

по кампаниям, в которых общие условия обстановки для большинства операций были примерно одинаковыми. Вместе с тем в кампаниях исследовался прорыв обороны противника не во всех наступательных операциях, а только в наиболее важных, в которых выразились характерные черты его подготовки и ведения, обеспечившие успех, либо, наоборот, в которых по ряду причин прорыв не удался, но полученный опыт в определенной мере повлиял на теорию и практику прорыва и сохраняет свою поучительность в настоящее время.

Автор выражает глубокую признательность генерал-майору Панову Б. В., полковнику Сидоренко А. А., полковнику Наумову Н. Ф. за помощь, оказанную при работе над этим пособием.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОРЫВ

1. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛИВШИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА

Прорыв как категория военного искусства возник в древнейшей времена. С тех пор и до настоящего времени характер прорыва, его содержание, формы и способы подготовки и ведения непрерывно изменялись и совершенствовались. Это развитие представляет собой закономерный процесс, обусловленный определенными объективными предпосылками, и прежде всего достигнутым в данный момент уровнем производства, количеством и качеством средств вооруженной борьбы и личного состава армии. На развитие прорыва оказывали также влияние характер обороны противостоящего противника, ее построение и способы ведения, уровень развития теории военного искусства и ряд других факторов.

В условиях, когда сражения развертывались в виде фронтального столкновения небольших по составу воюющих армий, вооруженных холодным оружием, на ограниченной по размерам и не оборудованной в инженерном отношении местности, прорыв применялся как средство рассеяния боевого построения противника. В результате этого нарушалась монолитность его боевого построения, в сплошном сомкнутом строю образовывалась брешь, наступающий получал возможность наносить решительный удар в тыл и в стороны флангов и в короткие сроки решать участь сражения в свою пользу.

Именно применением такого способа действий одержал победу над гораздо более многочисленной и дотоле непобедимой спартанской армией фиванский полководец Эпаминонд в сражении при Левктрах в 371 г. до н. э. Вместо того, чтобы атаковать противника параллельным фронтом с равномерным распределением по нему всех сил, как это практиковалось до сих пор, он сосредоточил превосходящие силы пехоты на одном из своих атакующих крыльев и нанес сильный удар по спартанской фаланге. «Ему удалось, — отмечал Ф. Энгельс, — прорвать линию спартанцев в этом решающем пункте; затем

он завернул плечом свое войско и, двигаясь в обе стороны от прорыва, обошел прорванную линию фаланги, которая не могла образовать нового фронта, не расстраивая тактического порядка»¹.

Александр Македонский усовершенствовал тактику прорыва боевого построения противника с учетом состава своей армии, в которой значительное место занимала конница. Ударный кулак для прорыва он создавал обычно из тяжелой кавалерии. Она первой наносила удар и прорывала боевую линию противника. За ней в образованный прорыв бросалась пехота, которая закрепляла достигнутый успех².

Прорыв боевого построения противника широко применялся и в более позднее время, но на другой материальной основе и в иных условиях. Многие полководцы именно этим путем выигрывали свои лучшие сражения. Они «прорывали центр и сносили все перед собою»³. Ф. Энгельс отмечал, что излюбленным тактическим маневром Наполеона «был прорыв свежими войсками центра противника, как только из положения дел становилось ясно, что он ввел в бой свои последние резервы»⁴.

Во второй половине XIX в. и особенно в начале XX в. рост производительных сил, изменение социальной структуры общества и введение всеобщей воинской повинности создали качественно иную и более широкую по возможностям материальную базу ведения войны.

В основных европейских государствах резко увеличилась численность вооруженных сил. Развитая промышленность и новые научно-технические достижения позволили оснастить массовые армии новыми видами огнестрельного оружия — нарезными, заряжающимися с казенной части винтовками и скорострельными орудиями. В 1883 г. изобретается пулемет. Огневая мощь соединений и частей значительно возросла. Быстрое развитие получил железнодорожный транспорт, появились телефон и телеграф, что улучшило возможность сосредоточения армий на театре войны, их обеспечение материальными средствами и управление.

Все это оказало существенное влияние на изменение условий, характера и способов вооруженной борьбы. Значительно расширился фронт боевых действий, увеличились глубина, длительность и напряженность сражений.

Если в войнах до середины XIX в. фронт сражения не превышал 20 км, то во франко-прусской войне 1870—1871 гг. военные действия развернулись на фронте 160—170 км. Прав-

¹ Энгельс Ф. Избр. военные произв. М., Воениздат, 1956, с. 143.

² См.: Там же, с. 182.

³ Там же, с. 304.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, с. 39.

да, этот фронт еще не был сплошным, он представлял собой ряд сражающихся пунктов, но перерастание его в сплошной было только вопросом времени. Уже в русско-японской войне сплошной фронт борьбы достиг под Ляояном 75 км, а под Мукденом — 155 км. Глубина сражения увеличилась с 2—4 до 25—50 км, а их длительность — с 1—2 до 10—17 суток.

В этих условиях единое генеральное сражение, в котором вплоть до середины XIX в. часто решалась судьба кампании или войны в целом, распалось на ряд очагов борьбы, одновременно ведущейся на широком фронте в течение продолжительного времени. Для удобства руководства крупными группировками войск, действующих на различных направлениях, создаются постоянные оперативные объединения в виде полевых армий. Так, под Мукденом впервые в одном сражении участвовало 8 армий (3 русские и 5 японских), каждая из которых наступала на фронте 20—30 км.

В связи с возросшей мощностью огня исчезли плотные построения войск. Основной формой боевого порядка стала стрелковая цепь. Возросло значение инженерного оборудования местности, появляются зачатки позиционной обороны в виде создания отдельных окопов, участков траншей, ходов сообщения и убежищ (Крымская война 1853—1856 гг., русско-турецкая война 1877—1878 гг.).

В русско-японской войне позиционная оборона получила более широкое применение. Она стала строиться на сплошном фронте и включала несколько позиций (под Ляояном три позиции на глубину свыше 20 км, на р. Шахэ две позиции глубиной до 30 км). Каждая позиция состояла из двух-четырех линий стрелковых окопов, находящихся на удалении 700—1500 шагов одна от другой, а также редутов, ходов сообщения и других оборонительных сооружений. В 50—70 шагах перед главной линией обороны впервые появляются искусственные заграждения из гладкой проволоки, рогатки, фугасы, прикрываемые огнем.

Полевые фортификационные сооружения значительно усиливали мощь огневых средств обороняющихся войск, и при фронтальном наступлении противник нес от огня магазинных винтовок, пулеметов и скорострельных пушек огромные потери. Например, при атаке киньчжоусских позиций 13 мая 1904 г. японцы, имея трехкратное превосходство над русскими войсками в живой силе и артиллерии, смогли подойти к переднему краю только на удаление до 600 м, потеряв 4,5 тыс. человек убитыми и ранеными¹. Примерно такая же картина наблюдалась при атаке укрепленных позиций и в других сражениях.

¹ См.: Дегтярев П. Ночной бой (по опыту русско-японской войны). 1907, с. 7.

Появление сплошного позиционного фронта, насыщенного мощными для того времени огневыми средствами, требовало новых способов его преодоления. На повестку дня был поставлен прорыв позиционной обороны. Но эта проблема ни в коей мере не была решена. Вследствие огромных потерь при фронтальном наступлении обе стороны искали успеха главным образом на флангах, считая, что путь к победе заключается только в обходах и охватах, завершаемых окружением.

В Ляоянском сражении японское командование трижды применило охватывающие удары, но смогло добиться лишь отхода русских войск. Теми же результатами закончились сражения на р. Шахэ и под Мукденом. С отходом обороняющихся войск фронт все более удлинялся, но сражение по-прежнему принимало фронтальный характер.

Отчетливо проявившиеся в русско-японской войне элементы позиционности, создания сплошного и все расширяющегося фронта борьбы, трудности достижения победы путем его охвата и обхода, необходимость применения прорыва, который мог бы вывести войска к уязвимым пунктам обороняющегося противника, не были оценены военным командованием и военной мыслью буржуазных стран. Опыт этой войны объявлялся «азиатским». Элементы позиционности считались исключением, случайностью и объяснялись либо слабой подготовкой войск, либо особенностями театра военных действий и ошибками полководцев. В силу этого армии капиталистических государств оказались совершенно неподготовленными к прорыву фронта обороны противника в первую мировую войну.

Военные доктрины всех европейских армий перед первой мировой войной, несмотря на некоторые различия, исходили из того, что война будет маневренной и непродолжительной. Главной силой в такой войне по-прежнему останется пехота. «Бой будет главным образом борьбой двух пехот, и победа будет на стороне большего числа батальонов...»¹.

Считалось, что в маневренных условиях 75—77-мм пушка, огонь которой базировался в основном на шрапнели, способна решать все огневые задачи. Плотность артиллерии определялась в пределах 20 орудий на 1 км фронта. Полагая, что штатной артиллерии соединений будет вполне достаточно для обеспечения успешного наступления, не существовало артиллерии РВГК и вопрос о количественном и качественном усилении войск артиллерией не ставился.

Что касается возможности возникновения позиционной войны, то ее никто не предвидел, точнее, не хотели допускать мысли, что война может принять позиционный характер.

¹ Эпп. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. М., Воениздат, 1941, с. 8.

Фронтальный удар в целях прорыва обороны противника отрицался, так как считался невозможным и нецелесообразным. В полевых уставах всех европейских армий не было никаких указаний о действиях войск при прорыве. Военные теоретики полагали, что в условиях насыщения обороны противника скорострельным оружием прорыв ее исключается.

«В связи с таким усовершенствованием огневых средств, — писал немецкий генерал Кеммерер, — чисто фронтальное наступление, тактический прорыв центра почти вовсе вычеркнуты из военного словаря»¹.

Один из главных творцов германской военной доктрины Шлиффен, основываясь на опыте русско-японской войны, писал, что результат наступления на неприятельский фронт, несмотря на все трудности, «оказывается в самом благоприятном случае лишь весьма ограниченным. Неприятеля, правда, оттесняют, но спустя некоторое время он возобновляет в другом месте временно приостановленное им сопротивление и кампания затягивается»². Поэтому, — поучал Шлиффен, — неприятельский фронт не является объектом главной атаки. Существование не сосредоточение главных сил и резервов против неприятельского фронта, а нажим на фланги. «Современное сражение еще в большей мере, чем прежде, сводится к борьбе за фланги... В этой борьбе за фланги побеждает тот, чьи резервы будут находиться не позади центра, а на крайнем фланге»³.

Такие же взгляды господствовали и во французской армии. Ее основной теоретик Фош писал, что уроки русско-японской войны не являются исчерпывающими и не представляют для нас непосредственного интереса⁴.

Основной формой наступления он считал фланговое. «Именно в направлении обходов и охватов, — указывал Фош, — следует искать художественного и логического развития военного искусства»⁵. Иначе говоря, отношение к прорыву фронта у него было такое же, как и у Шлиффена. По замечанию А. А. Свечина, настоящая военная система Фоша, изложенная в труде «О ведении войны», оказалась вовсе несоответствующей той действительности, которую развернула мировая война»⁶.

В русской армии наступление с прорывом позиционного фронта также не предусматривалось. «До начала этой войны, — писал генерал Брусилов, — считалось аксиомой, что

¹ Кеммерер. Развитие стратегической науки в XIX столетии. М., Воениздат, 1938, с. 137.

² Шлиффен. Канны. М., Воениздат, 1938, с. 364.

³ Там же, с. 292, 294.

⁴ См.: Фош Ф. О ведении войны. М., Воениздат, 1937, стр. 14.

⁵ Там же, с. 46.

⁶ См.: Стратегия в трудах военных классиков. М., Воениздат, 1924, с. 274.

атаковать противника с фронта (в полевой войне) почти невозможно ввиду силы огня; во всяком случае, такие лобовые удары требовали больших жертв и должны были дать мало результатов; решения боя следовало искать на флангах...»¹. Лишь отдельные военные теоретики (А. Г. Елчанинов и А. А. Незнамов) робко высказывали предположения о возможности применения прорыва сплошной линии фронта.

Таким образом, буржуазные военные теоретики перед первой мировой войной оказались неспособными сделать правильные выводы из опыта последних войн, возросших экономических возможностей государств, количественных и качественных изменений в силах и средствах вооруженной борьбы и определить тенденции в развитии форм и способов ее ведения.

Первая мировая война опрокинула доктрины и прогнозы ведущих военных теоретиков. Она разразилась в период, когда капитализм окончательно перерос в последнюю стадию своего развития — империализм. Бурный рост производительных сил основных капиталистических государств позволил создать многомиллионные армии, оснащенные в массовом количестве многообразным вооружением и боевой техникой.

Уже после окончания мобилизации численность армий крупных европейских государств составляла: России — 5461 тыс. человек, Франции — 3781 тыс. человек, Германии — 3882 тыс. человек, Австро-Венгрии — 2300 тыс. человек². В ходе войны численность вооруженных сил возросла, общее число мобилизованных только в этих государствах составляло около 50 млн. человек³. Никогда раньше на полях сражений не развертывалось такое огромное число войск, какое появилось с первых дней мировой войны.

Изменилось и вооружение армий. Кроме магазинных винтовок скорострельностью до 10 выстрелов в минуту массовым оружием пехоты стали пулеметы, обладающие огромной мощностью огня. Если к началу русско-японской войны в русской армии было 8 пулеметов, к концу ее — 374⁴, то к началу первой мировой войны в армиях основных государств Европы их насчитывалось по 2—2,5 тыс., а к концу войны десятки и сотни тысяч.

По сравнению с войнами второй половины XIX в. в армиях в 6—8 раз увеличилось количество артиллерии и улучшилось ее качество. Так, во франко-прусской войне германская армия

¹ Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М., Воениздат, 1946, с. 187.

² См.: Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф. Первая мировая война 1914—1918 гг. М., Воениздат, 1964, с. 45.

³ См.: Зайончковский А. Мировая война 1914—1918 гг., т. I. М., Воениздат, 1938, с. 21.

⁴ См.: Левицкий Н. А. Русско-японская война 1904—1905 гг. М., Воениздат, 1938, с. 335.

имела 1720 орудий, а к началу первой мировой войны — 9388. В русской армии находилось 7903 орудия, во французской — 4648, в австро-венгерской — 4088¹. В ходе войны их количество значительно возросло.

Участие в войне невиданных прежде по численности и вооружению армий изменило характер сражений. Военные действия сразу начались на огромных по протяженности фронтах.

На Западно-Европейском театре войны на фронте свыше 450 км Германия развернула семь армий (96 дивизий) против такого же количества армий союзников, имевших 97 дивизий. На Восточно-Европейском театре военных действий на фронте около 600 км Германия и Австро-Венгрия развернули пять армий (64 дивизии) против шести русских армий в составе 72 дивизий. В качестве стратегической инстанции управления войсками появляются фронты и группы армий.

После непродолжительных маневренных действий, в ходе которых стороны пытались применять обходы и охваты, растягивая фланги своих армий, к осени 1914 г. на Западно-Европейском, а позже и на Восточно-Европейском театре войны установился сплошной позиционный фронт. Флангов больше не стало, и единственным средством преодоления позиционного фронта сделался прорыв.

Образование сплошного позиционного фронта, растянувшегося на тысячи километров, не было случайностью, результатом ошибочных действий командования или сознательного стратегического замысла. Оно возникло закономерно в силу целого ряда объективных причин и исторических условий.

Миллионные вооруженные силы позволяли развертывать многочисленные дивизии и полки на сплошном фронте от моря и до моря. Возросшая мощь боевой техники и особенно невиданная ранее мощь огня вынуждали человека искать укрытие в земле. Сначала он использовал ее естественные свойства, затем отрывал небольшой одиночный окоп и, наконец, глубокие сплошные по фронту траншеи с убежищами и ходами сообщения. Оборудованные таким образом позиции с применением пулеметов, количество которых в полках к концу 1914 г. увеличилось с 6—8 до 24, магазинных винтовок и скорострельных орудий повышали живучесть и сопротивляемость обороны. Зарывшись в землю и прикрывшись проволочными заграждениями, пехота стала малоуязвимой для существовавших в то время средств поражения.

В связи с неправильным определением возможного характера будущей войны противники оказались неподготовленными к ней ни экономически, ни технически, ни теоретически. В сражениях маневренного периода их силы и средства были

¹ См.: *Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914—1918 гг. М., Воениздат, 1964, с. 23.

истощены, и с переходом к позиционной обороне на сплошном фронте ни одна из сторон не была способной к ее преодолению.

М. В. Фрунзе, касаясь причин появления позиционности, указывал: «Позиционность создавалась на почве бессилия столкнувшихся друг с другом сторон найти решение прямым массовым ударом. С другой стороны, объективные условия в лице ограниченной территории и богатейшей техники позволяли каждой стороне, отказавшись от скорого решения, перейти к обороне на неподвижных позициях. Результатом этих двух моментов и была позиционная тактика с характеризующей ее неподвижностью и устойчивостью линии фронта»¹.

Установление сплошного позиционного фронта на театрах войны потребовало коренных изменений в формах и способах наступления как в оперативно-стратегическом, так и в тактическом масштабе. Со всей остротой встала проблема прорыва позиционной обороны противника. Над ее разрешением и работала военная мысль по существу вплоть до конца первой мировой войны.

Таким образом, образование сплошного позиционного фронта и необходимость применения прорыва как единственно возможного способа его преодоления обуславливались определенными объективными предпосылками, вытекавшими из уровня развития экономики, увеличения численности армий, количественного и качественного состояния их вооружения и технического оснащения.

2. ПОИСКИ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПРОРЫВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С установлением на Западно-Европейском театре войны сплошного позиционного фронта предпринимались неоднократные попытки его преодоления методами, применявшимися при наступлении на «неукрепленную оборону» в маневренных условиях. Эти попытки обходились очень дорого, но не приводили к успеху. Однако опыт не прошел бесследно. Он позволил извлечь ряд уроков и внести определенные изменения в формы и способы наступления.

Прежде всего руководители армий западных государств пришли к выводу, что преодолеть позиционную оборону можно лишь путем сильного удара на одном узком участке фронта, сосредоточив на нем превосходящие силы и средства, особенно артиллерию. При этом исходили из предположения, что фронт обороны — это натянутая струна. Прорыв его в одном месте приведет к скручиванию (подобно лопнувшей струне)

¹ Фрунзе М. В. Избр. произв. М., Воениздат, 1950, с. 189.

обороны к флангам, и атакующие войска получают свободу для движения в глубину, что вынудит противника к отводу своих сил на других участках.

Так, главнокомандующий французской армией Жоффр писал, что когда «фронт всюду установился, встал вопрос о прорыве, чтобы затем использовать до максимума последствия такого прорыва... не ввиду той или иной частной цели..., а для того, чтобы прорыв мог иметь для противника самые серьезные последствия, в частности, заставил его отвести свой фронт на максимальное расстояние»¹.

Такой взгляд на возможности прорыва не учитывал важные изменения, происшедшие в позиционной обороне. В начале 1915 г. германская оборона в связи с интенсивным насыщением ее пулеметным огнем начинает расти в глубину без ослабления силы огня с переднего края. В обороне создаются и достаточно сильные оперативные резервы, способные благодаря густой сети железных и шоссейных дорог быстро прибыть к опасному участку фронта и восстановить его целостность.

Из-за ограниченных возможностей артиллерии, особенно тяжелой, по разрушению оборонительных позиций противника первоначально ширина участка прорыва была в пределах 7—10 км. Например, французы весной 1915 г. предприняли прорыв в Шампани на фронте 7 км, в Вевре — 10 км, в Артуа — 10 км. Плотность артиллерии на этих участках составляла до 70 орудий на 1 км. Артиллерийская подготовка длилась около 6 суток. Атака пехоты осуществлялась густыми цепями, пополняемыми за счет резервов из глубины.

Опыт этих наступательных операций показал несостоятельность избранного метода прорыва. Несмотря на огромные потери (около 250 тыс. человек), наступающему удавалось вклиниться в оборону противника лишь на глубину 3—4 км. Прорыв же обороны не достигался.

Основными причинами неуспеха являлись:

— неспособность артиллерии надежно подавить огневые средства обороны из-за небольшой плотности, недостаточной дальности действительного огня, слабой мощности снарядов и отсутствия опыта применения крупных масс артиллерии;

— узкий фронт прорыва и пассивность на других участках, что позволяло обороняющемуся простреливать участок насквозь артиллерией с флангов и быстро наращивать усилия путем ввода свежих сил из глубины и маневра войсками с неатакованных участков;

— отсутствие внезапности из-за многодневной артиллерийской подготовки; противник безошибочно определял участок

¹. Жоффр. 1914—1915. Подготовка войны и ведение операций. М., 1923, с. 24—25.

предполагаемого прорыва и заблаговременно подводил к нему силы, достаточные для парирования удара.

Учтя опыт операций первой половины 1915 г., англо-французское командование к осени этого года внесло некоторые изменения в формы и способы осуществления прорыва. Прежде всего прорыв стал проводиться на более широком фронте. Плотность артиллерии повысилась до 70—100 орудий и минометов на 1 км, причем до 40% из них составляли тяжелые орудия. В целях непрерывного наращивания силы удара атакующий эшелон состоял из нескольких волн, т. е. ряда густых цепей, следующих одна за другой на расстоянии 75—100 шагов, подобно волнам на воде. Длительность артиллерийской подготовки по-прежнему была 6 суток.

Однако проведенные и на этих основах операции не достигли успеха. Причины были в основном те же, что и в весеннем наступлении. За время длительной артиллерийской подготовки противник успевал подвести свои резервы, расположить их за зоной огня и встретить наступающие цепи организованным огнем боеспособных войск.

Немецкое командование в кампании 1915 г. для создания бреши в обороне противника в районе Ипра впервые применило хлор. Английские войска понесли тяжелые потери: 10-километровый участок прорыва оказался свободным от войск. Заняв без единого выстрела позиции англичан, немцы не смогли, да и не были готовы развить успех, и созданная брешь вскоре была закрыта резервами¹.

На восточном фронте немцы внесли в организацию прорыва некоторые новшества. В частности, участок прорыва в районе Горлицы был расширен до 35 км, артиллерийская подготовка сокращена до 9 часов. Превосходство немцев в силах и средствах над русскими войсками достигало: по пехоте — в два раза, по артиллерии и минометам — в семь раз, а по тяжелой артиллерии — в сорок раз. Русские войска испытывали острый недостаток в боеприпасах (на орудие выделялось по 1—2 выстрела в день), а их оборона была слабо укреплена.

Несмотря на целый ряд благоприятных условий, прорыв проходил очень трудно. Из-за упорного сопротивления русских войск, наносивших густым цепям немцев большие потери, непрерывная атака не получалась. Артподготовку пришлось проводить несколько раз. За первый день немецкие корпуса продвинулись всего на 2—5 км. В последующие дни фронтальное вытеснение русских не позволяло повысить темпы наступления. Только на четвертый день сопротивление русских дивизий было сломлено и немцам удалось осуществ-

¹ См.: *Верховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914—1918 гг. М., Воениздат, 1964, с. 134.

вить прорыв. Но он мог и не произойти, если бы командование Юго-Западного фронта, для которого оборонявшиеся дивизии выиграли целых четыре дня, сумело подвести к участку прорыва достаточные резервы.

Горлицкая операция не привела к достижению целей намеченных германским командованием. Э. Людендорф в своих воспоминаниях писал: «Фронтальное оттеснение русских в Галиции, как оно ни было для них чувствительно, не имело решающего значения для войны. К тому же при этих фронтальных боях наши потери являлись немаловажными»¹.

Таким образом, кампания 1915 г., несмотря на совершенный немцами прорыв, успех которого в основном определялся беспечностью русского командования, низкой обеспеченностью боеприпасами русских войск и слабостью их обороны, не только не разрешила проблему прорыва, но и не наметила эффективных путей преодоления укрепленного позиционного фронта. Их поиски продолжались в последующие годы.

В кампании 1916 г. наибольший интерес с этой точки зрения представляют операции немцев под Верденом, англо-французов на реке Сомме и русского Юго-Западного фронта.

В Верденской операции объектом для удара по французским силам был избран Верден, ради которого, по расчетам германского командования, Франция «будет вынуждена пожертвовать последним человеком»².

Следует заметить, что выбранный германским командованием пункт нанесения удара не имел никаких тактических выгод, а его оперативно-стратегическая перспективность была сомнительной. Прикрываемый Верденом участок являлся наиболее сильным на французском фронте, ибо здесь было достигнуто сочетание полевой и долговременной фортификации — фортов. Верден представлял собой укрепленный район, вписанный в общую систему обороны.

Для осуществления прорыва германское командование избрало участок шириной 15 км, на котором сосредоточило три армейских корпуса. Они поддерживались огнем 900 орудий, из них 60% были тяжелые. Корпус, наступавший на главном направлении, получил полосу 2,5 км. Здесь плотность артиллерии достигала 110 орудий на 1 км, из них 50 тяжелых. Два других корпуса имели по 50—60 орудий на 1 км фронта. В основу наступления закладывалась идея последовательных ударов в соответствии с возможностями артиллерийской подготовки.

21 февраля после мощной 9-часовой артиллерийской подготовки немецкая пехота перешла в атаку. Разрушенная огнем

¹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг., т. 1. М., 1923, с. 118—119.

² Фалькенгайн. Верховное командование. М., 1923, с. 200—201.

первая позиция была занята довольно быстро и без больших потерь. Но методический способ наступления, по которому перед второй позицией предусматривалась остановка атакующих войск для проведения новой артиллерийской подготовки, не позволил использовать первоначальный успех. Только на четвертый день немецким войскам удалось овладеть второй позицией. Однако к участку прорыва французы, используя автомобильный транспорт, уже подвели не только ближайшие резервы, но и корпуса из своих оперативных резервов.

Борьба под Верденом приняла затяжной и изнуряющий характер. Общее продвижение германских войск за 6,5 месяца составило около 10 км¹. Даже в первые, наиболее успешные дни наступления, темп прорыва не превышал 0,5—1 км в день. К концу операции потери немцев составили до 600 тыс. чел., французов — 350 тыс. чел.²

Верденская операция показала, что прорыв обороны противника путем методически последовательного прогрызания каждой из ее позиций вслед за продолжительной артиллерийской подготовкой не приводит к достижению успеха. Здесь еще раз подтвердился вывод, что при изолированном прорыве на узком участке фронта обороняющийся сохраняет полную свободу для маневра резервами и способен быстро наращивать усилия и локализовать прорыв. Вместе с тем в этой операции проявились некоторые новые элементы. Впервые широкое применение получили легкие пулеметы, гранатометы, огнеметы. Значительно возросла плотность артиллерии, в том числе тяжелой. Создаются штурмовые группы. С помощью автомобильного транспорта к участку прорыва подводятся оперативные резервы.

В операции на реке Сомме (июль—ноябрь 1916 г.) союзники, учтя опыт предшествующих сражений, решили осуществить прорыв обороны на более широком, чем прежде, фронте. Участок прорыва здесь достигал 40 км. На нем были сосредоточены крупные силы и средства (37 дивизий, около 3,5 тыс. орудий и минометов) и создано трехкратное превосходство над противником.

Решающая роль в прорыве, как и в операции немцев под Верденом, отводилась артиллерии. Она должна была последовательно разрушать позиции противника и обеспечивать занятие их пехотой. Такие методы действий были отчетливо изложены в Инструкции французского главного командования от 20 апреля 1916 г., которая гласила: «Опыт показал, где разрушение артиллерией было действительным, там наступление пехоты было успешным и стоило небольших потерь в людях; там же, где разрушение было произведено лишь ча-

¹ См.: *Вержховский Д. В., Ляхов В. Ф.* Первая мировая война 1914—1918 гг. М., Воениздат, 1964, с. 162.

² См.: Там же, с. 163.

стично, наступление пехоты немедленно останавливалось, а последующие ее усилия, несмотря на количество сил, не представляют собой ничего, кроме неуспеха и сильных потерь. Другими словами, атака неразрушенных позиций недоступна.

Мера подготовки артиллерией в общем определяет собой меру возможностей для пехоты. Эта подготовка должна тот час же снова начинаться, лишь только пехота остановлена в своем движении. Глубина обстреливаемого артиллерией пространства определяет рубеж, который может быть назначен пехоте для захвата. Он отнюдь не велик: 2, 3, 4 км¹.

Таким образом, действия пехоты всецело ставились в зависимость от действий артиллерии. Ввиду этого наступление принимало формы методического прогрызания обороны противника с такими низкими темпами, что обороняющийся успевал подводить резервы и создавать в тылу новые линии сопротивления.

Когда 1 июля после 7-дневной артиллерийской подготовки союзники перешли в атаку, они продвинулись только на глубину 2—4 км, т. е. овладели первой позицией. Но германское командование уже успело подтянуть резервы и укрепить оборону. В последующие дни наступление продолжалось по ранее выработанной схеме. Однако сопротивление противника усиливалось. Темп продвижения исчислялся сотнями метров. К концу операции союзники, потеряв около 800 тыс. человек, смогли оттеснить войска противника лишь на 10 км. Прорыв обороны достигнут не был.

В операции на Сомме впервые 15 сентября 1916 г. англичане применили танки. Они обладали низкими тактико-техническими данными, ввиду чего из имевшихся 49 танков смогли принять участие в бою только 18. Несмотря на малочисленность и техническое несовершенство, танки оказались перспективным средством борьбы и получили дальнейшее развитие в ходе войны.

Важный вклад в решение проблемы прорыва позиционной обороны внесла операция русского Юго-Западного фронта. Здесь впервые была применена совершенно новая форма оперативного прорыва — одновременный удар на ряде участков в полосе 470 км.

Командование Юго-Западного фронта, тщательно проанализировав опыт прорыва в предшествующих операциях, пришло к выводу, что одной из важнейших причин его неудач явилось нанесение удара на одном направлении при пассивности на остальном фронте. В результате этого противник воздушной разведкой безошибочно определял участок прорыва и, обладая свободой маневра, перебрасывал к нему свои

¹ Вольпе А. Фронтальный удар. М., Госвоениздат, 1931, с. 89.

резервы, войска, снятые с других участков, и парировал прорыв.

Во избежание такого неблагоприятного развития событий, писал впоследствии А. А. Брусилов в своих воспоминаниях, «не в одной, а во всех армиях... фронта подготовить по одному ударному участку, а кроме того, в некоторых корпусах выбрать каждому свой ударный участок...»¹. В этом случае противник будет «лишен возможности стягивать к одному месту все свои силы и не может знать, где будет ему наноситься главный удар»².

Ширина участка прорыва армии в указаниях Брусилова по подготовке операции устанавливалась «не менее 15—20 верст, дабы средние атакующие части не могли простреливаться с флангов»³. Наивыгоднейшей шириной фронта прорыва при наличии достаточных сил признавался участок в 30 верст, а наименее допустимой при недостатке войск — до 10 верст. При фронте атаки 15 верст требовалось «вести ее одновременно двумя корпусами, усиленными по возможности каждый еще бригадой»⁴.

Всего в полосе наступления фронта одновременно наносились четыре армейских удара (из них один главный) и несколько ударов корпусного масштаба. Противник был скован на широком фронте, лишен возможности снимать войска с других участков, а усилия его резервов расплывались.

Успеху прорыва способствовали также скрытность и тщательность его подготовки. Система обороны противника была вскрыта путем аэрофотосъемки. Артиллерия на участках прорыва использовалась централизованно по группам, каждая из которых предназначалась для решения определенных задач (проделывание проходов в заграждениях, разрушение позиций, борьба с артиллерией противника)⁵. Огонь артиллерии велся по конкретным целям. Для непосредственного сопровождения пехоты на поле боя впервые в ходе войны выделялись батареи легкой артиллерии, наблюдатели от которых находились «при командирах батальонов передовых линий, дабы помощь артиллерии подавалась своевременно»⁶.

Продолжительность артиллерийской подготовки атаки была сокращена до нескольких часов. В методы ее проведения также были внесены новые элементы, способствовавшие достижению тактической внезапности. Поддержка атаки планировалась огнем валом, причем с переходом пехоты в атаку предусматривалось переносить огонь артиллерии в глубину

¹ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., Воениздат, 1946, с. 189.

² Там же, с. 189.

³ Там же, с. 257.

⁴ Там же.

⁵ См.: Развитие тактики русской армии. М., Воениздат, 1957, с. 302.

⁶ Мирровая война 1914—1918 гг. Луцкий прорыв. ВВРС, 1924, с. 197.

«настолько постепенно и незаметно, чтобы наша пехота и противник не почувствовал этого сразу»¹.

4 июня 1916 г. войска Юго-Западного фронта перешли в наступление, которое оказалось внезапным для противника как в оперативно-стратегическом, так и в тактическом масштабе. Сильная позиционная оборона противника была прорвана, австро-германские войска понесли тяжелые потери (около 1,5 млн. чел.), русские войска продвинулись на глубину 80—120 км.

Таким образом, примененные русским Юго-Западным фронтом новые формы и методы прорыва позволили достигнуть крупных оперативных результатов. Среди всех опробованных до сих пор форм и способов прорыва одновременный удар на нескольких направлениях при массировании сил и средств на избранных участках и тесном взаимодействии всех родов войск оказался наиболее эффективным.

В кампании 1917 г. поиски путей решения проблемы прорыва позиционного фронта наиболее отчетливо проявились в операциях союзников на р. Эне, у Мальмезона и у Камбрэ.

В операции на р. Эне весной 1917 г. англо-французское командование рассчитывало нанести решительное поражение германским армиям. Поэтому ее план был составлен с большим размахом. К участию в операции привлекалось более 100 дивизий и 11 тыс. орудий. В полосе около 250 км предусматривалось нанести четыре удара, из них один главный, в чем сказывалось влияние опыта русского Юго-Западного фронта. На главном направлении прорыв было решено осуществить на участке 40 км, где в первом эшелоне сосредоточивалось две армии, 5580 орудий, 500 самолетов и 132 танка. Еще две армии и кавалерийский корпус выделялись для развития успеха. Средняя плотность артиллерии достигала 140 орудий на 1 км участка прорыва. Продолжительность артиллерийской подготовки устанавливалась 9 дней.

Учитывая неудачный опыт прорывов в кампании 1916 г., французское командование отказалось от методизма, как неоправдавшего себя на практике. «Опыт доказал, — говорилось в Инструкции главнокомандующего французской армией генерала Нивеля от 16 декабря 1916 г., — что этот способ действий, обеспечивая определенные результаты, не приводил к использованию в полной мере всех сил, пущенных в дело, и часто ограничивал возможность использования уже достигнутых результатов. Он всегда давал противнику время оправляться и организовывать по мере нашего продвижения новые оборонительные линии. Чтобы преодолеть отрицательные стороны методизма, нужно... отказаться от назначения конечных пунктов, дальше которых пехота не могла бы двигаться. Пе-

¹ Кирей А. Артиллерия атаки и обороны. М., ГВИЗ, 1936, с. 69.

хоте должно быть возвращено право инициативы и смелости. В борьбе внутри укрепленной полосы противника пехота своими средствами должна овладеть теми пунктами, которые еще остались в руках противника»¹. Наряду с отказом от методизма в построение боевых порядков и в методы ведения наступления были внесены некоторые новые элементы. Артиллерийская поддержка атаки планировалась огневым валом.

Французское командование было уверено в успехе и не обращало внимания на достижение внезапности. При подготовке операции, как отмечал генерал Эрр, «тайна атаки никем не сохранялась. Пресса говорила о ней открыто, и она обсуждалась во всех общественных местах. Из приказа, попавшего в руки германцев., они узнали точно день и час атаки»².

7 апреля началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась 9 дней. Было израсходовано свыше 3 млн. снарядов. Но результаты артиллерийской подготовки оказались неудовлетворительными. Немцы, будучи осведомленными о замыслах французского командования, предприняли ряд контрмер. Они отвели пехоту из обстреливаемой французской артиллерией зоны, создали прочную, эшелонированную до 15 км в глубину обороны и подготовили по всему фронту заградительный огонь своей артиллерии. Перейдя 16 апреля в атаку, французские войска при поддержке огневого вала овладели первой позицией. Но в дальнейшем успеха не имели. Взаимодействие пехоты с артиллерией нарушилось. Непрерывно прибывавшие к участку прорыва немецкие дивизии (в первый день 6, а за время операции до 22 дивизий) уравнивали силы. Оборону прорвать не удалось, и грандиозно задуманная операция провалилась.

Одной из важнейших причин неуспеха было отсутствие внезапности, грубое пренебрежение элементарным принципом военного искусства. «Это лучшее оружие всех великих полководцев истории, — писал Лиддел Гарт, — было в загоне и покрывалось ржавчиной с весны 1915 г.»³. Неудача прорыва обуславливалась также недостаточным сковыванием германских резервов и неумением правильно организовать общевойсковой бой на основе тесного и непрерывного взаимодействия всех участвующих в нем сил и средств.

Операция у Мальмезона, проведенная французским командованием в конце октября, хотя и преследовала ограниченные цели, но представляет интерес тем, что в ней была достигнута наивысшая за всю войну плотность артиллерии — 188 орудий и минометов (из них 50% тяжелых) на 1 км участка прорыва

¹ Цит. по кн.: *Вольпе А.* Фронтальный удар, М., Госвоениздат, 1931, с. 115.

² Эрр. Артиллерия в прошлом, настоящем и будущем. М., Воениздат, 1941, с. 76.

³ Гарт Л. Правда о войне 1914—1918 гг. М., Госвоениздат, 1935, с. 271.

шириной 10 км. Артиллерийская подготовка продолжалась 6 суток, в ходе нее было израсходовано 8 боевых комплектов снарядов. Дивизии наступали в полосе шириной 1—2 км, имея впереди танки. Широко применялась авиация. Хотя поставленная задача была выполнена, мальмезонский выступ срезан, однако результаты операции далеко не соответствовали израсходованным средствам. Продвижение составило всего 6 км на фронте 12 км.

Ход и ограниченные результаты операции еще раз показали, что сражение, всецело построенное только на использовании мощи артиллерийского огня, не может привести к быстрому прорыву и развитию его на большую глубину.

Операция у Камбре характерна тем, что здесь впервые в большом количестве были применены танки. На участке прорыва 12 км англичане сосредоточили 476 танков, из них 378 боевых, более 1000 орудий и столько же самолетов. В плане операции достаточно четко были определены два этапа — прорыв обороны и развитие успеха на глубину до 25 км. Для действий на каждом из них определялась соответствующая группировка войск. Осуществление прорыва возлагалось на пехотные корпуса, усиленные танками, а его развитие — на кавалерийский корпус.

Особое внимание англичане уделили достижению внезапности. Благодаря хорошо проведенной оперативной маскировке они скрытно сосредоточили в намеченном районе сильную ударную группировку. Кроме того, надеясь на силу массированного удара танков, они отказались от артиллерийской подготовки и решили начать артиллерийское обеспечение сразу с поддержки атаки огнем валом.

Утром 20 ноября английские танки и пехота внезапно атаковали германские войска и за 10 часов продвинулись на глубину 8—10 км. Оборона противника, по существу, была прорвана. Англичане добились в первый день такого результата, которого им не удавалось достигнуть в предшествующих операциях. Однако развить успех в глубину они не сумели. Кавалерийский корпус, предназначенный для этой цели, не смог преодолеть изрытое траншеями и воронками и покрытое обрывками колючей проволоки поле боя, а обеспечение ввода его в прорыв не было достаточно продумано и подготовлено. Немцы быстро подтянули к участку прорыва резервы и остановили наступление.

Операция у Камбре подтвердила эффективность массированного применения танков и показала возможность прорыва позиционного фронта. Вместе с тем она со всей остротой поставила проблему развития тактического прорыва в оперативный, без решения которой нельзя рассчитывать на успех операции в целом.

Кампания 1918 г. проходила в условиях, когда обе стороны в поисках решения проблемы прорыва позиционной обороны накопили большой боевой опыт и могли в крупных масштабах использовать все имевшиеся в их распоряжении средства вооруженной борьбы.

В первой половине кампании были осуществлены три больших наступления германской армии, во второй — наступление армий Антанты, закончившееся поражением Германии. В операциях была доказана возможность прорыва позиционной обороны, причем эта проблема каждой из сторон решалась различными путями и средствами. Если в операциях англо-французских войск главная ставка была сделана на танки, то немцы, не имея танков, в основу осуществления прорыва положили взаимодействие пехоты, артиллерии и авиации.

Германское командование и на заключительном этапе войны руководствовалось своей прежней идеей о прорыве фронта на одном отдельном участке. Но ширина участка прорыва была увеличена до 70—80 км. Осуществление прорыва и его развитие представлялись в виде прямолинейного продвижения значительно превосходящих сил в глубину до образования бреши с одновременным расширением прорыва в стороны флангов.

Эта идея отчетливо была изложена Людендорфом. Он писал: «Путем сосредоточения подавляющих сил обрушиться на меньшие силы обороны, разгромить их и прорвать фронт. Затем обрушиться всей атакующей массой на резервы противника в то время, когда они еще рассеяны. Цель — все время увеличивать мешок, который образован во фронте противника. Добраться в какой-нибудь точке так глубоко в тыл противника, чтобы фронт его был расколот и чтобы оба крыла бреши все время отодвигались в стороны. Затем эти крылья надо охватить, и тогда атака из прорыва переходит к маневру»¹.

Проведение этой концепции в жизнь требовало колоссального превосходства наступающего и предполагало недостаток резервов противника или крайне низкую их маневренность. Но германское командование не могло создать на длительное время такого превосходства, а резервы Антанты обладали большей, чем у германской армии, подвижностью. При наступлении на одном, хотя и широком участке, при общей протяженности фронта 760—820 км удару подвергалось от 1/6 до 1/10 части сил обороняющихся войск, и противник имел возможность в ходе операции осуществлять контрманевр и не допускать развития прорыва в глубину и в стороны флангов, что и подтвердил в дальнейшем опыт проведенных операций.

¹ Цит. по кн.: *Смирнов П. С. Прорыв укрепленной полосы. М., Воениздат, 1941, с. 112.*

В тактике немецкая военная мысль продвинулась дальше. В связи с привлечением к участию в операциях больших масс артиллерии (от 6 до 9 тыс. орудий) была детально разработана система ее боевого применения. Артиллерия делилась на группы, которые, находясь в подчинении дивизии, корпуса и армии, выполняли определенные задачи в соответствии со своими возможностями (борьба с пехотой, артиллерией, обстрел дальних целей). Для непосредственного сопровождения пехоты в бою выделялись батареи легкой артиллерии. Были разработаны методы подготовки данных на полной топографической основе, что позволяло полностью отказаться от пристрелки. Продолжительность артиллерийской подготовки была сокращена до 2—5 часов. Поддержка атаки осуществлялась двойным огневым валом до исчерпания всей дальнбойности легкой и средней артиллерии, т. е. на глубину до 10 км. Огневой вал продвигался скачками в 100—200 м каждые 4 или 6 минут. Командирам батальонов предоставлялось право требовать ракетами ускорения огневого вала ¹.

Наряду с артиллерийской организовывалась авиационная поддержка. Авиация, действуя отрядами от 6 до 20 самолетов, наносила удары главным образом по артиллерии и узлам сопротивления. Часть бомбардировочной авиации применялась, кроме того, для поражения резервов и тыловых объектов. Истребительная авиация обеспечивала господство в воздухе.

Изменился и боевой порядок пехоты. Вместо волн цепей вводится групповой боевой порядок. Этому способствовало увеличение в батальонах числа ручных пулеметов, малокалиберных (37—47-мм) пушек и минометов. В результате пехота получила большую самостоятельность и способность собственными средствами решать определенные боевые задачи.

Значительное внимание уделялось достижению внезапности. В этих целях осуществлялись тщательная маскировка войск и контроль ее с воздуха. Подготовка исходного района велась на широком фронте под видом обороны. Сосредоточение всех сил и средств к участку прорыва производилось только накануне атаки и в несколько очередей с соблюдением всех мер скрытности ².

Проведенные немцами на этих принципах в марте—июне наступательные операции обеспечили им крупный тактический успех. Например, при наступлении в Пикардии в марте 1918 г. германские войска за три дня полностью преодолели всю так-

¹ См.: Брухмюллер Г. Германская артиллерия во время прорывов в мировой войне. М., ВВРС, 1923, с. 74.

² См.: Базаревский А. Кампания 1918 г. во Франции и Бельгии, т. 1. М., Госиздат, 1927, с. 143.

тическую зону обороны, а к концу операции за 14 дней продвинулись на глубину до 65 км¹. В операции на р. Эне 27 мая за день боя они углубились в расположение французов на 20 км.

Однако недостатки в организации прорыва в оперативно-стратегическом масштабе и отсутствие подвижных войск не позволили превратить тактический прорыв в оперативный, а затем в стратегический. Не имея ни танков, ни крупных масс кавалерии, германские армии не могли упредить выдвижения оперативных резервов противника и их объединения с сражающимися войсками. Силы союзников на других участках фронта не были скованы. Подвоз резервов производился беспрепятственно. Французы сначала локализовали прорыв, а затем и стабилизировали фронт на всем угрожаемом участке.

В середине июля началось последнее крупное наступление германских войск на р. Марна. Оно не было внезапным. Французы, установив точно время и место удара, провели артиллерийскую контрподготовку, а свои войска отвели на вторую позицию. Четырехчасовая артподготовка немцев была проведена по пустому месту, и уже на второй день наступления стало ясно, что оно провалилось.

Значительных тактических успехов при прорыве позиционной обороны в 1918 г. добивались и войска Антанты. При этом в отличие от германской армии в операциях союзников участвовали крупные силы танков (в Амьенской операции — 500, в Шампани — 790, у Сен-Кантен — Камбрэ — 1100). Плотность танков на участке прорыва доходила до 20—30 на 1 км фронта. Танки придавались дивизиям и бригадам и действовали в тесном взаимодействии с пехотой.

Большое внимание уделялось достижению оперативной и тактической внезапности. Наступление готовилось скрытно и начиналось, как правило, без артиллерийской подготовки внезапной атакой танков, поддерживаемой огнем валом артиллерии и авиацией. Огневой вал велся только на глубину первой позиции, чтобы дать танкам и пехоте относительную свободу действий. В дальнейшем поддержка наступления осуществлялась приданной дивизиям легкой артиллерией, сосредоточенным огнем тяжелой артиллерии и авиацией.

В ходе операций союзникам удавалось в первый день продвинуться обычно на глубину до 10, а иногда и до 15 км. В последующем темпы снижались до 3—4 км в сутки, и операции ограничивались, как правило, небольшой глубиной. Главной причиной этого являлась неспособность развить тактический успех в оперативный.

¹ См.: *Таленский Н. А.* Первая мировая война 1914—1918 г. М., Госполитиздат, 1944, с. 100.

Следует также отметить, что союзники при проведении крупных наступательных операций осуществляли прорыв не на одном, как это делали немцы, а на ряде участков. Например, в сентябре 1918 г. они нанесли семь ударов на фронте 420 км. Операции, проводимые с ограниченными целями (ликвидация германских выступов), осуществлялись обычно силами двух армий, наносивших удары на фронте 18—25 км по сходящимся направлениям. При этом операции следовали через короткие промежутки времени, что приводило к истощению германских резервов.

Таким образом, в результате четырехлетних исканий обеими сторонами были найдены пути прорыва позиционной обороны. Однако проблема развития тактического успеха в оперативный ни в коей мере не была решена, хотя поиски ее решения велись почти в течение всей войны.

Опыт первой мировой войны убедительно показал, что теория должна упреждать войну и прокладывать путь практике. Это может быть осуществлено при глубоком научном обобщении практики как военного, так и мирного времени для создания научной теории. Отсутствие теории прорыва накануне первой мировой войны поставило командование и войска в крайне трудное положение. Приходилось выработать приемы и способы прорыва в ходе самой войны, что повлекло за собой тяжелые жертвы и потребовало длительного времени.

В поисках решения проблемы прорыва позиционного фронта в оперативном масштабе определились три наиболее типичные формы прорыва:

- прорыв на одном узком участке фронта (до 30 км);
- прорыв на относительно широком сплошном фронте (от 30 до 80 км);
- одновременный прорыв на нескольких участках. Наиболее эффективным оказался прорыв одновременно на нескольких направлениях при условии достижения внезапности.

В организации прорыва резко возросла роль оперативных инстанций — армии и особенно фронта (группы армий). Именно для них оказалось возможным на избранных участках прорыва сосредоточивать крупные массы пехоты, артиллерии, авиации, а в некоторых операциях союзников — и танков. Многократное превосходство наступающего над обороняющимся, прежде всего в огневом ударе, становится главной предпосылкой взлома обороны и ее прорыва. Но сила удара, как показал опыт войны, должна сочетаться с внезапностью, достижение которой являлось одним из важнейших условий успеха прорыва.

3. ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

«...Гражданская война, — по определению В. И. Ленина, — есть наиболее острая форма классово-войсковой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого класса»¹.

Классовая непримиримость противоборствующих сторон в гражданской войне, организованность и сплоченность революционного рабочего класса, который сумел повести за собой крестьянство, явились главной причиной особой целеустремленности войск Красной Армии, величайшей маневренности и подвижности проводимых ими операций, яркого стремления «искать решения» путем энергичных наступательных операций².

Высокая маневренность операций гражданской войны зависела также от несоответствия численности армий сторон и обширности территории, на которой развернулись военные действия. Фронт в составе 50—150 тыс. человек наступал в полосе 400—1000 км и более³.

При большой протяженности фронтов, относительно слабо насыщенных войсками и техникой, отсутствии сколько-нибудь развитой системы фортификационных сооружений войска Красной Армии смело наносили глубокие удары на отдельных направлениях, широко применяли обходы, охваты и другие формы маневра. Весьма искусно использовалось отсутствие сплошного фронта, быстро переносились усилия с одного участка на другой, совершались глубокие рейды конницы в тыл врага.

Наряду с операциями, носившими ярко выраженный маневренный характер, войска Красной Армии в годы гражданской войны успешно применяли и прорыв обороны противника путем нанесения фронтальных ударов с последующим вводом в образовавшиеся бреши кавалерийских соединений и объединений. Такой характер действий имел место при разгроме армий Деникина, помещичье-буржуазной Польши и Врангеля.

В контр наступлении Южного фронта осенью 1919 г. оборона войск Деникина представляла собой линию окопов, за которой в основном в населенных пунктах оборудовались небольшие опорные пункты.

Для прорыва такой обороны требовалось прежде всего сосредоточение превосходящих сил и средств на избранных уча-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 215.

² См.: Фрунзе М. В. Избр. произв. М., Воениздат, 1950, с. 184.

³ См.: История войн и военного искусства. М.; Воениздат, 1970, с. 77, 79, 85.

стках для нанесения сильного удара с самого начала операции. Это и нашло отражение в решении командования Красной Армии. Для нанесения мощных первоначальных ударов на орловском и воронежском направлениях были созданы две сильные группировки войск.

Главком С. С. Каменев приказал командованию Южного фронта ударную группу на воронежском направлении «развернуть северо-западнее линии Кромы—Дмитровск на фронте не более 20 верст. Общее направление удара на Курскую жел. дорогу между Малоархангельском и Фатежом»¹. В целях повышения мощи удара он дал указание всем войскам, находившимся в районе развертывания ударной группы, «оставаться на своих направлениях, отнюдь не сменяться частями ударной группы и принять участие в ударе совместно с ней»².

Командующий Южным фронтом А. И. Егоров, учитывая характер обороны противника, также принял необходимые меры к нанесению решительных ударов сосредоточенными силами. «Категорически требую от командиров и начальника ударной группы при выполнении поставленных задач, — писал он, — не продвижения линиями, а нанесения сосредоточенными силами фланговых ударов главным силам противника, действующим на важнейших направлениях»³.

Таким образом, в указаниях главкома и командующего Южным фронтом отчетливо выражалась идея действий ударными группировками на избранных направлениях с тем, чтобы обеспечить быстрый прорыв обороны противника и разгром белогвардейских войск Деникина.

Наиболее характерно черты прорыва обороны проявились в операциях 14-й армии. Ее наступлению предшествовали три недели напряженных боев, в результате которых Орел и Кромы были освобождены, а дивизии Добровольческой армии перешли к поспешной обороне.

Для прорыва был избран участок шириной 10 км, на котором сосредоточивались две стрелковые бригады при поддержке 32 орудий⁴. В целях достижения внезапности было решено атаку провести перед рассветом, а артиллерийское обеспечение начать с артиллерийской поддержки. Для развития прорыва выделялась конная группа под командованием В. М. Примакова.

Перейдя в атаку 3 ноября 1919 г., стрелковые бригады прорвали передний край противника и, отразив его контратаки, к 13 часам продвинулись на 3—4 км в глубину. В это время в прорыв была введена конная группа. Она разгромила под-

¹ Егоров А. И. Разгром Деникина в 1919 г. М., Воениздат, 1931, с. 227.

² Там же.

³ Там же, с. 228.

⁴ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 7. М.-Л., Воениздат, 1963, с. 430—431.

ходящие резервы противника, смело двинулась в его тыл, нарушила связь и вызвала панику, что привело к быстрому развитию операции в глубину. Уже 5 ноября был взят г. Фатеж¹, расположенный в 60 км за линией фронта.

На воронежском направлении прорыву обороны противника также предшествовали ожесточенные бои, в результате которых Конный корпус Буденного разбил две дивизии конного корпуса Шкуро, и противник перешел к обороне по р. Воронеж.

Участок прорыва был избран шириной 22 км. На нем наступали 12-я стрелковая и 6-я кавалерийская дивизии. 4-я кавалерийская дивизия должна была совершить глубокий маневр и нанести удар по Воронежу с северо-запада. Для взлома обороны на участке прорыва сосредоточивалось 62 орудия².

24 октября после артиллерийской подготовки части Конного корпуса Буденного и 12-й стрелковой дивизии форсировали реку, прорвали тактическую оборону противника и стали продвигаться к Воронежу. Важную роль в завершении прорыва и овладении г. Воронеж сыграл маневр 4-й кавалерийской дивизии, которая, выйдя к северо-западной окраине города, нанесла неожиданный удар, что заставило противника отойти за р. Дон. Войскам Красной Армии удалось захватить плацдарм на западном берегу реки и с него осуществить прорыв вновь созданного противником рубежа обороны. Это привело по сути дела к образованию оперативного прорыва и позволило перейти к маневренным действиям.

В наступлении войск Южного фронта в октябре—ноябре 1919 г. наряду с тактическим прорывом и развитием его в оперативный проявилось стремление создать и стратегический прорыв путем объединения армейских прорывов во фронтовой.

Еще при планировании операции командование Южного фронта предусматривало после разгрома противника в районе Орла и Воронежа образование общего фронта прорыва и через него развитие наступления в глубину. «По плану командюжа, — писал в своих воспоминаниях А. И. Егоров, — дальнейший выход Буденного намечался на Курское направление (через Касторное), а впоследствии должен был быть произведен поворот на юг для отделения одной части белых от другой, что в сущности и составляло основное содержание замысла фронта»³.

С некоторой задержкой этот замысел нашел воплощение в боевых действиях. Решающая роль в его выполнении принадлежала 1-й Конной армии, созданной в ноябре 1919 г. на

¹ См.: История гражданской войны в СССР, т. 4. М., Госполитиздат, 1959, с. 277.

² См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 7. М.-Л., Воениздат, 1963, с. 439.

³ Егоров А. И. Разгром Деникина в 1919 г. М., Воениздат, 1931, с. 186.

базе Конного корпуса Буденного. В ее состав вошли три кавалерийские дивизии, стрелковая бригада, бронепоезд, сильная конная артиллерия. Армии придавались самолеты и бронепоезда. Это было качественно новое оперативное объединение, предназначенное для решения важнейших оперативно-стратегических задач на главном направлении.

С овладением дивизиями 1-й Конной армии Кастирной и Суковнино войска Южного фронта соединились, образовав широкую брешь в обороне противника, который начал отход. 1-я Конная армия, совершив поворот на юг, перешла в преследование. Развивая наступление вдоль железной дороги Елец—Валуйки с темпом 20—30 км в сутки, она 25 ноября заняла Новый Оскол, проникнув в глубину обороны противника почти на 100 км.

Стремительность наступления, прочное удержание инициативы войсками Красной Армии изменили характер борьбы с резервами противника. Если в ходе первой мировой войны борьба с резервами носила позиционный характер, т. е. велась на ограниченном пространстве по фронту и особенно глубине, путем отражения их контратак или постепенного овладения занимаемыми ими позициями, то 1-я Конная армия применяла упреждающие удары, широкий маневр с выходом на фланги и в тыл группировкам противника, что способствовало быстрому их разгрому.

Использование кавалерийских соединений в качестве групп развития успеха имело место и на других направлениях. Так, на Юго-Восточном фронте с этой целью применялся Конный корпус Б. К. Думенко, а в 9-й армии — кавалерийская дивизия имени М. Т. Блинова. Они также достигли крупных оперативных результатов.

Таким образом, в контрнаступлении Красной Армии осенью 1919 г. была успешно решена задача не только прорыва обороны противника, но и развития тактического успеха в оперативный и стратегический путем ввода в сражение конных групп, отдельных кавалерийских соединений и 1-й Конной армии. Опыт их применения был использован в последующем и послужил базой для выработки новых взглядов на способы ведения операций.

Летом 1920 г. прорыв обороны противника применялся войсками Юго-Западного и Западного фронтов при разгроме вторгшихся в пределы Советской Республики армий буржуазно-помещичьей Польши.

В операции Юго-Западного фронта, начавшейся в конце мая 1920 г., в полосе 420 км наносилось четыре удара. На главном направлении на фронте до 20 км действовала 1-я Конная армия. Другие оперативные объединения наступали на вспомогательных направлениях и имели более широкие полосы (12-я армия — 170 км, 14-я армия — 120 км, фастовская

группа — 110 км), но основные усилия сосредоточивали на узких участках.

Характер осуществления прорыва наиболее отчетливо можно проследить на действиях 1-й Конной армии. Ей предстояло прорвать полевую оборону противника, построенную по системе батальонных узлов сопротивления, с хорошо развитой системой инженерных сооружений¹. Глубина обороны достигала 10—12 км.

Для прорыва был избран участок шириной 12 км, на котором сосредоточивалось 18 тыс. штыков и сабель и 48 орудий, что позволило создать трехкратное превосходство над противником в живой силе и четырехкратное в артиллерии².

Оперативное построение армии было глубоким. В первом эшелоне находились три кавалерийские дивизии (4, 11 и 14-я), во втором — одна и в резерве — особый кавалерийский полк. При этом 4-я кавалерийская дивизия частью сил должна была действовать в пешем строю, а частью развивать прорыв в конном строю. 14-я кавалерийская дивизия уступом справа, а 11-я — уступом слева наносили удар в конном строю по слабым местам в обороне противника.

В полосе 4-й кавалерийской дивизии создавалась сильная артиллерийская группа обеспечения прорыва, в которую вошла и артиллерия дивизии второго эшелона армии. Для непосредственной поддержки вместо танков использовались броневики бронепоезда³.

Глубина задачи 1-й Конной армии определялась с учетом возможности не только осуществления прорыва обороны в короткие сроки, но и создания условий для стремительного продвижения войск в глубину. В первый день армия должна была овладеть рубежом на удалении 25—30 км от переднего края⁴. На такой глубине для нее открывалось несколько направлений действий, а противнику затруднялось закрытие созданной бреши. В последующем намечался захват в ходе рейда городов Казатин и Бердичев, т. е. глубокое рассечение всех белопольских войск на Украине с последующим разгромом наиболее сильной киевской группировки.

Тактический прорыв был осуществлен в первый день операции решительными действиями спешенных эскадронов 4-й кавалерийской дивизии при поддержке броневиков и артиллерии, которая перемещалась побатарейно и поорудийно вслед за атакующими подразделениями. Этому способствовала также внезапность удара в слабо прикрытый стык противника.

¹ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 7. М.-Л., Воениздат, 1963, с. 545.

² См.: Там же, с. 546.

³ См.: Буденный С. М. Пройденный путь. М., Воениздат, 1958, с. 106.

⁴ См.: Там же, с. 99.

Хотя дивизии первого эшелона и не смогли полностью выполнить поставленные им на день задачи, однако фронт противника был прорван на глубину до 20—25 км, что позволило выйти на оперативный простор.

Введение противника в заблуждение относительно направления и времени удара 1-й Конной армии и стремительные действия последней привели к тому, что противник с большим опозданием подвел оперативные резервы к участку прорыва. Решительный удар 1-й Конной армии на Житомир, где находилась главная квартира командующего Украинской группой польских армий, выход в глубокий тыл киевской группировки поколебали всю польскую оборону на Украине. «Паника, — писал Ю. Пилсудский, — вспыхнула в местностях, расположенных даже на расстоянии сотен километров от фронта, а иногда даже в высших штабах и переходила все глубже и глубже в тыл. Стала давать трещины даже работа государственных органов»¹.

Таким образом, действия 1-й Конной армии представляли собой сочетание прорыва тактической обороны противника в пешем строю на узком участке и незамедлительное развитие его кавалерийскими дивизиями в конном строю, что обеспечило уже в первый день выход на оперативный простор.

В июльской операции Западный фронт в составе четырех армий, Мозырской группы и конного корпуса имел полосу наступления около 600 км. В этой полосе одновременно наносилось пять ударов (по одному в каждой армии и в оперативной группе). Главные усилия фронта сосредоточивались на правом крыле в полосе шириной 160 км, где создавалась группировка в составе трех армий, 3-го конного корпуса и до 500 орудий из 694 имевшихся во фронте².

Оборонительная полоса белополяков состояла из узлов сопротивления, находившихся в 1—1,5 км один от другого. Оборудованы они были окопами в две линии, перед которыми проходило проволочное заграждение.

Главный удар во фронтовой операции наносила 15-я армия в составе пяти дивизий общей численностью около 26 тыс. человек. Полоса наступления составляла 35 км. Это позволяло создать довольно высокие по тому времени плотности войск — одна дивизия на 7 км, или 740 штыков и сабель на 1 км³.

Для взлома обороны белополяков предусматривалось проведение артиллерийской подготовки продолжительностью 30—60 минут. Вместе с пехотой должны были наступать три трофейных танка.

4 июля дивизии 15-й армии после артиллерийской подготовки перешли в атаку. Особенно успешно действовала 33-я

¹ Пилсудский Ю. 1920 год. «Военный вестник», 1926, № 10, с. 46.

² См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 7. М.-Л., 1963, с. 555.

³ В период разгрома Деникина на дивизию приходилось до 70 км.

стрелковая дивизия с тремя трофейными танками. К 12 часам она прорвала оборонительную полосу противника, а к исходу дня проникла на глубину 20 км¹.

Успешно наступали и войска соседней справа 4-й армии. Интересным здесь было то, что в образованную ее дивизиями брешь был введен 3-й Конный корпус². Наступая уступом вперед по отношению к главным силам армии, он все время угрожал охватом и окружением 1-й польской армии, чем способствовал развитию преследования в широкой полосе.

Успешно начатое наступление Западного фронта вскоре переросло в стремительное преследование с темпом до 20 км в сутки. Однако войска Красной Армии, быстро продвигаясь вперед, оторвались от тылов и не получали пополнений и боеприпасов. Соотношение сил изменилось в пользу противника. К тому же вопреки принятому стратегическому плану главные силы Западного и Юго-Западного фронтов развивали наступление не по сходящимся, а по расходящимся направлениям. Противник, используя нарушение взаимодействия между фронтами, усталость войск и оторванность их тылов, перешел в середине августа в контр наступление. Наши войска были вынуждены с тяжелыми боями отступать.

Опыт прорыва подготовленной обороны польских милитаристов нашел дальнейшее развитие в Перекопско-Чонгарской операции Южного фронта, проведенной под руководством М. В. Фрунзе.

Оперативные условия для удержания Крыма у Врангеля были довольно хорошие: полуостров соединялся с Северной Таврией двумя узкими перешейками — Перекопским и Чонгарским. Их инженерное оборудование началось в апреле 1920 г. и продолжалось более 7 месяцев.

По оценке М. В. Фрунзе, «Перекопский и Чонгарский перешейки и соединяющий их южный берег Сиваша представляли собой одну общую сеть заблаговременно возведенных укрепленных позиций, усиленных естественными и искусственными препятствиями и заграждениями... В сооружении их принимали участие как русские, так... и французские военные инженеры, использовавшие при постройках весь опыт империалистической войны. Бетонированные орудийные заграждения в несколько рядов, фланкирующие постройки и окопы, расположенные в тесной огневой связи, — все это в одной общей системе создало укрепленную полосу, недоступную, казалось бы, для атаки открытой силой»³.

¹ См.: История гражданской войны в СССР, т. 5. М., Госполитиздат, 1960, т. 138.

² См.: *Мариевский И. П.* Советско-польская война. М., ВАФ, 1941, с. 76.

³ *Фрунзе М. В.* Избр. произв. М., Воениздат, 1950, с. 228.

К началу операции Южный фронт имел в своем составе 4, 6 и 13-ю армии, 1-ю и 2-ю Конные армии. Ширина полбсы наступления составляла до 200 км, из них доступная для действий войск — около 30 км.

Подготовка операции проводилась в очень короткие сроки. Главный удар М. В. Фрунзе решил нанести силами 6-й армии через Перекопский перешеек и Литовский полуостров с форсированием Сиваша на фронте около 15 км. Два вспомогательных удара предусматривались в полосе 4-й армии — через Чонгарский перешеек (3,5 км) и по Арабатской стрелке шириной до 3 км. Таким образом, фронт наносил одновременно три удара, что позволяло на всех доступных для действий войск участках сковать силы противника, оборонявшие первую полосу, задержать использование оперативного резерва противника, а также исключить его применение по меньшей мере на двух направлениях. Это повышало вероятность прорыва войск на Крымский полуостров.

Оперативное построение фронта было в два эшелона. Кроме того, создавался эшелон развития успеха в составе 1-й Конной армии. 6-я армия, наступавшая на направлении главного удара, также имела группу развития успеха в составе 2-й Конной армии, которая передавалась в оперативное подчинение командующего 6-й армией. Следовательно, эшелон развития успеха (подвижная группа) к концу гражданской войны становится уже сложившимся элементом оперативного построения, предназначенным для развития удара в глубину и осуществления преследования.

Построение боевых порядков соединений и частей было преимущественно глубоким. Так, боевой порядок 51-й стрелковой дивизии имел три эшелона. Бригады и полки строили боевой порядок в два и даже в три эшелона. Впереди батальонов первого эшелона действовали штурмовые волны в целях создания проходов и расчистки заграждений противника. Глубокое построение боевых порядков обеспечивало непрерывное наращивание силы удара при очень высокой степени сопротивления противника.

При сходстве боевых порядков войск Южного фронта с боевыми порядками дивизий в операциях первой мировой войны было и одно существенное отличие — волны шли в атаку не одновременно, а вводились в бой или для новой атаки, или для развития успеха там, где он наметился. Кавалерийский эшелон предназначался для ведения тактического преследования и создания условий для ввода в бой 2-й Конной армии.

Артиллерия Южного фронта к началу разгрома Врангеля в Северной Таврии имела 527 орудий и превосходила артиллерию противника более чем в два раза. Однако к моменту начала борьбы непосредственно за Крым во взломе обороны противника смогло принять участие немногим более 150 ору-

дий¹. Массирование артиллерии достигалось путем передачи ее дивизиям, выполнявшим наиболее трудные задачи. Так, 51-й стрелковой дивизии, которой предстояло прорвать наиболее прочные укрепления в полосе 6-й армии (на Перекопском перешейке), передавалось 36 орудий 15-й и 52-й стрелковых дивизий, что позволило иметь в ее полосе 55 орудий. Вся артиллерия 4-й армии была передана 30-й стрелковой дивизии. «Создание мощной по тому времени артиллерийской группы под единым командованием в интересах выполнения армейской операции являлось новым шагом вперед в развитии искусства боевого применения советской артиллерии»².

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 4 часа, поддержка атаки — путем переноса огня в глубину по наиболее важным целям непосредственно перед наступающей пехотой.

Прорыв обороны противника начался 8 ноября 1920 г. Войска 15, 52 и 51-й дивизий, переправившись через Сиваш, к 10 часам утра обошли перекопские позиции и двинулись к Юшуньским укреплениям. На Перекопском перешейке в первый день успех был ограниченным. Лишь ночным штурмом удалось прорвать Турецкий вал и взять Перекоп.

Белогвардейцы отошли на Юшуньские позиции, находившиеся в 20—25 км от Турецкого вала. Попытка прорыва их 9 ноября с ходу не удалась, и 10 ноября снова завязались тяжелые бои. На помощь стрелковым дивизиям в сражение была введена одна кавалерийская дивизия 2-й Конной армии, что позволило отбросить противника к югу.

10 ноября 51-я стрелковая дивизия овладела двумя линиями Юшуньских укреплений и подошла к третьей. На следующий день Врангель бросил в контратаку остатки двух корпусов. Создалась критическая обстановка. В это время М. В. Фрунзе ввел в сражение главные силы 2-й Конной армии. Искусным маневром у озера Красное, благодаря которому удалось ударить по коннице противника сразу 150 пулеметами, 2-я Конная армия разгромила противника и совместно со стрелковыми дивизиями завершила прорыв Юшуньских позиций³ — второй полосы вражеской обороны. Это позволило начать стремительное развитие наступления на Симферополь.

В Перекопско-Чонгарской операции еще раз проявилась огромная роль подвижных войск в реализации тактического прорыва и развитии его в оперативный, что привело к быстрым и крупным оперативным и стратегическим результатам.

¹ См.: История гражданской войны в СССР, т. 5. М., Госполитиздат, 1960, с. 205.

² История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 7. М.-Л., Воениздат, 1963, с. 613.

³ См.: Душенов В. В. Вторая конная. М., Воениздат, 1968, с. 195—196.

Таким образом, в ходе гражданской войны войска Красной Армии сделали дальнейший шаг в решении проблемы прорыва обороны противника, и особенно в области развития тактического успеха в оперативный и стратегический.

Прорыв обороны в оперативном масштабе осуществлялся не на одном изолированном участке, а одновременно на нескольких направлениях путем нанесения ряда взаимно согласованных ударов. Каждая армия осуществляла прорыв на самостоятельном участке, сосредоточивая основные силы и средства на направлении главного удара.

Опыт гражданской войны подтвердил необходимость глубокого построения войск при прорыве, достижения внезапности удара, сосредоточения мощного огня для взламывания вражеской обороны на участке прорыва, обеспечения непрерывной огневой поддержки атакующих войск, стремительного развития прорыва подвижными группами армий и фронта.

В решении проблемы развития тактического прорыва в оперативный и стратегический Красная Армия начала с того, на чем остановились армии буржуазных государств в годы первой мировой войны. Эта задача выполнялась путем создания и своевременного использования армейских и фронтовых групп развития успеха, которые явились прообразом подвижных групп периода Великой Отечественной войны. Применением впервые созданных в военной истории конных армий для развития оперативно-тактического прорыва в стратегический, нанесения мощных ударов по вражеским тылам и разгрома его оперативных резервов были заложены основы глубокой наступательной операции.

Опыт гражданской и первой мировой войн послужил серьезной базой для советской военной науки при разработке теории наступления в годы, предшествовавшие второй мировой войне.

4. РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ ПРОРЫВА В СОВЕТСКОМ ВОЕННОМ ИСКУССТВЕ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Коммунистическая партия и Советское правительство на основе глубокой оценки сложившейся обстановки после гражданской войны сделали вывод, что завоеванный мир есть лишь передышка, ибо империалистические государства в любой момент могут предпринять нашествие на нашу страну в целях уничтожения первого в мире социалистического государства. 12 января 1921 г. Центральный Комитет РКП(б) направил циркулярное письмо всем партийным организациям. В нем указывалось, «что армия должна быть сохранена, что ее боеспособность должна быть повышена. Это решение не может

остаться фразой. День, когда мы ослабим наши силы, явится днем начала нового наступления на нас. Мы совершим страшное преступление против революции, если забудем об этом»¹.

Указание Центрального Комитета относилось, безусловно, и к военно-теоретическому фронту Красной Армии.

Сложность развития советского военного искусства в начале 20-х годов состояла в том, что совсем недавно закончились две крупные войны — первая мировая и гражданская, в которых участвовали многие военные деятели и теоретики Красной Армии. Старые военные специалисты предлагали в основу развития советского военного искусства, и в частности прорыва, положить опыт первой мировой войны. Они считали, что военные действия в гражданской войне в лучшем случае являются сколком с маневренного периода империалистической войны². Более того, поскольку боевые действия велись в своеобразных политических, экономических и военных условиях, которые не повторятся в войнах с промышленно развитыми государствами, в искусстве их ведения не отразилось коренное направление мирового военного искусства. Отсюда и опыт гражданской войны изучать не следует. На таких позициях стоял А. А. Свечин и некоторые другие профессора Военной академии РККА.

Молодые командные кадры, выросшие в годы гражданской войны, наоборот, в первое время после ее окончания относились к опыту Красной Армии с «непомерно благочестивым тредетом»³, стремились даже создать свою особую военную красную идеологию и пролетарскую военную науку. В. И. Ленин был вынужден предостеречь таких товарищей от увлечений. В беседе с М. В. Фрунзе он сказал: «Вы (коммунисты военные) здесь неправы. С точки зрения перспектив ваш подход, конечно, правильный. Разумеется, вы должны готовиться к задаче полного овладения военным делом и соответствующую работу вести. Пожалуйста, учитесь, выдвигайте молодые силы, но ежели вы сейчас станете выступать с теорией пролетарского искусства, то впадете в опасное комчванство. Мне кажется, что наши военные коммунисты недостаточно зрелы для того, чтобы претендовать на руководство всем военным делом»⁴.

Замечания В. И. Ленина позволили советским военным деятелям и теоретикам найти правильное отношение к опыту двух последних войн. Из каждой бралось все то, что в наибольшей мере способствовало решению проблем военного искусства в новых условиях. М. В. Фрунзе, говоря о будущей

¹ КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза. М., Воениздат, 1969, с. 148.

² См.: «Военный вестник», 1922, № 4, с. 9.

³ «Красные зори», 1924, № 4, с. 9.

⁴ Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 3. М., 1929, с. 150.

войне, писал, что в ней не исключаются позиционные методы борьбы¹. А это ставит задачу прорыва позиционного фронта и затем его развития в глубину.

М. Н. Тухачевский, проанализировав опыт первой мировой войны и боев с белополяками, а также состояние армий различных стран в 20-е годы, пришел к выводу, что при современных широких фронтах невозможно уничтожить армию противника одним ударом. Этого можно достичь рядом последовательных операций, в которых непрерывно должно предусматриваться сосредоточение больших войсковых группировок на решающих направлениях, дополняемых действиями нескольких группировок на других направлениях².

Глубокое теоретическое обоснование размаха, форм и способов ведения наступательных операций в конце 20-х годов дал В. К. Триандафиллов в труде «Характер операций современных армий». Он считал, что «первый удар должен задеть не менее 1/2, минимум 1/3 неприятельских сил, занимающих данный фронт». Стратегическая группировка войск должна обеспечить нанесение двух или одного мощного удара на значительную глубину и несколько вспомогательных, чтобы образованные бреши потребовали для своего закрытия от одной трети до половины всех сил противника³. Практически такого количества сил обороняющийся не мог тогда иметь в резерве, даже с учетом снятия их с неатакованных участков. Поэтому Триандафиллов предполагал, что прорыв на нескольких направлениях создаст необходимые условия для развития операции в глубину.

Для достижения стратегических целей в войне считалось необходимым проведение нескольких фронтовых операций. Глубина их ставилась в зависимость от возможности восстановления железных дорог и подвоза материальных средств войскам гужевым транспортом. Она могла быть в пределах 150—200 км. Наиболее благоприятной глубиной стратегической операции В. К. Триандафиллов считал 350—400 км⁴.

Участок прорыва рекомендовалось выбирать в слабом или не занятом войсками месте обороны в целях быстреего выхода в тыл и окружения определенной группировки противника. Считалось, что для обеспечения успешного наступления в условиях маневренной войны достаточно иметь на 1 км участка прорыва около семи батарей и по две батареи на батарею противника, или в среднем 36—40 орудий. В условиях позиционной войны в зависимости от силы укреплений плотность артиллерии требовалось иметь до 40—60 орудий на 1 км

¹ Фрунзе М. В. Собр. соч., т. 3. М., 1929, с. 467.

² См.: Тухачевский М. Н. Поход за Вислу. М., 1923, с. 25—26.

³ См.: Триандафиллов В. К. Характер операций современных армий. М., 1932, с. 115.

⁴ См.: Там же, с. 151.

фронта. «Общее число батарей на 1 км фронта противника, включая противобатарейные, — писал М. Н. Тухачевский, — нормально должно быть около 10—15 батарей»¹.

Продолжительность артиллерийской подготовки определялась от 3 до 5 часов².

Основным методом артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков было последовательное сосредоточение огня³. При прорыве позиционной обороны мог применяться огневой вал⁴.

Прорыв полосы обороны рекомендовалось проводить безостановочно на всю ее глубину. Но это не исключало и остановок в целях дополнительного подавления противника на новом рубеже и восстановления нарушенного взаимодействия.

Прорыв тактической обороны мог начинаться из положения тесного соприкосновения с противником или с подхода к нему⁵. В последнем случае атаке предшествовало преодоление полосы охранения передовыми батальонами, под прикрытием которых полки занимали исходное положение на таком удалении, чтобы можно было перейти в атаку сразу после окончания артиллерийской подготовки⁶. Если исходное положение выбиралось на значительном удалении от переднего края противника, то назначался рубеж атаки, выдвижение на который осуществлялось в период артиллерийской подготовки.

Первыми на передний край противника должны были врываться танки, за ними — пехота. «Первый эшелон, — указывалось в Полевом уставе, — ведет непрерывные атаки, пока не захватит артиллерию противника и не опрокинет его резервы»⁷.

Вторые эшелоны должны были продвигаться за первыми эшелонами, не ожидая указаний от вышестоящего командира, и самостоятельно вступать в бой для развития успеха⁸. Прорыв оборонительной полосы считался законченным, когда наступающие войска выходили в район артиллерийских позиций и резервов противника (10—12 км)⁹.

При наличии у противника тыловой оборонительной полосы подавлять ее предусматривалось артиллерией и авиацией в период боя за первую полосу, а также при подходе к ней. Для ее атаки из вторых эшелонов ударных групп выделялись

¹ Тухачевский М. Н. Избр. произв., т. I. М., Воениздат, 1964, с. 208.

² См.: Полевой устав РККА (1929). М.-Л., 1929, ст. 231.

³ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 8. М.-Л., 1963, с. 141.

⁴ См.: Капустин Н. Оперативное искусство в позиционной войне. М.-Л., 1927, с. 87.

⁵ См.: Полевой устав РККА (1929). М.-Л., 1929, ст. 171.

⁶ См.: Там же, ст. 217, 219.

⁷ Там же, ст. 224.

⁸ См.: Там же, ст. 225.

⁹ См.: Там же, ст. 190.

стрелковые батальоны и специальный эшелон танков (при их наличии). Успех атаки развивался главными силами дивизий.

После прорыва полосы обороны противника или тогда, когда стрелковые соединения были близки к этому, вводилась в бой конница для быстрого выхода (прорыва) в непосредственный тыл противника или глубоких рейдов и охватов флангов. Цель рейдов заключалась в разрушении тылов армии противника и срыве оперативных перевозок¹.

Таким образом, в 20-е годы в формах операции нашел отражение опыт первой мировой и гражданской войн. Что касается способов оперативного и тактического прорывов, то здесь большее влияние оказал опыт первой мировой войны, особенно Юго-Западного фронта. Нанесение в операции нескольких дробящих фронт противника ударов отвечало возможностям Красной Армии того времени и взглядам на характер обороны вероятного противника.

В начале 30-х годов советским военным искусством была разработана теория глубокой операции, в которой проблемы прорыва и его развития решались принципиально по-новому.

Анализ опыта первой мировой и гражданской войн, тенденций в развитии вооружения и способов боевых действий, а также начало широкой моторизации Красной Армии на базе выполнения первого пятилетнего плана привели советских военных теоретиков к следующим выводам:

— в войне будущего сплошной стратегический фронт обороны неизбежен и его придется прорывать; только после этого возможны широкие маневренные действия;

— для создания бреши в обороне противника необходимо надежное ее подавление мощными огневыми средствами одновременно на всю тактическую глубину;

— атакующий эшелон должен быть таким, чтобы он, используя эффект подавления противника огнем, мог в высоком темпе вести наступление, уничтожая при поддержке артиллерии и авиации все средства ружейно-пулеметного и противотанкового огня противника; такую силу атакующему эшелону могут придать только танки; поэтому ими в достаточной степени должны быть насыщены боевые порядки войск первого эшелона;

— в оперативном построении объединений нужно иметь готовым к действию такой эшелон, который был бы способен быстро развивать прорыв на большую глубину и тем самым превращать тактический успех в оперативно-стратегический;

— глубокое развитие операция может получить лишь тогда, когда участок прорыва будет надежно изолирован от притока резервов или их подход будет существенно задержан, что позволит громить их на неподготовленных рубежах, во

¹ См.: Верховский А. Общая тактика. М., 1927, с. 24, 310, 311.

встречных боях и сражениях за пределами созданной бреши в обороне противника¹.

Эти важные теоретические выводы, а также принятый Реввоенсоветом СССР план строительства военно-воздушных сил и мотомехчастей как ближайшей перспективы коренного перевооружения войск Красной Армии легли в основу разработки теории глубокой наступательной операции.

Идея о необходимости сокрушительного и быстрого удара в глубину в 1929—1930 гг. высказывалась также М. Н. Тухачевским, К. Б. Калининским и другими военачальниками и военными теоретиками.

Свое официальное выражение теория глубокой операции впервые нашла в тезисах доклада начальника штаба РККА А. И. Егорова Реввоенсовету СССР по вопросу о новых оперативно-тактических проблемах, возникших в связи с технической реконструкцией Красной Армии. Тезисы были разработаны Штабом РККА летом 1932 г. и легли в основу инструкции «Временные указания по организации глубокого боя», вышедшей в свет в феврале 1933 г.

Современная операция, говорилось в тезисах, будет складываться из боевых действий, протекающих на большом пространстве как по фронту, так и в глубину.

Прорыв глубокой обороны рассматривался как трудная задача. Центральным вопросом в организации операции на решающем направлении считалось правильное сочетание удара с фронта с ударами по глубине оперативного расположения противника. Это сочетание ударов должно было привести к возможно быстрому взлому фронта противника, окружению и уничтожению его войск, занимающих остальные участки фронта. Воздействие авиации определялось на глубину 600—800 км².

Характер осуществления оперативного прорыва определялся следующим образом.

С нарушением системы обороны противника (при вклинении пехоты в его расположение на 6—10 км) вперед должны были выбрасываться:

а) мотомехчасти (мехкорпуса, бригады) в сочетании с авиацией и воздушными десантами для атаки наиболее глубоких объектов (станций снабжения, тыловых рубежей и т. д.), армейских резервов, аэродромов тяжелой авиации и т. д. Глу-

¹ См.: Триандафиллов В. Наметки плана переработки труда «Характер операции современных армий». Военно-исторический журнал, 1968, № 3, с. 112—114; Егоров А. И. Тезисы доклада.— В кн.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., Воениздат, 1965, с. 374—384; Иссерсон Г. Лекции по глубокой тактике. М., ВАФ, 1933.

² См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., Воениздат, 1965, с. 378—380.

бина их проникновения в первые сутки — до 80—100 км. Мехчасти при движении в глубокий тыл противника к указанному объекту уничтожают подходящие резервы, отходящие части и обозы;

б) конница при поддержке авиации атакует менее глубокие резервы и аэродромы легкой авиации противника, уничтожает его отходящие тылы. Глубина проникновения в первые сутки — до 50—60 км;

в) моточасти направляются для уничтожения подходящих к району прорыва или перебрасываемых в него резервов для действий по тылам неатакуемого участка в целях расширения прорыва. Тяжелая и легкая бомбардировочная авиация, чтобы воспрепятствовать подвозу резервов из глубины страны, атакует железнодорожные узлы (разрушает их) на магистралях, выводящих в район прорыва. Глубина воздействия — до 400 км.

Дальнейшая атака производится одновременно с фронта и тыла до полного тактического окружения противника¹.

В приведенной выдержке из тезисов доклада А. И. Егорова красной нитью выражены идеи: воздействие ударами авиации, огнем артиллерии и воздушными десантами на всю оперативную глубину; активная борьба с резервами противника, выдвигающимися для закрытия образованной в обороне бреши; быстрое развитие прорыва из тактического в оперативный путем продвижения мехчастей, мотопехоты и кавалерии в глубину и в стороны открывшихся флангов.

Теоретическое обоснование наиболее важных вопросов глубокой операции нашло отражение в трудах Г. Иссерсона «Эволюция оперативного искусства» и Н. Варфоломеева «Ударная армия». Фронт прорыва для ударной группы армии считалось целесообразным иметь 30—40 км, а для вспомогательной — 20—40 км², т. е. таким, чтобы он не простреливался насквозь огнем артиллерии противника с флангов. Для этого в составе ударной армии рекомендовалось иметь примерно 4—5 корпусов и обязательно «эшелон развития оперативного прорыва, имеющий своим назначением продление и развитие удара на глубину оперативного расположения противника, который... по составу своих сил и средств должен обладать подвижностью, превышающей подвижность эшелона тактического прорыва, и большей ударно-огневой силой»³.

Темпы наступления считалось необходимыми иметь такими, чтобы они превышали темпы отхода противника, т. е. не менее 20—25 км в сутки для пехоты и 40—50 км для подвижных войск.

¹ См.: Вопросы стратегии и оперативного искусства в советских военных трудах (1917—1940 гг.). М., Воениздат, 1965, с. 381.

² См.: Варфоломеев Н. Ударная армия. М., 1933, с. 181—182.

³ Там же, с. 174.

Стрелковые корпуса первого эшелона в первый день наступления должны были прорвать оборону на глубину 15—20 км, т. е. прорвать тактическую оборону противника¹.

Плотности артиллерии оставались примерно такими же, как и в 20-е годы, — 30—50 орудий на 1 км при продолжительности артиллерийской подготовки до одного часа².

Плотность танков должна составлять один танковый батальон, или 45 танков на 1 км³. Предполагалось, что при таком техническом насыщении боевых порядков дивизия сможет наступать на позиционную оборону глубиной до 6 км в полосе до 3 км, а корпус — в полосе до 6 км. При меньшей глубине обороны и насыщенности ее огневыми средствами полосы наступления могли быть шире: дивизии — до 4—5 км, корпуса — 10—12 км⁴.

Для подавления артиллерии противника, его командных пунктов и резервов считалось необходимым иметь в полосе корпуса и в его подчинении до 20 тяжелых батарей, 9 штурмовых отрядов (3 эскадрильи) авиации, 2 батальона тяжелых танков дальнего действия (ДД) и по одному свежему батальону на каждый километр фронта наступления⁵.

Наконец, для парализования ближайшего тыла на фронте 6—10 км предлагалось выделять 4 тяжелые батареи, 1—3 штурмовые эскадрильи, авиадесантный отряд в составе 1—2 усиленных батальонов.

Всего корпус, наступавший на фронте 10 км и наносивший главный удар на участке 6 км, должен был иметь около 300 орудий, 300 танков и до 90 самолетов⁶.

Таким образом, в середине 30-х годов в Красной Армии сложилась довольно обоснованная теория оперативного прорыва. Проверка ее положений проходила на ряде крупных учений. Они показали, что эшелонирование танков снижает силу первого удара и позволяет противнику последовательно вести борьбу с каждым эшелоном танков. Очень сложным оказалось и взаимодействие танков с артиллерией. Сопроводив танки дальнего действия в глубину, артиллерия должна была вернуть огонь назад для поддержки пехоты и танков непосредственной поддержки пехоты (НПП). Вскрылась и проблематичность прорыва танковых групп дальнего действия в глубину, ибо без поддержки пехоты танки ДД могли быть истреблены уже в ближайшей глубине.

Определявшиеся теорией темпы наступления и задачи оперативным эшелонам обеспечивали развитие тактического про-

¹ См.: Варфоломеев Н. Ударная армия. М., 1933, с. 183, 184.

² См.: Иссерсон Г. Лекция по глубокой тактике. М., ВАФ, 1933, с. 41.

³ См.: Там же, с. 42—43.

⁴ См.: Там же, с. 40.

⁵ См.: Там же, с. 44, 45.

⁶ См.: Там же, с. 49.

рыва в оперативный и борьбу с глубокими резервами. Однако выдержать их при все возрастающей устойчивости обороны, насыщении ее тяжелыми огневыми сооружениями и танками было трудно.

Ряд вскрытых на учениях недостатков теории глубокого боя и операции был учтен при разработке Временного Полевого устава РККА (1936 г.). Согласно его положениям прорыв мог осуществляться в условиях подхода к оборонительной полосе с марша и с рубежа непосредственного соприкосновения с противником. Ширина фронта наступления ударной группы усиленной стрелковой дивизии определялась 3—3,5 км, а общая ширина полосы могла быть в два раза большей¹. Удары артиллерией и авиацией должны были наноситься по всей оборонительной полосе.

Плотность артиллерии считалась достаточной в пределах 30—35 орудий на 1 км фронта атаки при артиллерийской подготовке продолжительностью до 1,5 часа. При недостатке танков она могла продолжаться до 3 часов².

Боевой устав артиллерии 1937 г. ставил продолжительность артиллерийской подготовки в зависимость от плотности артиллерии. При плотности 30—40 орудий на 1 км она могла быть 3 часа, при плотности 60—80 орудий — 1 час при условии, если проходы в проволочных заграждениях проделываются танками³.

Временный Полевой устав РККА вместо трех танковых эшелонов оставлял только два — дальнего действия (ТДД) и поддержки пехоты (ТПП). Однако танки ДД по-прежнему выбрасывались вперед до общей атаки стрелковых войск. Это вело к разъединению усилий атакующих эшелонов и затрудняло организацию взаимодействия артиллерии с танками и пехотой, ибо только по окончании сопровождения танков ДД артиллерия вновь переключалась на поддержку своей пехоты с танками ПП⁴.

Разъединялись во время атаки и усилия танков поддержки пехоты, а также пехоты, поскольку для последней сигналом для броска в атаку являлся обычно выход танков поддержки пехоты на передний край противника⁵. Задержка атаки пехоты после переноса огня артиллерии в глубину вела не к уменьшению, а к увеличению ее потерь. Даже небольшое количество автоматического оружия, оставшегося на позициях после прохождения танками переднего края противника, могло причинить ей много вреда при движении в атаку.

¹ См.: Временный Полевой устав РККА ПУ-36. М., Воениздат, 1937, ст. 175.

² См.: Там же, ст. 187.

³ См.: Боевой устав артиллерии, ч. 2. М., Воениздат, 1937, ст. 147.

⁴ См.: Временный Полевой устав РККА ПУ-36. М., 1937, ст. 188.

⁵ См.: Там же, ст. 196.

Во Временном Полевом уставе РККА более четко, чем в инструкции по глубокому бою, был определен порядок ввода в прорыв механизированных и кавалерийских соединений. Однако обеспечение ввода возлагалось на наступающие дивизии и корпуса¹, хотя ввод подвижных соединений был актом оперативным и организация его должна была осуществляться командующими армиями.

Разработка советским военным искусством в 30-е годы теории прорыва и его развития на всю глубину операции намного опережала взгляды по этим вопросам в иностранных армиях, где также в эти годы шли поиски новых форм операций и осуществления прорыва в них. Многие буржуазные теоретики, опасаясь вооружения народных масс, ратовали за создание малых, полностью механизированных армий. Это Фуллер (Англия), Сект (Германия), Митчел (США), Дуэ (Италия) и др. Но официальные положения по военному искусству исходили в основном из опыта первой мировой войны, и разработанные способы прорыва мало чем отличались от тех, которые применялись в 1916—1918 гг.

Значительный интерес в 30-х годах вызвала книга Эймансбергера «Танковая война»². Она вышла два года спустя после публикации работ по теории глубокой операции в СССР. Хотя автор ее — австрийский генерал, книгу он написал для Германии, где к власти уже пришел фашизм. Издана она была в Мюнхене.

Оперативно-тактические взгляды Эймансбергера были в некоторых моментах сходны с теоретическими положениями нашей теории глубокой операции. Однако техническая сторона его теории была гиперболизирована.

Прорыв первой позиции (полосы) обороны Эймансбергер считал необходимым осуществлять пехотной армией (10 дивизий), усиленной 2250 танками³. Для прорыва второй позиции (полосы) он рекомендовал вводить дополнительно особые силы — соединенный второй ударный эшелон, в котором должно быть 1650 танков⁴. Для развития тактического прорыва в оперативный предназначалась танковая армия в составе 10 танковых и 10 моторизованных дивизий — 5000 танков⁵. На второй день операции должна была вводиться еще одна танковая армия в составе 10 танковых и 10—20 моторизованных дивизий⁶. Таким образом, общее количество танков, необходимых для проведения операций на одном операционном направлении, должно было составить 13 900 машин.

¹ См.: Временный Полевой устав РККА ПУ-36. М., 1937, ст. 202.

² См.: Эймансбергер. Танковая война. М., Госвоениздат, 1936, с. 255.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же, с. 264, 272.

⁵ См.: Там же, с. 288.

⁶ См.: Там же, с. 294—295.

Конечно, развивающаяся танковая промышленность могла произвести такое и даже большее количество танков. Но Эймансбергер не учитывал удорожания стоимости танков, а также того, что такое их количество (и более) могло быть произведено в течение нескольких лет перед войной и примерно в течение года в ходе войны, когда танковая промышленность набирает полную мощность. Но в ходе войны огромны и потери. И как показал опыт второй мировой войны, общее количество танков у Германии колебалось в пределах 3,2—15 тыс. При нападении на Польшу Германия выставила 2800 танков, для наступления на Западе летом 1940 г. — 2600 и по плану «Барбаросса» на советско-германском фронте — немногим более 4000¹. Это в 4—7 раз меньше, чем требовал Эймансбергер для одного операционного направления. Наибольшее количество танков и штурмовых орудий, которыми располагала немецко-фашистская армия на советско-германском фронте было в ноябре 1942 г. — 6600². Это примерно в два раза меньше, чем рассчитывал Эймансбергер.

Хотя Эймансбергер не исходил из полной танконизации армии, однако осуществление прорыва он возлагал в основном на танки. Схема предложенного им прорыва выглядела так. Начинали прорыв дивизии пехотной армии, усиленные многочисленными танковыми бригадами, которые и должны были осуществить прорыв³. Дело пехотных эшелонов — удержание захваченного⁴.

На танки Эймансбергер возлагал и значительное количество задач артиллерии, предлагая минимально возможные плотности ее на участках прорыва. Он писал, что последняя волна танков «перед пехотой должна заменить для нее огневой артиллерийский вал»⁵.

Роль моторизованных дивизий сводилась к обеспечению флангов танковой группировки путем продвижения за ними скачками.

Опыт второй мировой войны, и особенно Великой Отечественной, опроверг структуру предложенных Эймансбергером танковых войск и схему действий их при прорыве. Наилучшие результаты прорыва достигались в том случае, когда в тесном взаимодействии максимально использовались возможности всех родов войск при последовательном наращивании усилий до выхода танковых соединений и объединений на оперативный простор.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 21.

² См.: Великая Отечественная война Советского Союза. Краткая история. М., Воениздат, 1970, с. 579.

³ См.: *Эймансбергер*. Танковая война. М., Госвоениздат, 1936, с. 254.

⁴ См.: Там же, с. 273.

⁵ См.: Там же, с. 255.

Таким образом, одна из лучших теорий прорыва Запада, к тому же разработанная два года спустя после создания основ теории глубокой операции, оказалась далеко не оптимальной.

5. ПРИНЦИПЫ ПРОРЫВА ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

На формирование наших предвоенных взглядов на прорыв, способы его подготовки и осуществления значительное влияние оказали начавшаяся вторая мировая война и операции Красной Армии по прорыву укрепленной линии Маннергейма на Карельском перешейке.

Учитывались также опыт предшествующих войн, тенденции в развитии вооруженных сил и взгляды вероятных противников на характер обороны.

На Карельском перешейке оборона противника состояла из трех полос и зоны заграждений (предполья). Основу ее составляли опорные пункты, в каждом из которых было по 3—5 железобетонных и несколько деревянно-земляных или деревянно-гранитных огневых сооружений. Опорные пункты соединялись между собой системой траншей и ходов сообщения и прикрывались противотанковыми и противопехотными заграждениями высокой плотности. Всего на линии Маннергейма было сооружено более 1000 прочных огневых сооружений, из них 296 долговременного типа с бетонированным покрытием толщиной 1,5—2 м и более.

Для обороны предполья и полос обороны линии Маннергейма финское командование привлекло около 9 пехотных дивизий, одну кавалерийскую бригаду, несколько отдельных отрядов и артиллерию береговой обороны¹. Эти силы развертывались в три эшелона, причем около половины их занимали оборону в главной полосе.

Из состава Ленинградского военного округа непосредственно на Карельском перешейке действовала 7-я армия — 9 дивизий, три танковые бригады, один танковый корпус, несколько артиллерийских полков РГК. При этом в первом эшелоне армии находились только пять дивизий², что не обеспечивало необходимого превосходства над противником на избранном направлении наступления. К тому же большинство дивизий округа имели слишком малое кадровое ядро младших командиров и красноармейцев. Оно не превышало 15—

¹ См.: *Готовцев А. И.* Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, с. 17.

² ЦГАСА, ф. 34980, оп. I, д. 62, л. 290, 19.

25% ¹. До 25% личного состава красноармейцев были осеннего призыва, которые не прошли еще одиночную подготовку бойца. Остальные были призваны из запаса.

Наступление советских войск на Карельском перешейке началось 30 ноября 1939 г. После ожесточенных боев они преодолели сильную зону заграждений глубиной от 20 до 60 км и подошли к главной полосе обороны укрепленной линии Маннергейма. Попытка прорвать эту полосу с ходу не увенчалась успехом. Не был достигнут успех и после пятидневной подготовки, так как этого времени оказалось недостаточно для того, чтобы полностью вскрыть тщательно замаскированные прочные огневые сооружения противника.

В январе 1940 г. на Карельском перешейке был образован Северо-Западный фронт и вместо армейской наступательной операции подготавливалась фронтовая.

Прорыв обороны противника предусматривался на одном 45-километровом участке ² смежными флангами 7-й и 13-й армий. Кроме главного обе армии на внешних флангах должны были нанести по одному вспомогательному удару ³. Сравнительно широкий участок прорыва на главном направлении и нанесение двух вспомогательных ударов вели к некоторому распылению сил и средств, что не позволяло создать значительного превосходства над противником на участке прорыва.

В январе для обороны укреплений на Карельском перешейке финское командование привлекло около 10 дивизий, что давало среднюю оперативную плотность одна дивизия на 10—11 км. В ходе операции с других направлений на Карельский перешеек могли быть привлечены дополнительные силы общей численностью до двух дивизий. В условиях обороны мощного укрепленного района, насыщенного прочными огневыми сооружениями и заграждениями, такие плотности были очень высокими. Английский генерал Кирк, инспектировавший финские укрепления, имел веские основания заявить, что «такую линию никакая армия не в состоянии разбить».

В составе Северо-Западного фронта насчитывалось 24 дивизии ⁴. Кроме того, в ходе наступления решением Ставки к операции могли быть привлечены один стрелковый и один кавалерийский корпуса.

Из общего количества соединений для действий на направлении главного удара назначалось 17 дивизий, 2064 орудия и

¹ ЦГАСА, ф. 34980, оп. 10, д. 62, лл. 290—300.

² См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 8. М.-Л., Воениздат, 1964, с. 620.

³ ЦГАСА, ф. 34980, оп. I, д. 39, лл. 11—13.

⁴ См.: *Готовцев А. И.* Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, схема 18.

основная масса танков, что позволяло создать оперативные плотности одна дивизия на 2,7 км, 45 орудий и около 20 танков на 1 км фронта прорыва. На участке 7-й армии плотность артиллерии была доведена до 73, а на участке 13-й армии — до 33 орудий и минометов на 1 км фронта¹. Наивысшая плотность в полосах отдельных дивизий не превышала 100—115 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва.

Колебания в массировании танков были не менее значительными. В 7-й армии их плотность составляла около 40 машин, при этом в 50-м стрелковом корпусе почти 60 на 1 км участка прорыва; в 13-й армии — примерно 20 танков на 1 км участка прорыва, причем ее 3-й стрелковый корпус вообще не получал танков². В основном это были легкие танки, с трудом продвигавшиеся по глубокому снегу³.

Однако действительная плотность танков первого атакующего эшелона была намного ниже. Часть танков шла на формирование штурмовых групп (по 2—3 танка на группу). Остальные согласно указаниям фронта распределялись по эшелонам⁴. В дивизии было четыре таких эшелона: роты первого эшелона; вторые эшелоны и резервы батальонов, полков и дивизии. Отсюда в первой линии шло примерно от 20 до 5 танков или танкеток в зависимости от важности направления.

В оперативных эшелонах не было крупных танковых соединений. В 7-й армии в армейском резерве находилась 13-я танковая и 15-я стрелково-пулеметная бригады, ранее входившие в состав расформированного 10-го танкового корпуса, применение которого в полном составе на Карельском перешейке было невозможно. Даже танковые группы в составе бригады и батальона, как показали бои, не находили себе простора для удара в глубину или совершения маневра.

Не особенно высокие плотности войск на участках прорыва позволили создать лишь полуторное превосходство по пехоте и трехкратное по артиллерии и минометам. Только по танкам превосходство было абсолютным, поскольку противник имел их крайне мало⁵.

Созданные плотности войск и соотношения сил и средств нельзя признать высокими. Плотность артиллерии — 33—73 орудия и миномета на 1 км, даже при двух-трехчасовой артиллерийской подготовке, не обеспечивала подавления пехоты противника в прочных укрытиях, которыми она располагала

¹ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 8. М.-Л., 1964, с. 620.

² ЦГАСА, ф. 34980, оп. 15, д. 179, л. 5.

³ Там же, оп. 1, д. 62, л. 59.

⁴ Там же, оп. 6, д. 3, л. 8.

⁵ *Готовцев А. И.* Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, с. 125.

на линии Маннергейма. Кроме того, доты и дзоты можно было уничтожить только на переднем крае и в ближайшей глубине и то далеко не все. Это, конечно, не разрушало полностью систему огня противника, особенно за передним краем. Оставшиеся огневые точки вполне могли остановить наступление пехоты.

«Корректировку» недостатков огневых и технических возможностей войск, а также тяжелых условий театра военных действий командование фронтом осуществило в какой-то мере темпами наступления. Определены они были низкими. На прорыв тактической зоны обороны глубиной 15—20 км было отведено 7—12 дней, т. е. 2—3 км в сутки¹. При развитии прорыва темп наступления планировался 6 км в сутки.

Военно-воздушные силы делились на фронтовую и войсковую авиацию. Задачи фронтовой авиации состояли в нанесении ударов по экономическим центрам, железнодорожным узлам и глубоким военным объектам. Армейская авиация должна была выполнять задачи в интересах войск, осуществляющих прорыв, вести воздушную разведку, разрушать глубоко расположенные доты, подавлять и воспрещать движение резервов, особенно на направлении, где осуществляется прорыв, поражать их на рубежах развертывания.

Новыми элементами подготовительного периода операции были разрушение долговременных оборонительных сооружений, усиленная боевая подготовка войск и проведение частных операций. Осуществляемые на широком фронте, активно и настойчиво так называемые частные операции ввели противника в заблуждение. Он принял их за генеральное наступление, ввел в действие всю систему огня переднего края и ближайшей глубины, что позволило вскрыть ее на 80—100%².

Наступлению войск предшествовали длительный период разрушения и сильная артиллерийская подготовка. Около 30% дотов было разрушено и 25—30% повреждено³. Не удалось разрушить значительное количество деревянно-земляных и деревянно-гранитных огневых сооружений. При трех-четырёхслойном огне поражение половины и даже 3/4 всех огневых точек позволяло противнику оказать наступающим войскам довольно серьёзное сопротивление, что сказалось на ходе атаки и прорыва в целом.

Так, на главном направлении наступления 13-й армии, где плотность артиллерии была вдвое меньше, чем в 7-й армии, успех соединений был значительно слабее. За семь дней на-

¹ См.: *Готовцев А. И.* Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, с. 63—64.

² См.: Там же, с. 86.

³ См.: *История отечественной артиллерии*, т. 3, кн. 8. М.-Л., Воениздат, 1964, с. 602.

ступления 15-й и 23-й стрелковые корпуса смогли овладеть лишь рядом высот и укрепленных пунктов.

В 7-й армии первая атака также не везде была успешной. Причина заключалась как в недостаточном расстройстве системы огня противника, так и в неумении пехоты и танков быстро использовать эффект подавления, достигнутый в ходе артиллерийской подготовки. Подразделения и части 123-й стрелковой дивизии накануне наступления были научены атаковать сразу, как только артиллерия переходила к огневому валу, и идти непосредственно за ним. Исходное положение для атаки они заняли на удалении 100—150 м от переднего края противника, что позволило им быстро ворваться на него и, поражая огневые точки огнем танков, орудий сопровождения и штурмовыми группами, за день прорвать первую позицию.

В 100-й стрелковой дивизии 50-го стрелкового корпуса пехота задержалась с переходом в атаку и в самом начале отстала от огневого вала. Это позволило противнику нанести ей поражение сосредоточенным огнем всех видов. С большим трудом она смогла лишь частично преодолеть проволочные заграждения и противотанковый ров. Не дал успеха и ввод второго эшелона дивизии¹.

Задержка с атакой переднего края противника была причиной неудачи наступления в первый и последующие дни в других соединениях 7-й армии. Поэтому наметившийся в полосе 123-й дивизии прорыв сразу приобрел оперативное значение. К нему приковывается внимание командования не только 7-й армии, но и Северо-Западного фронта, которое отдает ряд указаний по его развитию.

Первоначально, т. е. на второй день наступления, для углубления и расширения прорыва были использованы второй эшелон 123-й дивизии, полк из второго эшелона корпуса и часть сил смежных дивизий, а на третий день был введен еще полк второго эшелона корпуса. Брешь была расширена до 3 км по фронту и 4 км в глубину. Средний темп прорыва составил немногим более 1 км в день.

Для дальнейшего развития прорыва был введен резерв 7-й армии и все силы второго эшелона корпуса. Путем обхода и удара с фронта 7-й и 100-й стрелковым дивизиям удалось овладеть мощным Хотинским узлом обороны и тем существенно расширить участок прорыва. По-прежнему успешно действовала 123-я дивизия. В ее полосе была введена механизированная группа полковника В. И. Баранова.

Однако командование фронта, опасаясь, что подвижная группа, действуя в отрыве от стрелковых соединений, может

¹ *Готовцев А. И. Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, с. 130.*

попасть в трудное положение, не разрешило ей занять ст. Кямря. Было потеряно несколько драгоценных часов, когда были более или менее удовлетворительные условия для быстрого развития удара в глубину. Когда же поступило разрешение ввести подвижную группу, противник уже несколько оправился, и станцию Кямря, удаленную от передовых войск всего на 5—6 км, удалось взять на 7—8 часов позже¹.

С овладением ст. Кямря глубина прорыва достигла 11 км, фронт — до 18 км. Созданная брешь приобрела оперативный размер. Наши соединения нависли над вскрытыми флангами противника и вынудили его оставить позиции слева от участка прорыва до Финского залива, а справа перед 13-й армией начать отход на главную полосу обороны, что, в свою очередь, снимало угрозу контрудара противника справа по передовым соединениям 7-й армии.

Средний темп развития прорыва по сравнению с его началом возрос почти в три раза. В период преследования отходившего на вторую полосу противника он составил 6—10 км в сутки. Но и такой темп, конечно, был недостаточным для того, чтобы упредить противника в выходе на тыловые рубежи. Одной из главных причин низких темпов наступления были труднейшие условия местности. Целинный снег глубиной от 75 до 120 см², густой лес, непромерзшие болота крайне затрудняли или делали невозможным продвижение танков, а пехота совершенно выбивалась из сил после преодоления по глубокому снегу пространства в 4—5 км³. Поскольку танки могли двигаться только вдоль дорог, артиллерия отстала, а пехота задерживалась перед многочисленными промежуточными позициями противника не в силах преодолеть их с ходу, то, естественно, провести в таких условиях преследование в высоком темпе, используя параллельные дорогам направления, было невозможно. Поэтому в ходе развития прорыва приходилось вгрызаться в последовательно занимаемые противником позиции, совершая лишь небольшие маневры во фланг придорожным опорным пунктам противника.

Темпы преследования снижала также необходимость предоставления войскам хотя бы ограниченных возможностей для обогрева, поскольку противник при отходе сжигал все, что могло быть использовано для укрытия людей от стужи и мороза.

Медленное преследование и трехдневная пурга не позволили захватить на второй полосе слабо занятые участки и через них развить прорыв в глубину. Подготовка атаки заняла

¹ ЦГАСА, ф. 34970, оп. I, д. 30, лл. 75—84.

² См.: *Готовацев А. И.* Боевые действия по прорыву Красной Армией обороны белофиннов на Карельском перешейке в 1939—1940 гг. М., ВАГШ, 1947, с. 165.

³ ЦГАСА, ф. 34980, оп. I, д. 33, лл. 33—35.

6—7 дней. В это время корпуса провели частные операции, в результате которых удалось вскрыть систему долговременных укреплений противника, разрушить значительное количество дотов, на ряде участков захватить передний край и вклиниться в оборону противника на 1—3 км. Это надломило оборону противника, измотало его силы, что сказалось на общей устойчивости второй полосы обороны.

27 февраля в наступление перешла 13-я армия, а днем позже — 7-я армия. В течение дня они прорвали оборону на своих направлениях и развили удар в глубину. С учетом опыта прорыва первой полосы обороны от дивизий были высланы еильные передовые отряды (отряды преследования) в целях захвата районов на тыловой армейской полосе.

Выход к тыловой полосе на широком фронте позволил вскрыть один из слабых ее участков, через который прорвалась 123-я стрелковая дивизия. Развитие здесь прорыва нарушило устойчивость всей тыловой полосы обороны противника и открыло возможность для нанесения удара непосредственно на Выборг.

Таким образом, долговременная оборона противника впервые была прорвана на всю оперативную глубину. Опыт показал, что осуществление прорыва, тем более укрепленного района, — задача очень сложная. Она требует тщательной подготовки, на что необходимо определенное время. Успех прорыва возможен только при надежном огневом подавлении обороны противника, сосредоточении значительно превосходящих сил и средств на участке прорыва, глубоком построении боевых порядков. Плотность артиллерии должна быть 80—85 орудий на 1 км, а расход снарядов повышенным¹.

Избранная форма оперативного прорыва, когда главный удар наносился смежными флангами двух армий, была прогрессивной, ибо обеспечивала высокую степень массирования сил и средств на участке прорыва. Глубокое построение позволяло наращивать силу удара в глубину и в стороны образовавшихся в обороне противника флангов.

Новым в работе фронтового управления было то, что из планирующей наступление инстанции она стала организующей и руководящей. Именно живое и непосредственное руководство войсками со стороны командующего фронтом и его штаба в период подготовки и ведения операции во многом обеспечило успех прорыва прочной обороны противника.

Опыт боевых действий на Карельском перешейке, а также продолжавшейся второй мировой войны стал предметом самого глубокого изучения. Это позволило наметить многие вопросы боевой и оперативной подготовки, перевооружения

¹ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 8. М.-Л., Воениздат, 1964, с. 663.

войск Красной Армии, улучшения их организации, снабжения, экипировки и приступить к их осуществлению. Существенной переработке подверглись проекты уставов, другие официальные руководства и учебники по тактике. Итог всей этой большой работы был подведен на теоретическом совещании высшего командного состава в декабре 1940 г.

Доклад о характере современной наступательной операции сделал Г. К. Жуков. Он отметил, в частности, что первоначальные исходные операции скорее всего начнутся с фронтальных ударов. Проблема наступления будет состоять в том, чтобы сначала прорвать фронт противника, образовать фланги и затем уже во второй фазе перейти к широким маневренным действиям. Условия для оперативного обхода, охвата и ударов по флангам будут создаваться в ходе самой наступательной операции.

Это положение нашло отражение и в заключительной речи С. К. Тимошенко, который сказал, что если раньше военные действия начинались обычно встречными наступлениями, то теперь это не всегда возможно. В настоящее время границы крупных государств, особенно на важнейших направлениях, уже опоясаны железобетонными поясами укреплений и прорыв таких укреплений неизбежен.

Таким образом, советская военная теория накануне Великой Отечественной войны, исходя из анализа условий вооруженной борьбы и опыта последних войн, вполне обоснованно утверждала, что первым и важнейшим этапом наступательной операции явится прорыв обороны противника, который будет иметь характер фронтального удара.

Для успешного осуществления прорыва требовалось: создавать превосходство над противником в силах и средствах, прежде всего в артиллерии, танках и авиации, на главном направлении; достигать внезапности; обеспечивать непрерывное взаимодействие войск и управление ими; завоевывать господство в воздухе; одновременно поражать артиллерией и авиацией всю глубину обороны противника; непрерывно наращивать силу удара и стремительно развивать прорыв механизированными, моторизованными и кавалерийскими соединениями¹.

Считалось, что наиболее полное выражение наступательной операция получит во фронтовом масштабе. При этом фронт из стратегической инстанции, каким он был раньше, превратится в оперативно-стратегическую. В его функции будет входить планирование боевых действий армии и непосредственное руководство ими в ходе операций. Для достижения крупной стратегической цели может потребоваться одновре-

¹ См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., Воениздат, 1941, ст. 6, 8, 139, 141, 145, 147.

менно использовать усилия не одного, а нескольких (двух-трех) фронтов. Что касается общевойсковой армии, то в условиях, когда военные действия развертываются на тысячекилометровых сплошных фронтах, насыщенных мощными средствами вооруженной борьбы, она теряет свое самостоятельное оперативное значение. Армия является частью фронта и только в рамках фронтовой операции во взаимодействии с другими армиями осуществляет свою оперативную деятельность.

Предполагалось, что во фронтовой наступательной операции будут участвовать армии различного состава. На направлении главного удара — наиболее сильные, технически оснащенные, так называемые ударные армии. Каждая из них в среднем могла включать 4—5 стрелковых корпусов (14—18 дивизий), 10—12 артиллерийских полков РГК, 6—8 танковых бригад, 2—3 авиационные дивизии и сильную подвижную группу. На вспомогательных направлениях будут применяться армии менее сильного состава или обычные (2—3 стрелковых корпуса, 1—2 танковые бригады, 2—3 артиллерийских полка РГК, до одной смешанной авиационной дивизии).

Для фронта предусматривались три наиболее вероятные формы оперативного прорыва (схема 1):

— удар сосредоточенными силами нескольких армий на одном сравнительно узком участке фронта с задачей создания бреши в обороне противника, последующего расширения ее в стороны флангов и развития успеха в глубину подвижной группой;

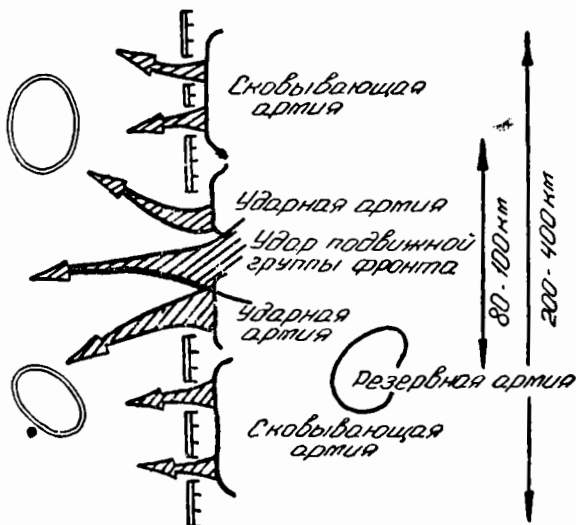
— одновременный удар нескольких ударных армий на широком фронте (200—250 км) в целях полного разгрома противостоящего противника;

— нанесение нескольких взаимно согласованных армейских ударов для создания ряда прорывов в целях дробления всего вражеского фронта с последующим окружением и уничтожением главной группировки врага¹.

Каждой форме оперативного прорыва были присущи свои положительные и отрицательные стороны, которые правильно оценивались советской военной теорией. Считалось, например, что прорыв на одном относительно узком участке фронта позволяет нанести мощный сокрушительный удар сосредоточенными силами фронта и обеспечить пропуск в тыл противника крупных сил подвижных войск. Вместе с тем маскировка подготовки такого удара в ограниченной полосе затруднялась, возникали трудности со снабжением войск ударной группы фронта, облегчался контрманевр резервами обороны, а удар захватывал весьма незначительную часть неприятельских сил.

¹ См.: Операция Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. I. М., Воениздат, 1958, с. 68.

а) При ударе на узком фронте

б) При ударе на широким фронте

в) При осуществлении прорывов на нескольких операционных направлениях

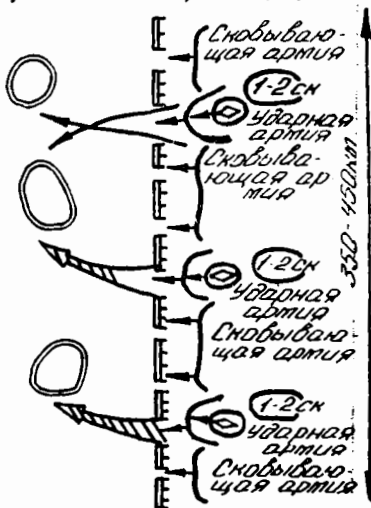

Схема 1. Формы оперативного прорыва фронта

Нанесение нескольких армейских ударов на ряде операционных направлений позволяет избежать перечисленных выше отрицательных сторон. Однако применение такой формы оперативного прорыва требует наличия относительно крупных сил и средств, достаточных для успешного осуществления каждого из оперативных прорывов.

Под оперативным прорывом понимался такой разрыв фронта противника, который по своей величине исключает взаимодействие оставшихся на флангах разорванного фронта общевойсковых соединений противника и обеспечивает ввод в прорыв подвижной группы. Целесообразным признавался участок прорыва шириной 20—30 км, минимальным — 16 км. По глубине оперативный прорыв должен был создать брешь в тактической зоне обороны противника и захватить районы расположения его ближайших оперативных резервов. Чтобы добиться этого, войска должны были выйти на глубину 30—70 км.

Общевойсковая армия при наступлении на обороняющегося противника могла применять четыре различных варианта нанесения ударов (схема 2): центром, одним из флангов, во

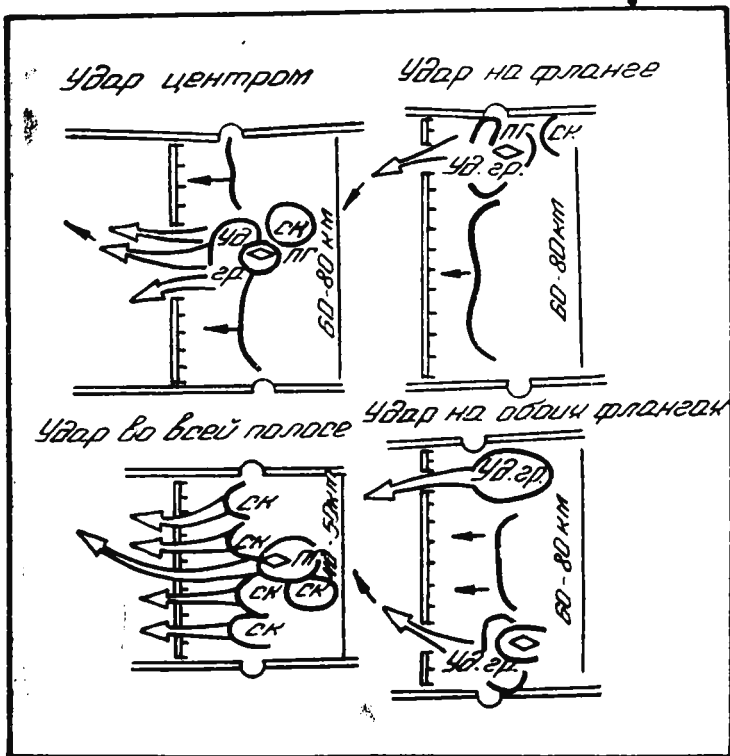

Схема 2. Формы прорыва в армейских наступательных операциях

всей полосе, на обоих флангах по сходящимся направлениям (как особый случай).

Для прорыва тактической зоны обороны рекомендовалось привлекать главные силы и средства армии, включая в состав ее ударной группировки три-четыре стрелковых корпуса, сосредоточенных не более чем на 20—50% ширины полосы наступления армии.

Наряду с главным в армии рекомендовалось наносить вспомогательный удар с тем, чтобы не только обозначать на нем активные действия, но и добиться тактических, а иногда и оперативных целей.

Оперативное построение армии, осуществляющей прорыв, могло включать первый эшелон, подвижную группу, армейские резервы, группу армейской артиллерии и военно-воздушные силы армии. Наиболее целесообразным считалось иметь в первом эшелоне три стрелковых корпуса. Это позволяло одним корпусом наносить таранный удар в глубину, а двумя с одновременным ударом в глубину расширять участок прорыва, что обеспечивало наилучшие условия для ввода подвижной группы. Один из этих корпусов мог получить задачу окружить противника в тактической глубине обороны во взаимодействии с корпусом, наступающим на вспомогательном направлении.

В подвижную группу в 1940 г. включались два-три подвижных соединения, главным образом танковые бригады, а в 1941 г. — механизированный корпус. Для его ввода была необходима полоса от 12 до 20 км.

Главная задача подвижной группы состояла в завершении прорыва тактической зоны обороны противника в высоком темпе — от 6 до 8 км/ч и упреждении ближайших оперативных резервов противника в выходе к образованной брешии с тем, чтобы не допустить образования ими сплошного фронта на новом рубеже совместно с войсками первого эшелона.

В дальнейшем в оперативной глубине механизированный корпус должен был наступать с темпом до 80 км в сутки, создавая условия всем войскам армии для перехода в оперативное преследование и ввода в прорыв подвижной группы фронта (1—2 механизированных и 1—2 кавалерийских корпуса).

Для взлома обороны противника считалось необходимым иметь до 50—100 орудий на 1 км участка прорыва. Поскольку до 1/3 (24—32 орудий)¹ этого количества артиллерии могло быть выделено для подавления батарей противника, признать такие плотности достаточными можно было лишь для условий, когда оборона противника недостаточно подготовлена и сам противник мало устойчив в моральном отношении или слабо вооружен.

¹ См.: История отечественной артиллерии, т. 3, кн. 8. М.-Л., Воениздат, 1964, с. 360.

Плотности артиллерии по сравнению с первой мировой войной снизились потому, что считалось, будто танки способны не только усиливать удар артиллерии, но и в определенной степени заменять ее.

Танки могли выполнять часть артиллерийских задач, связанных главным образом с проделыванием проходов в проволочных заграждениях. Однако заменить орудия при подавлении обороны противника они не могли, ибо не могли дать (а практически до атаки и не стреляли) столько огня, сколько давало равное количество орудий за время артиллерийской подготовки. К тому же в первом эшелоне наступали не все 50—100 танков, на число которых сокращалась плотность артиллерии, а только 20—25. Все это снижало степень подавления обороны противника, в частности противотанковой. Наступающие танки, обладая ограниченными возможностями по разведке противотанковых орудий и их уничтожению в ходе атаки, могли нести большие потери, отчего резко снизились бы темпы наступления. А это, в свою очередь, отразилось бы на темпах ведения тактического прорыва и развитии его в оперативный.

Артиллерийские группы поддержки пехоты (ПП) рекомендовалось создавать в дивизии по числу стрелковых полков, а группы дальнего действия (ДД) в корпусах по числу дивизий первого эшелона. В подчинение командиров полков и батальонов артиллерия поступала «тогда, когда по условиям наземного наблюдения становится трудным поддерживать наступление централизованно управляемым огнем»¹. В этой рекомендации была и отрицательная сторона централизованного управления артиллерией. Она приводила к тому, что в начале прорыва боевые организации, несущие на себе основную тяжесть боя (полк и батальон), оказались бы без артиллерийских средств, которые могли незамедлительно выполнить их огневые задачи. Переподчинение же им артиллерии только в глубине обороны противника вело к тому, что артиллерийские командиры, подчиняясь сначала старшим начальникам, не стремились располагать свои наблюдательные пункты вблизи наблюдательных пунктов командиров полков и батальонов или вместе с ними, что нарушало и затягивало восстановление взаимодействия в процессе боя.

Танки, оперативная плотность которых считалась достаточной — 50—100 на 1 км участка прорыва, предусматривалось делить на три эшелона. В первом эшелоне должно было быть до 10 тяжелых и средних танков и до 15 легких².

Общевойсковым соединениям для осуществления прорыва подготовленной обороны назначались полосы наступления:

¹ Полевой устав Красной Армии. Проект. М., Воениздат, 1941, ст. 195.

² См.: Тактика танковых войск. М., Воениздат, 1940, с. 81, 86.

стрелковому корпусу — от 7 до 12 км, стрелковой дивизии — 2—3,5 км. На сковывающем направлении полосы увеличивались в 1,5 раза ¹.

Атаке, как правило, должна была предшествовать артиллерийская подготовка, продолжительность которой ставилась в прямую зависимость от плотности артиллерии, количества и характера укреплений противника.

Опыт боевых действий на Карельском перешейке показал, что порядок перехода в атаку, предусматривавшийся Временным Полевым уставом РККА 1936 г., вел к образованию значительного разрыва между переносом огня артиллерии в глубину и выходом пехоты на передний край противника. Это снижало эффективность использования результатов подавления противника, который успевал привести систему огня в действие и встречал атакующую пехоту плотным огнем. Поэтому проект Полевого устава 1941 г. требовал начинать наступление с таким расчетом, чтобы пехота достигла рубежа атаки к началу последнего огневого налета артиллерии на передний край ². Это позволяло сократить до минимума разрыв и лучше использовать результаты подавления, достигнутые во время артиллерийской подготовки.

Атаку рекомендовалось вести безостановочно с наращиванием силы удара путем ввода в бой вторых (третьих) эшелонов перекатами через первый эшелон или из-за его флангов ³.

Ввод в прорыв механизированных соединений считалось целесообразным осуществлять с выходом атакующей пехоты в район артиллерийских позиций главной оборонительной полосы противника ⁴ в целях быстрее завершения прорыва тактической зоны обороны и развития наступления в оперативную глубину.

В первый день наступления стрелковые соединения должны были продвинуться на глубину 10—15 км, т. е. прорвать вторую полосу обороны противника ⁵, а механизированные — на 40—50 км. Такие темпы отвечали реальным условиям вооруженной борьбы, которые складывались в преддверии столкновения с сильным и опытным противником.

Рассмотренные основные положения подготовки и осуществления прорыва обороны противника, сложившиеся в советском военном искусстве накануне Великой Отечественной войны, показывают, что Красная Армия имела достаточно полно разработанную теорию прорыва, которая была вполне

¹ См.: Общая тактика, т. I. М., Воениздат, 1940, с. 123.

² См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., Воениздат, 1941, ст. 190.

³ См.: Полевой устав Красной Армии. Проект. М., Воениздат, 1941, ст. 198.

⁴ См.: Там же, ст. 242.

⁵ См.: Общая тактика, т. I. М., Воениздат, 1940, с. 133.

современна, хотя некоторые вопросы нуждались в проверке в различных условиях боевой обстановки. Однако по ряду причин новые положения тактики и оперативного искусства не дошли до войск и ими не успел овладеть командный состав. Все это, разумеется, не могло не сказаться на их практическом применении в боевой обстановке, особенно в тех крайне тяжелых условиях, в которых оказались наши войска в результате вероломного нападения на СССР фашистской Германии.

ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ПЕРВОГО ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

1. ПЕРВЫЙ ОПЫТ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1941 г.

Начало Великой Отечественной войны было чрезвычайно тяжелым для Советского Союза. В силу ряда обстоятельств, среди которых, как сказано в Тезисах ЦК КПСС к 50-летию Великого Октября, «сыграли свою роль допущенные просчеты в оценке возможного времени нападения на нас гитлеровской Германии и связанные с этим упущения в подготовке к отражению первых ударов»¹, нападение врага оказалось внезапным для советского народа и его Вооруженных Сил.

Немецко-фашистская армия к моменту нападения на СССР насчитывала 8,5 млн. чел. Вместе с сателлитами Германия развернула на наших границах 190 дивизий (5,5 млн. чел.), 4300 танков, 47 200 орудий и минометов, 4980 самолетов². Немецкие войска имели двухлетний боевой опыт и были заблаговременно сосредоточены у границы в плотных, компактных группировках.

Вероломное нападение фашистской Германии на СССР поставило наши войска в очень сложные условия борьбы, и они были вынуждены вести тяжелые оборонительные сражения и с боями отходить в глубь страны.

Вступление в войну стратегических резервов Советской Армии в июле 1941 г. существенно изменило обстановку на советско-германском фронте. Темпы наступления фашистских войск на главном, московском, направлении резко снизились, а затем противник был вынужден перейти к обороне и на значительное время отложить генеральное наступление на Москву. Это было началом срыва плана «молниеносной» войны.

Решающее значение в изменении стратегической обстановки на московском направлении сыграло Смоленское сра-

¹ 50 лет Великой Октябрьской социалистической революции. Тезисы ЦК КПСС. М., Политгиздат, 1967, с. 19.

² См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 21.

жение. В ходе него войска Западного и Резервного фронтов предприняли три крупные наступательные операции. Опыт их подготовки и проведения позволяет проследить применение форм и способов прорыва в первых наступательных операциях, которые проводились в условиях, отличных от тех, которые предлагались военной теорией накануне войны.

Теоретические положения об организации и осуществлении прорыва, разработанные советской военной наукой в предвоенные годы, отвечали материальной базе, характеру вооруженной борьбы того времени и обеспечивали проведение успешных наступательных операций. Но большие потери в танках, самолетах и другой боевой технике в приграничных сражениях снизили ударную силу наших соединений, их мобильность. Необходимость быстрого развертывания новых соединений и объединений (при недостатке командного состава, вооружения и средств управления) привела к изменению организации войск. Были упразднены стрелковые и механизированные корпуса, появились общевойсковые армии уменьшенного состава, в которых стрелковые дивизии подчинялись непосредственно командующему армией. Все это требовало внесения коррективов в практику подготовки и ведения наступательной операции и боя. Однако сделать это в крайне сложной обстановке тех дней, когда превосходство в силах и стратегическая инициатива были на стороне противника, не представлялось возможным. Это и явилось одной из причин неудачного исхода первых наступательных операций. Были и другие причины, на некоторых из них остановимся ниже.

Способы наступления и прорыва в первой операции в районе Смоленска

Идея на проведение наступательной операции войсками Западного фронта в целях окружения противника в районе Смоленска принадлежала Ставке. 19 июля она поставила задачу командующему фронтом резервных армий: выдвинуть группы от 29, 30, 24 и 28-й армий¹ к северо-востоку и юго-востоку от Смоленска, имея в виду переход в наступление по особому приказу главнокомандующего Западным направлением с готовностью 21—22 июля².

На основании указаний Ставки главнокомандующий Западным направлением решил: «Концентрическим ударом групп: Хоменко — из района Белый, Рокоссовского — из рай-

¹ Указанные армии принимали соединения, прибывавшие из глубины страны, готовили оборонительный рубеж на линии верхнего течения Днепра и Десны и не могли быть к указанному сроку в полном составе привлечены к наступательной операции.

² ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, лл. 50—52.

она Ярцево и Качалова — из района Рославль в общем направлении на Смоленск окружить и уничтожить противника к востоку от Смоленска. Переход в наступление 23 июля»¹. В дальнейшем имелись в виду действия на Смоленск. Наступление намечалось провести на фронте 180 км с продвижением на глубину до 100 км (схема 3).

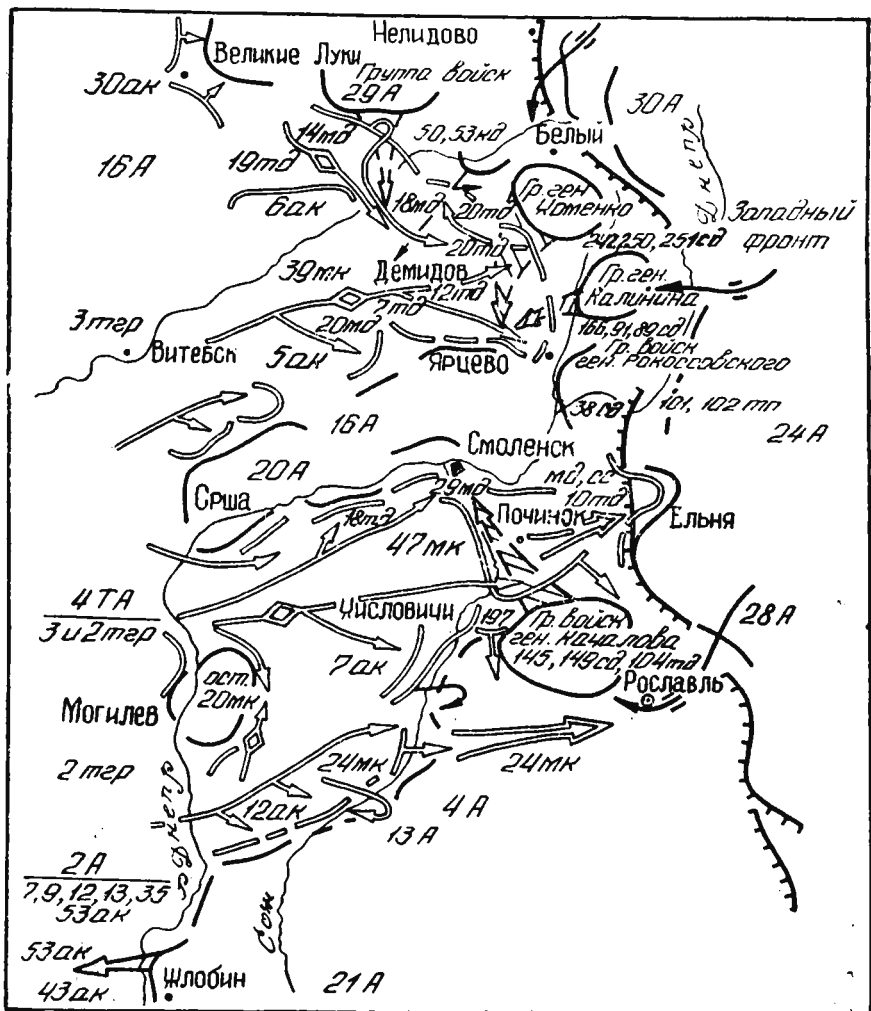

Схема 3. Обстановка на Западном стратегическом направлении к 20—25 июля и форма оперативного прорыва в первом наступлении в районе Смоленска

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 42—43.

К моменту принятия Ставкой и фронтом решений на наступление обстановка на смоленском направлении была очень тяжелой. Моторизованные соединения противника вышли в район Ярцево, Духовщина, захватили Смоленск и глубоко продвинулись к юго-востоку от него¹. Правда, пехотные дивизии отстали от подвижных соединений на два-четыре перехода, что создавало некоторые предпосылки для разгрома вырвавшихся вперед моторизованных войск противника по частям.

Однако передаваемые в состав Западного фронта соединения находились от возможных рубежей перехода в наступление на удалении 100 км и более. Например, дивизии группы генерала В. А. Хоменко 20—21 июля совершали марш в 100 км от р. Воль, откуда им предстояло начать наступление². Это расстояние они могли пройти за трое суток и перейти в наступление на четвертые, т. е. вместо 23 июля только 25. За это время определенные силы пехоты противника могли уже подойти к передовым моторизованным войскам, организовать оборону и составить эшелон резервов, способный вступить в бой на направлениях наших ударов.

Переход в наступление намечался с рубежей, недостаточно устойчивых в оперативном отношении. Так, к западу от рубежа развертывания группа генерала В. Я. Качалова (южнее г. Починок) противник еще 17 июля занял Хисловичи и форсировал р. Сож. Неустойчивой была оборона и в районе Кричева. Это грозило срывом сосредоточения группы генерала В. Я. Качалова или выходом противника в ее тыл в ходе начавшегося наступления.

Командование Западного направления понимало трудности выполнения поставленных Ставкой задач. В плане операции, представленном в Ставку 20 июля, указывалось: «Противник располагает возможностью ударом по коммуникациям — Рославль, Ельня и оттуда или с севера по группе сибиряков (генерала С. А. Калинина) лишить боевого питания группы и сорвать операцию.

Для успешного решения операции необходимо к началу операции распоряжением Ставки выдвинуть в Рославль две дивизии и принять меры к ликвидации или сковать танковые и моторизованные части противника в направлении Ельня силами не менее танковой дивизии»³.

Замыслом операции предусматривалось нанесение трех одновременных ударов по сходящимся направлениям на Смоленск⁴. Кроме того, активные задачи получили 20, 21, 22-я ар-

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 42.

² Смоленское оборонительное сражение. ВНУ ГШ, инв. № 137, с. 152.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 20, л. 353.

⁴ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. I. М., Воениздат, 1958, с. 200.

мии¹. Каждая армейская группа должна была нанести удар на самостоятельном направлении, наступая в полосе 30—50 км.

С точки зрения предвоенных взглядов на способы наступления такое нанесение ударов соответствовало одному из разработанных вариантов. Но каждый из ударов должен был наноситься армией, насчитывавшей 14—18 дивизий. По замыслу командования Западного направления на проведение первого наступления в районе Смоленска удары должны были наноситься лишь армейские группы, имевшие в своем составе две-четыре дивизии. Например, в группе генерала В. А. Хоменко было три стрелковые дивизии² и две кавалерийские, действовавшие на самостоятельном направлении, в группе генерала С. А. Калинина — также три стрелковые дивизии. По количеству личного состава и вооружения они не превышали довоенного стрелкового корпуса. Поэтому возможности дивизий по разгрому противника на занятых им рубежах и особенно по развитию наступления на запланированную глубину (до 100 км) были крайне ограниченными.

Так, группе генерала В. Я. Качалова, состоявшей из трех дивизий, предстояло, обеспечивая свои фланги, прорвать оборону противника и развить удар до Смоленска. Если допустить, что для обеспечения угрожаемых флангов от двух дивизий первого эшелона нужно было выделить по полку, то для наступления оставалось всего четыре полка. С развитием наступления (в случае успеха) уже на глубине 15—20 км фронт наступления расширился бы настолько, что ударная группировка, несмотря на ввод танковой дивизии, неизбежно потеряла бы необходимую наступательную силу.

Командование Западного направления в своем плане операции отметило эту сторону предложенного Ставкой замысла. Оно писало: «Слабая сторона данной операции заключается в том, что группы изолированы на большом удалении одна от другой³ и при малочисленности каждой в отдельности могут быть порознь подвергнуты окружению»⁴.

Ставка Верховного Главнокомандования, считая, что в создавшейся ситуации наиболее важным является как можно более быстрое нанесение удара, не приняла во внимание сообщения, высказанные командованием Западного направления.

Нельзя сказать, что Ставка вообще не заботилась о нане-

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 42—43.

² 166-я стрелковая дивизия из группы генерала В. А. Хоменко в ходе марша была передана в группу генерала С. А. Калинина.

³ Разрыв между армейскими группами, развертывавшимися на р. Воль, составлял 10—20 км, с группой генерала В. Я. Качалова — до 120 км.

⁴ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 20, л. 353.

сении мощного удара. В переговорах по прямому проводу И. В. Сталин 20 июля говорил С. К. Тимошенко: «Вы до сих пор обычно подкидывали на помощь фронту по две, по три дивизии, и из этого пока ничего существенного не получалось. Не пора ли отказаться от подобной тактики и начать создавать кулаки в семь-восемь дивизий с кавалерией на флангах... Я думаю, что пришло время перейти нам от крохоборства к действиям большими группами»¹.

Однако верная идея в конкретном плане операции не нашла практического воплощения. Семь дивизий к северу от Ярцево развертывались на слишком широком фронте — около 90 км.

Серьезным недостатком решения Ставки и командования Западного направления был и необоснованный расчет сроков возможного перехода войск в наступление. Нельзя не согласиться с одним из выводов начальника штаба 19-й армии генерал-майора П. Н. Рубцова о действиях войск в начале Смоленского сражения. Он писал: «...Продолжает иметь место неблагоприятие с расчетом времени и пространства. Желание как можно быстрее выполнить поставленную задачу часто затемняет здравый смысл, и войскам ставятся явно непосильные задачи»².

Ошибки в расчетах времени и пространства были довольно распространенными.

Приказ на наступление генералом В. А. Хоменко был получен только утром 23 июля, примерно за полтора часа до назначенного срока перехода в наступление. В это время войска, задержанные ударами авиации, вышли к северу от г. Белый, а от него до рубежа развертывания было еще 20—25 км. Только к вечеру дивизии подошли к исходным районам для наступления. Атаку пришлось перенести с 23 на 25 июля. И даже к этому сроку одна дивизия не смогла прибыть к назначенному рубежу.

На сутки позже и не всеми силами перешла в наступление и группа генерала С. А. Калинина.

Определенные Ставкой и командованием Западного направления сроки перехода в наступление не позволяли принять сколько-нибудь эффективные меры по скрытому выдвижению групп войск, а следовательно, и нанесению неожиданного для противника удара. Поскольку войска двигались и днем, противник, ведя активную воздушную разведку, за один-два перехода знал, в каком направлении возможны наши удары и принимал необходимые меры к закреплению занятых рубежей. Это во многом предопределило трудность прорыва его оборонительных рубежей.

¹ ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, лл. 1, 2.

² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 228.

Недостаток времени, отсутствие опыта, а порой и необходимых оперативных-тактических знаний привели к существенным ошибкам и в решениях командующих группами.

Командующий группой генерал В. А. Хоменко развернул дивизии в полосе шириной 30 км. Каждая дивизия наступала на фронте около 10 км. Одной из причин этого являлось то, что командующий группой не располагал необходимыми данными о группировке противника, а добыть их своими средствами не мог из-за недостатка времени. Опасность неожиданного удара противника с любого направления вынуждала его развертывать силы по всей полосе наступления.

Растянутой по фронту оказалась и артиллерия. Группа имела всего один корпусной артиллерийский полк¹, и по одному артиллерийскому полку в дивизии. 120-мм минометов не было, а в 82-мм минометах, 45-мм и 76-мм полковых орудиях был значительный некомплект. Недостаток артиллерии и рассредоточение ее во всей полосе привели к тому, что средняя плотность артиллерии составляла 4—6 орудий и минометов на 1 км. Малочисленные военно-воздушные силы 30-й армии (один штурмовой и один истребительный авиационные полки, к тому же неполного состава)² не могли восполнить недостаток артиллерийского огня.

Танки также были распределены равномерно, по батальону (21 машина) на дивизию³.

В полосе действий войск генерала С. А. Калинина и генерала К. К. Рокоссовского (ширина — 50 км) образовались три ударные группы силой одна-две дивизии каждая, удаленные друг от друга на 12—15 км⁴. Правда, пять дивизий должны были атаковать на участках общей шириной 20—22 км. Казалось бы, при очаговой обороне противника это не так уж много — 4—5 км на дивизию. Но если учесть, что 101-я и 107-я танковые дивизии группы генерала К. К. Рокоссовского в предыдущих боях уже понесли существенные потери, то фактическая оперативная плотность была значительно ниже.

Несмотря на то, что оборона противника к моменту подхода войск к р. Воль представляла собой линию поспешно подготовленных опорных пунктов, удаленных друг от друга на 1—1,5 км, в них располагалось значительное количество танков⁵. Это делало оборону достаточно устойчивой. Чтобы создать в ней брешь для наступления дивизии, нужно было надежно подавить противника по меньшей мере в трех опорных

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37, М., Воениздат, 1959, с. 387—388.

² См.: Там же, с. 42.

³ См.: Там же, с. 385. В группе генерала В. Я. Качалова была 104-я танковая дивизия.

⁴ См.: Там же, с. 42, 411, 420; ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 746, л. 1.

⁵ Перед группой оборонялись 900-я механизированная бригада и 12-я танковая дивизия противника. ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 139, л. 1.

пунктах, а один из них уничтожить. Если бы участок прорыва был избран один на армейскую группу, то потребовалось бы подавлять гораздо меньше опорных пунктов. Это позволило бы создать необходимое превосходство над противником и образовать второй эшелон, без которого нельзя было рассчитывать на успешное проведение операции глубиной до 100 км.

В группе генерала В. Я. Качалова ширина участка активных действий составляла 15—16 км. В первый эшелон выделялись две стрелковые дивизии, во второй — танковая дивизия, успешная прибыть только одним танковым полком (30 машин)¹. Левый, наиболее опасный фланг должен был обеспечивать всего один батальон из мотострелкового полка, составившего резерв группы.

Плотности войск группы были невысокими: по пехоте — 1,5 батальона, по артиллерии — 20—30 орудий и минометов на 1 км².

Противник к моменту получения группой задачи, т. е. 21 июля, прикрывал шоссе Рославль—Смоленск пока небольшими силами — всего одним полком моторизованной дивизии СС «Райх». Но ко дню перехода группы в наступление, т. е. к 23 июля, перед ее фронтом и на флангах могли появиться основные силы 9-го армейского корпуса, большая часть моторизованной дивизии СС «Райх», а также 18-я танковая и 29-я моторизованная дивизии. В последующем не исключался прорыв в тыл группе генерала В. Я. Качалова 24-го моторизованного и 7-го армейского корпусов, форсировавших р. Сож еще 20 июля³. Иначе говоря, к моменту перехода группы в наступление противник успел создать к югу от Починок рубеж сплошной обороны, что обязывало готовить наступление с прорывом обороны или хотя бы предусмотреть вариант такого наступления. Однако командующий группой не определил возможного развития обстановки и потому считал, что к моменту перехода дивизий в наступление рубеж обороны противника будет укреплен слабыми силами. Отсюда боевые задачи соединениям были поставлены иначе. Например, 145-й стрелковой дивизии было указано: «...К рассвету 23.7 выйти в район Панасовка, Голуби, Ново-Деребуж. Сбить противника с рубежа р. Стометь и сильными авангардами овладеть рубежом ст. Васьково, Замостице, Михайловка»⁴, т. е. продвинуться на 12—15 км.

Из всех трех групп только южная под руководством генерала В. Я. Качалова смогла перейти в наступление в установ-

¹ См.: ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 33, л. 103.

² См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 348.

³ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 139, л. 1.

⁴ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 349.

ленный срок. Атаковав противника, группа встретила сопротивление трех его дивизий, из них одной танковой. И поскольку удар был организован на широком фронте, к тому же легкий, с целью сбить противника с занимаемого рубежа, войска группы, несмотря на проявленную настойчивость и героизм, смогли продвинуться только на 1—2 км.

В боевом распоряжении, отданном штабом группы в конце первого дня, указывалось:

«Поставленная задача на 23.7 частями не выполнена.

Отмечено: а) совершенно недопустимый темп продвижения как 145, так и 149 сд. 104 тд недопустимо отстала;

б) нет дерзости со стороны командиров, начиная от командира отделеия;

в) преобладает стремление к лобовому наступлению. Не используются кустарники и лес для частных охватов флангов противника;

г) вместо усиления натиска и ускорения продвижения отходящего противника преследуют зачастую ползком;

д) не полностью используется мощь пехотного огня для подавления огневых точек и продвижения вперед;

е) артиллерия опаздывает в выполнении поставленных задач вследствие отставания артиллерийских наблюдателей от пехоты;

ж) плохо организуется наблюдение за полем боя. Этим объясняется скудность сведений о силе и действии противника»¹.

Без сомнения, большинство высказанных замечаний правильны. Однако виновны в невыполнении задач были не только соединения и части. Полагаясь на их данные, управление группы не организовало разведку и не знало истинной группировки противника, который успел уже уплотнить боевые порядки, создать систему огня и окопаться. Естественно, удары дивизий и полков пришлось по сильным участкам обороны противника.

Содержание распоряжения свидетельствует о том, что стиль руководства войсками со стороны управления группы был недостаточно конкретным. Вместо четкого определения боевых задач войскам давались призывы: недочеты устранять, добиться полного взаимодействия, артиллерии прокладывать дорогу пехоте, проявлять энтузиазм и дерзость и т. д.²

Дерзость и энтузиазм командиров и войск — важные слабые победы в бою. Но в условиях насыщенности поля боя огнем рассчитывать на победу, используя только энтузиазм и дерзость, конечно, нельзя. Надо хорошо организовывать бой и операцию.

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 349.

² См.: Там же, с. 149.

Наступление 24 июля не привело к общему успеху. Лишь 145-я дивизия продвинулась вперед, но зато 149-я дивизия отошла назад¹. К 26 июля продвижение группы составило 3—4 км, а к 29 июля, несмотря на ввод в сражение 104-й танковой дивизии, — 10—12 км².

Оказывая сопротивление с фронта, противник за дни наступления наших войск подвел резервы и войска с других участков и 31 июля перешел в наступление на правом фланге группы силами двух дивизий. Левый фланг начала быстро охватывать 197-я пехотная дивизия противника, а к Рославию, т. е. в тыл группы генерала В. Я. Качалова, выходил его 24-й моторизованный корпус. 3 августа группа была окружена. После тяжелых боев ей удалось прорвать фронт окружения и соединиться со своими войсками³.

Таким образом, группа не смогла выполнить поставленную ей задачу.

Наступление армейских групп с рубежа р. Воль началось с опозданием: группы генерала В. А. Хоменко — лишь 25 июля и только двумя дивизиями, а группы генерала С. А. Калинина — на день раньше.

Противник вместо 20-й танковой дивизии, противостоявшей ранее группе генерала В. А. Хоменко, перебросил 14-ю и 18-ю моторизованные и за время выдвижения группы успел организовать довольно прочную оборону, особенно в населенных пунктах. Из всей группы генерала В. А. Хоменко лишь 251-я стрелковая дивизия, введенная в бой в ходе сражения, смогла продвинуться на 3—4 км. Остальные дивизии, несмотря на кровопролитные бои, не смогли сбить противника даже с переднего края. 50-я и 53-я кавалерийские дивизии группы, действовавшие на правом фланге с задачей совершить рейд в район городов Демидов и Холм, попали под удар противника и были вынуждены отойти⁴.

Разрозненность наступления оперативной группы генерала С. А. Калинина была предопределена решениями командования Западного фронта и самой группы. Выдвижение 89-й стрелковой дивизии, входившей в резерв фронта, было задержано командующим. 166-ю стрелковую дивизию использовал по своему усмотрению заместитель командующего фронтом генерал А. И. Еременко. Лишь 91-я стрелковая дивизия заняла исходное положение для наступления и то с опозданием на полтора суток. Можно было подождать подхода 89-й стрелковой дивизии, которая была в 12—15 км от р. Воль. Однако

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 350.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2526, д. 13, л. 103.

³ См.: Смоленское оборонительное сражение. ВНУ ГШ, инв. № 137, с. 282—285.

⁴ См.: Там же, с. 256.

генерал С. А. Калинин, «обменявшись мнением» с командирами штаба, «решил начать наступление, не ожидая подхода 89-й дивизии»¹.

Вечером 23 июля 91-я дивизия, форсировав р. Вопь и не встретив сопротивления противника, за ночь прошла 7—8 км и вышла на рубеж Семеновка, Маковка. Здесь она была остановлена ударами авиации и войсками противника на занятом рубеже.

89-я стрелковая дивизия вступила в бой самостоятельно и к 18 часам 25 июля достигла р. Лойня, т. е. также углубилась на 7—8 км. Однако она наступала на удалении до 15 км от полосы 91-й дивизии и поэтому не смогла существенно помочь ей. Против 91-й дивизии противник 25 июля предпринял сильную контратаку. Охваченная с флангов, она начала поспешный отход. Часть подразделений дивизии попала в окружение. За р. Вопь осталась почти вся ее артиллерия².

Поздно вечером на восточный берег р. Вопь отошла и 89-я стрелковая дивизия³.

Войска группы К. К. Рокоссовского, кроме 107-й танковой дивизии, не смогли принять участия в наступлении. На участке группы противник 24 июля нанес удар силами 7-й танковой и 20-й моторизованной дивизий и овладел г. Ярцево. Ожесточенные бои группа генерала К. К. Рокоссовского вела до 26 июля, когда ей вновь удалось овладеть г. Ярцево.

Армейские группы, неудачно предпринявшие наступление 24—26 июля, возобновили его в последующие дни. 28 июля в состав группы генерала С. А. Калинина вошла 166-я стрелковая дивизия. Это позволило нанести более сильный удар. Анализ недостатков, отмеченных в первые дни наступления⁴, позволил улучшить управление войсками, что сказалось на силе ударов. Немецко-фашистское командование было вынуждено усилить рубеж по р. Вопь. И хотя противнику 28 июля удалось перерезать коридор, связывавший 16-ю и 20-ю армии с главными силами фронта, однако выделить достаточно сил для образования прочного фронта окружения даже на наиболее вероятном направлении прорыва наших армий из окружения он не смог. Это позволило 16-й и 20-й армиям к 6 августа в трудных условиях выхода из окружения, связанного с форсированием реки, прорвать заслоны на западном берегу р. Днепр и отойти на ее восточный берег.

Существенную помощь войскам Западного фронта в это

¹ См.: Калинин С. А. Размышления о минувшем. М., Воениздат, 1963, с. 139, 140.

² См.: Там же, с. 142.

³ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 424.

⁴ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 37. М., Воениздат, 1959, с. 386—387.

время оказали контрудары левого фланга 24-й армии в районе Ельни, которые сковали дивизии 46-го моторизованного корпуса противника, пытавшегося нанести удар на Дорогобуж¹.

Несмотря на ограниченное продвижение, первое наступление, предпринятое в Смоленском сражении, имело очень важное значение. Это хорошо прослеживается при рассмотрении решений гитлеровского командования. 23 июля под впечатлением удачного исхода борьбы за смоленские ворота и в районе Смоленска оно разработало дополнение к директиве № 33, в котором намечались овладение до зимы Украиной, быстрый выход к Дону и Волге, захват Кавказа. Под ударами наших войск гитлеровское командование было вынуждено начать пересмотр своих головокружительных планов, а затем отдать распоряжение о временном переходе группы армии «Центр» к обороне².

В журнале боевых действий оперативного отдела ОКХ за 30 июля по этому поводу писалось: «Таким образом, противник получает один месяц времени, чтобы западнее Москвы организованно укрепиться для обороны при одновременном отражении наступления, проводимого в августе недостаточными силами. Этим самым он в конце концов достиг того, что для него очень важно. Постоянной угрозой нашим силам на флангах он расколол их единство. Одновременно ему удалось на несколько недель исключить непосредственную угрозу Москве и этим самым добиться большого политического успеха»³.

Такой сильный эффект наше наступление произвело самим фактом появления крупных оперативных сил, их активностью и упорством в достижении намеченных целей. Они разрушили иллюзии гитлеровского командования о том, что после овладения Смоленском немецким войскам останется только промаршировать до Москвы и далее до Волги, после чего, оставив 50—60 оккупационных дивизий, отвести до зимы основные силы в райх.

Но, оценивая события сейчас, спустя 30 лет, можно сказать, что результат мог быть большим, если бы нашим оперативным группировкам удалось осуществить глубокий прорыв, выйти в тыл противника и на его важные коммуникации.

Причин, которые не позволили прорвать оборону противника и выйти к его уязвимым оперативным пунктам, несколько. Желание быстрее вернуть Смоленск — ключ Москвы и тем стабилизировать положение на Западном направлении приве-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. I. М., Воениздат, 1958, с. 202.

² См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 265—266.

³ Перевод трофейных документов. ВНУ ГШ (ОКХ, оперативный отдел, журнал боевых действий, часть «С», т. II).

ло к поспешной организации наступления. Командующие группами и командиры соединений не могли уяснить всей сложности обстановки и возлагаемых на их войска задач. Принимая решения, они основывались на своем представлении о характере развернувшейся борьбы. Однако эта борьба была намного сложнее, чем она вырисовывалась из общей информации. Оказывало также влияние возможность наступления противника, который держал в своих руках стратегическую и оперативную инициативу, на многих направлениях.

Попытка осуществить удар в целях оперативного прорыва на многих участках привела к распылению и без того многочисленных оперативных группировок. Удары получились слабыми. Отсутствие жестко централизованной организации крупного наступления привело к разновременности и несогласованности их нанесения.

На организацию наступления в армейском и дивизионном звеньях, а тем более ниже отводилось слишком мало времени. Наступление готовилось с большими погрешностями: командиры принимали решение по карте, без рекогносцировки местности и разведки противника, взаимодействие организовывали слабо; наступление групп и дивизий было разрозненным, что облегчало противнику противодействие. Серьезным недостатком оперативных решений являлось и то, что в них не учитывался уровень боеспособности войск, развернутых в короткие сроки из приписного состава. Ряда ошибок можно было избежать, если бы командование фронта и армейских групп по мере приближения начала наступления глубже вникало в обстановку, хорошо знало состояние и положение своих войск, их возможности, положение противника и в соответствии с этим уточняло свои решения.

Попытка прорыва во втором наступлении в районе Смоленска

Второе наступление на смоленском направлении Западный фронт предпринял в середине августа, в сущности, без оперативной паузы, поскольку атаки в целях изматывания противника предпринимались почти каждый день. Обстановка к этому времени существенно изменилась. На московском направлении противник был вынужден перейти к обороне. Для разрешения первого кризиса плана «Барбаросса» немецко-фашистское командование решает провести операции в целях захвата Левобережной Украины, Крыма и Ленинграда¹.

К середине августа оборона противника перед Западным фронтом была значительно усилена. В опорных пунктах и уз-

¹ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 317—318.

лах сопротивления были открыты окопы полного профиля с ходами сообщения, созданы противотанковые и противопехотные препятствия в виде минных полей, заграждений из колючей проволоки в три ряда, малозаметных препятствий. Строились блиндажи с применением бетона, вкапывались в землю танки. Например, на направлении Дубровица, Белый было врыто в землю до 150 танков. Особо прочная оборона создавалась в населенных пунктах и на высотах ¹.

Замысел операции Западного фронта (схема 4) состоял в том, чтобы концентрическим ударом 30-й (четыре стрелковых, танковая и кавалерийская дивизии) и 19-й (пять стрелковых, танковая дивизии) армий в общем направлении на Духовщину окружить и уничтожить духовщинскую группировку противника и выйти своим центром на рубеж Старина, Духовщина, Ярцево. Отсюда намечалось развить удар к востоку от Смоленска с целью окружить ярцевскую группировку противника уже во взаимодействии с левофланговой — 20-й армией фронта, восстановленной после выхода из окружения. На первый этап операции отводилось два дня. Продолжительность второго этапа определялась в зависимости от обстановки.

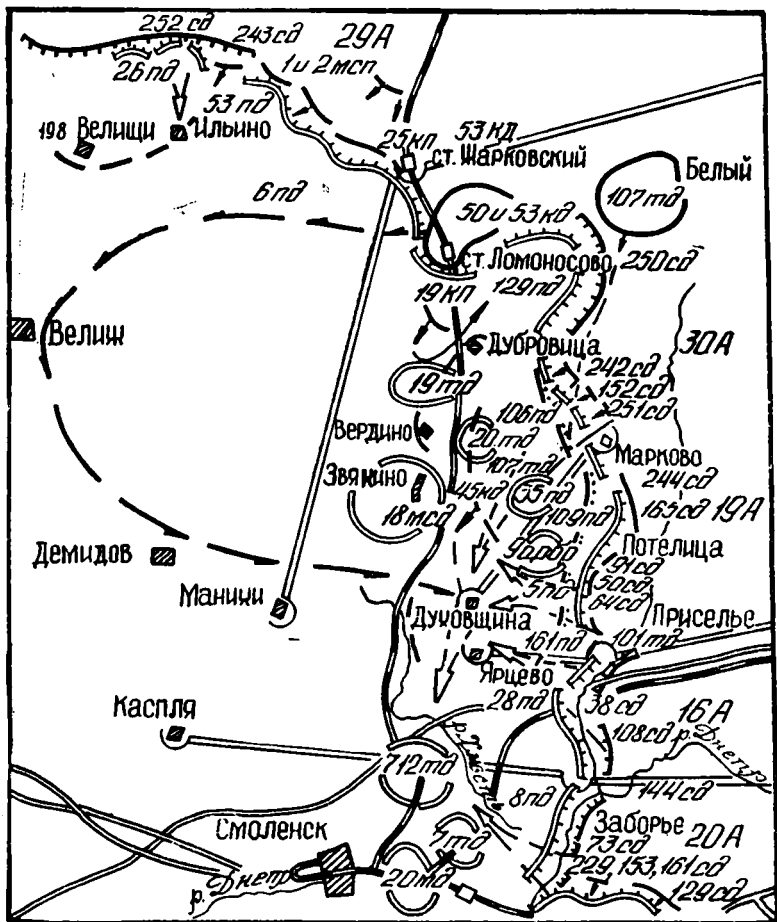
Для содействия 30-й и 19-й армиям предусматривался удар двумя дивизиями 29-й армии и рейд на Велиж, Демидов конной группы генерала Л. М. Доватора в составе двух кавалерийских дивизий ².

Анализируя замысел на вторую фронтовую наступательную операцию, можно сказать, что оперативных перспектив он имел немного. Для главной группировки (19-я и 30-я армии) глубина наступления на первом этапе составляла 25—40 км, а до соединения с 20-й армией было примерно 60 км. Для осуществления первого этапа операции выделялось всего 9 стрелковых, две танковые и три кавалерийские дивизии. По числу дивизий группировка была значительной. Но если учесть, что дивизии были крайне ослабленными, а на усиление могли прибыть только две дивизии (из тринадцати запрошенных), то признать силу ударных групп армий достаточной нельзя. На 1 августа численность 250-й и 251-й стрелковых дивизий 30-й армии, например, была немногим более 5 тыс. человек. В них отсутствовала артиллерия, за исключением 54 82-мм и 8 120-мм минометов на обе дивизии. В 107-й танковой дивизии было 102 боевые машины ³. К 15 августа численность этих дивизий существенно не увеличилась, несмотря на полученное

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 15—17.

² См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 14, 15, 17, 18, схема 1. С 19 августа к операции привлекалась и 16-я армия.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 194, л. 79.

С х е м а 4. Замысел операции Западного фронта на второе наступление в районе Смоленска

армией пополнение. В августе 30-я армия получила 16, а 19-я армия — 14 маршевых батальонов. Но именно в первой половине августа пополнение шло в основном на восстановление 16-й и 20-й армий, вышедших из окружения¹.

Противостоящая группировка противника насчитывала 11 дивизий, из них в первом эшелоне было 4 пехотные дивизии. Непосредственно за ними располагалась мотобригада, а в ближайшей оперативной глубине, на удалении 20—40 км от переднего края, — две танковые, моторизованная и пехотная

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 194, л. 185.

дивизии. Кроме того, против 16-й армии, т. е. угрожая левому флангу 19-й армии, размещались еще две танковые и главные силы одной моторизованной дивизии¹. Если учесть, что численность немецких дивизий была значительно больше, то ударная группировка Западного фронта не имела даже минимального превосходства над противником.

Конечно, равенство сил не исключает успешного проведения наступательной операции, но при непременном условии, что на избранных для прорыва направлениях создается необходимое превосходство над противником. В условиях, когда стратегическая инициатива еще находилась в его руках, создавать это превосходство за счет ослабления второстепенных направлений было трудно. Вместе с тем обстановка требовала активных действий. Поэтому надо было идти на риск и создавать более сильные группировки на главных направлениях. Иначе нельзя было рассчитывать на успех.

Еще в большей мере вызывалась необходимость в максимальном включении в ударные группировки как можно больше артиллерии, ибо в армиях ее было мало и они не могли только за счет своих средств создать высокие плотности орудий и минометов на участках прорыва. По данным на 15 августа, стрелковые дивизии фронта были укомплектованы 82-мм и 120-мм минометами на 30%, а 76-мм и 152-мм орудиями на 36%. Из средств артиллерийского усиления во фронте было 10 корпусных, 6 гаубичных, 4 пушечных и 7 противотанковых полков, 2 минометных батальона и 3 батареи БМ-13. Все они не имели штатной численности.

Недостаток ощущался и в боеприпасах. Накануне наступления в 19-й армии, например, их было всего 1—2 *бк*². При низкой плотности артиллерии на направлениях ударов такое количество боеприпасов не могло обеспечить нужную степень подавления обороны противника.

Необходимость более решительного массирования сил и средств на избранных для наступления направлениях диктовалась и другими причинами: противник отразил наше первое наступление. Это придало его войскам уверенность в своих силах: за три недели он усовершенствовал свою оборону. Все это требовало мощного огневого подавления противника и наращивания силы удара в ходе прорыва.

Опыт подготовки первого наступления убедительно показал, что войска еще не умеют в короткие сроки готовить наступление. Поэтому время на подготовку операции следовало увеличить настолько, чтобы можно было провести необходимый комплекс мероприятий, обеспечивающих успех наступления. Однако времени, как и на первое наступление, было отве-

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 239, л. 1.

² Там же, ф. 209, оп. 2511, д. 190, лл. 162, 353—360.

дено явно недостаточно — немногим более суток. За такое время, кроме приказов, отданных наспех, трудно было что-либо сделать.

Один из недостатков замысла операции заключался и в том, что второе наступление предпринималось на тех же направлениях, что и первое. Это ничего хорошего не предвещало. При поспешной подготовке операции войска, стремясь вовремя занять исходные районы, не могли соблюдать мер маскировки. Противник хорошо видел, куда они перегруппировываются и, следовательно, мог определить, где будут наноситься основные удары. Таким образом, операция готовилась и проводилась без достаточной скрытности и внезапности.

Однако, несмотря на отмеченные недочеты, в планировании этой операции по сравнению с первой были и положительные моменты. Замечается сужение полос для армий, наступавших на главном направлении. Ширина полосы 30-й армии составляла 56 км, 19-й армии — 36 км. Это позволяло иметь оперативную плотность 9 и 6 км на дивизию соответственно. В полосах наступления намечаются участки прорыва. В 30-й армии участок прорыва был шириной 10 км, в 19-й — 11 км, в 20-й — 14 км. Правда, из-за большого некомплекта в дивизиях личного состава и техники эта мера не вела к значительному росту плотностей сил и средств, но все же процесс повышения оперативной плотности войск уже имел место. Дивизии теперь вели наступление на фронте 2,5—4 км, а плотность артиллерии (расчетная) могла быть 30—40 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Продолжительность артиллерийской подготовки возрастает до 45 минут¹.

В оперативном построении 30-й армии во второй эшелон были выделены подвижные соединения — 107-я танковая и 45-я кавалерийская дивизии. Эти дивизии к исходу дня должны были развить удар в глубину для действий по тылам противника в обход Духовщины с запада². Это говорит о намерении командования провести прорыв по принципам теории глубокой операции.

Вместе с тем в задаче, поставленной кавалерийской группе генерала Л. М. Доватора (самостоятельно проникнуть через фронт противника и совершить рейд до Велижа с поворотом на юг до Демидова, а затем на восток до Духовщины), наблюдалось затянувшееся влияние опыта гражданской войны. И хотя значительные лесные участки позволяли кавалерийским соединениям совершать рейды, но в действительности эта возможность была довольно ограниченной, ибо противник располагал таким количеством авиации, что мог не только знать, где каждый день находится рейдирующая группа, но и своими

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 162, 282.

² См.: Там же, с. 18, 281.

бомбо-пулеметными ударами быстро наносить ей невосполнимые потери в людях и конском составе.

Отметим также, что общая протяженность намеченного рейда составляла 160—180 км. С боями он мог занять 8—10 суток. В условиях трудного снабжения войск по воздуху и большого расхода материальных средств успешность такого длительного рейда была сомнительной. Если и следовало его предпринять, то в тесном взаимодействии с главной группировкой 30-й армии, т. е. первоначальным ударом не на Велиж, а на юг в целях разгрома и дезорганизации ближайших тылов противника и обеспечения правого фланга армии. Глубина фактического рейда не превысила 25 км, а пройденный путь без учета тактических маневров составил около 70 км¹.

Поскольку наступление намечалось на местности, которую командиры уже знали, то их решения оказались намного конкретнее, чем в первом наступлении.

Наступление главной группировки фронта началось 17 августа после огневого удара артиллерии армий и всей, хотя и малочисленной, авиации фронта.

30-я армия в первые три дня не имела продвижения. На четвертый день в полосу 162-й стрелковой дивизии были введены 107-я танковая дивизия и два полка 45-й кавалерийской дивизии. Но противнику удалось отразить атаку. Кавалерия понесла большие потери от пулеметного огня. Лишь в результате упорных боев с 23 по 25 августа передний край обороны противника был прорван и войска продвинулись на 1—3 км.

В полосе 19-й армии в первый день наступления только одна дивизия продвинулась на 400—800 м. В дальнейшем противник за счет ввода в сражение 7-й танковой и 14-й механизированной дивизий, а также 87-й пехотной дивизии, переброшенной из Минска, усилил сопротивление.

Военный совет Западного фронта, пытаясь развить наметившийся успех 19-й армии, ввел в ее полосу резервы 30-й армии. Однако их прибытие и ввод в сражение не опережали наращивания усилий противником на угрожаемом для него направлении. В силу этого темп наступления по-прежнему был низкий. По сути дела наступление ограничивалось одной-двумя атаками в сутки, в результате которых удавалось овладеть рядом опорных пунктов. Общее продвижение главной группировки 19-й армии до конца августа составило 8—9 км. Но брешь в обороне противника так и не была пробита. Это не позволило развить тактический прорыв в оперативный.

Вместе с тем в ходе напряженных боев некоторым соединениям противника были нанесены существенные потери. Так, 161-я пехотная дивизия и 900-я мотобригада были потрепаны

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 67—68.

настолько, что немецко-фашистское командование было вынуждено отвести их на доукомплектование¹. Однако 19-я армия также понесла значительные потери — более 5 тыс. человек², в основном пехоты, что уменьшило и без того небольшую ударную силу стрелковых подразделений.

Хотя во втором наступлении был достигнут некоторый прогресс в планировании фронтовой и армейской операции, но недостаток сил, отсутствие решительного превосходства над противником на участках прорыва и поспешность в организации наступления не позволили прорвать оборону противника и добиться намеченных результатов.

Опыт прорыва в третьем наступлении на Смоленск и при ликвидации ельнинского выступа

В связи с ухудшением оперативной обстановки на левом фланге Брянского фронта, где противник нанес удар, стремясь выйти в тыл Юго-Западного фронта, наше Верховное Главнокомандование 25 августа приняло решение на третье наступление на Западный направлении с целью разбить противостоящего противника и к 8 сентября выйти на рубеж Велиж, Демидов, Смоленск, Хисловичи, Петровичи³. К наступлению привлекались войска Западного, Резервного и Брянского фронтов.

Замысел на операцию Западного фронта (схема 5) предусматривал наступление четырех армий (30, 19, 16 и 20-й) в полосе шириной 140 км на глубину 70—90 км⁴ с темпом: при прорыве — 3—4 км, в последующем — 15 км в сутки⁵. К наступлению привлекалось 18 дивизий, понесших значительные потери в предыдущих попытках прорвать оборону противника. Фронту предстояло разгромить до пятнадцати вражеских дивизий⁶, в значительной степени пополненных личным составом и боевой техникой и успевших еще более укрепить свою оборону.

Время перехода в наступление Западного фронта было установлено 30 августа. Следовательно, на подготовку операции отводилось 6 дней, из них пауза между боями второго и третьего наступлений, в сущности, была 2—4 дня⁷. Трое суток

¹ Смоленское оборонительное сражение. ВНУ ГШ, инв. № 137, с. 344—345.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, л. 45, л. 332.

³ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 95, лл. 9—12, 16—19.

⁴ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 94.

⁵ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 22, л. 6; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 106—112.

⁶ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 313, л. 1.

⁷ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 189, 220, 221, 290.

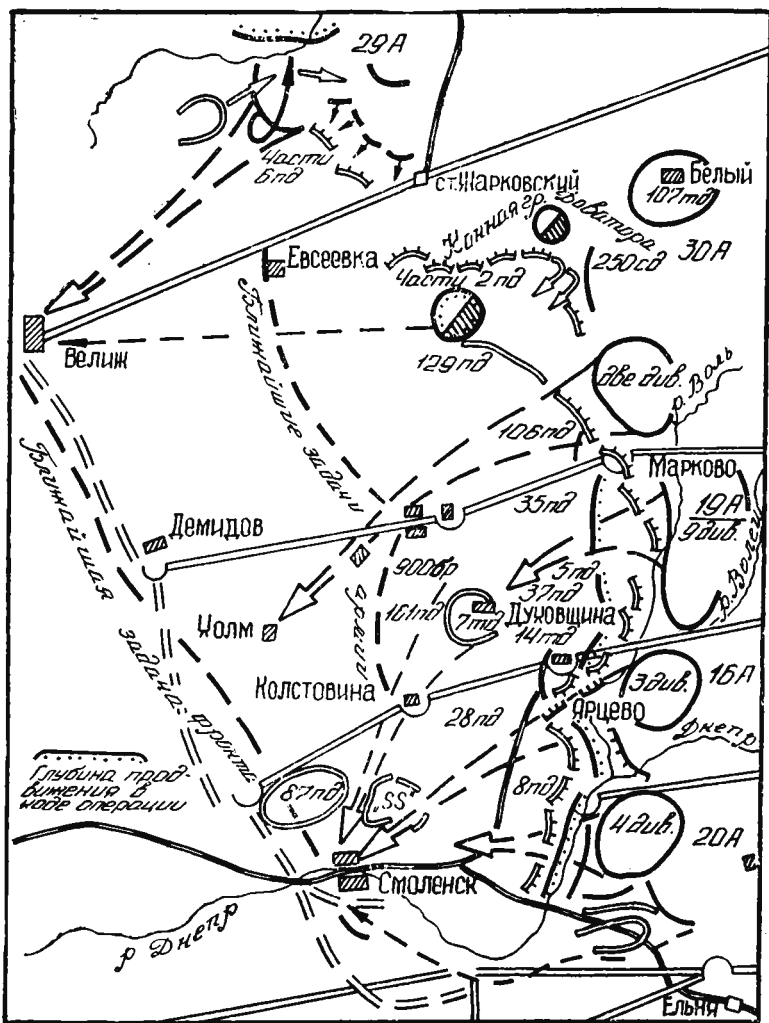

Схема 5. Задачи и действия войск Западного фронта в третьем наступлении в районе Смоленска

использовал командующий (боевой приказ был отдан на исходе 28 августа) ¹ и трое суток оставалось для войск. Естественно, в такие короткие сроки провести в полном объеме весь комплекс подготовительных мероприятий не представлялось возможным, тем более, если учесть, что в ходе первых двух наступательных операций войска понесли потери. Прибывающее маршевыми батальонами пополнение было слабо подго-

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41, М., Воениздат, 1960, с. 93.

товлено к ведению наступательного боя. В войсках ощущался недостаток в боеприпасах, а командный состав еще не приобрел достаточного опыта в организации боевых действий войск в ограниченное время.

Форма оперативного прорыва была такой же, как и в первых двух наступательных операциях. Четыре армии, предназначенные для проведения операции, наносили самостоятельные удары. В отведенное для подготовки операции время иную форму прорыва избрать было трудно, ибо объединение усилий даже двух армий на одном направлении требовало перегруппировки войск. В три дня (с учетом необходимости планирования и подготовки) провести перегруппировку было практически невозможно. В то же время осуществление прорыва силами каждой из наступавших армий неизбежно вело к распылению сил. Правда, по количеству дивизий Западный фронт превосходил противостоящего противника в 1,7 раза. Но реально он имел не больше, чем противник, ибо численность наших дивизий не превышала половины численности его дивизий.

Несомненно, на выбор формы оперативного прорыва оказывала влияние сложная обстановка на Западном направлении. Но и она вряд ли может служить оправданием для нанесения многочисленных, но слабых ударов. Их бесперспективность видели командующие фронтами. В переговорах со Ставкой 4 сентября Г. К. Жуков отмечал: «Как показывает опыт, наносить глубокий удар в 3—4 дивизии приводит к неприятностям, ибо противник такие небольшие группы быстро охватывает своими подвижными частями». Поэтому он предлагал наносить удар 7—8 дивизиями¹.

В армейском звене тенденция к сосредоточению усилий на одном направлении проявилась более определенно. Назначается единый участок прорыва, ширина которого составила: в 30-й армии — до 10 км, в 19-й армии — до 12 км, в 16-й армии — до 5 км². Плотность артиллерии в 30-й армии была до 25—30, а в 19-й армии — до 20—25 орудий и минометов на 1 км участка прорыва³, причем 82-мм и 120-мм минометы составляли 60—90%⁴. Противник имел плотность 12—25 орудий и минометов на 1 км фронта обороны⁵, что не позволяло нашим войскам добиться заметного превосходства в артиллерии даже на участках прорыва.

Избранная ширина участков прорыва создавала предпосылки для наращивания усилий в ходе атаки. Вместе с тем узкие армейские участки имели и свой недостаток — они легко

¹ ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, л. 68.

² Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 46, л. 36; д. 2, л. 6.

³ Там же, д. 1019, лл. 3—4.

⁴ См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. I. М., Воениздат, 1958, с. 35—36.

⁵ См.: Там же, с. 35—37.

простреливались огнем артиллерии с флангов и противник мог массировать на них артиллерийский огонь как во время атаки, так и в ходе развития прорыва. При остром недостатке у нас дальнобойной артиллерии и слабой организации контрбатареинной борьбы прорыв обороны противника на узких участках становился маловероятным. Это диктовало необходимость образования фронтового участка прорыва с сосредоточением на нем сил двух-трех армий, но условия обстановки не позволили сделать это практически.

Войска Западного фронта перешли в наступление 1 сентября после 15—45-минутной артиллерийской подготовки. Оборона противника оказалась подавленной слабо, и наши соединения встретили упорное сопротивление. Особенно трудным было дивизиям 20-й армии, которым предстояло форсировать р. Днепр. В первый день они захватили лишь небольшой плацдарм. Дивизии других армий продвинулись на 1—2 км¹.

Уже первый день наступления показал, что оборона противника значительно усовершенствована, в ней оборудовано много дзотов и прорвать ее без мощного огневого поражения не удастся. Несмотря на это, командование Западного фронта требовало продолжать наступление. Конечно, неудача первых атак не могла служить основанием для приостановки наступления. Необходимость его в стратегическом плане была огромной, ибо нужно было заставить противника отвлечь некоторые силы с Юго-Западного направления и тем самым создать условия для стабилизации там положения или предотвращения окружения основных сил Юго-Западного фронта к востоку от Днепра. С этой точки зрения требование командующего Западным фронтом продолжать наступление было вполне обоснованным. Но оно превышало возможности армий. Это видно из разговора, состоявшегося 3 сентября между маршалом С. К. Тимошенко и генералом К. К. Рокоссовским, армия которого добилась наибольшего успеха (овладела г. Ярцево) и конечных результатов наступления.

«101-ю танковую дивизию, — говорил маршал С. К. Тимошенко, — переподчиняю Вам. Ударом 101-й, 1-й танковых и 127-й стрелковой дивизий в общем направлении на Узволье нанести решительный удар и к исходу дня выйти к Крутиково, Узволье. От 38-й дивизии потребовать решительного продвижения вперед. 152-ю дивизию направить на обеспечение удара»². Генерал К. К. Рокоссовский ответил, что и с подчинением 101-й танковой дивизии положение ничуть не улучшится, ибо она сильно ослаблена длительными боями, а 1-я танковая дивизия не может служить ударной силой. Но командующий фронтом настаивал на своем, и лишь безуспешность наступ-

¹ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 41. М., Воениздат, 1960, с. 142, 144.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 136, лл. 33—34.

ления в последующие дни убедила его, что оно не удалось. 5 сентября он был вынужден отдать распоряжения 30-й и 19-й армиям закрепиться. 16-я и 20-я армии продолжали наступление до 9 сентября. Наибольшее их продвижение составило 3 км. Оборону противника прорвать не удалось.

10 сентября распоряжение на переход к обороне войск Западного фронта отдала и Ставка: «Длительное наступление войск фронта на хорошо окопавшегося противника ведет к большим потерям. Противник отошел на заранее подготовленные оборонительные позиции, и наши части вынуждены прогрызать ее. Ставка приказывает прекратить дальнейшие атаки противника, перейти к обороне...»¹.

Недостатки, обнаружившиеся при подготовке и проведении прорыва войсками Западного фронта в Смоленском сражении, оказались типичными, ибо еще в большей мере они проявились на Брянском и Резервном фронтах при попытке разгрома танковой группы Гудериана. В полосе 300 км наносились пять ударов силами трех-четырёх дивизий каждый. Фронтные и армейские операции готовились поспешно. Например, командующий Брянским фронтом на подготовку наступления подвижной группы в составе 108-й танковой дивизии, только что выгрузившейся из эшелонов, 141-й танковой бригады и 4-й кавалерийской дивизии отвел всего одни сутки. При этом соединениям были поставлены задачи, слишком далекие от реальных: в первый день войска должны были пройти 60—70 км на юго-запад, затем повернуть на юго-восток и за вторые сутки пройти 150—160 км, разбив при этом два моторизованных корпуса противника².

Первой перешла в наступление подвижная группа. Она быстро прорвала слабую оборону противника и в первый день продвинулась на 15—20 км. Однако охваченная затем с флангов группа попала в окружение и потеряла много танков.

Армии перешли в наступление через три дня. На ряде участков они прорвали неглубокую тактическую оборону противника³, но развить успех в глубину им было нечем. Подошедшие вражеские резервы остановили их наступление.

Резервный фронт, кроме наступления одной армией совместно с Брянским фронтом, предпринимал несколько наступлений с целью ликвидировать ельнинский выступ силами 24-й армии, откуда противник угрожал тылам как Западного, так и Брянского фронтов.

Командующий армией предпринял наступление, в сущности, по всей дуге, охватывавшей г. Ельню (схема 6). Каждая дивизия должна была прорывать хорошо подготовленную оборону на самостоятельном участке. Одновременно с окруже-

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, л. 184.

² Там же, ф. 202, оп. 5, д. 63, лл. 93—94.

³ Там же, лл. 1—3; д. 63, лл. 160—172.

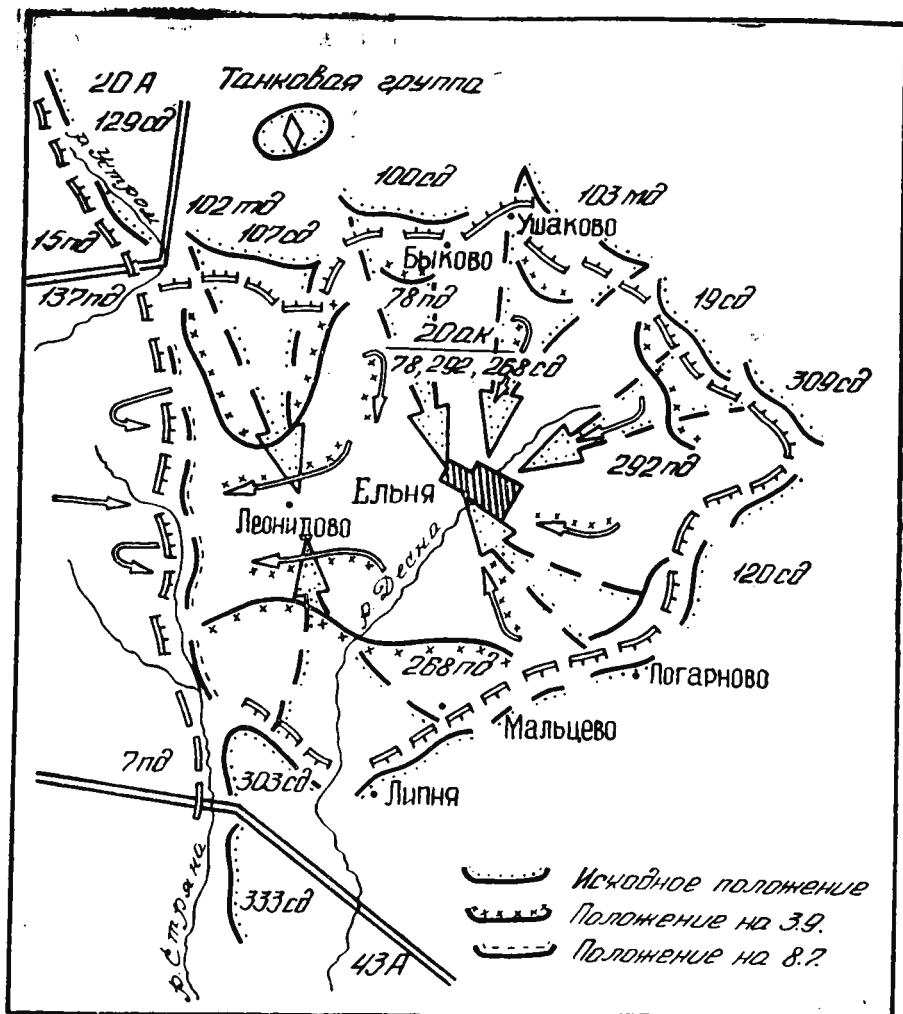

Схема 6. Решение командующего 24-й армией и ход Ельнинской операции
 нием предусматривались рассеивание и уничтожение группировки противника.

Наступление десяти дивизий, развернутых на широком фронте, без создания ударных группировок привело к тому, что ни на одном из направлений не были созданы необходимые плотности войск. В среднем они составляли: по пехоте — 1,5—3 стрелковых батальона половинного состава, по артиллерии — от 20 до 30 орудий и минометов на 1 км атакуемого участка. В силу этого прорыв принял форму «прогрызания» обороны, медленного сужения горловины окружаемых войск.

За пять дней дивизии продвинулись на 2—4 км на дуге и до 5—6 км против горловины, которая к 4 сентября была сжата до 6 км¹.

Полностью завершить прорыв не удалось. И хотя противник понес значительные потери, однако, используя незавершенность прорыва, он смог отвести часть своих сил с ельнинского выступа на подготовленный рубеж.

Подводя итоги наступательным действиям армий Западного направления в ходе Смоленского сражения, можно сказать, что, несмотря на ограниченное продвижение наших войск и частичное выполнение ими боевых задач, предпринятые наступательные операции имели большое значение. Именно они заставили немецко-фашистское командование впервые во второй мировой войне перейти к обороне.

Вместе с тем наступательные действия наших войск в районе Смоленска оказали определенное влияние на формирование взглядов на подготовку и ведение наступательных операций в новых условиях, в частности на организацию и осуществление прорыва.

Накануне Великой Отечественной войны было признано, что фронтовая инстанция есть категория оперативно-стратегическая, вместе с общим планированием боевых усилий войск она должна заниматься и непосредственным руководством войсками при подготовке и в ходе операции.

Командующие фронтами, руководствуясь этим положением, не только отдавали директивы и боевые приказы, но и нередко сами выезжали в войска для оказания им помощи в организации наступления. Проявляя при проведении наступательных операций большую твердость в управлении войсками, они навязывали противнику свою волю и вынуждали его выделять все больше сил и средств для обороны. Это сыграло большую роль в изменении оперативно-стратегической обстановки на Западном направлении и позволило выиграть крайне необходимое время для создания стратегических резервов и перевода промышленности на военный лад.

Следует отметить, однако, что обновленный в предвоенные годы командный состав, особенно армейского и дивизионного звеньев, не успел глубоко овладеть принципами наступления, разработанными советским военным искусством, и применить их в резко изменившихся условиях вооруженной борьбы, вызванных неудачным для нас началом Великой Отечественной войны. Иначе говоря, наши командиры и войска, как отмечал Верховный Главнокомандующий по окончании Смоленского сражения, еще не были готовы к серьезным наступательным операциям². В ряде случаев неуспех наших наступательных

¹ ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, лл. 68—70.

² Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 47.

боев и операций являлся «прямым следствием их плохой организации и подготовки»¹. В этом сказались как сложность обстановки, так и отсутствие боевого опыта у большинства командиров и прибывавших на фронт соединений, сформированных в крайне сжатые сроки. К тому же у войск недоставало вооружения, транспорта и нередко боеприпасов. Попав в сложнейшие условия боевой обстановки, они проявляли немало героизма, упорства и мужества, но им не хватало сил, средств и умения вести наступление, осуществлять прорыв обороны противника и особенно готовить его в ограниченные сроки в тех особых условиях, которые сложились летом 1941 г.

Ценность первых наступательных операций на Западном стратегическом направлении состоит в первую очередь в том, что командиры и войска получили необходимый боевой опыт. В ходе операций отыскивались такие приемы и методы их организации, которые в наибольшей мере отвечали сложившимся условиям вооруженной борьбы. Ставка и командования фронтов пришли к выводу, что уменьшеннс в 3—4 раза состава армий, количества ее огневых средств, высокая подвижность войск противника настоятельно требуют объединения на одном операционном направлении усилий нескольких армий, создания «кулаков в семь-восемь дивизий»², позволяющих достигать решительного превосходства над противником и осуществлять прорыв в высоком темпе. Особенно важно хорошо организовать авиационно-артиллерийскую подготовку и сопровождать огнем наступление пехоты и танков на всю глубину прорыва³.

Опыт показал, что предельно ограниченные, а часто и совершенно нереальные сроки подготовки прорыва крайне отрицательно сказываются на качестве его планирования и всестороннего обеспечения, создании ударных группировок и согласовании действий войск. Затрудняется достижение скрытности при перегруппировках, выдвижении соединений и частей из глубины и занятии ими исходного положения для наступления. Конечно, время на подготовку прорыва в значительной мере зависит от конкретных условий обстановки, выучки и боевого опыта командиров, штабов и войск. Чем сложнее обстановка и меньше опыт, тем больше требуется внимания к таким вопросам, как создание необходимой группировки войск, определение направления главного удара и массирование на нем сил и средств, организация взаимодействия и порядок ведения операции. Непременным условием успеха во всех случаях является хорошее знание противника и возможного характера его действий.

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 91, лл. 288—290.

² Там же, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, лл. 1, 2, 68—70.

³ Там же, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, лл. 293, 429.

Успех прорыва обороны противника, как показал боевой опыт, во многом зависит от результатов первого дня наступления. Повторение атак на тех же направлениях в последующие дни, когда противник приблизил к участкам прорыва резервы, не дает ощутимых результатов. Многодневные атаки, проводимые в целях сковывания сил противника без надежного огневого подавления, приводят лишь к большим потерям. Это ухудшает соотношение сил на участках прорыва, не создает угрозы глубокого прорыва и потому не может сковать на длительное время оперативные резервы противника.

Безусловно, многие из этих положений были хорошо известны в военной теории. Теперь боевая практика открыла перед командующими и командирами значение правильного применения принципов военного искусства в каждой операции, в каждом бою в соответствии со складывающейся обстановкой.

Для того чтобы полученный опыт стал достоянием всего командного состава, необходимо было его обобщить и довести до войск. Однако сложные, нередко критические события осенью 1941 г. не позволили этого сделать. Ценные выводы и мысли пока оставались в записях переговоров по прямому проводу, в частных директивах, шифровках и приказах. Это, несомненно, сказалось на планировании фронтовых и армейских наступательных операций в контрнаступлении под Москвой, подготовке и осуществлении первой и наиболее трудной их части — прорыва обороны противника.

2. ПРОРЫВ В ОПЕРАЦИЯХ ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1941/42 г.

Важнейшими событиями зимней кампании 1941/42 г. явились контрнаступление под Москвой и общее наступление Красной Армии.

Контрнаступление под Москвой начиналось в сложной для Советского Союза обстановке. Ряд важнейших в экономическом отношении районов нашей страны был захвачен противником. На временно оккупированной территории СССР до войны добывалось 63% угля, выплавлялось 68% чугуна и 58% стали, производилось 60% алюминия, 38% зерна, 84% сахара¹.

Из-за перебазирования многих заводов в тыл страны выпуск валовой продукции к ноябрю 1941 г. сократился в два раза, цветных металлов — в 430 раз, подшипников — в 21 раз. Вследствие этого к декабрю 1941 г. снизилось производство вооружения и боеприпасов. Во фронтах ощущался их недоста-

¹ См.: *Вознесенский Н.* Военная экономка СССР в период Отечественной войны. М., Госполитиздат, 1948, с. 42.

ток. Так, на 1 января 1942 г. укомплектованность вооружением Западного и Калининского фронтов по отношению к штатной численности составляла: по винтовкам — 66,7%, по станковым пулеметам — 36%, по ручным пулеметам — 60,6%, по минометам — 45%, по орудиям наземной артиллерии — 66%, по зенитной артиллерии — 45%¹

И все же в предвоенные годы были накоплены достаточные запасы вооружения. Благодаря нанесенным противнику в летне-осенние месяцы ощутимым потерям его превосходство значительно снизилось, а боевой состав танков был уже равным. В действующей армии было около 3,4 млн. человек, до 22 тыс. орудий и минометов, 583 установки реактивной артиллерии, 1954 танка и 1289 самолетов. Вражеская армия вместе с союзниками имела около 4 млн. чел., 26,8 тыс. орудий и минометов, 1940 танков и 2430 самолетов². Но стратегическая обстановка для нас продолжала оставаться очень сложной. Противник блокировал Ленинград, прорвался к Тихвину, вел наступление на Москву, к декабрю полукольцом охватил Московский промышленный район, овладел Харьковским и Донбасским промышленными районами.

В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переходе в контрнаступление под Москвой. Ставка решила привлечь к контрнаступлению войска Западного, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронтов.

Организация и осуществление прорыва при переходе в контрнаступление под Москвой

Замысел Ставки на контрнаступление под Москвой предусматривал нанесение одновременных и мощных ударов силами трех фронтов по группировкам врага, угрожавшим Москве, с тем, чтобы нанести им решительное поражение и отбросить их от непосредственной близости к Москве³.

Контрнаступлению под Москвой предшествовали удары под Тихвином и Ростовом-на-Дону, которые отвлекли внимание и силы немецко-фашистского командования от Западного направления.

Чтобы лишить противника возможности закрепить захваченные рубежи, переход в контрнаступление был намечен на первые дни декабря.

¹ ЦАМО, ф. 81, оп. 103988, д. 2, лл. 112—116.

² См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 272; Василевский А. М. Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 164.

³ См.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 347.

К моменту перехода наших войск в контрнаступление противник предпринял попытки продолжить наступление лишь у Солнечногорска, Наро-Фоминска и Тулы. На остальных участках фронта он перешел к обороне и за несколько дней смог создать оборону в виде отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления в населенных пунктах, у узлов дорог и на важных в тактическом отношении высотах. Наиболее сильная оборона была к северу от Москвы. На подступах к Туле промежуток между узлами обороны достигали порой нескольких километров. Однако по рекам Шат и Дон противник начал готовить сильный оборонительный рубеж.

На основании общего замысла на контрнаступление Ставка определила задачи фронтам. В ее директиве указывалось: «Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших 2—3 дней ударную группировку в составе не менее 5—6 стрелковых дивизий, нанести удар с фронта исключительно Калинин, исключительно Судимирка в направлении Микулино-Городище и Тургиново. Задача: выходом на тылы клинковой группировки противника содействовать уничтожению последней войсками Западного фронта»¹.

В основу задач Западному фронту легли предложения командования фронта, представленные в Ставку 30 ноября 1941 г. Ближайшая задача войск фронта состояла в том, чтобы ударами на клинско-солнечногорском и истринском направлениях разгромить северную группировку противника на правом крыле фронта и ударами на Узловую и Богородицк, во фланг и тыл группе Гудериана разбить противника на левом крыле фронта². «Для постановки войскам фронта более далеких и решительных целей, — писал Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, — у нас тогда еще не было сил. Мы стремились только отбросить врага как можно дальше от Москвы и нанести ему возможно большие потери»³.

Армии правого крыла Юго-Западного фронта должны были разгромить елецкую группировку врага и, развивая наступление на орловском направлении, содействовать войскам левого крыла Западного фронта в разгроме 2-й танковой армии⁴.

Таким образом, в замысле Ставки на контрнаступление предусматривалось силами трех фронтов нанести четыре фронтовых удара в полосе более 600 км. Для осуществления каждого из них привлекались две-четыре армии, что было значительным шагом вперед в искусстве сосредоточения сил для удара на избранных направлениях.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 108.

² См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 281.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 347.

⁴ ЦАМО, ф. 202, оп. 9, д. 11, лл. 164—165.

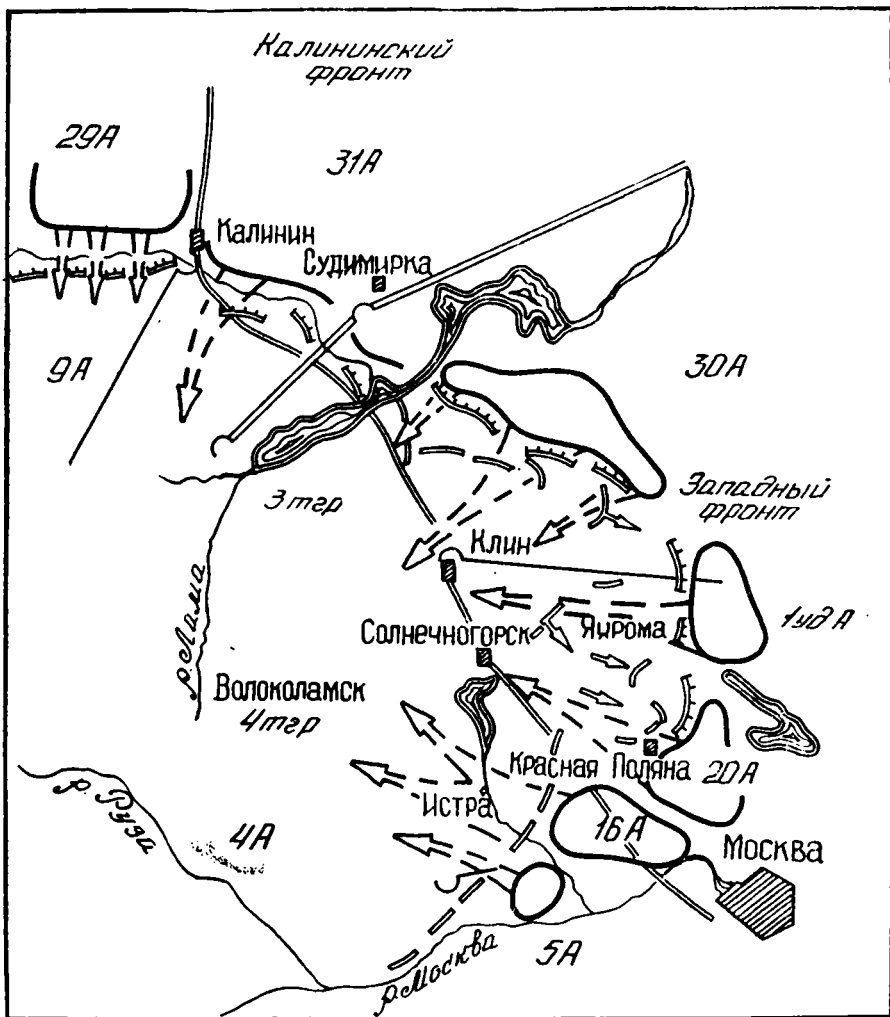
В директивах фронтам на контрнаступление стремление к решительному массированию сил и средств проявилось достаточно отчетливо. Так, в директиве Ставки от 1 декабря 1941 г. говорилось: «Частные атаки на разных направлениях, принятые войсками Калининского фронта 27—29.11 неэффективны. Ставка Верховного Главнокомандования приказала: Калининскому фронту, сосредоточив в течение ближайших двух-трех дней ударную группировку в составе не менее пяти-шести сд, нанести удар с фронта (иск) Калинин, (иск) Судимирка»¹, т. е. на одном участке.

Однако при подготовке фронтами операций эта идея не нашла убедительного воплощения. Фронтные удары по-прежнему расчленялись на несколько армейских ударов, наносимых на самостоятельных направлениях (схема 7). Удар Калининского фронта осуществлялся фактически силами 29-й и 31-й армий на разобщенных участках восточнее и западнее Калинина, удаленных друг от друга на 20 км. На правом крыле Западного фронта к удару привлекались 30-я, 1-я ударная, 20, 16, а затем и 5-я армии. При этом расстояние между армейскими ударами составляло: 30-й и 1-й ударной армий — 30 км, 1-й ударной и 20-й армий — около 15 км, 20-й и 16-й армий — примерно 10 км². Еще большие расстояния были между главными ударами армий левого крыла Западного фронта (до 50 км) и правого крыла Юго-Западного фронта (90 км).

Безусловно, разьединение фронтного удара на ряд армейских диктовалось необходимостью перехода в контрнаступление без паузы, что не позволяло провести значительных фронтных перегруппировок. Однако сложность обстановки не исключала полностью возможности нанесения удара на одном участке хотя бы двумя армиями. Такая возможность, в частности, имелась на правом крыле Западного фронта, где из резерва Ставки вводились две армии (1-я ударная и 20-я). Это позволяло совместить удар хотя бы одной из них с ударом 16-й или 30-й армии. Но эта возможность не была использована, видимо, и потому, что в практике на подготовку операций продолжали оказывать влияние предвоенные взгляды на самостоятельный прорыв силами ударной армии. В менее сложных оперативно-стратегических условиях наши высшие оперативные инстанции, вероятно, быстрее пришли бы к мысли, что при уменьшенном составе армий более целесообразно наносить удар объединенными усилиями двух-трех армий. К началу контрнаступления под Москвой эта идея еще не оформилась, хотя ростки ее уже были заметны, о чем свидетельствует оценка Ставкой ударов Калининского фронта, нанесенных в конце ноября 1941 г.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 30, л. 108.

² См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., Воениздат, 1964, с. 182—185.

С х е м а 7. Сосредоточение усилий армий Западного и Калининского фронтов при переходе в контрнаступление под Москвой

В планировании и осуществлении армейских ударов также не были выработаны единые принципы. Некоторые командующие армиями и штабы быстро обобщали опыт и находили решения, вполне отвечавшие изменившимся условиям боевых действий. Так, командующий 31-й армией Калининского фронта генерал В. А. Юшкевич решил нанести мощный удар силами трех дивизий из пяти на одном участке шириной 6 км, составлявшем 15% ширины полосы наступления. Это позво-

лило иметь одну дивизию примерно на 2 км и 45 орудий разного калибра на 1 км участка прорыва ¹.

Командующий 29-й армией генерал И. И. Масленников назначил три участка прорыва общей шириной 25 км. На каждом из них действовало по одной дивизии. Это привело к распылению сил и, естественно, отрицательно сказалось на результатах наступления.

30-я армия Западного фронта также наносила три удара, хотя надо признать, что направление главного удара здесь было выражено довольно убедительно (три стрелковые дивизии и две танковые бригады на фронте 10 км). Но плотности сил и средств на участках прорыва ввиду их недостатка были невысокими: в первом эшелоне — одна дивизия на 4,5 км, 15 орудий и 1 танк на 1 км. Чтобы добиться необходимого поражения противника огнем и компенсировать в какой-то мере недостаток в артиллерии командующий приказал значительное число орудий выставить на прямую наводку. Для усиления эффекта первого удара и достижения внезапности было решено атаку предпринять ночью и тем самым добиться быстрого прорыва обороны противника.

1-я ударная армия осуществляла прорыв на одном участке шириной 11 км. Первый эшелон состоял из двух стрелковых дивизий и шести стрелковых бригад, усиленных двумя танковыми батальонами, второй — из двух стрелковых бригад. Если приравнять две бригады к одной дивизии, то плотность стрелковых войск на участке прорыва получалась высокой для того времени — одна дивизия примерно на 2 км. Однако плотность артиллерии из-за недостаточного ее количества в армии составляла 16 орудий на 1 км².

20-я армия — самая малочисленная из армий правого крыла Западного фронта (две стрелковые дивизии, три стрелковые и две танковые бригады, два танковых батальона; всего — около 25 тыс. бойцов и 54 танка) ³ — наносила удар на одном направлении. В первый эшелон армии были выделены стрелковая дивизия и две стрелковые бригады, усиленные небольшим количеством танков. Особенность избранного участка прорыва состояла в том, что он приходился на крупный населенный пункт Красная Поляна, протянувшийся на 3 км вдоль р. Мещериха. Овладение им должно было привести к образованию бреши в обороне противника. Для выполнения этой задачи выделялись 331-я стрелковая дивизия и 28-я стрелковая бригада. Это позволяло иметь до четырех батальонов, 16 орудий и минометов на 1 км фронта ⁴.

¹ См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., Воениздат, 1964, с. 186.

² См.: Артиллерия в боевых примерах. М., ВАФ, 1967, с. 119.

³ ЦАМО, ф. 373, оп. 5331, д. 4, лл. 2—16.

⁴ См.: Артиллерия в боевых примерах. М., ВАФ, 1967, с. 116.

Нет сомнения, что овладение крупным населенным пунктом привело бы к образованию широкой бреши в обороне противника, построенной по системе опорных пунктов и узлов сопротивления, расположенных в основном в городах и деревнях. Вместе с тем при отсутствии превосходства в огне это ставило наступающие войска в очень трудное положение, и возможность осуществления быстрого прорыва становилась довольно проблематичной. К моменту перехода армии в наступление противник уже восемь дней занимал Красную Поляну и успел хорошо приспособить ее к обороне. Ее оборонял усиленный, в том числе танками, пехотный полк¹. При укомплектованности соединений 20-й армии к 6 декабря на 60—70%² и принятой группировке войск на направлении главного удара существенного превосходства над противником, оборонявшим Красную Поляну, не создавалось, особенно в огневых средствах. К тому же для ее удержания противник мог привлекать огневые средства, особенно артиллерию, с прилегающих участков.

В наиболее сложных условиях организацию прорыва пришлось осуществлять командованию 16-й армии. В течение всей второй половины ноября эта армия вела ожесточенные оборонительные бои. Ее дивизии понесли столь большие потери, что в отдельные дни численность полков не превышала 200—500 чел. Пополнение с менее активных участков Западного фронта прибывало отдельными ротами и даже взводами, что намного усложняло восстановление минимально необходимой численности соединений армии.

Там, где предстояло наступать 16-й армии, противник наиболее близко подошел к Москве. Оставлять населенные пункты было уже невозможно, а их удержание требовало предельного напряжения сил. В условиях угрозы наступления противника к Москве крайне затруднялись перегруппировка войск армии и сосредоточение основных усилий на направлении главного удара. Переход в наступление всех соединений с началом операции был невозможен.

В этой обстановке командующий армией генерал К. К. Рокоссовский принял решение нанести удар в направлении Крюково—Истра силами 8-й гв. стрелковой и 44-й кавалерийской дивизий, 17-й стрелковой и 1-й гв. танковой бригад. Для поддержки наступления привлекалось 783 орудия, миномета, реактивные установки, что позволяло создать значительные для 1941 г. плотности артиллерии—до 37 орудий на 1 км фронта, из них 33 калибра 76 мм и выше. После овладения Крюково намечался переход в наступление остальных сил армии.

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 760, л. 1.

² См.: Провал гитлеровского наступления на Москву. М., «Наука», 1966, с. 278.

Как видно, командующий 16-й армией выбрал участок прорыва в пределах крупного населенного пункта, что так же, как и в 20-й армии, нельзя признать удачным. Но произошло это не потому, что он не знал, как трудно овладеть населенными пунктами, а из-за давления задач обороны на принимаемое решение на наступательную операцию. Еще 2 декабря командующий получил задачу вернуть Крюково, и она оставалась в силе. Поэтому, сосредоточивая силы для овладения Крюково, он одним ударом намеревался выполнить задачу от 2 декабря и, образовав здесь брешь, осуществить наступательную операцию. При отсутствии у противника резервов это позволяло войскам армии нарушить устойчивость первой линии его обороны и развить удар в глубину.

Но Крюково, как и Красная Поляна, было сильно укреплено. Это требовало мощного удара и умения войск вести бой в населенном пункте. Того и другого в войсках армии еще не доставало, что сказало на ходе операции. Вместе с тем в Крюково, как и в других населенных пунктах, находились основные силы противника. Оставлять их вне воздействия в начале прорыва было опасно, ибо они могли нанести удар во фланг и даже в тыл 16-й армии и сорвать операцию на главном направлении. Немаловажным было и то, что населенные пункты являлись узлами дорог. В условиях снежной и морозной зимы овладение ими позволяло получить большие преимущества над противником в маневре силами и средствами.

Как бы ни важны были обстоятельства, вынуждавшие командование армий начинать операции, а значит начинать прорыв обороны с овладения населенными пунктами, признать вполне целесообразным такие решения в условиях недостатка сил и средств нельзя. Затяжная борьба за населенные пункты замедляла прорыв, что давало противнику возможность принять контрмеры. Но сосредоточение значительных сил на одном направлении и переход в наступление остальными силами только после создания главной группировкой бреши в обороне противника, как и в 31-й армии Калининского фронта, являлось развитием опыта, приобретенного войсками Западного фронта в Смоленском сражении.

На левом крыле Западного фронта положение советских войск также было тяжелым. Хотя противник здесь находился от Москвы намного дальше, чем с севера, но между Западным и Юго-Западным фронтами образовался большой разрыв, прикрывавшийся отдельными отрядами. Почти совершенно открытыми оставались Рязань, важные военно-промышленные города Коломна, Ногинск, где предполагалось соединение 2-й танковой армии с войсками 3-й и 4-й танковых групп. Под угрозой находилась Тула с ее оружейным, металлургическим и другими заводами. 50-я армия, оборонявшая Тулу, и войска всего левого крыла фронта имели большой некомплект в лич-

ном составе и вооружении. Лишь месяц назад 50-я армия вышла из окружения, с середины ноября она вела напряженные боевые действия с превосходящими силами противника и ее физические возможности были на пределе.

Для нанесения удара на стыке Западного и Юго-Западного фронтов Ставка выдвигала две свежие армии — 10-ю и 61-ю.

2 декабря 10-я армия, имевшая в своем составе восемь стрелковых и три кавалерийские дивизии, была передана в состав Западного фронта и получила задачу «с исходного положения Зарайск, Пронск нанести главный удар в направлении Михайлов, Сталиногорск. Вспомогательный удар стрелковой дивизией — от Зарайска через Серебряные Пруды в направлении Венева. Важнейшая задача — разбить группу Гудериана и овладеть районом Сталиногорск, Узловая к исходу 10.12.1941 г. Начало наступления армии с исходного положения с утра 6.12.1941 г.

Для обеспечения армии слева и связи с Поповым (командующий 61-й армией — А. Р.) в направлении Пронск, Епифань ввести не менее дивизии с задачей овладения районом Епифань не позже исхода 10.12.1941 г.»¹.

Кроме 10-й армии на левом крыле Западного фронта к контрнаступлению привлекались усиленный 1-й гв. кавалерийский корпус, 49-я и 50-я армии. Последней было приказано нанести два удара — в южном направлении на Щекино и в юго-восточном направлении — на Сталиногорск (Новомосковск) для содействия разгрому войск 2-й танковой армии противника в районе Тулы². Но ввиду того, что 50-я армия вела напряженные бои с двумя танковыми дивизиями, обошедшими Тулу с севера, ее наступление могло начаться только 8 декабря. 49-я армия получила задачу окружить и уничтожить алексинскую группировку противника и в дальнейшем развить наступление на Калугу.

Во исполнение полученной задачи командующий 10-й армией генерал Ф. И. Голиков решил главный удар нанести четырьмя дивизиями, поставленными в первый эшелон. Сюда же нацеливались две стрелковые и одна кавалерийская дивизии из второго эшелона. Удар на Венев должна была наносить 322-я стрелковая дивизия, а обеспечение левого фланга возлагалось на 326-ю стрелковую и 41-ю кавалерийскую дивизии. Таким образом, фронт и армия в полосе наступления шириной около 100 км решили осуществить три удара. Хотя это решение, казалось, вело к некоторому распылению сил, однако оно вполне отвечало сложившейся обстановке.

Оборона противника в полосе 10-й армии представляла собой редкую линию опорных пунктов и узлов сопротивления.

¹ ЦАМО, ф. 353, оп. 66707, д. 1, л. 451.

² См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., Воениздат, 1964, с. 183.

Сосредоточение на главном направлении семи дивизий обеспечивало взлом обороны противника и наступление в глубину. Еще два удара необходимы были для обеспечения главной группировки с флангов и боевой связи с соседями. Кроме того, они позволяли одновременно взять под активное воздействие все силы противника, растянутые на широком фронте, и уже первым мощным ударом образовать, в сущности, оперативную брешь в обороне противника. Это ставило 2-ю танковую армию в тяжелое положение и затрудняло ей ликвидацию прорыва и противодействие нашему наступлению.

Средняя оперативная плотность на направлении главного удара в полосе 38 км составляла одна дивизия на 5,4 км. Это позволяло добиться превосходства над противником, хотя общее соотношение сил на фронте развертывания армии было: по пехоте — 2,2 : 1, по артиллерии — 1,2 : 1 в нашу пользу, а по танкам — 5 : 1 в пользу противника¹. На вспомогательных направлениях дивизии наступали в полосах 16—20 км, однако основные усилия сосредоточивали на участках 5—8 км.

В 10-й армии не хватало артиллерии. Средняя плотность на направлениях действий соединений составляла 9—10 орудий и минометов на 1 км фронта. Недостаток в артиллерии усугублялся острой нехваткой боеприпасов, к тому же до 80% боекомплектов составляла шрапнель², по сути дела, снятая с вооружения.

Из авиационных средств армии была придана 28-я смешанная авиационная дивизия, но ее боевая численность не достигала и полка (5 Як-1, 9 Р-5, 15 ПО-2).

В 50-й армии удары наносились небольшими силами и, в сущности, имели сковывающий характер. Наступавшие дивизии имели полосы от 10 до 25 км. Сосредоточение сил достигалось сужением дивизионных участков прорыва, которые составляли от 1/3 до 1/2 полосы наступления.

На Юго-Западном фронте прорыв планировался так же, как и на других фронтах. Группа генерал-лейтенанта Ф. Я. Костенко должна была осуществить прорыв на двух участках, 13-я армия — на одном. Прибывшая в состав фронта 61-я армия тоже наносила удар на одном направлении.

Обобщая положения, которыми руководствовалось наше командование в контрнаступлении под Москвой при выборе количества и направлений ударов, ширины участков прорыва и создаваемых на них группировок, можно сделать вывод, что в основе их лежало острейшее требование обстановки — как можно быстрее, без сложных перегруппировок, пока противник не успел закрепиться, перейти в наступление, разгромить

¹ ЦАМО, ф. 1388, оп. 19655с, д. 3, л. 30. Имевшиеся в армии 12 танков израсходовали моторесурсы и участия в боях принять не могли.

² См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 55.

угрожавшие Москве группировки врага и отбросить их от столицы. В связи с этим в большинстве армий наносилось по два-три удара, что не позволяло решительно сосредоточивать усилия на главном направлении. Плотности сил и средств на участках были невысокими (табл. 1).

Таблица 1

Некоторые показатели организации прорыва в армиях при переходе в контрнаступление под Москвой

Армии	Боевой состав (расчетных дивизий)	Ширина полосы наступления (км)	Количество и ширина участков прорыва (км)	Количество расчетных дивизий в первом эшелоне на участках прорыва	Ширина участка прорыва дивизии (км)	Плотности на 1 км участка прорыва	
						артиллерии	танков
29-я	5	150	3—15	3	5	9	—
31-я	5	40	1—6	3	2	45	—
30-я	8	80	3—27	6	3—5	До 15	1—3
1-я ударная	6	30	1—11	5	2,1	16	4—5
20-я	3,5	30	1—6	2	3	16—20	1—10
16-я	7	25	1—7,5	2	3,5—4	16—43	8—10
50-я	7,5	140	3—32	5	4—7	3—4	—
10-я	9,5	100	3—56	7	5—10	9—10	—
Группа генерала Ф. Я. Костенко	4	31	2—21	2	9—12	—	1—3
13-я	7	50	1—20	2	10	—	—

Оперативное построение фронтов и армий за некоторым исключением было одноэшелонным. Это определялось сложностью оперативной обстановки, в которой организовывалось контрнаступление (в полосах фронтов и армий было немало опасных участков, где противник мог и предпринимал наступательные действия). Вместе с тем необходимость сильного первоначального удара при остром некомплекте войск требовала выделения в первый эшелон до 80—90% всех имеющихся сил. К тому же задачи армий на контрнаступление были неглубокими, поскольку вытекали из ограниченной цели, которая первоначально ставилась перед войсками — разгромить основные силы группировок врага, обходящих Москву, и отбросить их на безопасное расстояние.

Недостаток подвижных войск во фронтах и армиях, особенно танковых, необходимость усиления танками соединений первого эшелона с тем, чтобы первоначальный удар получился наиболее мощным, не позволяли иметь в оперативном построении фронтов и армий подвижные группы для развития прорыва в оперативную глубину. Лишь на Юго-Западном фронте была создана смешанная подвижная группа, которая должна была сама прорвать фронт и быстро выйти в тыл елецкой группировки врага.

Боевые порядки соединений и частей при прорыве строились на основе довоенных взглядов преимущественно в два эшелона. Низкие плотности артиллерии и танков заставляли командиров изыскивать средства для более надежного подавления обороны противника. Наряду с орудиями для стрельбы прямой наводкой стали привлекать больше средств пехоты, что привело к более широкому применению одноэшелонного боевого порядка. Именно в таком построении наступали 8-я гв. стрелковая дивизия 16-й армии и 331-я стрелковая дивизия 20-й армии¹. Это дало определенный тактический результат и, видимо, послужило одним из оснований для формулирования положений о боевых порядках в приказе Народного Комиссара Обороны № 306.

Соединениям ставились различные боевые задачи как по наименованию, так и по глубине (табл. 2).

Таблица 2

Глубина боевых задач дивизий в контрнаступлении под Москвой

Армии	Боевые задачи (км)		
	ближайшая	дальнейшая	задача дня
29-я	1—2	5—7	—
31-я	4—6	8—12	—
30-я	6—10	—	23
1-я ударная	3	4—6	—
20-я	1,7—3	3—7	—
16-я	3	—	—
10-я	4—8	Направление дальнейшего наступления	
13-я	Направление дальнейшего наступления		
Группа генерала Ф. Я. Костенко	—	—	15—17*

* ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 96, лл. 19—22. Задача дня 5-го кавалерийского корпуса составляла 40 км.

¹ Там же, ф. 1389, оп. 26834, д. 1, л. 14.

При определении задач стремились исходить из конкретных условий обстановки, в частности характера обороны противника. Однако в армиях эти условия были не столь различными, чтобы вызвать такой разноразличной в определении глубины боевых задач и их деления. Так, наступавшие рядом армии Калининского фронта, как показал ход боев, имели перед собой примерно равного по силе противника и одинаково подготовленную оборону. Состав соединений 31-й армии был сильнее, чем 29-й, но не в 2—3 раза. Однако боевые задачи соединений 29-й армии были в 2—3 раза мельче.

Столь же большая разница видна и в боевых задачах соединений правого крыла Западного фронта, особенно 30-й и 16-й армий. Это можно объяснить тем, что условия обстановки, в которых принималось контрнаступление под Москвой, резко отличались от тех, какие считались типичными перед войной. В силу этого ряд командиров не мог определить боевые задачи на время прорыва так, чтобы они отвечали возможностям соединений и позволяли организовать взаимодействие с непрерывно нарастающими усилиями войск в глубину. Деление боевой задачи на ряд последовательно выполняемых задач, которое сложилось в теории и практике предвоенных лет, также не отвечало новым условиям, что вызывало разноразличной в их определении. Одним соединениям ставились ближайшая и дальнейшая задачи, другим — ближайшая задача и задача дня, третьим — только ближайшая задача, а четвертым указывалось направление действий и задача дня.

Переход в контрнаступление осуществлялся неожиданно для противника, особенно на левом крыле Западного фронта, когда его войска еще не успели перейти к организованной обороне. Однако прорыв укрепленной линии, на которую вышел противник, требовал значительного огневого воздействия.

Западный фронт к началу контрнаступления имел 4900 орудий и минометов (без 50-мм минометов и зенитных орудий) и 300 боевых машин реактивной артиллерии против 6300 орудий и минометов у противника¹. В среднем это давало 8—12 орудий и минометов на 1 км фронта. При благоприятных условиях обстановки, главным из которых является владение стратегической инициативой, имевшееся количество артиллерии позволяло на направлении главного удара некоторых армий создать плотности до 40—50 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, т. е. почти такие же, какие рекомендовались накануне войны. Однако ведение напряженных оборонительных боев почти до самого перехода в контрнаступление, прорыв центра обороны Западного фронта в первых числах декабря, малочисленность артиллерии РВГК (12%), тя-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 73.

желое положение со средствами тяги намного ограничивали возможности массирования артиллерии в масштабе армии и тем более фронта. Примерно такое же положение было на Калининском и Юго-Западном фронтах.

Следует также отметить, что массирование артиллерии затруднялось и тем, что почти половину ее составляли 82-мм минометы. Хотя они и были сведены в полковые минометные батальоны, но переброска их на значительные расстояния представляла большую сложность из-за отсутствия транспорта. Артиллерийско-стрелковая подготовка минометных подразделений была невысокой, что ограничивало выполнение ими огневых задач в период артиллерийской подготовки и особенно при поддержке атаки. В армиях возможности массирования артиллерии ограничивались еще и тем, что многие из них предпринимали прорыв на двух-трех участках.

Большую нужду войска испытывали в боеприпасах. На 6 декабря их имелось от 1 до 1,4 бк и только для 82-мм минометов и 152-мм гаубиц несколько больше. Это вынуждало ограничивать расход боеприпасов от 1/5 до 1/3 боекомплекта, а по артиллерии РВГК — до 4—5 снарядов на орудие на первый день наступления.

Понятно, что при низких плотностях артиллерии и по сути голодном пайке расхода боеприпасов степень подавления обороны противника не могла быть даже удовлетворительной.

Недостаток в артиллерии сказался и на ее группировке. В армиях артиллерийские группы создавались лишь иногда, что лишало возможности командующего своим огнем влиять на развитие операции. В дивизиях создавались группы АПП по числу полков первого эшелона. Состав их был малочислен — один-два дивизиона. В отдельных дивизиях были созданы группы АДД из артиллерии РВГК для подавления артиллерии резервов противника. Малочисленность артиллерии в 10-й армии вынудила командующего придать ее в основном подразделениям для действий в качестве орудий сопровождения. Только при бое за населенные пункты она сводилась в группы АПП.

Артиллерийская подготовка в большинстве армий ограничивалась коротким огневым налетом продолжительностью 10—15 минут. Лишь в армиях Калининского и центра Западного фронтов ее продолжительность была 30—60 минут. Поддержка атаки танков и пехоты, а также боя в глубине обороны, в сущности, не планировалась.

Авиация в период контрнаступления входила в состав фронтов и армий. Но главные ее силы составляла авиация Московского корпусного района ПВО и дальняя бомбардировочная авиация. Из общего количества 1170 самолетов в состав фронтовой авиации входило 515 самолетов, в том числе

381 бомбардировщик и штурмовик¹. Западный фронт к 6 декабря имел всего 177 исправных самолетов².

Авиационное обеспечение прорыва предусматривало поражение противника в опорных пунктах в ближайшей тактической глубине и артиллерии на огневых позициях. Перед войсками правого крыла Западного фронта в ночь на 6 декабря была проведена авиационная подготовка. Удары наносились по штабам, узлам связи и резервам противника на направлении главного удара армий³. Одновременно был нанесен удар по аэродромам в районе Клина и Ватулино. Однако обилие объектов, по которым наносились удары, привело к некоторому распылению усилий авиации.

Невысокие плотности артиллерии, распыление авиации по фронтам и армиям, трудность организации взаимодействия с авиацией Московского корпусного района ПВО и дальней бомбардировочной авиацией не позволили добиться единого мощного артиллерийско-авиационного удара на участках прорыва. Поэтому основная тяжесть прорыва обороны противника легла на пехоту.

Прорыв обороны противника в большинстве армий проходил довольно трудно, хотя глубина ее к началу контрнаступления была небольшой. Так, дивизии 29-й армии, переправившись 5 декабря на южный берег р. Волга, 6 декабря были отеснены в исходное положение.

Соединения 31-й армии благодаря массированию сил и средств на одном участке в первый день продвинулись на 4—5 км. Но в последующие дни в связи с подходом резервов противника наступление замедлилось и приняло затяжной характер. Только на десятый день операции г. Калинин был обойден, а затем освобожден нашими войсками, и они получили некоторый простор для развития наступления.

Войска 30-й армии перешли в наступление перед рассветом 6 декабря. До начала атаки лишь на отдельных участках батареи реактивной артиллерии дали несколько залпов по населенным пунктам, занятым противником. Как только пехота перешла в атаку, артиллерия приступила к ее поддержке. Значительное количество орудий сопровождения было поставлено на сани, что позволило им двигаться вслед за пехотой.

Внезапный удар дал хорошие результаты. Противник, застигнутый врасплох, не смог оказать организованного сопротивления. К рассвету опорные пункты первой линии были захвачены. Создались благоприятные условия для продвижения

¹ Корец Л. Б., Амплиев Н. И. Битва под Москвой. Действия военно-воздушных сил. Монино. 1956, с. 39—40.

² Федоров А. Г. Авиация в битве под Москвой. М., Воениздат, 1971, с. 170.

³ См.: Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1968, с. 82, 83.

в глубину. Однако глубокий снег, бездорожье не позволили ускорить темп наступления. Во второй половине дня противник смог выдвинуть некоторые резервы и вместе с отошедшими войсками образовать новый рубеж обороны. Но все же к исходу дня на главном направлении глубина прорыва достигла 5 км, а фронт расширился до 12 км.

На второй день сопротивление противника было более упорным. Удалось продвинуться только на 1—2 км, но фронт прорыва расширился до 22 км. Для завершения прорыва командующий армией ввел свой резерв. К исходу третьего дня глубина прорыва составила 6—10 км, наступление велось уже в полосе 35 км. Сопротивление противника было окончательно сломлено, и он начал отход к Клину.

В полосе 1-й ударной армии слабо подавленный противник оказал упорное сопротивление, особенно в Яхроме и на шоссе Яхрома—Солнечногорск. Успешное наступление 30-й армии помогло 1-й ударной. Она овладела несколькими населенными пунктами, и на третий день глубина прорыва достигала 5—10 км, т. е. оборона противника была прорвана.

Прорыв тактической обороны создал предпосылки для наступления в более высоких темпах. Однако отсутствие эшелонов развития успеха не позволило использовать благоприятный момент. В 30-й армии такой эшелон был создан в ходе операции в составе мотострелковой и кавалерийской дивизий, мотострелкового полка и танкового батальона. Ввод его в сражение сразу повысил темпы наступления. За три дня подвижная группа продвинулась на 36 км, облегчив тем самым наступление основных сил армии. В Клину удалось окружить группировку противника и после ее разгрома освободить город.

После овладения 30-й и 1-й ударной армиями участком ленинградского шоссе тактический прорыв был развит в оперативный. Армии получили возможность перейти в оперативное преследование.

Прорыв в полосах наступления 20-й и 16-й армий проходил более медленно. Это объяснялось тем, что участки прорыва приходились на населенные пункты.

Недостаток в артиллерии в 20-й армии, равномерное распределение ее по фронту при ограниченном обеспечении боеприпасами привело к тому, что противник, расположенный в Красной Поляне, был подавлен слабо, и войска были вынуждены выбивать его из домов ближним боем пехоты. На флангах наступление развивалось успешнее, что позволило охватить Красную Поляну. 8 декабря она была полностью освобождена. В обороне противника образовалась брешь, и войска армии ускорили продвижение.

16-я армия начала прорыв 7 декабря силами 8-й гв. стрелковой и 44-й кавалерийской дивизий после 13-минутного огне-

вого налета. Захватив окопы и строения на окраине Крюково, подразделения встретили сильное сопротивление врага. Закопанные в землю танки уничтожались штурмовыми группами и огнем орудий прямой наводкой. Бой принял затяжной характер. Во второй половине дня были введены вторые эшелоны дивизий и к атаке подключилась 17-я стрелковая бригада. Создав угрозу окружения, они ночным штурмом выбили противника из Крюково и прилегающих населенных пунктов.

Прорыв обороны на главном направлении позволил успешно начать наступление другим соединениям армии. Оборона противника была прорвана почти по всей полосе.

Овладение Красной Поляной, Крюковым, а перед этим населенными пунктами в полосах 31, 30 и 1-й ударной армий не только имело оперативно-тактическое значение, но и оказало большое психологическое воздействие на немецко-фашистские войска, которые ожидали скорого захвата Москвы и по меньшей мере наступления значительной передышки от изнуривших их боев, холода и болезней. Неожиданный удар потряс их. Сопротивление обороняющихся войск противника в полосах 20-й и 16-й армий значительно снизилось. Они начали отступать, по признанию пленных солдат и офицеров, неорганизованно, без управления со стороны командного состава¹.

У войск 20-й армии появилась реальная возможность быстро развить тактический успех в оперативный и с ходу прорвать рубеж по линии ленинградской дороги. Но армия не имела эшелона развития успеха. К тому же ограниченность маневра по глубокому снегу вне дорог и фронтальные атаки населенных пунктов, занятых арьергардами противника, не позволяли повысить темпы наступления в такой степени, чтобы они превышали темпы отхода противника. Продвижение войск армии несколько возросло после овладения 11 декабря Солнечногорском.

Значительно быстрее развитие тактического успеха в оперативный прошло в 16-й армии. 10 декабря генерал К. К. Рокоссовский создал три подвижные группы: генерала Ф. Т. Ремизова (145-я танковая бригада, 44-я кавалерийская дивизия и 17-я стрелковая бригада); генерала А. П. Белобородова (9-я гв. стрелковая дивизия и 36-я стрелковая бригада); генерала М. Е. Катукова (1-я и 17-я танковые бригады, 89-й отдельный танковый батальон и 40-я стрелковая бригада)².

Первоначально действия этих групп не отличались стремительностью и маневренностью. Но при развитии наступления в целях прорыва Истринского оборонительного рубежа подвижные группы генералов Ф. Т. Ремизова и М. Е. Катукова сыграли большую роль. Обойдя водохранилище с севера и

¹ ЦАМО, ф. 373, оп. 6631, д. 4, л. 7.

² См.: *Мириев Д. Э.* Провал операции «Тайфун». М., Воениздат, 1972, с. 208—209.

юга, они создали угрозу окружения группировки противника, занявшей рубеж по западному берегу Истринского водохранилища. Это предредило его овладение и дальнейшее наступление к Волоколамску.

В разгроме истринской группировки важную роль сыграла также подвижная группа 5-й армии, в которую входил 2-й гв. кавалерийский корпус. Этот корпус совершил марш в район ст. Кубинка, откуда на третий день наступления был введен в сражение в северном направлении с целью перерезать шоссе Истра-Руза и выйти в глубокий тыл истринской группировки врага.

Утром 13 декабря две дивизии первого эшелона, усиленные танковым батальоном каждая, после огневого налета начали вводиться в прорыв, который к этому времени еще не был завершен. Во второй половине дня, используя пургу, дивизии корпуса при поддержке огня артиллерии проскочили между опорными пунктами противника и начали продвигаться через Терехово на север. Действуя смело и дерзко, они громили тыловые части и штабы врага, дезорганизуя его снабжение и управление. Этим корпус помогал не только 5-й, но и 16-й армии.

Разгромив в районе населенного пункта Сафониха основные силы 78-й пехотной дивизии, выделенной немецким командованием специально для борьбы со 2-м гв. кавалерийским корпусом и потому усиленной 40 танками, корпус резко повернул на запад, развивая наступление в направлении р. Руза.

К 15 декабря армии правого крыла Западного фронта, прорвав два оборонительных рубежа, продвинулись на 40—50 км, нанеся при этом большие потери соединениям 3-й и 4-й танковых групп противника. Их остатки с боями отходили на поспешно подготавливаемый оборонительный рубеж на реках Лама и Руза.

На левом крыле Западного фронта главный удар наносила 10-я армия. Началу ее наступления предшествовало выдвижение соединений к исходным районам из глубины. В пургу по занесенным дорогам дивизии за сутки прошли по 30 км и более. 326-я стрелковая дивизия шла ускоренным маршем по 45—50 км в сутки. 322-я стрелковая дивизия за полутора суток прошла от Коломны до Зарайска (около 50 км).

В ночь с 5 на 6 декабря на рубежи развертывания вышли только три правифланговых соединения, остальные продолжали марш. Войска из-за сильной метели, сделавшей дороги трудными для движения, вышли на ближние подступы к железной дороге Москва-Раненбург не к исходу дня 6 декабря, а лишь ночью 7 декабря. Полный разгром охранения, сильная метель и то, что противник не предполагал о подходе крупных

войск Советской Армии, обеспечили дальнейшее скрытое сближение с противником.

322-я стрелковая дивизия подошла к Серебряным Прудам перед утром. После короткого огневого налета и стрельбы орудий прямой наводкой полки перешли в атаку с севера и востока. Один полк в ходе боя совершил маневр к южной окраине города и атаковал ее. После трех часов боя два батальона пехотного полка противника были разгромлены, а город освобожден. Потери дивизии составили всего 7 человек убитыми и 19 ранеными¹. Отразив разрозненные контратаки противника, дивизия стала развивать наступление в сторону Венёва.

Решающее значение для армии имел прорыв в центре полосы наступления, где надо было овладеть г. Михайлов. Главную роль в выполнении этой задачи командующий армией отводил 328-й стрелковой дивизии. Однако она запаздывала. Между 19.00 и 20.00 к городу подошла 330-я стрелковая дивизия. Командир дивизии, расценив, что с потерей внезапности можно и двумя дивизиями не овладеть городом, который обороняли главные силы 10-й моторизованной дивизии, решил атаковать город ночью. Атака оказалась для противника неожиданной. Во взаимодействии с 328-й стрелковой дивизией, подошедшей утром 7 декабря, город был взят. При этом два пехотных и артиллерийский полки противника были разгромлены, а их остатки поспешно отошли на запад. В обороне противника образовалась 50-километровая брешь.

Используя достигнутый успех, соединения армии стремились развить наступление в глубину в высоких темпах. Вперед были высланы передовые отряды, пешие и посаженные на крестьянские сани. Они не обладали необходимой подвижностью и огневой силой, чтобы обходить арьергарды противника, закрывавшие дороги, или сбить их атакой. Поэтому темп их продвижения не превышал скорости отступления войск противника, которые отходили на подготавливаемый по рекам Дон и Шат оборонительный рубеж.

Главные силы дивизий, продвигаясь по дорогам, нередко подвергались ударам авиации и атаковывали узлы обороны противника с фронта, что вело к затычным боям. Так, 328-я стрелковая дивизия потратила весь день 9 декабря на овладение населенным пунктом Гремячее, но не смогла овладеть им. Обход, примененный в ночь на 10 декабря, сразу дал результат. Противник был вынужден оставить Гремячее.

Темпы наступления по сравнению с первым днем снизились и потому, что противник, оправившись от первого неожиданного удара, начал поспешно закрывать образовавшуюся в его обороне брешь. 10-я армия не имела подвижной группы,

¹ ЦАМО, ф. 1380, оп. 4774, д. 3, лл. 7, 8.

которая могла бы глубже расцечь фронт противника. Две кавалерийские дивизии использовались на левом фланге, где с 3-й армией образовался 14-километровый разрыв, а одна кавалерийская дивизия — 41-я, высланная в направлении г. Елифань, по неопытности ее командира ввязалась в бой с отходящим противником, свернула с намеченного направления и не смогла выполнить задачу по захвату города¹, что облегчило бы прорыв обороны противника на р. Дон.

50-я армия перешла в наступление утром 8 декабря, когда 10-я армия и 1-й гв. кавалерийский корпус уже развивали наступление. Несмотря на некоторое ослабление перед ней группировки противника, прорыв обороны осуществлялся медленно, ибо дивизии армии понесли большие потери. Лишь к 17 декабря они продвинулись на 8—12 км и овладели поселком Щекино. Поскольку армии не удалось создать брешь в обороне противника, то она не смогла выйти в тыл его 2-й танковой армии и во взаимодействии с 10-й армией окружить часть ее сил.

6 декабря на правом крыле Юго-Западного фронта перешли в наступление войска 13-й армии, нанося удар по елецкой группировке противника с севера. Прорыв обороны был осуществлен в течение трех дней.

Более успешно прорыв был проведен в войсках подвижной группы генерала Ф. Я. Костенко. 1-я гв. стрелковая дивизия, нанеся 7 декабря удар в слабое место обороны противника, уже в первые часы наступления заняла несколько населенных пунктов и к исходу первого дня углубилась на 14 км². Менее удачно начался прорыв в полосе 5-го кавалерийского корпуса. Вместо того, чтобы прорываться в глубину через слабые участки в обороне противника, корпус ввязался в бои за населенные пункты. Только после вмешательства командующего группой он проскочил между опорными пунктами врага и, атакуя в пешем и конном строю, начал быстро продвигаться в глубину. 8 декабря корпус продвинулся на 10 км, 9 декабря — на 12 км³. Рывок 10 декабря достиг 20 км⁴. Корпус вышел в тыл елецкой группировки врага. Лишь медленные темпы продвижения ударной группы 13-й армии не позволили уже в первые дни окружить основные силы 34-го армейского корпуса к югу от Ельца. Однако войска правого крыла Юго-Западного фронта, развивая наступление, окружили и разгромили его основные силы севернее г. Ливны.

Суммируя опыт осуществления прорывов в контрнаступлении под Москвой, можно заключить, что они готовились в крайне сжатые сроки. Это не позволяло выбирать оптималь-

¹ ЦАМО, ф. 353, оп. 5866, д. 605, лл. 32—34.

² См.: Баграмян И. Х. Так начиналась война. М., Воениздат, 1971, с. 492.

³ См.: Там же, с. 494—495.

⁴ См.: История военного искусства, т. 5. М., ВАФ, 1957, с. 318.

ные направления ударов и участки прорывов, создавать наиболее целесообразную группировку войск и высокие плотности огневых средств. Неизбежные при сжатых сроках подготовки прорыва недостатки во многом компенсировались стратегической, а на ряде направлений и оперативно-тактической внезапностью перехода в контрнаступление, а также боевым порывом и беспримерным героизмом наших войск, что привело в конечном итоге к крупным военным и политическим результатам. А это было главным для достижения победы под Москвой.

Быстрый и наиболее глубокий прорыв достигался тогда, когда он осуществлялся в слабом месте обороны противника, удары направлялись в промежутки между опорными пунктами с глубоким маневром во фланг и тыл противника. Прорыв обороны в районе населенных пунктов, оборудованных противником в узлы сопротивления, приводил к затяжным атакам, связанным со значительными потерями.

Из-за небольшой глубины обороны противника создание в ней бреши достигалось его разгромом в опорных пунктах и узлах сопротивления первой и фактически единственной линии обороны. Отсутствие у противника к моменту внезапного перехода наших войск в контрнаступление значительных резервов создавало предпосылки для быстрого развития прорыва в глубину. Однако недостаток в танках, особенно средних, способных двигаться по глубокому снегу, отсутствие сил и средств для создания сильных эшелонов развития прорыва не позволили сразу, в ходе успешной атаки, использовать создавшиеся возможности для перехода в преследование уже в тактической глубине и быстрого развития тактического прорыва в оперативный.

Прорыв подготовленных оборонительных рубежей в ходе контрнаступления

Захват войсками Советской Армии стратегической инициативы в контрнаступлении под Москвой заставил противника впервые во второй мировой войне перейти к стратегической обороне. В директиве ОКВ № 39 от 8 декабря 1941 г. требовалось: «Главными силами войск на востоке по возможности скорее перейти к обороне на участках, определяемых главнокомандующим сухопутными войсками... На тех участках, где линия фронта будет относиться назад по нашей инициативе... необходимо заблаговременно подготовить тыловую позицию»¹.

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 342—343.

Выполняя это требование, противник на Московском стратегическом направлении в районе нашего развивающегося контрнаступления предпринял значительные усилия для создания в тылу оборонительных рубежей, на которые можно было бы отвести потрепанные войска.

К северо-западу от Москвы такой рубеж начал готовиться на реках Лама и Руза, к югу от Москвы — на реках Дон и Шат.

С заранее подготовленным оборонительным рубежом противника первой в контрнаступлении под Москвой столкнулась 10-я армия. Распоряжение на его оборудование Гудериан отдал еще в конце ноября, а решение на переход к обороне принял в ночь с 5 на 6 декабря, т. е. накануне нашего контрнаступления¹.

За десять дней силами согнанного местного населения противнику удалось оборудовать все основные инженерные сооружения: окопы, блиндажи с одним-тремя накатами бревен, дзоты; к обороне были приспособлены каменные здания, произведено обледенение скатов берегов во многих пунктах, местами созданы проволочные заграждения.

К обороне подготовленного рубежа противник привлек значительные силы — четыре дивизии в первом и две во втором эшелонах².

В силу ряда причин, и главным образом недостатка в разведывательной авиации, неналаженности глубинной разведки и крайне ограниченного количества средств связи, вследствие чего ею не были обеспечены разведывательные органы, разведке фронта и армий не удалось своевременно вскрыть переход противника к стратегической обороне и создание им оборонительных рубежей в тылу, в частности, к северо-западу от Москвы на линии Ржев, Лотошино, реки Лама и Руза и к югу от Москвы — на реках Шат и Дон.

Утром 9 декабря, накануне выхода войск 10-й армии к подготовленному рубежу на реках Дон и Шат, в разведсводке штаба Западного фронта подчеркивалось: «Южная группировка противника потерпела поражение под Тулой и Мордвесом, поспешно отходит главными силами в район Сталиногорска, Епифань, опасаясь удара с востока и окружения с юга»³. 18 декабря 1941 г. при подходе армий правого крыла Западного фронта к рубежу по рекам Лама и Руза, который противник решил удержать во что бы то ни стало, разведотдел сделал вывод, что «вероятным ближайшим рубежом, где противник попытается несколько задержаться, является Волоколамск, Можайск, Малоярославец, Калуга, Одоев,

¹ См.: Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., Воениздат, 1954, с. 248, 250.

² См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 70.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 27, л. 381.

Плавск». Днем позже таким рубежом была уже названа линия Ржев, Сычевка, Вязьма¹. И только 22 декабря, когда армии правого крыла уже третий день вели кровопролитные бои с противником на рубеже рек Лама и Руза, разведотдел фронта заключил, что «противник разбитыми и измотанными остатками частей 56, 5 и 40-го армейских корпусов стремится задержать продвижение наших частей на рубеже Лама, Руза»².

Армейская разведка также не смогла своевременно вскрыть подготовку противником оборонительных рубежей и переход на них к обороне, что не позволило командующим еще на подходе к ним принять решение и тем исключить разрозненные атаки соединений.

Так, командующий 10-й армией решение на прорыв обороны на р. Дон принял 9 декабря, т. е. после того, как некоторые соединения предприняли атаки для овладения этим рубежом³. Суть этого решения (схема 8) состояла в том, чтобы, сковывая войска противника частью сил в районе г. Сталиногорск, главные силы армии вывести из боя и перегруппировать.

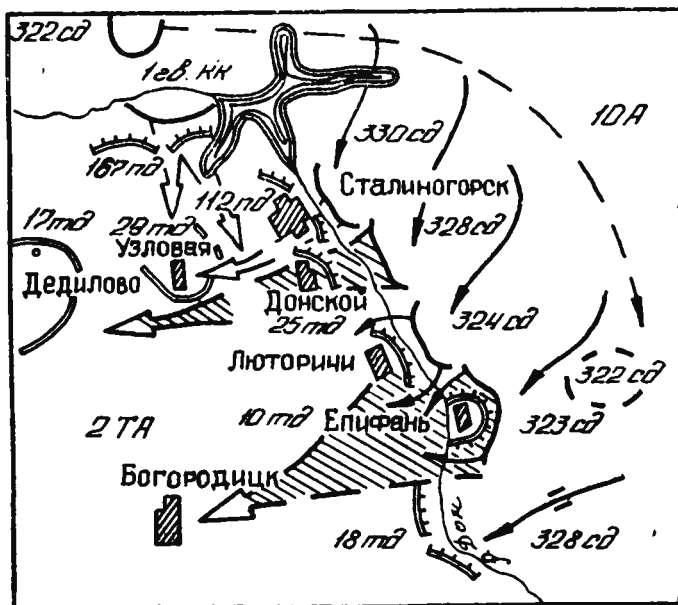

Схема 8. Решение командующего 10-й армией на прорыв оборонительного рубежа на р. Дон

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 27, лл. 375—381.

² Там же, д. 191, л. 411.

³ См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 68—69.

вать к югу с целью нанести основной удар в направлении Епифань, Богородицк¹.

Такое решение отвечало сложившейся обстановке. Положительным было то, что в нем была определена ударная группировка в составе четырех дивизий. Для армии по тому времени это была внушительная сила, если к тому же учесть, что на этом направлении могли использоваться и армейские резервы. Однако стремление нанести сосредоточенный удар не было доведено до конца — в решении не был определен участок сосредоточения основных усилий. Вследствие этого 324-я и 323-я стрелковая дивизии, входившие в главную группировку, наступали на разобщенных направлениях, в широких полосах (до 8 км), на крупные населенные пункты — Люторичи и г. Епифань². 326-я стрелковая дивизия находилась в 30 км от Дона и не могла принять участия в главном ударе армии.

При крайнем недостатке артиллерии и боеприпасов удар, на наш взгляд, целесообразнее было бы нанести в слабое место — между Люторичами и Епифанью или южнее Епифань, где противника вообще почти не было. Однако плохая организация разведки, особенно воздушной, не позволила своевременно определить слабые участки в обороне противника и именно там прорывать его оборонительный рубеж.

Кроме наступления на главном направлении командующий армией генерал Ф. И. Голиков решил двумя дивизиями осуществить прорыв в правой части полосы наступления армии. Впоследствии, объясняя такое решение, в своих воспоминаниях он пишет: «Надо подчеркнуть, что перегруппировка главных сил на направлении Епифань, Богородицк отнюдь не избавляла армию от необходимости вести наступление против обороны противника на направлении Новомосковск (Сталиногорск. — А. Р.), Южный, Узловая. Скорее наоборот!.. Ведь в случае отказа от наших активных наступательных действий на Сталиногорск, Узловая и станцию Епифань противник получил возможность против главных сил армии на богородицкое направление перегруппировать еще 25-ю моторизованную и 112-ю пехотную дивизии. Кроме того, он мог подвести сюда часть своих сил из второго эшелона армии»³.

С точки зрения признанных в то время способов наступления на обороняющегося противника и конкретно сложившейся обстановки выделение части сил для второго удара на Сталиногорск, Узловая было обоснованным. Их активные действия сковывали противника на большом фронте и задерживали приток резервов на главное направление. Однако в изменившихся условиях вооруженной борьбы, когда материальная

¹ См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 69.

² ЦАМО, ф. 353, оп. 5866, д. 6, лл. 31, 32.

³ Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 69.

база армии и фронта намного уменьшилась, выделение сил для сковывания противника вело к сокращению группировок, наносящих главный удар. Поэтому от сковывающих ударов нужно было отказаться. Более целесообразным, как нам представляется сейчас, было бы объединение усилий войск правого фланга армии и 1-го гв. кавалерийского корпуса, имевшего танки, в целях нанесения решительного удара вдоль Павелецкой дороги на юг, в тыл сталиногорской группировки врага. Прорыв здесь обороны создавал большую опасность для 2-й танковой армии противника и мог сковать на длительный срок значительные ее силы. Но вместо объединения сил с соседом командующий армией решил правофланговую 322-ю дивизию вывести в резерв. Вскоре по решению командующего Западным фронтом эта дивизия была передана в группу генерала П. А. Белова — командира 1-го гв. кавалерийского корпуса.

Могло быть и другое решение: 330-ю дивизию, прорывавшую оборону противника, можно было примкнуть к участку прорыва 328-й дивизии или поставить за ней в целях развития удара на Узловую, что ставило противника, оборонявшего Сталиногорск, в трудное положение. Охваченный 1-м гв. кавалерийским корпусом с севера и главной группировкой армии с юга, противник был бы вынужден оставить город. Такой вариант решения на правом фланге 10-й армии мог быть весьма полезным для хорошо задуманной операции. Осуществление его позволяло повысить силу огневого удара при взломе обороны противника, что, несомненно, ускорило бы сам прорыв и дало бы возможность осуществить его с меньшими потерями.

На разборе этого решения мы остановились с единственным намерением — вскрыть тот сложный путь, каким шло претворение в жизнь принципа массирования сил и средств, в частности создания ударных группировок в резко изменившихся условиях вооруженной борьбы. Еще в Смоленском сражении выявилось, что армия уменьшенного состава может нанести только один удар. При прорыве заранее подготовленной обороны, какой она оказалась на р. Дон, это положение требовало решительного претворения в жизнь.

Вывод соединений из боя, поскольку при попытке прорыва рубежа с ходу до принятия решения командующим армией они оказались не на тех участках, где им предстояло наступать, их перегруппировка и подготовка к прорыву заняли двое суток. Вместо 10 декабря войска перешли в наступление 12 декабря. Первая атака обороны противника, оборудованной на господствующем правом берегу, без надежного артиллерийского обеспечения, к тому же организованная поспешно, когда полки не смогли как следует сориентироваться и организовать взаимодействие, оказалась неудачной. Последующие атаки, предпринятые в этот день, также не дали желаемых результатов, несмотря на исключительный героизм солдат и

особенно командиров, которые, пренебрегая опасностью для жизни, сами вели подразделения и части в атаку.

В течение ночи с 12 на 13 декабря усилия соединений были перенесены в промежутки между узлами обороны. Для уничтожения и подавления целей на переднем крае обороны противника широко применялась стрельба прямой наводкой. Прорвав передний край, атакующие войска начали охватывать и обходить узлы обороны противника, создавая угрозу окружения. Результат сказался сразу. В течение 13 декабря оборона на р. Дон была прорвана на нескольких участках. В 15 часов этого же дня был освобожден г. Епифань. Противник понес значительные потери в живой силе и особенно в технике¹.

С прорывом оборонительного рубежа на р. Дон темпы наступления армии резко возросли. Уже 15 декабря ночным штурмом был освобожден г. Богородицк. За два дня войска 10-й армии прошли 20—35 км. Передовой отряд армии — 41-я кавалерийская дивизия проникла в глубину более чем на 50 км, но слабая по своему составу она не могла решать больших оперативных задач. Нужна была мощная подвижная группа. Такая группа была создана к исходу 16 декабря в составе трех кавалерийских и одной стрелковой дивизий² в целях стремительного выхода к г. Плавск и захвата его с ходу. Это позволяло отрезать основные пути отхода противника, оборонявшегося южнее Тулы. К сожалению, армейская кавалерийская группа действовала недостаточно маневренно; кроме того, ей не доставало ударной силы. Кавалерийские соединения не имели в своем составе танков и располагали незначительным количеством артиллерии. Это отрицательно сказывалось на их ударной мощи.

Уже в 1941 г. обозначились слабые места в организационной структуре кавалерии. В силу этого при встрече с опорными пунктами противника кавалерийская группа не могла самостоятельно создать брешь на избранном направлении с тем, чтобы через нее устремиться в глубину. Обходы и охваты опорных пунктов соединения группы применяли недостаточно решительно, поскольку командиры еще не обрели необходимого боевого опыта, не умели пробиваться между опорными пунктами, надежно подавляя их огнем и скрывая частью сил. К тому же глубокий снег затруднял маневр. Это привело к тому, что кавалерийская группа не вышла в тыл противника, не стала острием оперативного удара армии. Она не смогла захватить г. Плавск раньше стрелковых войск, в силу чего противник избежал окружения и сохранил силы. Это позволило ему совершить отход с арьергардными боями.

¹ ЦАМО, ф. 1381, оп. 6777, д. 2, лл. 6, 7.

² См.: Голиков Ф. И. В Московской битве. М., «Наука», 1967, с. 88, 95.

Армии правого крыла Западного фронта подошли к подготовленному противником оборонительному рубежу на реках Лама и Руза 20 декабря, т. е. на 12 дней позже, чем 10-я армия вышла к верхнему течению Дона.

Оборона противника на реках Лама и Руза представляла собой систему опорных пунктов, оборудованных в населенных пунктах и на важных в тактическом отношении высотах и соединенных между собой ходами сообщения. Опорные пункты имели значительное количество дзотов, блиндажей, окопов и участков траншей. Сами опорные пункты были опоясаны проволочными заграждениями типа «Бруно».

Противник отошел на этот заранее подготовленный оборонительный рубеж 19 декабря и за сутки успел организовать систему огня¹. Разведка Западного фронта не сумела своевременно установить наличие этого рубежа и не определила возможный характер действий противника, который перешел к жесткой обороне с целью сорвать наступление войск правого крыла Западного фронта.

В связи с этим наступление было предпринято в том построении, в котором велось преследование, т. е. на широком фронте отдельными дивизиями, без создания в армиях ударных групп. Артиллерия и танки распределялись по дивизиям равномерно, плотности их были низкими — 5—15 орудий и минометов, 1,5—2 танка на 1 км фронта².

В таком характере действий, по-видимому, сказался в определенной мере и психологический настрой. Многие армии как Западного, так и других фронтов осуществляли переход в контрнаступление и особенно его ведение без ярко выраженных ударных группировок. Естественно, командующие армиями полагались на достигнутый успех, в результате которого были разгромлены более сильные группировки противника, чем те, которые могли встретиться на тыловых рубежах. Армии продолжали действовать в прежних построениях. Задержка войск нередко расценивалась как неумение действовать решительно и смело. Командующие пытались волевыми усилиями заставить войска выполнять поставленные задачи.

Волевые усилия, конечно, необходимы в военном руководстве, но без глубоких идей в решениях, основанных на детальном анализе обстановки, они всегда оказываются бессильными. Только умелое, дальновидное управление войсками способно привести к достижению намеченных целей.

Попытки прорыва обороны противника на р. Лама с ходу, предпринятые 20—22 декабря, не увенчались успехом. 23 декабря командование Западного фронта, убедившись, что наступлением на широком фронте добиться успеха невозможно,

¹ ЦАМО, ф. 373, оп. 6631, д. 21, лл. 11, 12.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 1. М., Воениздат, 1958, с. 402—403.

отдало распоряжение армиям «сузить в определенном месте ударный кулак, сосредоточенными силами прорвать оборону противника на узком фронте и вводом живой силы развить успех»¹.

Идея удара сосредоточенными силами, лежащая в основе данного указания, была, безусловно, правильной. Но ей недоставало конкретности, т. е. было не ясно, на каком участке какие силы сосредоточить, чтобы они смогли прорвать прочную оборону противника. Между тем армии правого крыла фронта во время контрнаступления и при попытке прорыва рубежа на реках Лама и Руза понесли существенные потери и их возможности по прорыву обороны противника своими силами были довольно ограниченными. Так, к 23 декабря в 20-й армии из средств усиления был всего один пушечный артиллерийский полк — 18 152-мм орудий и два дивизиона гвардейских минометов по 8 пусковых установок БМ-13 в каждом². В связи с тем, что в дивизиях было всего по одному артиллерийскому полку двухдивизионного состава, они были не в состоянии создать необходимые для взлома обороны противника плотности на участках хотя бы в 6—8 км. Не лучше обстояло дело и с танками. В трех бригадах насчитывалось только 17 машин³. При такой боевой численности армий и в условиях, когда их командующие еще не обрели достаточного боевого опыта, желательно было отдалить такие указания, которые определяли бы конкретные пути создания сильных ударных группировок, способных прорвать подготовленную оборону врага.

Наступление на основе указаний командующего фронтом было предпринято через сутки. За такой короткий срок существенно изменить группировки войск в армиях было невозможно, и их наступление неизбежно приняло характер атак на широком фронте с целью овладеть отдельными опорными пунктами. К 1 января войскам 20-й армии удалось овладеть семью такими опорными пунктами, понеся при этом значительные потери.

Армии Калининского фронта из-за линейного построения также продвигались медленно. К 20 декабря они вышли примерно на один уровень с армиями правого крыла Западного фронта.

По решению Ставки в конце декабря главный удар Калининского фронта был смещен на правое крыло в целях нанесения удара по Ржеву с севера и овладения им. Для этого предлагалось создать ударную группировку из дивизий 39, 22

¹ ЦАМО, ф. 373, оп. 6631, д. 21, л. 6.

² Там же, лл. 6, 7.

³ Там же.

и 29-й армий¹. Но одновременные действия армий на широком фронте при слабой поддержке артиллерии вели к затяжным прорывам. Так, дивизии 39-й армии, действуя во всей ее полосе, за первые три дня смогли продвинуться только на 1—3 км. Лишь сузив участок активных действий до 20 км и создав на нем плотность до 40 орудий и минометов на 1 км, Калининский фронт смог окончательно прорвать оборону противника на глубину 15—20 км и создать в ней широкую брешь.

Аналогичные недочеты были присущи армиям и других фронтов. Это свидетельствовало о том, что переход противника к обороне на подготовленных рубежах с хорошо организованной системой огня и заграждений требует резкого повышения уровня подготовки и ведения наступательных операций и, в частности, выработки таких положений о прорыве, которые отвечали бы конкретным условиям вооруженной борьбы. Эти вопросы в значительной мере были решены при развитии контрнаступления под Москвой в общее наступление Советской Армии.

Прорыв при переходе в общее наступление

После завершения контрнаступления под Москвой Ставка Верховного Главнокомандования, учитывая благоприятную обстановку, приняла решение провести общее наступление на всех трех стратегических направлениях. Главный удар было решено нанести на центральном участке советско-германского фронта силами Западного и Калининского фронтов во взаимодействии с войсками левого крыла Северо-Западного фронта с целью завершить разгром немецкой группы армий «Центр».

Одновременно с подготовкой оперативных директив Ставка обобщила опыт прорыва обороны противника и дала указания фронтам и армиям о действиях ударными группами и организации артиллерийского наступления.

Как отмечалось выше, идея создания мощных ударных группировок в семь-восемь дивизий возникла еще в ходе Смоленского сражения. Ее высказывали И. В. Сталин, Г. К. Жуков, Б. М. Шапошников, А. М. Василевский. В частности, Б. М. Шапошников отмечал, что отсутствие в армиях необходимых для удара группировок и стремление наступать на всем фронте является одной из основных причин неуспеха и излишних потерь².

При подготовке контрнаступления под Москвой в указаниях Ставки Калининскому фронту имело место требование

¹ См.: Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., Воениздат, 1964, с. 287—288.

² ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 429.

сосредоточить ударную группу фронта на одном участке. Эта же мысль обнаруживается и в ряде переговоров по прямому проводу Верховного Главнокомандующего, начальника Генерального штаба и других военных деятелей с командующими фронтами и армиями. Иначе говоря, вопрос о действиях ударными группами вполне созрел и его требовалось только оформить в соответствующем документе и сделать достоянием всех фронтов и армий.

Со всей очевидностью требовалось также привлечь внимание командного состава к искусству боевого применения артиллерии, устранив те недочеты, которые обнаружили в предшествующих наступательных операциях.

Еще 13 сентября 1941 г. Б. М. Шапошников, оценивая наступление 24-й и 43-й армий Резервного фронта, одной из причин неуспеха считал «безобразную по организации авиационно-артиллерийскую подготовку атак пехоты и танков»¹.

В приказе Народного Комиссара Обороны СССР от 25 октября 1941 г. отмечалось, что многие общевойсковые командиры «плохо знают боевые свойства артиллерии, не ставят ей боевых задач и часто неправильно применяют этот мощный род войск в бою. Не зная, как правильно следует применить артиллерию в том или ином виде боя, они, естественно, не могут и требовать правильного боевого применения артиллерии от подчиненных им командиров»². Приказ требовал от общевойсковых командиров, «чтобы они изменили свое отношение к артиллерии, изучали и знали артиллерию, приняли все меры к правильному и разумному применению ее в бою, обратив особое внимание на взаимодействие артиллерии с пехотой, танками, авиацией»³.

В этом приказе, несмотря на всю важность его требований, еще не указывались конкретные пути улучшения артиллерийского обеспечения наступления пехоты и танков, хотя необходимость в этом, безусловно, была. В какой-то мере это было сделано в указаниях Верховного Главнокомандующего Ленинградскому фронту 8 ноября 1941 г. В них говорилось: «После артиллерийской подготовки нужно пустить танки и только после танков и за ними можно пустить пехоту, дав артиллерии задачу бить по противнику километра на 3—4... от линии фронта впереди наших танков... По мере продвижения наших танков и пехоты огонь надо переносить дальше на восток. Без такой организации наступления у вас ничего не выйдет»⁴.

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1554, д. 9, л. 429.

² Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., ВАФ, 1964, с. 17.

³ Там же.

⁴ ЦАМО, ф. 96-А, оп. 2011, д. 5, лл. 151—155.

Как бы важно ни было это указание, оно адресовалось одному фронту, в нем заметно еще много «разговорного», т. е. логически неотшлифованного, незаконченного.

Обобщенный опыт по действиям ударными группами и артиллерийскому обеспечению прорыва был сформулирован в директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования № 03 от 10 января 1942 г. В начале его отмечались происшедшие изменения в характере действий противника: «Для того чтобы задержать наше продвижение, немцы перешли к обороне и стали строить оборонительные рубежи с окопами, заграждениями, полевыми укреплениями». Дальше указывалось: «Чтобы обеспечить прорыв оборонительной линии противника на всю ее глубину... требуется по крайней мере два условия: во-первых, нужно заменить в практике наших армий и фронтов действия отдельными дивизиями, расположенными цепочкой, действиями ударных групп, сосредоточенных в одном направлении, и, во-вторых, необходимо заменить так называемую артиллерийскую подготовку артиллерийским наступлением»¹.

Состав ударной группы определялся: в армии — в три или четыре дивизии, во фронте — в несколько армий.

Наряду с массированием сил общевойсковых объединений директивное письмо требовало также сосредоточения артиллерии: 60—80 орудий — на участке действий ударной группы армий, 150—200 — на участке действий ударной группы фронта².

Основные положения, выдвигавшиеся в директивном письме Ставки, конечно, не являлись новыми для советского военного искусства. Но здесь они были сформулированы в соответствии с условиями конкретно сложившейся вооруженной борьбы, с учетом характера обороны противника и уровня боевой выучки командного состава и войск. В частности, в директивном письме отмечалось, что «далеко еще не все наши армии научились прорывать оборонительную линию противника»³. Им предстояло научиться выполнять эту задачу, чего и требовало директивное письмо.

Нового не было и в артиллерийском наступлении. Осуждая так называемую артиллерийскую подготовку как метод артиллерийского обеспечения прорыва, директивное письмо осуждало сложившуюся практику, а не предвоенные взгляды по этому вопросу, предусматривавшие проведение артиллерийской подготовки, поддержки атаки и обеспечение огнем действий пехоты и танков на всю глубину прорыва. Причины же перехода в ходе войны от артиллерийского обеспечения только к артиллерийской подготовке крылись как в снижении

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 76.

² Там же, л. 81.

³ Там же, л. 75.

выучки командного состава артиллерии и штабов, так и в острой нехватке боеприпасов, их неэкономном расходовании, неумении накапливать их к наиболее важным этапам операции.

Вместе с тем надо отметить, что введением нового термина «артиллерийское наступление» вместо «артиллерийское обеспечение» директивное письмо положило начало объединению в один неразрывный процесс всех периодов артиллерийского обеспечения и незаметному для противника их переходу одного в другой: артиллерийской подготовки атаки, ее поддержки и обеспечения наступления пехоты и танков в глубине. Одновременно с этим директивное письмо обязывало артиллерию «наступать вместе с пехотой.., вести огонь при небольших перерывах за все время наступления, пока не будет взломана оборонительная линия противника на всю ее глубину»¹.

В обязанность пехоте вменялось «наступать не после прекращения артиллерийского огня, а вместе с наступлением артиллерии, под гром артиллерийского огня, под звуки артиллерийской музыки»². В первую очередь это требовало от пехоты ликвидировать слишком большие разрывы между окончанием артиллерийской подготовки и моментом, когда пехота врывается на передний край противника. Нередко этот разрыв достигал 8—12 и более минут. За такое время подавленный противник успевал оправиться, выйти из укрытий, занять места у своего оружия и встретить огнем приближающиеся к переднему краю наши танки и пехоту.

Выполнение в войсках положений директивного письма Ставки обусловило крутой поворот в подготовке и проведении наступательных операций. Это можно проследить уже в замысле Ставки на Ржевско-Вяземскую операцию и в решениях, принятых командующими фронтами на ее проведение (схема 9).

По директиве Ставки от 7 января 1942 г. Калининский фронт должен был нанести удар силами двух армий в составе 14—15 стрелковых дивизий, кавалерийского корпуса и большей части танков в общем направлении на Сычевку, Вязьму с задачей перехватить дорогу Гжатск—Смоленск западнее Вязьмы. Западный фронт наносил два удара: силами трех армий правого крыла на волоколамском направлении и армиями левого крыла с рубежа Калуга, Белев на Вязьму с целью завершить окружение Можайско-гжатско-вяземской группировки противника во взаимодействии с войсками ударной группировки Калининского фронта³.

Учитывая неудачные попытки прорвать заблаговременно подготовленную оборону противника на р. Лама в конце де-

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, л. 80.

² Там же.

³ Там же, д. 31, лл. 1, 2.

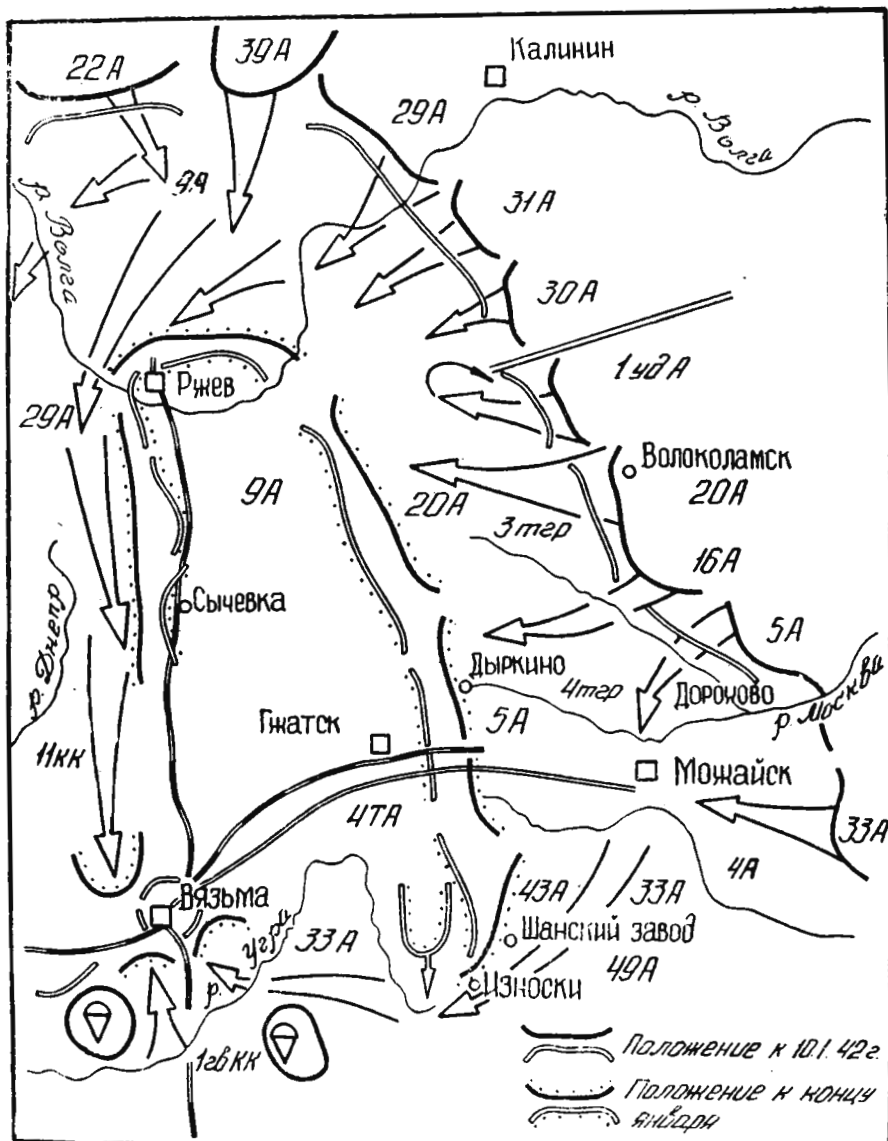

Схема 9. Наступление смежных крыльев Западного и Калининского фронтов в январе 1942 г.

кабря — начале января разрозненными усилиями 1-й ударной, 20-й и 16-й армий, Ставка приказала командующему Западным фронтом создать ударную группировку из войск 20-й армии, передав ей часть сил из соседних 1-й ударной и 16-й армий. К 10 января в 20-ю армию были переданы 2-й гв.

кавалерийский корпус, кавалерийская дивизия, танковая и четыре стрелковые бригады, пять лыжных батальонов, пять артиллерийских полков и два дивизиона реактивной артиллерии¹.

Полоса наступления 20-й армии составляла 20 км, а участок прорыва — 8 км. На этом участке были сосредоточены основные силы и средства армии: две стрелковые дивизии, шесть из восьми стрелковых бригад, все танковые бригады, 77% артиллерии. В целях лучшего управления войска армии объединялись в три группы, каждая из которых представляла собой усиленную стрелковую дивизию. 2-й гв. кавалерийский корпус составил группу развития прорыва².

Оборона противника к этому времени была усилена. В опорных пунктах находилось по 5—6 дзотов, 2—3 танка, до 10 противотанковых орудий и большое количество пулеметов. Все блиндажи соединялись ходами сообщения, приспособленными для боя. Передний край плотно прикрывался проволочными заграждениями и минными полями³. Но решительное сосредоточение сил и средств на участке прорыва позволило создать достаточно высокие по тем временам плотности: около 3,5 стрелкового батальона, до 60 орудий и минометов, 12,5 танка на 1 км участка прорыва⁴ и добиться почти тройного превосходства над противником.

Существенные изменения по сравнению с контрнаступлением произошли в артиллерийской группировке 20-й армии. В каждом соединении для непосредственной поддержки наступления пехоты и танков создавалась группа АПП в составе двух-трех дивизионов. Один-два дивизиона из ее состава выделялись для поддержки полков, а в бригадах — для поддержки батальонов первого эшелона. В составе тактических групп армии создавались артиллерийские группы общего назначения, имевшие также по два-три дивизиона. В армии была образована армейская группа АДД из двух полков. Дивизионы реактивной артиллерии выделялись в непосредственное подчинение командирам дивизий. На прямую наводку было выставлено 25% всей полковой и противотанковой артиллерии, но плотность ее была низкой — только 2,5 орудия на 1 км фронта.

Продолжительность артиллерийской подготовки атаки определялась в 1,5 часа. Ей предшествовал период разрушения. На время артиллерийской поддержки атаки пехоты и танков дивизионам ставились задачи вести огонь по заявкам командиров стрелковых батальонов и по вновь обнаружен-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 1. М., Воениздат, 1958, с. 453—454.

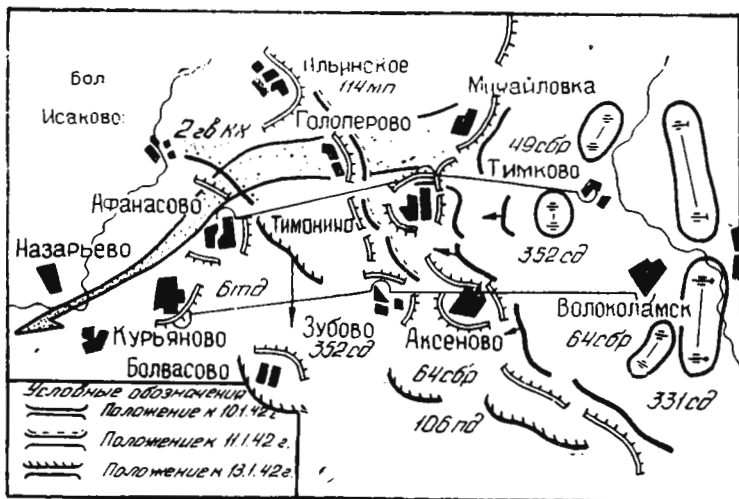
² ЦАМО, ф. 343, оп. 6631, д. 31, лл. 29, 30.

³ Там же, д. 21, л. 13.

⁴ Там же, д. 31, лл. 38, 39.

ным целям. Для подавления и уничтожения противника в ходе наступления планировалось применять и авиацию.

Наступление войск 20-й армии началось 10 января 1942 г. (схема 10). Шел сильный снег, ухудшивший условия ведения огня артиллерией. Авиация вообще не действовала. Положение усугублялось еще и тем, что наступление возобновилось на том же направлении, где велись напряженные бои с 20 декабря по 7 января. Хотя оборона здесь была несколько надломлена, но достигнуть внезапности наступления было невозможно, что сказалось на ходе прорыва.

С х е м а 10. Прорыв войсками 20-й армии 10—13 января 1942 г. обороны противника по р. Лама

В 9.30 войска армии перешли в атаку. На главном направлении наступала 352-я стрелковая дивизия. В связи с тем, что в артиллерийских группах было мало тяжелых орудий, разрушить и подавить дзоты, огневые точки в дотах и строениях не удалось. Первая атака успеха не имела. Через два часа атака была повторена, и полки дивизии ворвались в деревню Тимомино, превращенную противником в мощный узел обороны. Враг сопротивлялся с упорством обреченных.

Штурмуя дзот за дзотом, подразделения дивизии медленно продвигались вперед. Из-за недостатка боеприпасов артиллерия слабо поддерживала пехоту и танки. Несмотря на это, в первый день полки 352-й дивизии продвинулись на 2—3 км.

В течение ночи противник усилил опасное для него направление. Атаки в течение следующего дня дали незначительный

результат. Продвижение подразделений затруднял и глубокий снег, по которому танки шли медленно и несли потери.

Во второй половине дня 11 января и в ночь на 12 января артиллерия была приближена к боевым порядкам пехоты, ее огонь сосредоточен по наиболее важным опорным пунктам. Еще в ходе огневого налета полки дивизии перешли в атаку и с его окончанием смогли быстро и с небольшими потерями ворваться на позиции врага. Уничтожение его пехоты оголило фронт обороны, и части дивизии при поддержке соседей к исходу 12 января углубились в оборону противника на 6—7 км. Этим были созданы условия для ввода в сражение подвижной группы армии 2-го гв. кавалерийского корпуса, усиленного 20-й кавалерийской дивизией, 22-й танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. 13 января подвижная группа, атакуя в пешем и конном строю, сбила заслоны противника и вырвалась вперед. Темпы наступления возросли¹.

Достигнутый успех позволил включиться в наступление 1-й ударной, 16-й и 5-й армиям. Фронт наступления расширился. Это, безусловно, затруднило противнику проведение мероприятий по локализации возникшей угрозы глубокого прорыва. Он начал отвод своих войск. Однако темпы наступления армий не превышали темпов отхода войск противника.

По плану операции прорыв обороны противника на глубину 10—12 км должен был быть осуществлен в первый день операции. Фактически же он был осуществлен за трое суток, и подвижная группа вместо второго дня была введена на четвертый день.

Медленные темпы прорыва обуславливались как объективными, так и субъективными причинами. Командный состав еще не овладел искусством четкой организации взаимодействия, особенно при наступлении в глубине. Из-за переноса наступления с 9 на 10 января, а также плохой оперативной маскировки не удалось достигнуть внезапного удара. Кроме того, удар предпринимался на том же направлении, что и в предыдущие дни.

Вместе с тем нужно отметить, что созданные плотности войск и почти тройное превосходство над противником хотя и создавали определенные предпосылки для осуществления прорыва, но в тех условиях не гарантировали его, ибо огневые возможности артиллерии не позволяли надежно подавить противника, обеспечить быстрый захват его переднего края и развитие атаки пехоты и танков в темпе не менее 1,5 км в час. Из-за глубокого снежного покрова и неумения рассчитать движение пехоты с момента переноса огня артиллерии атака переднего края и опорных пунктов в глубине проходила недостаточно согласованно, и прорыв принял форму последова-

¹ *Сандалов Л. М.* На московском направлении. М., «Наука», 1970, с. 273.

тельных атак с длительными промежутками, во время которых готовилась очередная атака. Все это не могло не сказаться на общей глубине продвижения войск в первый день наступления. Иначе говоря, степень обученности войск была недостаточной, чтобы можно было быстро устранить те недостатки в ведении прорыва, которые отмечались в директивном письме Ставки № 03.

Ввод в сражение подвижной группы армии — 2-го гв. кавалерийского корпуса повысил темпы наступления примерно в три раза. Достигнутый успех позволил включиться в наступление 1-й ударной, 16-й и 5-й армиям. Фронт наступления расширился. Это, безусловно, затруднило противнику проведение мероприятий по локализации возникшей угрозы осуществления глубокого прорыва. Однако темпы нашего наступления не превышали темпов отхода противника. В связи с этим не удалось перевести его в стремительное преследование и в ходе него завершить разгром вражеских войск.

Причины медленного преследования состояли в том, что подвижная группа не обладала достаточной ударной силой, так как не имела необходимого количества танков и с большим трудом совершала маневр по глубокому снегу. В войсках остро ощущался недостаток в боеприпасах. Серьезную ошибку допустила Ставка, изъяв в разгар операции из состава Западного фронта 1-ю ударную армию и переведя управление 16-й армии на левое крыло фронта. Все это облегчало противнику осуществление более или менее планомерного отхода путем перехвата дорог и доступных для действий войск направлений и организацию обороны на новом оборонительном рубеже. К 25 января армии правого крыла Западного фронта с боями продвинулись на 50—70 км к западу и были вынуждены надолго остановиться перед гжатским оборонительным рубежом. Это не позволило им соединиться с войсками Калининского фронта, вышедшими к Сычевке, и окружить силы 3-й танковой и 9-й армий противника к югу от Ржева.

Прорыв заранее подготовленных оборонительных рубежей противника при переходе Советской Армии в общее наступление в январе 1942 г. предпринимался и на других фронтах. Однако положения директивного письма Ставки № 03 претворялись в жизнь не столь отчетливо, как на правом крыле Западного фронта. Это происходило потому, что о его требованиях фронты узнали в ходе уже начавшихся операций, когда изменить оперативное построение для создания высоких плотностей войск не было ни времени, ни условий либо отпадала необходимость в этом, так как оборона противника оказывалась прорванной. Это можно проследить на действиях 3-й и 4-й ударных армий Северо-Западного фронта в Торопецко-Холмской операции, проведенной в период с 9 января по 6 февраля 1942 г. (схема 11).

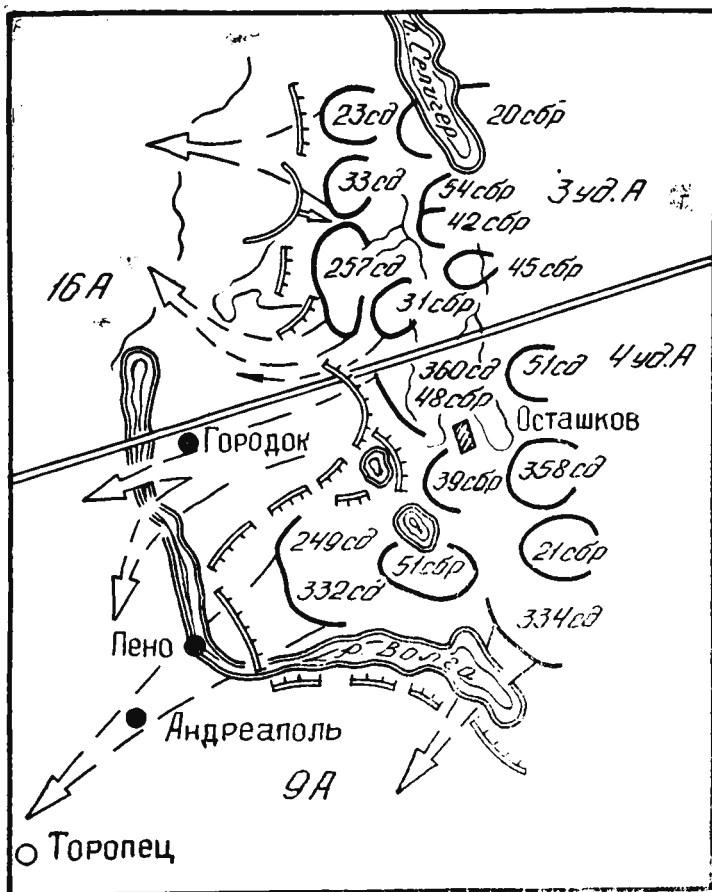

Схема 11. Формы оперативного прорыва 3-й и 4-й ударных армий в Торопецко-Холмской операции

Перед этими армиями находился сравнительно спокойный участок советско-германского фронта. Оборона была очаговой с центрами в населенных пунктах, промежутки между которыми достигали 3—5 км. Тактические резервы противника были незначительные. Разгром противника в двух таких пунктах мог бы привести к образованию бреши до 10—12 км.

Принимая решение на проведение Торопецко-Холмской наступательной операции, командование Северо-Западного фронта на одном операционном направлении создало очень сильную ударную группировку — две свежие армии, которые ударом из района Осташково в общем направлении на Торопец, Велиж должны были осуществить глубокий охват с за-

пада группы армий «Центр» и оказать этим содействие войскам Калининского и Западного фронтов по окружению и разгрому этой группировки.

Соединения армий развертывались в полосе 100 км. Благодаря скрытности сосредоточения удалось достигнуть превосходства над оборонявшимися здесь войсками противника по пехоте в 7—8, а по артиллерии в 5—6 раз ¹.

Такое соотношение сил, безусловно, создавало хорошие предпосылки для быстрого прорыва обороны противника при правильном использовании имеющихся сил и средств. Однако недостатки, отмеченные в директивном письме № 03, не были еще да и не могли быть устранены. Если командование фронта к началу операции в какой-то мере могло знать его основные требования, то командование армий нет, ибо наступление началось за день до выхода в свет директивного письма. Это сказалось на составе создаваемых в армиях группировок войск.

3-я ударная армия имела три стрелковые дивизии, шесть стрелковых бригад. Они развертывались в полосе 25 км и должны были нанести два удара: главный — двумя дивизиями в первом эшелоне, развернутыми на фронте 8 км, двумя бригадами во втором и двумя бригадами в третьем эшелонах; вспомогательный — двумя расчетными дивизиями в первом эшелоне, развернутыми на фронте 17 км, и одной стрелковой бригадой с лыжным батальоном во втором. Средние плотности войск составляли: одна стрелковая дивизия на 4—8 км, 14—15 орудий и минометов (хотя возможности позволяли создать плотность в 3—4 раза большую), 3—5 танков на 1 км участка прорыва ². Низкие тактические плотности артиллерии получились потому, что к артиллерийскому обеспечению не была привлечена артиллерия вторых и третьих эшелонов.

Продолжительность артиллерийской подготовки атаки намечалась 1,5 часа, фактически продолжалась 15 минут. Подавить оборону противника при такой плотности артиллерии не удалось. Поэтому переход в атаку соединений и частей непосредственно на опорные пункты привел к затяжной борьбе. Прорыв обороны продолжался четыре дня, что сказалось на его развитии в глубину. За восемь дней войска армии продвинулись на 22—70 км. На наш взгляд, более целесообразно было бы наносить удар между опорными пунктами с надежным подавлением одного-двух из них на флангах. Это позволяло в короткие сроки создать в обороне противника брешь и через нее развить удар в глубину, от чего оборона на остальных участках рухнула бы сама по себе.

¹ См.: Торопецко-Холмская операция. М., Воениздат, 1943, с. 11.

² См.: Торопецко-Холмская операция. М., ВАФ, 1956, с. 11.

4-я ударная армия наносила три удара: главный — в центре на Пено, Андреаполь силами двух дивизий в первом эшелоне и стрелковой бригады во втором; вспомогательные — на флангах армии силами стрелковой дивизии и бригады каждый. В резерве армии находилась одна дивизия¹. Участок прорыва на главном направлении был шириной 8 км, на вспомогательных — 6 и 10 км.

Из-за неполной укомплектованности дивизий артиллерией и непривлечения артиллерии вторых эшелонов и резервов к артиллерийской подготовке ее плотность составляла 12—32 орудия и миномета на 1 км участка прорыва. Недостаток в артиллерии в какой-то мере был восполнен трехчасовой артиллерийской подготовкой, что позволило в 2—3 раза по сравнению с 3-й ударной армией увеличить суммарную мощь огня. Плотность танков была 1—3 на 1 км участка прорыва².

Главный удар в полосе армии пришелся по слабо обеспеченному стыку 9-й и 16-й армий противника. Артиллерия смогла подавить опорные пункты, и соединения в первый же день вышли к г. Пено, находившемуся в 6 км от переднего края. На следующий день войска армии, охватив город со всех сторон, после короткой артиллерийской подготовки штурмом овладели им и к исходу второго дня наступления продвинулись на 25 км³. Прорыв был завершен, и операция получила дальнейшее развитие.

Анализ подготовки и осуществления прорыва в операциях зимней кампании 1941/42 г. показывает, что прорыв обороны противника имел ряд особенностей, определявших его как общим характером вооруженной борьбы, так и переходом наших войск в контрнаступление и развитием его в общее наступление.

Подготовка всех армий к переходу в контрнаступление под Москвой осуществлялась скрытно и в ограниченные сроки. В силу этого противник не успел создать прочных оборонительных рубежей непосредственно на фронте и в глубине. Большой комплект в войсках не позволял ему иметь и высоких плотностей в обороне, а моральная и физическая усталость войск снижала их боеспособность. Эти обстоятельства облегчали прорыв обороны.

Но для советских войск переход в контрнаступление представлял собой намного большую трудность, чем для противника удержание занятого рубежа. На ряде участков не было устойчивого фронта. Это не только затрудняло создание ударных группировок, но и вынуждало привлекать их силы для выполнения оборонительных задач.

¹ См.: Торопецко-Холмская операция. М., Воениздат, 1943, схема 5.

² См. Торопецко-Холмская операция. М., ВАФ, 1956, с. 10.

³ См.: Там же, с. 38.

Ограниченность времени на подготовку перехода в контрнаступление затрудняла разведку обороны противника и выбор наиболее выгодных участков для осуществления прорыва.

Суровая зима, глубокий снег ограничивали выбор районов развертывания вновь прибывающих войск, привязывали их к дорогам и населенным пунктам, обычно обороняемым наиболее сильно. Вместе с тем определенное влияние на выбор форм оперативного прорыва оказывали и предвоенные взгляды, по которым в армии предусматривалось нанесение нескольких ударов. Изменившиеся материальная база, состав и организация армий требовали иных форм оперативного прорыва и способов его осуществления, что нашло отражение в решениях ряда командующих армиями.

Более успешно прорыв осуществлялся в тех армиях, где участок прорыва при переходе в контрнаступление выбирался в слабом месте и на нем решительно сосредоточивались основные силы и средства армии.

Хотя оборона противника при переходе в контрнаступление была организована поспешно и носила очаговый характер, но ее взлом и подавление требовали привлечения значительного количества артиллерии. Эта задача успешно выполнялась в тех армиях, где плотность артиллерии достигала 30—40 орудий и минометов на 1 км участка прорыва и значительная часть войсковой артиллерии выставлялась на прямую наводку.

Основная тяжесть прорыва из-за низких плотностей танков легла на пехоту. В этой связи особое значение приобрело точное согласование усилий артиллерии и пехоты по месту и времени, особенно при переходе в атаку. Там, где пехота и танки во время артиллерийской подготовки или огневого налета сближались с противником до 200 м, начало прорыва проходило успешно, что в условиях неглубокой обороны имело порой решающее значение.

При переходе в контрнаступление под Москвой условия для развития тактического прорыва в оперативный нередко возникали вскоре после уничтожения опорных пунктов, расположенных на переднем крае. Однако отсутствие групп развития прорыва в оперативном построении армий не позволило использовать эту возможность. В ряде армий они были созданы в ходе операции и сыграли большую роль в повышении темпов наступления.

Огромное значение для прорыва рубежей, на которых противник перешел или переходил к обороне, сыграла внезапность перехода наших войск в контрнаступление вообще и внезапность нанесения армейских ударов в частности. Можно сказать, что она удвоила силу воздействия на противника наших ударов и позволила сравнительно быстро разгромить

крупные группировки врага и очень сильно надломить моральный дух его войск.

Потерпев поражение в первые дни контрнаступления, противник перешел к стратегической обороне. Ведя сдерживающие бои, он начал в оперативной глубине создавать прочные оборонительные рубежи. Прорыв их требовал большего, чем при переходе в контрнаступление, массирования сил и средств и более тщательной организации прорыва. Основные положения по прорыву такой обороны применительно к уровню оснащения и боевой выучки наших войск были сформулированы в директивном письме Ставки Верховного Главнокомандования № 03 от 10 января 1943 г. Требования этого письма имели большое значение для решения проблемы прорыва подготовленной обороны противника в последующих наступательных операциях Великой Отечественной войны.

3. ОПЫТ ПРОРЫВА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1942 г.

Победы, одержанные советскими войсками зимой 1941/42 г., резко подняли международный престиж Советского Союза. Укрепло и его внутреннее положение. Из месяца в месяц росло производство военной продукции. К концу года оно увеличилось примерно в полтора раза.

Рост экономической мощи СССР позволил существенно укрепить его вооруженные силы. Значительно возросла их численность. Только в действующей армии находилось 5,6 млн. человек. Повысилась ее техническая оснащенность. Почти в два раза по сравнению с контрнаступлением под Москвой возросло количество артиллерии, особенно крупных калибров. К маю численность артиллерии составляла 44,9 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и около 2,2 тыс. боевых самолетов¹.

С марта 1942 г. началось формирование нескольких танковых корпусов, а затем и танковых армий. В танковых и механизированных войсках насчитывалось более 4 тыс. танков.

В мае во фронтах стали создавать воздушные армии.

Вооруженные силы фашистской Германии и ее сателлитов на советско-германском фронте к маю 1942 г. увеличились и составляли 6,2 млн. чел., около 57 тыс. орудий и минометов, 3229 танков и 3395 самолетов².

Располагая крупными силами, немецко-фашистское командование планировало широкие наступательные действия.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 5. М., Воениздат, 1975, с. 22, 121.

² Там же, с. 121.

Своей целью оно ставило разгромить Советскую Армию и закончить войну против СССР в 1942 г. Главную операцию планировалось провести на южном участке с тем, чтобы уничтожить наши войска западнее Дона, а в последующем захватить нефтеносные районы Кавказа и перевалы через Кавказский хребет. До начала этой операции предусматривалось овладеть Керченским полуостровом, Севастополем и ликвидировать наш барвенковский выступ, а после захватить Ленинград и улучшить оперативное положение на центральном участке с целью создать условия для решающего удара на московском направлении ¹.

Советское Верховное Главнокомандование не сомневалось в том, что противник в начале лета предпримет активные действия. Руководство Генерального штаба, исходя из анализа обстановки, предложило Ставке временно перейти к стратегической обороне и, когда противник будет измотан, а наши резервы закончат подготовку, перейти в решительное наступление. И. В. Сталин, как Верховный Главнокомандующий, согласился с этим предложением. Однако он считал целесообразным провести частные наступательные операции в Крыму, в районе Харькова, на львовско-курском и смоленском направлениях, а также в районе Ленинграда и Демянска ².

Две цели в стратегическом плане Советского Верховного Главнокомандования наложили определенный отпечаток на те наступательные операции, которые должны были провести некоторые фронты до начала главной операции противника. Но цели этих операций не были должным образом согласованы, а задачи были определены не в строгом соответствии с имеющимися силами.

Уроки прорыва в Харьковской наступательной операции

Харьковская наступательная операция планировалась командованием Юго-Западного направления первоначально с выходом на линию Гомель, Киев, Черкассы, Первомайск, Николаев ³. Ставка, рассмотрев в конце марта представленные командованием Юго-Западного направления предложения, отклонила их. Тогда оно представило новый план, в котором основной целью ставилось овладение Харьковом с последующим ударом на Днепропетровск, Синельниково с тем, чтобы лишить противника основных переправ через р. Днепр ⁴.

¹ См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 380—381.

² См.: *Василевский А.* Дело всей жизни. М., Политиздат, 1973, с. 184.

³ ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 34—60.

⁴ Там же, ф. 229, оп. 161, д. 799, лл. 278—284.

Переработанный план снова был отклонен Ставкой как нереальный, ибо имеющихся сил на Юго-Западном направлении для наступления на глубину 300 км не хватало, а Ставка не располагала подготовленными резервами для его усиления. После этого командование Юго-Западного направления разработало и представило план ограниченной по размаху операции, главная цель которой заключалась в разгроме харьковской группировки противника, освобождении Харькова и харьковского промышленного района с одновременным созданием условий для последующих действий войск Южного фронта в направлении Днепропетровск¹.

На этом моменте разработки Харьковской операции мы остановились потому, что желание провести операцию с большим, чем позволяли возможности, размахом проявилось в ходе ее проведения, что привело к задержке ввода в сражение вторых эшелонов и подвижных групп армий, т. е. к существенному уменьшению сил, осуществлявших прорыв. Это отразилось на темпах прорыва и конечном исходе операции.

К участию в операции привлекалось 28 дивизий, 925 танков, почти 6 тыс. орудий и минометов, 656 самолетов. Активные действия намечалось развернуть в полосе около 250 км на глубину от 25 до 90 км с одновременным окружением и уничтожением крупной группировки врага, оборонявшей харьковский район. Для ее проведения было создано полуторное превосходство в живой силе и двухполовинное в танках. В условиях, когда противник стягивал на Юго-Западное направление крупные резервы, которые позволяли ему уравнивать силы, а по артиллерии и минометам превзойти советские войска почти в два раза, такое соотношение сил не создавало надежной гарантии для осуществления прорыва и проведения успешной операции. Оно могло привести к успеху только при очень высокой степени проявления военного искусства и мастерства во всех звеньях командного состава и хорошей обученности войск. Главным моментом в успехе операции являлись выигрыш во времени и разгром противника по частям. К сожалению, как свидетельствует маршал К. С. Москаленко, к маю 1942 г. войска Юго-Западного направления этим еще не обладали, особенно 28-я армия, наносившая главный удар в северной ударной группировке войск Юго-Западного фронта².

Замыслом Харьковской операции (схема 12) предусматривалось нанесение двух ударов по сходящимся направлениям: одного — из района Волчанск и другого, главного, — с барвенковского выступа в общем направлении на Харьков.

¹ ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 181—188.

² См.: Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 178.

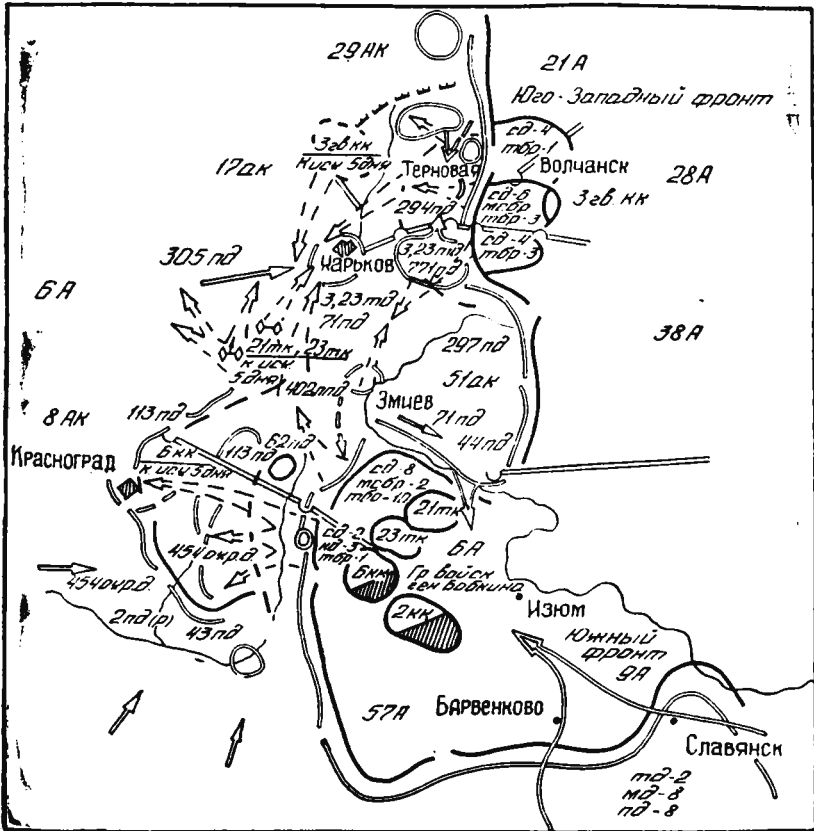

Схема 12. Замысел на Харьковскую операцию
Юго-Западного фронта
и глубина продвижения его войск при прорыве

К удару из района Волчанска привлекались 28-я армия и часть сил 21-й и 38-й армий, наносивших удар смежными с ней флангами. Всего в северной ударной группировке насчитывалось 18 стрелковых, три кавалерийские дивизии, 7 танковых и две мотострелковые бригады. Общая ширина участка прорыва достигала 55 км. В первый эшелон выделялось 10 дивизий, из них 8 входили в состав главных сил. Они должны были прорывать оборону противника на участке 26 км¹. В среднем это составляло около 3 км на дивизию. Фактически дивизии на главном направлении наступали в полосах 2—4 км, а на флангах — 6—9 км.

¹ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., Воениздат, 1951, схема 7.

Большинство дивизий первого эшелона усиливались одним-трем артиллерийскими полками и танковой бригадой каждая. Это позволяло создать средние плотности артиллерии от 14 до 45 орудий и минометов и от 4 до 12 танков НПП на 1 км фронта прорыва (см. табл. 3).

Для развития прорыва 21-я и 38-я армии имели по одной стрелковой дивизии в резерве. В 28-й армии был создан второй эшелон в составе двух стрелковых дивизий и подвижная группа — 3-й гв. кавалерийский корпус, усиленный мотострелковой бригадой. Ввод его в прорыв намечался на глубине 15—16 км на третий день операции.

В состав южной группировки входили 6-я армия и армейская группа генерала Л. В. Бобкина. Всего в ней насчитывалось 10 стрелковых дивизий, 11 танковых и две мотострелковые бригады.

Ширина избранного участка прорыва составляла 36 км, из них 25 км приходилось на полосу наступления 6-й армии. Средняя оперативная плотность по стрелковым войскам была 3,3 км на дивизию. В первый оперативный эшелон выделялось 5,5 дивизии, из них на главное направление — три дивизии, полосы наступления и участки прорыва которых совпадали и равнялись 4 км. Дивизии, наступавшие на флангах, имели полосы шириной 6—10 км¹.

Дивизии, наносившие главный удар, усиливались одним-трем артиллерийскими полками и танковой бригадой (неполного состава). Плотности артиллерии и танков показаны в таблице 3.

Таблица 3

Плотности сил и средств на участках прорыва в харьковской операции

Армии	Ширина полосы наступления (км)	Ширина участков прорыва (км)		Плотности на 1 км участка прорыва	
		армии	дивизии	артиллерии	танков НПП
21-я	120	14	2—4	23/60	3,5
28-я	15	15	2,5—4,5	45/60	12
38-я	100	26	5,9	14/20	5
6-я	75	25	4—8	30/51	6,4
Армейская группа генерала Л. В. Бобкина	26	11	5—6	19/27	4

Примечание. В числителе — средние плотности артиллерии, в знаменателе — наивысшие.

¹ См. Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., Воениздат, 1951, схема 7.

Эшелон развития прорыва в южной группе включал два танковых корпуса в 6-й армии и кавалерийский корпус, усиленный танковой бригадой, в армейской группе генерала Л. В. Бобкина. Танковые корпуса планировалось ввести в прорыв на третьи сутки, а кавалерийский корпус — на второй день операции на глубине 10—12 км¹.

В резерве командующего фронтом на направлении главного удара находились две стрелковые дивизии и 2-й кавалерийский корпус.

Оборона противника на участках прорыва представляла собой систему взводных опорных пунктов, объединенных в узлы сопротивления, с наличием промежутков между ними. Опорные пункты переднего края соединялись ходами сообщения, которые представляли собой по сути первую, а на значительных участках — сплошную траншею.

На важных направлениях, особенно в населенных пунктах, было возведено значительное количество дзотов. В промежутках между опорными пунктами нередко располагались закопанные танки. Противник достаточно широко применял проволочные заграждения.

Главная полоса глубиной 8—12 км имела две позиции. На некоторых направлениях противник готовил вторую и третью полосы обороны. Общая глубина обороны противника на харьковском направлении достигала 25—30 км.

Взлом такой обороны предусматривалось осуществить проведением одночасовой артиллерийской подготовки с расходом до 0,5—0,8 бк боеприпасов. На первый день боя в армиях выделялось от 0,6 до 1,5 бк боеприпасов для различных систем артиллерии и минометов².

Командование Юго-Западного фронта, хорошо понимая ограниченные огневые возможности артиллерии, отдало специальные указания. В них говорилось, что при небольших плотностях артиллерии и ограниченном отпуске боеприпасов массирование огня приобретает исключительно важное значение³. Поэтому вести огонь намечалось только по хорошо разведанным целям. Вся батальонная полковая артиллерия и по 4—6 орудий из групп поддержки пехоты были выставлены на прямую наводку, что увеличивало результативность огня артиллерии.

Поддержку атаки предусматривалось осуществить методом последовательного сосредоточения огня, а сопровождение боя пехоты и танков в глубине — огнем по вызову. Планирование этих периодов артиллерийского наступления было возложено

¹ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., Воениздат, 1951, с. 18—19.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 128—129.

³ Там же, с. 127.

на командующих артиллерией дивизий, что не могло не внести разнобоя в использование имеющейся артиллерии.

Следует заметить, что запланированные возможности артиллерии существенно отличались от фактических. Это объясняется тем, что штабы артиллерии фронта и армий не разрабатывали тщательных планов перегруппировки артиллерийских частей, не учли их транспортные возможности, отсутствие у многих артиллерийских полков минимальных необходимых средств тяги. Вследствие этого из 32 полков усиления к исходу 11 мая на огневые позиции смогли выйти только 17. 11 полков находились еще на марше и не смогли принять участие в артиллерийской подготовке, а четыре полка прибыли только в ходе наступления¹.

Очень трудно обстояло дело с зенитным прикрытием войск. Зенитных средств было крайне мало, и они чаще всего прикрывали тыловые объекты.

Военно-воздушные силы фронта по ряду причин не могли существенно восполнить недостаток в огневых возможностях артиллерии по взламыванию обороны противника. На Юго-Западном фронте они еще не были объединены в воздушную армию, и 337 боевых самолетов (более 50%) находились в распоряжении армий. Если учесть, что 70% бомбардировщиков составляли ночные легкие ПО-2², то станут очевидными крайне ограниченные возможности ВВС Юго-Западного фронта по подавлению обороны противника. К тому же основные их усилия направлялись на подавление объектов в глубине его обороны и в меньшей мере на обеспечение поддержки наступающих войск.

Командование Юго-Западного фронта, несмотря на оптимизм в отношении конечного исхода операции, запланировало невысокие темпы наступления — 5—6 км в сутки. В течение 6—7 суток войска должны были продвинуться в глубину всего на 30—35 км. В условиях, когда противник располагал значительными подвижными резервами, такие темпы наступления были недостаточными, так как позволяли ему **объединять** усилия резервов с войсками первого эшелона и оказывать последовательное сопротивление на ряде оборонительных рубежей. Планируя как наиболее вероятные темпы прорыва 5—6 км в течение первого дня операции, в последующем в связи с возможным подходом резервов противника в короткие сроки нужно было предусмотреть их возрастание — до 15—20 км в сутки, так как без этого нельзя было рассчитывать на успешное осуществление оперативного прорыва и разгром противника по частям до подхода его резервов. В соответствии с этим следовало бы спланировать ввод в сражение вторых эшелонов армий и подвижных групп.

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 170, д. 45, лл. 131—135.

² Там же, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 145, 238.

Рассмотрение основных положений плана харьковской наступательной операции и ее важнейшего этапа — прорыва подготовленной обороны противника показывает, что она готовилась с учетом положений директивного письма Ставки № 03 от 10 января 1942 г. Новым в его претворении в жизнь по сравнению с зимой 1941/42 г. было то, что для ударных группировок определялся единый участок прорыва. Ударные группировки фронта включали две-три армии. В ударных группах армий насчитывалось от трех до восьми стрелковых дивизий, а в армиях, наступавших на главных направлениях, имелись еще и подвижные группы. Однако участки прорыва были еще очень широкими, что не позволяло добиться более высокого превосходства над противником и значительных плотностей войск, особенно артиллерии. А это, как показал опыт прорыва на р. Лама, затрудняло ведение прорыва в высоких темпах и быстрое его развитие в оперативную глубину.

Существенный недостаток плана операции состоял и в том, что подвижные войска намечалось вводить только после прорыва всей тактической глубины обороны противника, когда стрелковые соединения, слабо усиленные танками НПП и недостаточно поддержанные огнем артиллерии и авиацией, неизбежно утратили бы начальную силу удара. Наибольший эффект первого удара следовало ожидать во второй половине первого дня наступления. В соответствии с этим было необходимо предусмотреть ввод подвижных групп по меньшей мере после прорыва первой полосы обороны или перед второй полосой, чтобы темпы прорыва могли быть нарастающими и предельно высокими.

Необходимость и возможность более раннего ввода в сражение подвижных групп, особенно танковых корпусов, вызывалась и тем, что запланированный их удар был глубиной всего 30—50 км. Это расстояние могло быть преодолено ими за одни-два сутака. Ввод танковых корпусов на меньшей глубине увеличивал пространство для маневренных действий и создавал лучшие предпосылки для борьбы с выдвигающимися резервами противника, которые надо было изолировать и разбить до соединения их с главными силами обороны.

Опыт зимней наступательной кампании еще раз подтвердил, что непременным условием успешного прорыва является достижение внезапности удара. Однако командованию Юго-Западного фронта не удалось скрыть от противника подготовку операции. Причин тому было несколько. Удары намечались из района, откуда противник их ожидал. Так, при оценке обстановки, сделанной 10 апреля 1942 г., немецко-фашистское командование пришло к выводу, что весной и летом 1942 г. войска Советской Армии на южном участке будут предпринимать наступательные операции с тем, чтобы «воспрепят-

ствовать развертыванию немецких войск в районе Изюмской дуги с целью захвата объектов в районе Харьков и Сталино»¹.

Мероприятия по оперативной маскировке из-за отсутствия необходимого опыта носили разрозненный характер, в оперативном и тактическом отношении были неубедительными. Войска в результате запланированных высоких маршевых скоростей были вынуждены передвигаться, а артиллерия даже занимать огневые позиции днем, что позволяло противнику точно знать не только направление ударов войск Юго-Западного фронта, но их силу и примерное время. 1 мая в бюллетене оценок обстановки отмечалось, что «на основании введения в действие 28-й армии и других разведывательных данных можно рассчитывать на наступление на Харьков с направлением главного удара с востока дуги и на наступление небольшой группы из района южнее Верхн. Бишкин...»².

Сделав такой вывод, противник уплотнил боевые порядки перед войсками 28-й армии и привел в боевую готовность резервы армейских корпусов 6-й армии³.

Организация взаимодействия при подготовке операции имела ряд недостатков. Наиболее характерными из них являлись: неконкретность задач, которые должны были решать армии и дивизии на стыках, при овладении определенными рубежами, вводе вторых эшелонов и подвижных групп; слабое согласование усилий артиллерии и авиации по целям и времени; нерациональное распределение времени на организацию взаимодействия, когда значительно бóльшая его часть использовалась оперативными инстанциями, а войскам отводились одни-двое суток; организация взаимодействия только по одному из возможных вариантов развития боевых действий, что неизбежно вело к нарушению взаимодействия, как только события начинали развиваться иначе, чем предусматривалось.

12 мая после часовой артиллерийской подготовки северная и южная ударные группировки перешли в наступление. Войска, хорошо подготовленные в морально-политическом отношении, дружно атаковали передний край и уничтожив обороняющегося противника на ряде участков, сразу создали условия для быстрого продвижения в глубину.

В северной ударной группировке соединениям 21-й и 38-й армий удалось уже в первый день прорвать всю главную полосу обороны противника и выйти на глубину 6—10 км⁴. Дивизии 28-й армии, наступавшей на главном направлении, в первой половине дня, несмотря на большой успех на флан-

¹ ЦАМО, инв. № 131776, Бюллетень № 1, с. 11.

² Там же, с. 14, 15.

³ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 5. М., Воениздат, 1951, с. 29.

⁴ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 120, лл. 184, 185.

гах, продвинулись всего на 1—3 км, т. е. смогли прорвать только первую позицию, а перед второй были встречены сильным огнем резервов пехотных полков и подразделений, отошедших на нее с переднего края. Именно в полосе 28-й армии сказались все минусы подготовки операции. Атака пехоты и танков из-за несогласованности и плохо проделанных саперами проходов в минных полях получилась разновременной. На минах противника в первый день в основном перед передним краем подорвалось 22 танка¹. Общее продвижение соединений 28-й армии за день составило всего 2—4 км.

Таким образом, из-за отставания 28-й армии от своих соседей на участке прорыва в районе Терновой образовалась своеобразная «пробка», грозившая разъединить усилия ударной группы. Требовалось срочно ликвидировать эту «пробку», что можно было достигнуть атакой с фронта и с флангов свежими силами стрелковых войск после массированного удара авиации и артиллерии либо развитием удара в глубину на направлениях наметившегося успеха.

Более целесообразным был второй способ, поскольку огневых возможностей артиллерии и авиации для надежного и быстрого подавления противника в Терновой было недостаточно. Ввод хотя бы одной дивизии из двух, составлявших второй эшелон 28-й армии, позволил бы завершить прорыв главной полосы обороны и упредить выход резервов противника на тыловую полосу. Этим были бы созданы благоприятные условия для ввода подвижной группы. Следует отметить, что условия для ее ввода были в полосе 21-й армии. Однако командование 28-й армии, «рассматривая границы, как заборы, как перегородку»², не воспользовалось ими. Не были введены в сражение ни подвижная группа, ни дивизии второго эшелона. К исходу дня они лишь начали движение к войскам первого эшелона, а подвижная группа осталась на своем месте — в 30—35 км от линии фронта. Командование Юго-Западного фронта не исправило ошибку командующего 28-й армией, потому что считало ввод вторых эшелонов и подвижной группы преждевременным.

Войска первого эшелона, ослабленные потерями и необходимостью прикрытия флангов, снизили темпы наступления, чем незамедлительно воспользовался противник. К участку прорыва он стал подводить тактические резервы, силы с неатакованных направлений, создавать группировку для нанесения контрударов.

Итак, первая возможность развития тактического прорыва в оперативный не была использована.

¹ ЦАМО, ф. 382, оп. 8452, д. 45, л. 26.

² См.: Директива Ставки ВГК от 17 мая 1942 г. ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 12, лл. 239, 240.

13 мая северная ударная группировка добилась наибольшего успеха на флангах. Дивизии 21-й армии и правофланговые дивизии 28-й армии снова продвинулись на 6—10 км, охватив противника в Терновой. До середины дня на левом фланге наступление развивалось успешно. Дивизии 38-й армии углубились в оборону еще на 6 км. Но устойчивость фронта обороны противника вследствие того, что он удерживал центр и фланги, не была полностью нарушена. Это позволило ему во второй половине дня нанести контрудар силами двух танковых и примерно одной пехотной дивизий в полосе 38-й армии.

Если бы «пробка» в районе Терновой была ликвидирована хотя бы с утра второго дня операции или расширена и углублена брешь в его обороне на стыке 21-й и 28-й армий в условиях, когда южная группа уже прорвала всю тактическую глубину обороны, то противник на такой шаг мог и не решиться, а бросить эти силы для прикрытия угрожаемых направлений, которых образовалось бы не менее трех: непосредственно харьковское, к западу от него — меревское и к востоку, в тыл чугуевской группировки. При ширине каждого направления до 20 км противник был бы вынужден использовать для их прикрытия все три дивизии, предпринявшие контрудар.

Отражение контрудара с каждым днем требовало привлечения все больших сил, особенно танковых (было привлечено шесть танковых бригад), ибо противотанковых средств дивизии 38-й армии имели крайне мало. Поскольку это делалось за счет войск первого эшелона, то ударные возможности группировки, наступавшей на главном направлении, начали резко падать. Это сказалось на темпах развития прорыва. 14 мая они снизились до 5—6 км, а 15 мая продвижение было уже совсем незначительным. Перспективы ввода в сражение второго эшелона и подвижной группы для развития успеха по сути дела исчезли.

Прорыв войсками южной ударной группировки проходил успешнее. К исходу первого дня дивизии первого эшелона 6-й армии не только прорвали главную полосу обороны противника, но и на 20-километровом фронте вышли ко второй полосе¹.

Несколько медленнее осуществляла прорыв армейская группа генерала Л. В. Бобкина, поскольку наступление ее из-за плохой организации взаимодействия не поддерживалось авиацией Южного фронта. И все же в первой половине дня она продвинулась на глубину 4—6 км. Оборона противника оказалась расстроенной. Генерал Л. В. Бобкин незамедлительно воспользовался этим и ввел в прорыв подвижную группу — 6-й кавалерийский корпус, усиленный танковой брига-

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 161, д. 836, л. 449.

дой. К исходу дня подвижная группа вышла на р. Орель, захватив на ней плацдарм. Глубина продвижения армейской группы составила около 12 км.

Прорыв обороны противника на фронте более 40 км, выход войск южной группы на глубину 12—15 км настоятельно требовали ввода подвижной группы 6-й армии — двух танковых корпусов, ибо противник начал поспешно выдвигать сюда резервы армейских корпусов и 6-й армии. Но соединения подвижной группы даже не были приближены к войскам первого эшелона и находились теперь от них на удалении 35 км.

В 6-й армии, так же как и в 28-й, не был введен в сражение второй эшелон. Противник же к исходу дня 12 мая успел занять вторую полосу несколькими сводными группами, отдельными подразделениями и 28-м полком 108-й легкопехотной дивизии, находившейся в оперативном резерве 6-й армии и не обнаруженной нашей разведкой до начала наступления¹. Это позволило на некоторое время стабилизировать положение на второй полосе.

На следующий день войска южной ударной группы завершили прорыв второй полосы обороны противника, но их продвижение составило лишь 3—5 км в 6-й армии и до 10 км в армейской группе генерала Л. В. Бобкина. Снижение темпов наступления, особенно резкое в 6-й армии, должно было поторопить командование Юго-Западного фронта с вводом танковых корпусов. К тому же войска фактически вышли на намеченный рубеж ввода их в прорыв — В. Берека, Ефремовка. Однако в ночь на 14 мая рубеж ввода танковых корпусов был отнесен на р. Берестова, т. е. за тыловой оборонительный рубеж противника, оборудованный на глубине 30 км². Более того, командующий фронтом переключил всю авиацию, поддерживавшую 6-ю армию, на поддержку северной ударной группы, во фланг которой противник нанес контрудар. Командующий 6-й армией не вводил в сражение и свой второй эшелон. Таким образом, на южном участке снова не были использованы благоприятные условия для решительного развития тактического прорыва в оперативный.

Между тем положение противника становилось все более критическим. Бывший начальник инженерных войск 6-й армии полковник Зелле пишет: «События следующего дня приняли угрожающий характер. Передовые части русских приближались к Краснограду... На рубеже р. Орель фронт 8-го корпуса, обороняемый охранными тыловыми частями, был прорван, и русские танки с кавалерией начали беспрепятственно продвигаться в западном направлении. Перешедшая в контратаку из района Ефремовка 113-я пехотная дивизия после первона-

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 721603, л. 326.

² Там же, ф. 229, оп. 161, д. 836, лл. 480, 481.

чального успеха была окружена на восточном берегу р. Орель танками противника и, понеся значительные потери, отброшена на несколько километров. Потери 6-й армии в людях и материальной части были тяжелыми... На командном пункте 6-й армии в Полтаве царило тяжелое настроение. Была начата подготовка к обороне города. Были приняты меры к безопасности Киева, а в то же время были значительно ослаблены части, охранявшие важные мосты через Днепр»¹.

Прорыв обороны южнее Харькова заставил заколебаться командующего группой армий «Юг» фельдмаршала фон Бока. Он считал невозможным проведение операции «Фредерикус» и склонялся к нанесению удара из района Лозовой на Мерсфу, как более безопасного для его группы войск². В то же время этот удар был менее опасен для нашей южной ударной группы, ибо здесь находились вторые эшелоны и резервы 6-й армии и сюда быстрее могли быть переброшены танковые корпуса подвижной группы. Только приказ Гитлера заставил фон Бока предпринять контрнаступление из района к западу от Изюма³.

Нет сомнения, что в случае своевременного ввода танковых корпусов в сражение оперативный результат мог быть намного больше. Но командование Юго-Западного направления, полагая, что противник находится на грани полного истощения, стремилось завершить прорыв тыловой полосы его обороны войсками первого эшелона и только потом ввести подвижную группу и резервы 6-й армии с далеко идущими целями. Это привело к затяжным боям за сильные узлы сопротивления.

Продвижение за день составило 6—8 км⁴. Лишь 6-й кавалерийский корпус группы генерала Л. В. Бобкина, используя свободу маневра, развил наступление в более высоком темпе и углубился в оборону противника до 40 км.

Ввиду снижения темпов продвижения наших войск противник уловил признаки начала затухания операции 6-й армии и с большей энергией начал перегруппировывать на угрожаемые направления свои резервы. Кроме 113-й и 108-й пехотных дивизий из Харькова начала прибывать 305-я пехотная дивизия. Постепенно противник добился равновесия сил. Опираясь на систему подготовленных в глубине позиций и поддерживая свои войска с воздуха авиацией, переброшенной с крымского направления, он начал стабилизировать положение на тыловой оборонительной полосе. Перспективы ввода

¹ Переводы из иностранной прессы, вып. 2 (33). М., ВАФ, 1960, с. 11, 12, 16.

² См.: Там же, с. 13—14.

³ См.: Там же, с. 14.

⁴ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 120, л. 331.

танковых корпусов в прорыв стали резко уменьшаться. К затуханию шла и вся операция. Однако командование Юго-Западного фронта не ощущало этого. Оценивая итоги трехдневных боев, 15 мая оно доносило в Ставку, что наступление развивается успешно, созданы условия для перехода в наступление войск Брянского фронта и дальнейшего развития наступления ударных групп. «Судя по действиям противника мы приходим к выводу, что до сего времени ему не удалось разгадать замысел нашей операции (охватывающие удары по Харькову) и свой ударный кулак он направил на второстепенный участок нашего фронта (38-я армия) и этим предоставил свободу действий нашим ударным группировкам...». И далее: «У нас создается впечатление, что в настоящее время противник не только не готов к активным действиям в направлении Курск-Воронеж или Обоянь-Оскол, но даже не имеет солидных сил для прочного удержания за собой фронта Курск, Обоянь»¹.

Это — оценка обстановки командованием фронта за два дня до перехода противника в контрнаступление. Она свидетельствует не только о чрезмерном оптимизме командования фронта, слабом знании группировки и намерений противника, но и о его стремлении доказать возможность проведения операции по своему первоначальному плану, отвергнутому Ставкой. Только этим и можно объяснить задержку с вводом в сражение вторых эшелонов армий и подвижных групп, которые командование фронта хотело сохранить для развития операции к Днепру без паузы и существенной перегруппировки войск. Такой вывод косвенно подтверждает донесение заместителя командующего Юго-Западным фронтом по АБТВ генерал-майора Моргунова маршалу С. К. Тимошенко 14 мая. В этом донесении в ответ на просьбу командира 23-го танкового корпуса генерал-майора Е. Г. Пушкина приблизить свой корпус к боевым порядкам войск, генерал-майор Моргунов сообщал, что «выдвижение 23-го танкового корпуса в новый район считаю преждевременным, так как не исключена возможность произвольного втягивания его в бой»².

Еще более определенно об этом говорится в докладе об итогах майской операции. «После овладения Харьковом, — доносило в Ставку командование Юго-Западного направления, — предусматривалось провести перегруппировку войск с целью удара в направлении Днепропетровск—Синельниково с тем, чтобы лишить противника важнейших переправ на р. Днепр»³. Но главная цель Харьковской операции состояла не в выходе войск Юго-Западного фронта на р. Днепр, а в создании условий для освобождения Донбасса.

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 17, лл. 311—317.

² Там же, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 238—269.

³ Там же.

В этой связи совершенно неубедительно звучат доводы командования Юго-Западного фронта о причинах задержки ввода в сражение танковых корпусов. В том же докладе об итогах майской операции говорилось: «У нас до сего времени сохранилась неоправдавшая себя общая схема построения ввода в прорыв танковых корпусов. По этой схеме, выработанной еще в мирное время, мы в отличие от немцев стремимся вводить наши танковые корпуса (эшелон развития прорыва) в бой только после прорыва обороны противника нашей пехотой... Вместо того, чтобы одним мощным внезапным ударом добиться решительного успеха, мы, вводя в бой танки позешелонно (танки эшелона прорыва и танки развития прорыва), подставляем их под удар по частям. В результате теряется внезапность одновременного удара танков на всю глубину обороны противника и этим резко понижается эффективность использования танковых корпусов»¹.

Во-первых, понимая это, командование Юго-Западного фронта не стремилось к такому применению танковых войск, а, наоборот, всемерно оттягивало момент ввода эшелона развития успеха.

Во-вторых, это утверждение не соответствует действительности. Наиболее благоприятным моментом ввода эшелона развития успеха, по довоенным взглядам, считался выход общевойсковых соединений в район основных артиллерийских позиций противника. Кроме того, он мог вводиться перед второй полосой и за ней, но никак не за армейской полосой, как это уточнил командующий Юго-Западным фронтом.

Это положение не считалось спорным накануне войны. В учебнике «Тактика танковых войск», разработанном в 1940 г. под руководством генерала В. С. Тамручи (во время войны — заместитель командующего по АБТВ Юго-Западного направления), было записано: «Обычно ввод в прорыв (танковых соединений.— А. Р.) начинается в момент, когда первые эшелоны пехоты овладеют артиллерийскими позициями основной оборонительной полосы противника...»².

Правда, разработанные перед войной положения о вводе подвижных групп еще не были опробованы в боевой практике, что могло вызывать у командующих желание найти лучший способ их использования. Но нам думается, что это не оправдывает решения перенести, например, рубеж ввода танковых корпусов еще на 15—16 км, ибо оттяжка с их вводом вела к разъединению усилий первого и последующих эшелонов и в конечном итоге не к нарастанию, а к спаду темпов прорыва. Это облегчало противнику затягивание бреши, создаваемой

¹ ЦАМО, ф. 251, оп. 646, д. 145, лл. 238—269.

² Цит. по кн.: Вопросы тактики в советских военных трудах 1917—1940 гг. М., Воениздат, 1970, с. 283.

выдвигаемыми резервами, и срыв успешно начавшейся операции.

Командование Юго-Западного фронта понимало отрицательные стороны запоздалого ввода в сражение танковых корпусов. Это подтверждается следующим. В докладе по итогам майской операции указывалось: «Темпы продвижения пехоты сами по себе невысоки, и противник, не расстроенный ударом танков на всю глубину обороны, сохраняет за собой возможность своевременно организовать сопротивление на тыловых рубежах»¹.

Предлагаемый в докладе способ одновременного использования танковых эшелонов был не критическим копированием приемов противника. В условиях слабой, неорганизованной или дезорганизованной обороны они имели успех. Но в 1942—1943 гг. в связи с изменившимися условиями такой способ использования танков, как показало оборонительное сражение под Курском, не дал результатов. Перспективным был советский способ применения танков — пошелонный, причем в использовании эшелонов не должно было быть пауз, а сила их удара должна была непрерывно нарастать.

Командование Юго-Западного фронта не применило этот способ и при прорыве тыловой полосы обороны противника.

В нашей военно-исторической литературе встречаются и другие доводы в пользу задержки ввода подвижных групп в сражение в Харьковской операции. В частности, маршал К. С. Москаленко считает, что операция планировалась без полной гарантии на благоприятный исход, проводилась неуверенно и нерешительно. «Нерешительность и колебания привели к тому, что танковые корпуса были введены в бой только на шестой день операции»².

Однако, нам думается, что этот вывод опровергается рядом мест книги К. С. Москаленко, где он обвиняет командование Юго-Западного направления в чрезмерном оптимизме³. Об этом же говорят и приведенные нами выдержки из донесения командования фронта за 15 мая 1942 г.

Повторяем еще раз, основная причина задержки ввода вторых эшелонов армий и подвижных групп заключалась в чрезмерном оптимизме командования Юго-Западного направления, в желании провести операцию с большим размахом, чем указывала Ставка.

15 мая первый эшелон 6-й армии решительными действиями в третий раз создал условия для ввода танковых корпусов, захватив ряд участков в тыловой оборонительной полосе противника. Но танковые корпуса к исходу дня находи-

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 88, л. 26.

² Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 215, 217.

³ Там же, с. 177, 214, 215.

лись в 25—35 км от рубежа боевых действий и не смогли к 3.00 16 мая войти в прорыв, как того требовал приказ Главного командующего Юго-Западного направления и командующего 6-й армией¹.

Ввод танковых корпусов в сражение был отложен еще на сутки, т. е. на утро 17 мая, когда противник сам перешел в контрнаступление западнее Изюма. Ввод их в сражение теперь был не только запоздалым, но и опасным, ибо над южной группой войск нависла угроза окружения. Это требовало незамедлительной переброски танковых корпусов на восток. Однако в этот день командование Юго-Западного направления послало в Ставку победное донесение.

Заканчивая рассмотрение прорыва в Харьковской наступательной операции, следует отметить, что, несмотря на ошибки и недостатки в ее подготовке и проведении и конечный неудачный исход, в ней наблюдаются некоторые новые моменты в решении проблемы прорыва обороны противника. Для каждой из ударных группировок фронта определялся единый участок прорыва. В армиях заблаговременно создавались подвижные группы: в 28-й — в составе усиленного кавалерийского корпуса, в 6-й — в составе двух танковых корпусов. Уже в первый день была прорвана главная полоса обороны противника, а войска 6-й армии подошли ко второй. В обеих ударных группировках в сравнительно короткие сроки были созданы условия для развития тактического успеха в оперативный.

Уроки прорыва в Харьковской операции состоят главным образом в том, что в прорыве тактической зоны обороны участвовал только первый оперативный эшелон армий. Он состоял из стрелковых дивизий, не обладавших такими ударными возможностями, которые позволяли бы осуществить прорыв в темпах, упреждающих подход к создаваемой брешу оперативных резервов противника. Борьба с резервами противника силами авиации велась слабо. Ввод в сражение подвижных групп и вторых эшелонов армий преднамеренно задерживался. Это затягивало осуществление как тактического, так и оперативного прорыва, что в конечном счете не позволило разрушить оборону противника в намеченном районе, вынудить его отказаться от проведения готовящегося контрнаступления и бросить все силы для стабилизации разрушенного фронта. Задержка с вводом второго эшелона и подвижной группы 28-й армии привела к тому, что наращивание противником усилий на участке наметившейся брешу быстро уравновесило силы сторон. Под воздействием сильного контрудара противника перспективы развития прорыва, а вместе с ним и операции исчезли уже на третий день наступления. Задержка

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 164, д. 88, л. 27.

с вводом подвижной группы и второго эшелона в 6-й армии привела к разъединению усилий эшелонов, исключила нарастание темпов прорыва, что в конце концов позволило противнику локализовать угрозу выхода наших войск на оперативный простор, а вскоре и самому перейти в контрнаступление. Командование Юго-Западного направления уделило недостаточное внимание обеспечению флангов группировок, осуществлявших прорыв. Войскам соседних фронтов — Южному и Брянскому не были поставлены оперативные задачи. Все это повлияло на общий ход боевых действий на Юго-Западном направлении летом 1942 г.

Неудача под Харьковом показала, что медленные темпы прорыва губительно отражаются на создании брешей в обороне противника, разрушении его оперативного фронта и в конечном итоге на результатах наступательной операции в целом.

Причины неудач прорыва в Болховской операции

В результате неудачно завершившихся наступательных операций в районе Харькова, Демянска, южнее Ленинграда, поражения наших войск на Керченском полуострове обстановка на советско-германском фронте резко изменилась в пользу противника. В этих условиях Ставка отказалась от проведения ранее запланированных наступательных операций силами Западного и Калининского фронтов, ибо резервы нужны были для обороны сталинградского и кавказского направлений. Нарращивая усилия на направлениях, где противник прорвал нашу стратегическую оборону, Советское Верховное Главнокомандование предусматривало ведение активных действий и на других участках фронта с тем, чтобы лишить противника возможности перебрасывать силы в нужном направлении. С этой целью предпринималось несколько операций силами Западного, Калининского, Брянского, Воронежского и других фронтов.

Ставка, передав в состав Западного фронта 61-ю армию, приказала ему подготовить и не позднее 5—6 июля провести Болховскую наступательную операцию силами 10, 16 и 61-й армий, чтобы оказать помощь войскам, ведущим тяжелые бои на воронежском направлении¹.

Командующий фронтом принял решение нанести пять ударов (схема 13).

¹ См.: Жарков П. М. Наступательная операция войск 61-й армии Западного фронта в июле 1942 г. М., ВАФ, 1956, с. 12.

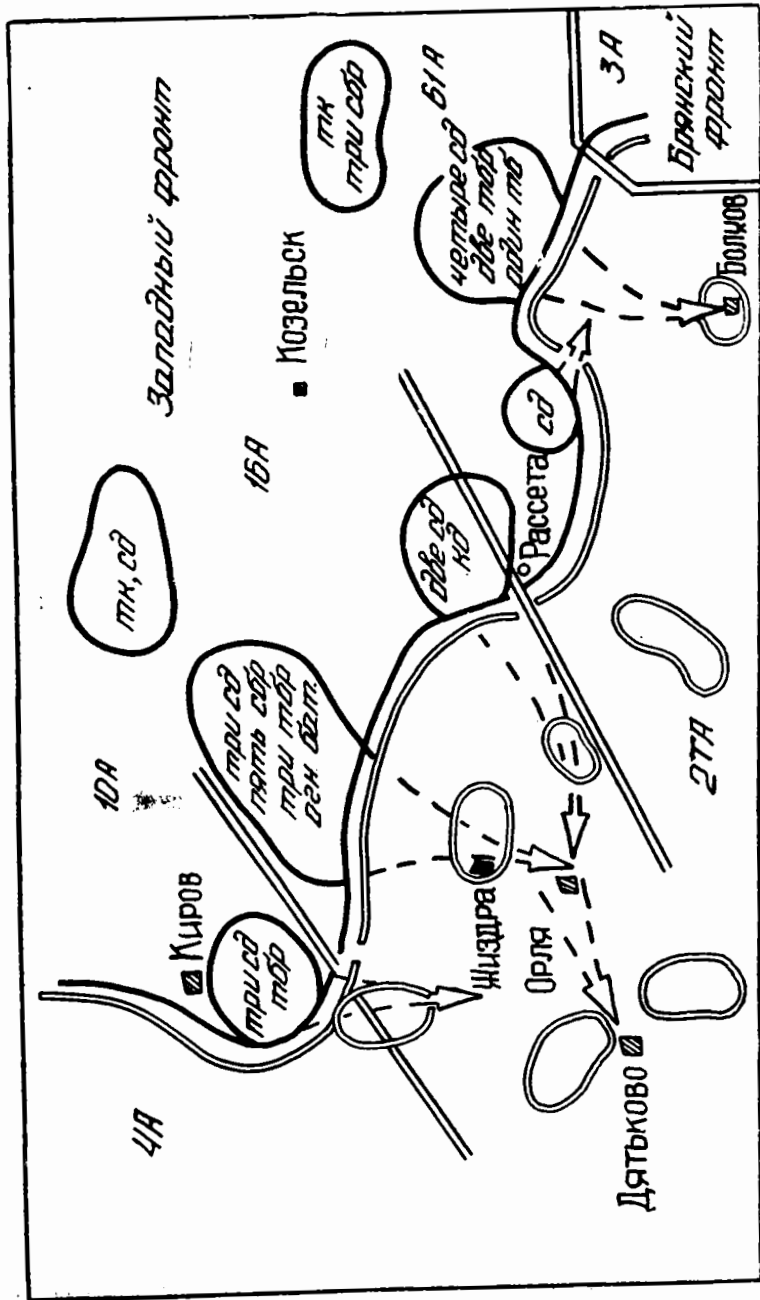

Схема 13. Форма оперативного прорыва в Болховской операции (июль — 1942 г.)

10-я армия должна была прорвать оборону противника на одном участке шириной около 10 км тремя стрелковыми дивизиями и танковой бригадой и в течение трех дней продвинуться на 17 км¹.

В 16-й армии планировалось нанести два удара. На правом фланге главный на участке шириной 12 км силами трех стрелковых дивизий, пяти стрелковых и трех танковых бригад в первом эшелоне и танкового корпуса со стрелковой дивизией во втором эшелоне. На левом фланге к нанесению удара привлекались две стрелковые и кавалерийская дивизии. Глубина операции — 40—50 км². Цель — окружить и разгромить жиздринскую группировку противника.

61-й армии предстояло нанести главный удар на участке 10 км силами трех стрелковых дивизий и двух танковых бригад в первом эшелоне и танкового корпуса и трех стрелковых бригад во втором³. Вспомогательный удар наносился на участке 7 км группой генерала И. Х. Баграмяна в составе одной расчетной дивизии. Глубина операции была 25—30 км. Кроме того, предусматривалось наступление частью сил двух дивизий в целях сковывания противника (схема 14).

Рассмотрение задач, поставленных армиям на операцию, показывает, что их усилия не были объединены единым замыслом с четко выраженной целью для всей группировки левого крыла Западного фронта. Для проведения трех армейских операций предстояло осуществить пять прорывов довольно сильной обороны противника, основанной на системе прочных опорных пунктов, связанных между собой траншеями и прикрытых глубокими минными полями и проволочными заграждениями⁴. Кроме того, оборона усиливалась закопанными танками. Главная полоса состояла из трех позиций и имела глубину 6—8 км.

Многочисленность участков прорыва не позволила создать на них достаточно высокие плотности сил и средств как один из важнейших факторов успеха прорыва. Плотность артиллерии на участках прорыва достигала 40—76 орудий и минометов на 1 км фронта. При этом до 70% минометов составляли 82-мм⁵, слабо обеспеченные боеприпасами. Эффективность применения и этого количества артиллерии в 16-й армии существенно снизилась затянувшимся планированием артиллерий-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1462, лл. 8, 9.

² Там же, л. 33; Сборник материалов по изучению опыта войны № 5. М., Воениздат, 1943, с. 64.

³ Танковые корпуса выполняли роль подвижных групп армий. 9-й гв. стрелковый корпус в первом эшелоне имел одну дивизию, во втором — стрелковые бригады.

⁴ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 5. М., Воениздат, 1943, с. 60.

⁵ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1462, л. 8.

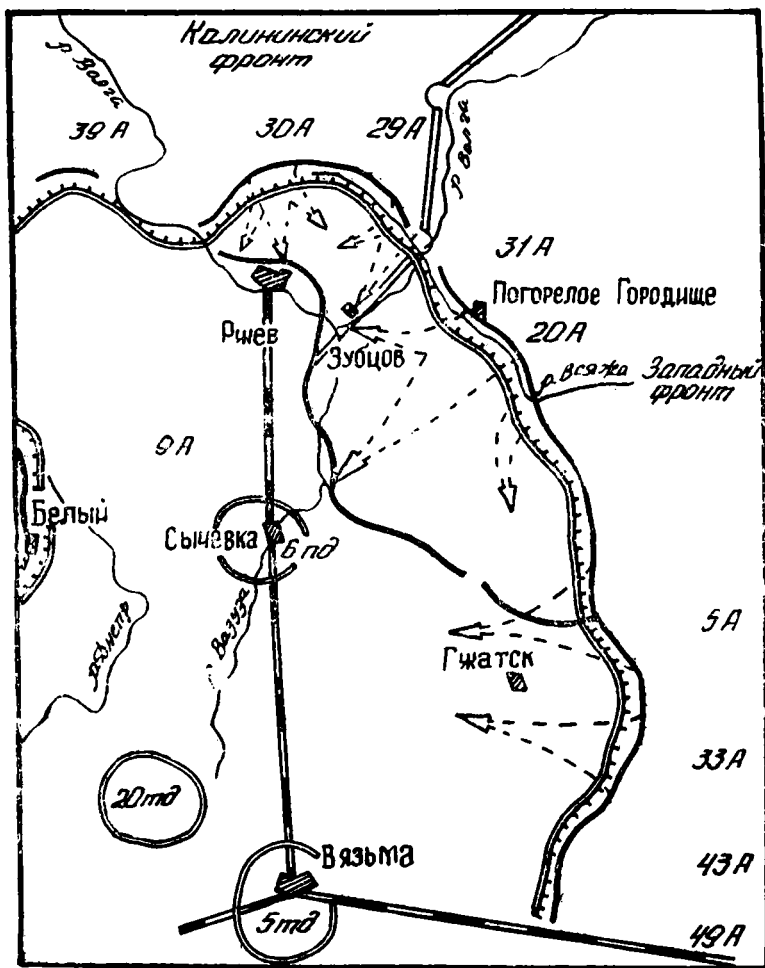

Схема 14. Замысел на Ржевско-Сычевскую операцию
(август 1942 г.)

ского наступления, в связи с чем многие части не получили конкретных огневых задач.

Плотность танков НПП на направлениях главных ударов армии составляла 11—14 танков на 1 км участка прорыва. На вспомогательных направлениях танков не было¹.

«Такие показатели, — делал впоследствии вывод штаб фронта, — не вполне обеспечивали выполнение поставленных задач. Для наступления было целесообразно взять более узкие участки фронта». Необходимыми плотностями считались

¹ ЦАМО, ф. 208, оп 2511, д. 1462, лл. 33, 34, 81, 88.

500—1500 активных штыков, 30—50 орудий (исключая минометы) и 12—30 танков¹.

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 30—90 минут. В 61-й армии ротные и батальонные минометы из-за недостатка боеприпасов могли вести огонь в ходе артиллерийской подготовки только последние 10 минут, в течение которых расходовалась бóльшая часть боеприпасов, отпущенных на артиллерийское наступление.

Танковые корпуса в 16-й армии должны были вводиться в сражение к исходу первого дня, в 61-й армии — на второй день операции на глубине 8—10 км от переднего края на фронте примерно 6 км с глубиной удара 15—30 км².

Авиационное обеспечение операции осуществлялось 1-й воздушной армией, насчитывавшей 500 самолетов. Из них 47% составляли штурмовики, 34% истребители и только 19% бомбардировщики, почти половина которых были ПО-2. Естественно, таким количеством бомбардировщиков нельзя было существенно дополнить силу огня в период артиллерийской подготовки, что, конечно, отразилось на ее общей эффективности.

Из-за спешной подготовки операции взаимодействие войск было организовано в общих чертах. В армиях оно организовывалось в основном по картам. С соседними армиями устанавливалась только связь.

Слабой стороной операции было и то, что мероприятия по оперативной маскировке ограничивались проведением лишь перегруппировки войск в темное время суток. Поскольку на расчетах на перегруппировку войск не учитывались слишком короткие летние ночи, то часть войск, особенно тыловые подразделения, не могли к началу рассвета занять новые районы. Перегруппировка же 9-го гв. стрелкового корпуса и 149-й стрелковой дивизии 61-й армии осуществлялась даже днем, что не могло остаться незамеченным разведывательной авиацией противника. По шуму моторов был обнаружен выход танков на исходные позиции. Это позволило противнику определить день начала нашего наступления, предупредить свои войска перед левым крылом Западного фронта, а перед участками прорыва 61-й армии отвести их с переднего края³.

Первой 5 июля перешла в наступление 61-я армия. К середине дня дивизии продвинулись на глубину до 3 км, где встретили упорное сопротивление противника, но подавить его

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1462, л. 85.

² См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 5. М., Воениздат, 1943, с. 65; *Жарков П. М.* Наступательная операция войск 61-й армии Западного фронта в июле 1942 г. М., ВАФ, 1956, с. 28.

³ См.: *Жарков П. М.* Наступательная операция войск 61-й армии Западного фронта в июле 1942 г. М., ВАФ, 1956, с. 86—87.

ввиду почти полного расхода боеприпасов, отведенных на первый день наступления, было нечем.

С утра следующего дня командующий армией решил ввести в сражение танковый корпус. Для его обеспечения был проведен сильный огневой налет. Но танки изготовились к атаке только к 14 часам. Согласованного удара артиллерии, стрелковых соединений и танкового корпуса не получилось. Прорыв не был осуществлен¹.

16-я армия перешла в наступление 6 июля. В первой половине дня войска продвинулись на 1—4 км. С утра 7 июля был введен танковый корпус. Но противник к этому времени уже оправился, собрал к угрожаемому направлению авиацию, провел ряд контратак, чем сковал наши наступающие стрелковые соединения. Перспективы развития операции исчезли, и 12 июля она закончилась с незначительными результатами².

Наступление 10-й армии носило вспомогательный характер и не могло сыграть большой роли.

Таким образом, основными причинами неудачи прорыва обороны противника в операции явились: многочисленность ударов и недостаточная пробивная сила ударных группировок; низкие плотности сил и средств, особенно артиллерии, на участках прорыва; отсутствие внезапности; плохая организация разведки, не позволившая вскрыть отвод противником своих войск в глубину; недостаточная глубина и слабая мощь огневого поражения противника; плохая организация взаимодействия между соединениями, частями, родами войск и авиацией.

Эти же причины лежали в основе неудач скользящих наступательных операций, проведенных в июле в районе Воронежа и несколько позже северо-восточнее Сталинграда.

На основе анализа причин неудачи прорыва в этих операциях советское командование пришло к выводам, которые сводились к следующему³:

создаваемые ударные группировки должны обладать достаточной пробивной силой, чтобы можно было быстро образовывать в обороне противника бреши и через них развивать операцию в глубину; в составе таких группировок необходимо резко увеличить количество крупнокалиберной и дальнобойной артиллерии;

сроки подготовки операции должны соответствовать уровню выучки командного состава, штабов и войск и позволять во всех звеньях провести хорошую подготовку к наступлению;

¹ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 5. М., Воениздат, 1943, с. 63.

² См.: Там же, с. 65—66.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1462; Сборник материалов по изучению опыта войны № 5. М., Воениздат, 1943.

штабы всех степеней должны стремиться к тому, чтобы предоставить войскам как можно больше времени на подготовку наступления;

хорошая оперативная маскировка и меры дезинформации должны быть неременной частью плана операции и подготовки войск к наступлению;

из-за небольшой глубины подавления обороны противника огнем ввод вторых эшелонов и подвижных групп необходимо осуществлять на меньшей, чем предусматривалось до войны, глубине; ввод их должен обеспечивать безостановочный, нарастающий по силе и темпам прорыв, а движение наших войск в глубину должно упреждать подход резервов противника к создаваемой брешу.

Многие из этих выводов нашли творческое воплощение в Погорело-Городищенской операции войск правого крыла Западного фронта, которая была составной частью межфронтной Ржевско-Сычевской операции.

Прорыв в Ржевско-Сычевской операции

Главная цель операции фронтов состояла в том, чтобы лишить противника возможности перебрасывать силы с Западного на Юго-Западное направление. Вместе с тем нужно было ликвидировать Ржевский плацдарм, который противник расценивал как трамплин для прорыва на Москву¹.

Замысел Ржевско-Сычевской операции предусматривал ударом Калининского фронта с севера на Ржев и Западного фронта от Погорелого Городища на Сычевку «очистить от противника территорию к северу от р. Волга в районе Ржев, Зубцов и территории к востоку от р. Вазуза в районе Зубцов, Погорелое Городище, овладеть городами Ржев и Зубцов, выйти и прочно закрепиться на реках Волга и Вазуза, обеспечив за собой тет-де-поны в районе Ржев и Зубцов»² (см. схему 14).

Командующий Западным фронтом решил главный удар нанести одновременно двумя армиями (20-й и 31-й) на одном участке и, прорвав оборону противника на р. Держа, выйти на указанный Ставкой рубеж. Затем 31-я армия должна была развивать наступление на Зубцов и ударом с юга содействовать Калининскому фронту в освобождении Ржева. Более сильная 20-я армия должна была наступать на Сычевку. Несколько южнее главного удара намечалось нанести вспомогательный удар силами примерно одной стрелковой дивизии.

Спустя три суток, т. е. тогда, когда резервы противника будут оттянуты на направление наступления главной группи-

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1044, лл. 178, 179.

² Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 41, лл. 207—209.

ровки, в наступление должны были перейти 5-я, а затем и 33-я армии¹. Разрыв во времени перехода армий в наступление обуславливался необходимостью переброски артиллерии усиления сначала в 5-ю, а затем в 33-ю армии.

Ширина участка прорыва главной группировки была определена в 20 км, из них 9 км приходилось на 31-ю армию и 11 км на 20-ю².

Сосредоточение усилий двух армий и фронта на одном участке прорыва позволило создать высокие для 1942 г. плотности: одна дивизия на 2—2,5 км, 80—100 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 15—23 танка НПП на 1 км фронта прорыва³.

Боевые порядки дивизий и полков строились, как правило, в два эшелона. В каждой армии кроме второго эшелона создавалась подвижная группа в составе трех танковых бригад, а во фронте — подвижная группа из двух танковых и кавалерийского корпусов⁴.

Продолжительность артиллерийской подготовки была определена в 90 минут. В этой операции впервые применялись тяжелые реактивные снаряды М-30. Поэтому ожидалось достаточно надежное подавление обороны противника, в которой отчетливо наметился переход к траншейной системе с созданием прочных огневых сооружений в опорных пунктах и узлах сопротивления. Кроме того, создавались высокие плотности орудий для стрельбы прямой наводкой—15—20 на 1 км. Для этой цели выделялись орудия вплоть до 152 мм калибра. Поддержка атаки намечалась методом последовательного сосредоточения огня.

К авиационному обеспечению Ржевско-Сычевской операции привлекались две воздушные армии. Сначала они должны были обеспечить прорыв армиями Калининского, а затем Западного фронтов.

При планировании и подготовке операции особое внимание командование Западного фронта уделило организации взаимодействия и последовательному наращиванию усилий путем ввода вторых эшелонов, резервов и подвижных групп.

Окончательный перенос огня в глубину должен был совпасть с подходом первого танкового эшелона к переднему краю противника. Вторые эшелоны рот и батальонов намечалось вводить в бой при прорыве первой оборонительной позиции, а вторые эшелоны полков — при прорыве второй позиции. Вторые эшелоны дивизий предусматривалось продвигать

¹ См.: *Сандалов Л. М.* Погорело-Городищенская операция. М., Воениздат, 1960, с. 14.

² ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1468, л. 26.

³ Наивысшая плотность в полосе 331-й стрелковой дивизии составляла 161 орудие и миномет на 1 км.

⁴ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1087, лл. 45—71.

от рубежа к рубежу с таким расчетом, чтобы они могли принять участие в бою за вторую позицию или использоваться для развития успеха ¹.

Подвижные группы армий намечалось ввести в бой в первый день на глубине 3—4 км с задачей к исходу дня выйти на глубину 25 км, а передовыми отрядами — на глубину до 35 км. Затем в зависимости от хода развития операции должны были вводиться вторые эшелоны армий и подвижная группа фронта. Таким образом, сила удара на главном направлении с продвижением в глубину должна была непрерывно нарастать.

Большое внимание командование фронта обращало на достижение внезапности прорыва. Была тщательно спланирована оперативная маскировка, инсценировано сосредоточение группировки на левом фланге полосы 20-й армии и на левом крыле Западного фронта, а также проведен ряд других мероприятий (резко повышена маскировочная дисциплина при проведении рекогносцировки, перегруппировок войск и занятии исходного положения для наступления).

Командующий Калининским фронтом решил главный удар нанести 30-й армией (10 стрелковых дивизий, 3 стрелковые и 8 танковых бригад) ² в направлении Ржева. Кроме того, на это направление могла быть привлечена дивизия, входившая в резерв фронта. Вспомогательный удар фронта наносился 29-й армией на удалении 15 км от главного силами трех усиленных стрелковых дивизий (без полка).

Ширина участка прорыва на направлении главного удара составляла 12,5 км, на вспомогательном направлении — 6 км. Узкие участки прорыва способствовали лучшему маскированию сил и средств, но они имели и отрицательные стороны — простреливались артиллерией и могли быть закрыты тактическими резервами противника.

Объединение усилий 30-й и 29-й армий на одном участке прорыва позволяло иметь его шириной не менее 16 км и увеличить пробивную способность ударной группировки. При этом почти вдвое сократились бы силы на обеспечение флангов прорыва ³. Здесь нельзя не согласиться с мнением генерала Л. М. Сандалова, бывшего начальника штаба 20-й армии. Он пишет: «Весьма вероятно, что если бы Калининский фронт соединил вместе свои силы для прорыва на одном участке, его действия под Ржевом увенчались бы более быстрым и значительным успехом» ⁴. Силу намеченных двух ударов

¹ См.: Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. М., Воениздат, 1960, с. 26.

² ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 65, л. 19.

³ Для удара в сторону флангов и на их обеспечение в замысле операции предусматривалось привлечь до пяти дивизий. ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 65, л. 3.

⁴ Сандалов Л. М. Погорело-Городищенская операция. М., Воениздат, 1960, с. 117.

можно было увеличить и отказом от нанесения в армиях вспомогательных ударов. Для осуществления таких ударов в 30-й армии выделялась специальная группировка в составе стрелковой дивизии, танковой бригады и двух артиллерийских полков, а в 29-й армии — две дивизии, оборонявшиеся на правом фланге¹.

Таким образом, во фронтовой операции, размах которой составлял около 50 км по фронту и менее 20 км в глубину, планировались четыре удара. С учетом того, что две армии Западного фронта наносили мощный удар всего в 16 км от вспомогательного удара Калининского фронта и должны были выйти к Зубцову, т. е. туда, куда нацеливалась 29-я армия, необходимость наступления ее на самостоятельном направлении представляется малообоснованной.

Плотности артиллерии на направлении главного удара хотя и были высокими — 113 орудий и минометов на 1 км участка прорыва², но не вполне соответствовали характеру обороны противника, ибо 82-мм минометы составляли около 50%, а оборона ржевского плацдарма представляла собой полевой укрепленный район, состоящий из двух мощных оборонительных полос и крупного узла сопротивления, созданного в Ржеве. Глубина первой полосы обороны достигала 4—6 км и включала две-три позиции, имевшие вполне развитую систему полевых укреплений с плотностью 6 дзотов и 6 блиндажей на 1 км, значительное количество естественных и искусственных противотанковых препятствий, проволочных заграждений и минных полей. Все населенные пункты были оборудованы как узлы сопротивления. На плацдарме противник уже создал широкую сеть траншей и ходов сообщения³.

Следует отметить, что возможности для повышения плотности артиллерии и улучшения ее качественного состава на участке прорыва у Калининского фронта имелись. Всего к участию в прорыве было привлечено 50% артиллерии фронта⁴. В четырех армиях фронта, не принимавших участия в операции, насчитывалось 22 артиллерийских и минометных полка и дивизиона реактивной артиллерии (около 350 орудий, минометов и боевых машин реактивной артиллерии)⁵. Из этого числа около 200 стволов можно было привлечь к операции, что существенно улучшило бы качественный состав артиллерии и подняло ее плотность на 15—20 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Однако эти возможности не были использованы.

¹ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 65, лл. 5, 6, 14, 25.

² Наивысшая плотность в полосе 16-й гв. стрелковой дивизии составляла 153 орудия и миномета на 1 км.

³ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 121, лл. 1, 2.

⁴ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 1044, л. 187.

⁵ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 422, л. 67.

Плотности танков НПП в 30-й армии были созданы достаточно высокими для 1942 г. — 32 танка на 1 км участка прорыва на главном направлении и 16 — на вспомогательном. Но в оперативный эшелон танков было выделено мало — танковая бригада и танковый полк, включенные в состав группы развития успеха¹. Общая их численность не превышала 80 танков.

Для достижения внезапности командование Калининского фронта предусматривало проведение ряда мероприятий (ограничение круга лиц, озакамливаемых с приказом на наступательную операцию, определение порядка перегруппировок и передвижений, указания армиям о проведении мероприятий по маскировке и дезинформации). Задача по обману противника была поручена управлениям 30-й и 29-й армий. В меру своих возможностей и умения они проводили кое-какие мероприятия. Но убедительных действий по обману противника им осуществить не удалось².

Проводить мероприятия по дезинформации в узком промежутке между участками прорыва 30-й и 29-й армий с оперативной точки зрения было нецелесообразно, ибо, приняв подготовку ложной операции за действительную и подтянув резервы к северо-востоку от Ржева, противник мог противодействовать ими как войскам 30-й, так и 29-й армий, поскольку удаление его резервов от истинных участков прорыва не превышало бы 8—12 км. Более эффективной могла быть подготовка ложной фронтовой операции из района южнее г. Белый навстречу ложному удару, подготавливаемому (и давшему хороший эффект) Западным фронтом на стыке 43-й и 49-й армий. Для отражения этого удара противник создал группировку в составе трех танковых и одной пехотной дивизий³.

Нельзя признать удачным и планирование пристрелки, которая должна была проводиться за 1—3 дня до наступления. Кроме того, целый час отводился на нее перед началом артиллерийской подготовки⁴. Проведение пристрелки перед артиллерийской подготовкой исключало возможность внезапного нанесения первого огневого удара, который обычно приносит значительный эффект, ибо пристрелка настораживает противника и он уводит живую силу в укрытия, в связи с чем результаты огневого удара намного снижаются.

Судя по оперативным картам противника⁵, он уже 27 июля смог довольно полно вскрыть главную группировку 30-й ар-

¹ В группе развития успеха были еще две стрелковые бригады и противотанковый полк. ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 65, л. 23.

² ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 740, л. 137.

³ См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны, вып. 27. М., Воениздат, 1956, с. 23—24.

⁴ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 65, л. 24, 27.

⁵ Там же, ф. 6598, оп. 12484, д. 1354.

мии, сосредоточиваемую севернее Ржева, и подтянул к возможному участку прорыва тактические резервы¹.

Наступление войск Калининского фронта началось 30 июля 1942 г. в неблагоприятных условиях. Противник, определив день перехода наших войск в наступление, привел свои войска в боевую готовность. Сплошная облачность, дождь затруднили проведение артиллерийско-авиационной подготовки. По сути дела авиация участия в ней не приняла. За весь день она смогла сделать 86 самолетов-вылетов², но из-за низкой облачности удары ее были малоэффективными. К исходу дня только две дивизии вклинились в оборону противника на 4—5 км, а остальные прорвали первую позицию.

Для наращивания силы удара командующий 30-й армией ввел подвижную группу. Но слабое артиллерийское обеспечение ввода ее в сражение, причиной чему были малочисленность дальнобойной артиллерии и задержка с перемещением групп АПП, привело к незначительным результатам. К тому же легкие танки из-за грязи в низинах не могли продвигаться, что ослабило силу удара группы развития успеха³.

Таким образом, в первый день наступления в обороне противника была образована брешь шириной 9 км с наибольшим продвижением в центре — на 6 км. На угрожаемое направление противник подвел резервы и не только стабилизировал фронт, но и на исходе дня предпринял ряд контратак⁴. Попытки углубить и расширить прорыв на второй и третий день наступления дали незначительные результаты. Одной из причин были начавшиеся дожди и сильная распутица. В последующем, после некоторой перегруппировки сил и изменения направления наступления, войскам 30-й армии удалось выйти к Волге восточнее Ржева. Под угрозой охвата флангов силами 31-й и 30-й армий противник начал отходить перед 29-й армией.

В результате упорных и тяжелых боев, продолжавшихся свыше месяца, войска Калининского фронта продвинулись от 8 до 20 км. Но поставленные задачи они так и не смогли полностью выполнить.

Наступление войск Западного фронта из-за сильных дождей было перенесено с 31 июля на 4 августа. Это усложнило достижение внезапности, так как значительная часть артиллерии уже выдвинулась на огневые позиции. Ввести противника в заблуждение помогла усиленная имитация подготовки наступления на левом фланге 20-й армии, куда командование

¹ См.: Шеховцов Н. И. Способы достижения внезапности в годы Великой Отечественной войны. М., ВАФ, 1957, с. 40.

² ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 187, л. 10.

³ Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 1044, лл. 189, 190.

⁴ Там же.

46-го танкового корпуса перебросило ряд частей и подразделений и где 3 июля даже предприняло наступление¹.

Прорыв войска Западного фронта начали полуторачасовой артиллерийской подготовкой. Штурмовые батальоны и передовые части на плавсредствах и вброд форсировали р. Держа и вместе с танками перешли в атаку. Последовательный ввод вторых эшелонов подразделений, поддержанных огнем артиллерии и ударами авиации, позволил нарастить усилия и сделать атаку почти безостановочной на глубину всей первой позиции.

Более упорный характер бои носили за г. Погорелое Городище, превращенного в прочный узел сопротивления. Только около 14.00 войска правого фланга, охватив город, ворвались в него и уничтожили оборонявший его гарнизон. Это позволило объединить участки прорыва 31-й и 20-й армий и развить наступление дальше.

Атака второй позиции началась во второй половине дня после сильного огневого налета и массированного удара авиации. Части 161-й пехотной дивизии в бое за нее вновь понесли большие потери и оказались, в сущности, разгромленными. Командир дивизии генерал Рекке застрелился.

Подоспевшие резервы 27-го артиллерийского и 46-го танкового корпусов задержали дальнейшее продвижение стрелковых дивизий армий, а танковые группы из-за задержки на переправах через р. Держа и при выдвигении по разбитым войсками первого эшелона дорогам, еще не просохших после длительных дождей, не смогли в первый день вступить в бой. Лишь утром 5 августа они совместно с войсками первого эшелона перешли в наступление и завершили прорыв главной полосы обороны врага. К исходу дня созданная в обороне неприятеля брешь достигла 30 км по фронту и 25 км в глубину².

Командующий фронтом принял решение ввести в сражение фронтовую подвижную группу. Однако вновь начавшиеся дожди затруднили переправу танковых корпусов через реку и их выдвигение на рубежи ввода в прорыв. В сражение они вошли только 6 августа и на следующий день достигли р. Вазуза³. Но противник к этому времени выдвинул сюда свои оперативные резервы — три танковые и пехотную дивизии, намеваясь двумя контрударами восстановить положение. Бои приняли затяжной характер. Наши войска не только отразили контрудары, но и захватили плацдармы на реках Осуга и Вазуза.

¹ См.: *Сандалов Л. М.* На московском направлении. М., «Наука», 1970, с. 290—291.

² См.: *История второй мировой войны. 1939—1945*, т. 5. М., Воениздат, 1975, с. 245.

³ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1466, л. 10.

Успех, достигнутый войсками Западного и Калининского фронтов, имел важное значение. На Западном направлении временно была перехвачена инициатива, противник был лишен возможности перебрасывать свои силы, в частности 39-й и 46-й танковые корпуса под Сталинград и Ленинград для решения основных стратегических задач, поставленных на лето 1942 г.¹

В то время, когда войска Западного фронта осуществили прорыв и создали реальную угрозу для выхода в тыл ржевской группировки противника, он предпринял наступление на стыке 16-й и 61-й армий силами пяти танковых и семи пехотных дивизий, имея в резерве две моторизованные дивизии. Этим наступлением преследовалась цель ослабить натиск советских войск под Ржевом.

Перейдя в наступление 11 августа, противник за 8 дней углубился в нашу оборону до 30 км. Командующий Западным фронтом решил встречным ударом 3-й танковой армии разгромить вклинившегося противника и восстановить положение. Но противник, заметив выдвижение крупных танковых сил, 20 августа перешел к обороне и за два дня успел укрепиться и организовать систему огня. Танковой армии предстояло прорвать поспешно занятую оборону, насыщенную танками и противотанковыми средствами.

В состав третьей танковой армии входили три танковых корпуса, три стрелковые и одна мотострелковая дивизии, отдельные танковая и мотострелковая бригады и мотоциклетный полк. Командующий армией принял решение в первом эшелоне иметь три танковых корпуса со стрелковой дивизией каждый, а во втором — мотострелковую дивизию, танковую бригаду и мотоциклетный полк. При этом начать прорыв должны были стрелковые дивизии, две из которых развертывались на участке 5,7 км, а одна — на участке 12 км.

22 августа после полуторачасовой артиллерийской подготовки и ударов 1-й воздушной армии стрелковые соединения перешли в атаку. Хорошо подавленная огнем первая позиция на главном направлении была прорвана без больших потерь. Для развития успеха командиры корпусов начали выдвижение передовых танковых бригад, которые в 11.00 вышли на уровень стрелковых полков первого эшелона. На ряде участков противник дрогнул. Однако к моменту ввода главных сил танковых корпусов он обрушил на них мощный авиационный удар. Темп продвижения упал, и противник начал быстро закрывать созданную брешь резервами и войсками, перебрасываемыми с неатакованных участков.

¹ *Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., Изд. иностр. лит., 1956, с. 241.

Анализ прорыва подготовленной обороны противника в ряде наступательных операций летне-осенней кампании 1942 г. показывает, что их отличительной особенностью явилось то, что они проводились в целях сковывания сил противника, лишая его возможности перебрасывать свои силы на главное, Юго-Западное стратегическое направление. Ход таких операций, проведенных Западным, Воронежским и Сталинградским фронтами, показывает, что лучший результат давали те из них, в которых наносилось небольшое число ударов, но такой силы, что обеспечивались прорыв обороны и проникновение наступающих войск на значительную глубину (Западный фронт в Ржевско-Сычевской операции). При стремлении сразу сковать возможно большие силы противника, т. е. нанести по нему несколько маломощных ударов на широком фронте, ударным группировкам, особенно при поспешной подготовке наступления (Болховская и Воронежская операции), как правило, не удавалось прорвать оборону врага, создать угрозу выхода к оперативным объектам и тем вынудить его привлечь на угрожаемое направление значительные резервы. Следовательно, при подготовке наступательных операций, основной целью которых являлось сковывание сил противника, прорыв необходимо было планировать на общих основаниях, ограничивая лишь глубину удара, и в соответствии с этим предусматривать использование подвижных групп и вторых эшелонов.

Опыт операций, проведенных летом 1942 г., показал, что наносить в армии два, а тем более три удара нецелесообразно. Это ведет к распылению сил. На вспомогательных направлениях прорыв из-за низких плотностей войск, как правило, не удавался и приносил ощутимые потери в живой силе.

Переход противником летом 1942 г. на Западном стратегическом направлении к глубокой обороне, насыщенной значительным количеством прочных огневых сооружений и различными заграждениями, т. е. принимавшей все более позиционный характер, потребовал многократного (по сравнению с зимней кампанией 1941/42 г.) повышения огневого воздействия — увеличения плотности артиллерии до 100—150 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, усиления ударов авиации, глубокого построения войск для ведения наступления и насыщения их танками НПП.

Вместе с тем опыт боев показал, что эшелонирование подразделений, особенно стрелковых взводов и рот, уменьшает силу их удара во время атаки, приводит к повышенным потерям и мало влияет на ход атаки.

Для безостановочного развития прорыва на всю глубину тактической обороны и выхода войск ударной группировки на

оперативный простор требовалось последовательно наращивать силу удара до того момента, пока силы первого эшелона еще не утратили или значительно не снизили свои наступательные возможности.

Особенно большое значение для развития тактического прорыва в оперативный приобрели подвижные группы, необходимость создания которых в армиях и фронтах выявилась в полной мере.

В борьбе с опытным, сильным противником, каким являлась немецко-фашистская армия, достижение внезапности стало одним из определяющих факторов успешного ведения прорыва. Увеличение состава ударных группировок, насыщение их многочисленной техникой усложнило их скрытое сосредоточение и развертывание в исходных районах для наступления. Это настоятельно требовало сосредоточения функций планирования оперативной маскировки в штабах фронтов, а наиболее важных, стратегического характера, — в руках Ставки.

Увеличение плотности артиллерии на участках прорыва, продолжительности и интенсивности артиллерийской подготовки позволило более надежно подавлять оборону противника. Однако в большинстве операций лета 1942 г. глубина подавления обороны противника была недостаточной, что отрицательно сказывалось на темпах прорыва и его развитии в глубину.

При развитии прорыва в глубину, все большем удалении ударной группировки от исходного района наступления неизбежно ослабляются ее фланги. Поэтому надежное обеспечение флангов является непременным условием успеха оперативного прорыва.

В целом при проведении наступательных операций в первом, в основном оборонительном периоде войны искусство организации и осуществления прорыва непрерывно совершенствовалось с учетом изменения материальной базы и условий ведения вооруженной борьбы. Четко определились тенденции массирования сил и средств на участках прорыва, повышения надежности огневого подавления обороны противника, увеличения темпов прорыва, незамедлительного развития тактического успеха в оперативный путем ввода в сражение подвижных групп, вторых эшелонов и резервов. Советские войска приобрели некоторый опыт ведения согласованного прорыва на всю тактическую глубину обороны.

Обобщение опыта проведенных операций, критический анализ имевшихся недочетов позволили к концу первого периода войны выработать основные, достаточно обоснованные положения по вопросам подготовки и осуществления прорыва. Они сыграли важную роль в успешном решении этой проблемы в последующих периодах войны.

РАЗВИТИЕ ПРОРЫВА ВО ВТОРОМ ПЕРИОДЕ ВОЙНЫ

1. ПРОРЫВ В ЗИМНЕЙ КАМПАНИИ 1942/43 г.

К началу зимней кампании 1942/43 г. Коммунистическая партия и Советское правительство провели огромную работу по мобилизации материальных и людских ресурсов, увеличению производства военной продукции и укреплению Советских Вооруженных Сил. И хотя экономическое положение страны оставалось еще трудным, а обстановка на фронте напряженной, но благодаря героическим усилиям советского народа удалось не только восполнить потери, понесенные летом 1942 г., но и повысить техническую оснащенность фронтов и армий. В действующей армии насчитывалось более 6,6 млн. человек, 77 851 орудие и миномет, более 7350 танков и 4544 боевых самолетов¹.

Рост производства вооружения и боевой техники позволил перейти к новым штатам стрелковых дивизий, развернуть дополнительно несколько танковых и механизированных корпусов, насчитывавших по штату соответственно 168 и 175 танков, начать формирование артиллерийских, зенитных артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии РВГК. На фронтах завершилось объединение всей авиации в воздушные армии.

Очень важной предпосылкой для успешного проведения крупных наступательных операций явилось то, что «наши командные кадры высшего звена за первый период войны многому научились, многое переосмыслили, пройдя тяжелую школу борьбы с сильным врагом, стали мастерами оперативного искусства. Остальной командно-политический состав и воины Красной Армии на опыте многочисленных ожесточенных схваток с вражескими войсками в полной мере освоили способы и методы боевых действий в любой обстановке»².

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 20.

² Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 87.

Несмотря на то, что летом 1942 г. противник добился крупных успехов, он не достиг своих конечных целей. К началу новой кампании его стратегические группировки на Северо-Западном и Западном направлениях были скованы, а те, что вели наступление на южном крыле фронта, понесли большие потери. Стратегические резервы вермахта оказались истощенными. Но противник все еще оставался достаточно сильным. На советско-германском фронте он имел 6,2 млн. солдат и офицеров, 51 680 орудий и минометов, 5080 танков и штурмовых орудий, 3500 боевых самолетов ¹.

Провал планов летнего и осеннего наступлений, огромные потери, недостаток резервов, физическая и моральная усталость войск вынудили гитлеровское командование в середине октября перейти к стратегической обороне с целью во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи и тем самым создать предпосылки для продолжения наступления в 1943 г. для окончательного уничтожения Советского Союза ².

Однако этим замыслам Советская Армия нанесла сокрушительный удар, разгромив и отбросив на сотни километров все южное крыло вражеского фронта. Решающую роль в нанесении крупнейшего поражения немецко-фашистской армии сыграло контрнаступление советских войск под Сталинградом, не имеющее себе равных в мировой военной истории. Оно внесло много нового в военное искусство вообще, в теорию и практику прорыва обороны противника в особенности.

Подготовка и осуществление прорыва в контрнаступлении под Сталинградом

Разработка замысла на контрнаступление под Сталинградом началась еще в сентябре 1942 г., когда в Сталинграде шли ожесточенные бои. Хотя обстановка все еще оставалась тяжелой, но оценка положения противника Ставкой показала, что фашистская Германия уже не в состоянии выполнить стратегический план 1942 г. Все, что германское командование могло использовать на Кавказе и в районе Сталинграда, было в значительной степени обескровлено и измотано ³.

Контрнаступлению благоприятствовали конфигурация фронта, замена на флангах группировки врага у Сталинграда немецко-фашистских войск румынскими, итальянскими, венгерскими, хуже вооруженными и недостаточно боеспособными,

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 20.

² См.: «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967.

³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 87.

а главное, в значительной своей части не желавшими умирать за чуждые им интересы.

Оборона противника к середине ноября состояла из одной главной полосы глубиной 5—8 км, оборудованной двумя позициями по одной-две траншеи в каждой¹. На важнейших направлениях имелись проволочные и минные заграждения и по 3—4 дзота на 1 км фронта обороны.

Контрнаступление планировалось как единая стратегическая операция трех фронтов: Юго-Западного, Сталинградского и Донского. Замысел Ставки состоял в том, чтобы сильными концентрическими ударами с северо-запада и юга от Сталинграда на Калач прорвать в нескольких местах оборону противника и, развивая наступление, окружить и уничтожить его главную группировку в районе Сталинграда, создав тем самым в обороне врага на Юго-Западном направлении стратегическую брешь, развитие наступления в которой могло привести к отсечению всех войск противника, действовавших к югу от среднего течения Дона до Кавказа.

С точки зрения осуществления оперативно-тактических прорывов и их развития до намеченных пунктов замысел на контрнаступление во многом примечателен.

Прежде всего в нем искусно решался вопрос о выборе направлений главных ударов фронтов с учетом выгодного охватывающего положения наших войск, наличия оперативных плацдармов на р. Дон и обладания важными дефиле в районе Сарпинских озер, слабости обороны на флангах вражеской группировки, недостаточно высокой устойчивости и подготовленности оборонявшихся румынских войск.

Определяя направление главных ударов фронтов по наиболее уязвимым участкам обороны врага, Ставка вместе с тем стремилась создать такие ударные группировки, которые были бы способны успешно осуществить прорыв, развить его в высоких темпах до района встречи войск двух фронтов и образовать достаточно прочный внешний фронт окружения. Решая этот вопрос, Ставка в полной мере учла предшествующий опыт и внесла качественно новые элементы в создание ударных группировок, наиболее полно отвечавшие сложившимся на Юго-Западном стратегическом направлении условиям вооруженной борьбы.

Это выразилось в том, что на направлении удара, как правило, объединялись усилия двух-трех армий одного или двух фронтов (схема 15). Так, на главном направлении Юго-Западного фронта должны были наступать 5-я танковая армия и часть сил 1-й гв. и 21-й армий. Второй мощный удар с рубежа р. Дон наносился смежными флангами Юго-Западного и Донского фронтов силами двух армий — 21-й и 65-й. Промежуток

¹ См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 215.

между двумя оперативными участками прорыва составлял около 30 км, оборонялся он примерно полутора пехотными дивизиями и имел не более чем тактическое значение. Проникновение ударных группировок фронтов за пределы главной полосы обороны противника позволяло изолировать, а затем смыть этот тактический остров и образовать единый межфронтной участок прорыва, на котором можно было проводить широкий маневр в целях развития операции.

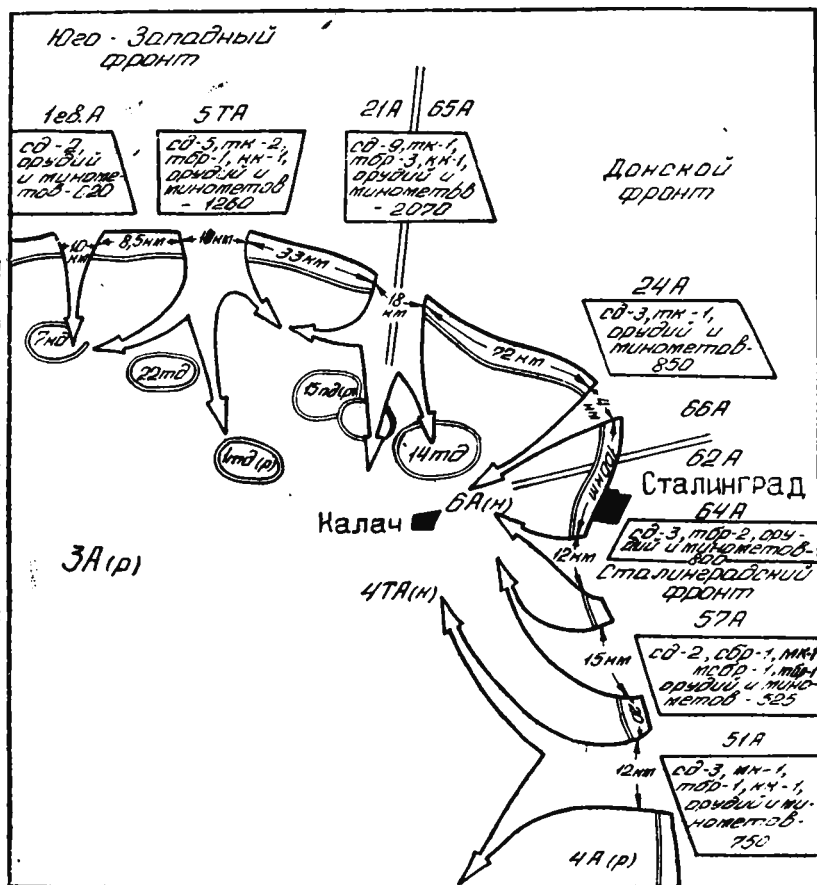

Схема 15. Состав ударных группировок, ширина участков прорыва и их взаимное удаление в контрнаступлении под Сталинградом

Третий удар наносил Сталинградский фронт навстречу Юго-Западному. В него вкладывались усилия трех армий. Однако каждая из них должна была осуществлять прорыв на самостоятельном участке. В тех условиях обстановки такая

форма удара была оправданной. Противостоящий противник— 6-й румынский корпус оборонялся на широком фронте и в морально-боевом отношении был недостаточно устойчив, что облегчало прорыв обороны и развитие его в глубину. Кроме того, при отдельных армейских ударах уменьшался объем оперативных перегруппировок войск. Это имело большое значение для выигрыша времени и достижения внезапности.

Таким образом, каждый фронт в соответствии с замыслом Ставки и решениями командующих фронтами взламывал оборону противника на двух-трех наиболее уязвимых для неприятеля участках. При этом участки прорыва находились на удалении 15—20 км один от другого. Избранная форма оперативного прорыва позволяла взломать вражескую оборону на 400-километровом фронте одновременно на нескольких направлениях, ввести противника в заблуждение относительно направления главного удара и затруднить ему использование резервов для закрытия брешей и нанесения контрударов. Взаимное удаление участков прорыва ударных группировок давало возможность уже вскоре после завершения прорыва тактической зоны обороны объединить межфронтовые, фронтовые и армейские удары в один оперативный участок прорыва, открывший широкие перспективы для дальнейшего успешного развития операции. Это было новым элементом в планировании оперативного прорыва.

Важной особенностью контрнаступления под Сталинградом являлось то, что оно начиналось, по существу, при равенстве сил сторон. К 19 ноября 1942 г. общее соотношение сил выглядело следующим образом: в личном составе — 1 : 1, в орудиях и минометах (без зенитных и 50-мм минометов) — 1,5 : 1, в танках — 2,2 : 1, в боевых самолетах — 1,1 : 1¹. По дневным бомбардировщикам советская авиация уступала врагу в 8 раз². Меньше было у нас и орудий калибра 76 мм и выше. Поэтому наиболее выгодным путем создания превосходства над противником и нанесения по нему сокрушительного удара было решительное массирование сил и средств на важнейших направлениях.

Советское командование проявило высокое искусство в осуществлении принципа массирования на практике. Так, на Юго-Западном фронте на участках прорыва общей шириной 32 км из 250 км полосы действий было сосредоточено 60% стрелковых дивизий, три танковых и два кавалерийских корпуса, около 100% артиллерии усиления РВГК, вся реактивная артиллерия и авиация двух воздушных армий. На Сталинградском фронте на участках прорыва общей протяженностью

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 35.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, с. 42.

40 км (11% ширины полосы наступления) сосредоточивались две трети стрелковых дивизий трех армий, осуществлявших прорыв, все подвижные соединения, основная масса артиллерии и авиации. Это позволило на направлениях главных ударов фронтов создать двойное и тройное превосходство. На участках прорыва ряда армий превосходство было еще большим. Например, в 5-й танковой армии оно выражалось: в личном составе — 2,7:1, в артиллерии — 5:1, в танках — подавляющее¹.

В результате решительного массирования сил и средств на участках прорыва были достигнуты следующие плотности (табл. 4).

Таблица 4

Средние плотности сил и средств на участках прорыва в контрастном наступлении под Сталинградом²

Наименование фронтов и армий	Ширина (км)		Плотность			
	полосы наступ- ления	участка прорыва	км на сд		орудий и минометов на 1 км участка прорыва	танков на 1 км участка прорыва
			во всей полосе	на участ- ках про- рыва		
Юго-Западный фронт						
5-я танковая	35	10	6	2,5	67,9 (117)	$\frac{13}{37}$
21-я	40	12	6,6	2,4	62	$\frac{5}{25}$
Донской фронт						
65-я	80	6	9	1,5	71,5 (109,6)	15
Сталинградский фронт						
64-я	36	12	5	4	47(50)	3—4
57-я	35	15	14	6	32,8 (40)	$\frac{6}{12}$
51-я	110	12	24	6	30	$\frac{3}{12}$

Примечания:

1. В скобках — с реактивной артиллерией.

2. В числителе — плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

¹ См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 255.

² Таблица составлена на основании: материалов: ЦАМО, ф. 331, оп. 5041, д. 31, л. 16; ф. 375, оп. 5113, д. 122, лл. 15—34; «Военно-исторический журнал», 1968, № 3, с. 72—73; 1972, № 5, с. 26; трудов: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 241, 237, 326; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 163; Сборник материалов по изучению опыта войны № 8. М., Воениздат, 1943; с. 16, 38.

Из таблицы видно, что средние плотности стрелковых войск на участке прорыва в армиях Юго-Западного и Донского фронтов в целом отвечали Приказу Народного Комиссара Обороны № 306 и указаниям Ставки, отданным Донскому фронту 15 октября, — иметь 60 орудий на 1 км фронта, не считая гвардейских минометов¹. На Сталинградском фронте они были в два раза ниже. Поэтому фронт предусмотрел одновременный переход армий в наступление с тем, чтобы можно было совершать маневр артиллерией с одного участка прорыва на другой. Однако выполнить это намерение ввиду краткости сроков на маневр не удалось.

Оперативное построение фронтов было одноэшелонным с наличием резервов в составе до двух стрелковых дивизий. Армии, осуществлявшие прорыв, имели два эшелона. Во второй эшелон выделялось до 1/3 сил и средств стрелковых войск. В большинстве наступающих армий создавались и подвижные группы. Их состав был различным. Так, в 5-й танковой армии в подвижной группе было два танковых и кавалерийский корпус, в 21-й и 51-й армиях — по одному танковому (механизированному) и одному кавалерийскому корпусу, в 24-й и 57-й армиях — по одному танковому (механизированному) корпусу.

Танковые и механизированные корпуса намечалось ввести в сражение в первый день операции, через 3—4 часа после начала атаки, на глубине 3,5—5 км, т. е. для завершения прорыва главной полосы обороны. К исходу дня на главных направлениях они должны были продвинуться на глубину 40—50 км². Из-за недостаточного количества в армиях танков непосредственной поддержки пехоты в качестве таковых намечалось использовать часть сил танковых и механизированных корпусов³. Это ослабляло ударную силу корпусов, снижало их возможности при развитии наступления в глубину, однако в данных условиях было оправданным.

Таким образом, прорыв и его развитие предусматривалось осуществлять только силами армий первого эшелона при поддержке фронтовой авиации. Отсутствие в непосредственном распоряжении командующих фронтами мощных ударных средств не позволяло оказывать влияние на ход сражения.

Боевые порядки стрелковых войск строились в соответствии с требованиями приказа Народного Комиссара Обороны № 306 от 8 октября 1942 г. В нем воспрещалось поэшелонное построение боевых порядков в глубину и приказывалось «в основу построения боевых порядков пехоты положить обяза-

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1640, д. 180. лл. 288, 289.

² См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 232, 240.

³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 47.

тельное требование максимального и одновременного участия в бою пехоты и ее огневых средств от начала и до конца боя»¹. Приказом вводилось одноэшелонное построение войск от роты до дивизии. На наш взгляд, такое категоричное требование о построении боевых порядков было ошибочным. В военном искусстве, и особенно в тактике, шаблоны пагубно сказываются на выполнении боевых задач. Поэтому устанавливать единообразное построение войск, которое решается каждый раз творчески, с учетом конкретной обстановки нецелесообразно.

Этим же приказом предписывалось: «С целью избежать излишней скученности боевых порядков, а отсюда и больших потерь при наступлении среднекомплектованной дивизии (7—8 тысяч) в составе ударной группировки армии назначать полосу около 4 км и ни в коем случае не менее 3 км по фронту»². На главных направлениях они и составляли 4—5 км, что давало тактическую плотность около двух стрелковых батальонов на 1 км фронта.

Боевые задачи стрелковых дивизий определялись на глубину 11—20 км, а в отдельных случаях — 28 км³. При одноэшелонном построении боевых порядков трудно было рассчитывать на успешное выполнение дивизиями таких задач. Однако эта глубина определялась командованием армией с учетом ввода в сражение в их полосах в первый день операции крупных танковых сил.

Планирование боевых действий артиллерии основывалось на принципах артиллерийского наступления. Продолжительность артиллерийской подготовки намечалась 40—80 минут. Из них на подавление обороны противника массированным огнем отводилось 15—20 минут, или примерно 25% времени артиллерийской подготовки. Наиболее плотно подавлялись передний край и первая позиция. В ходе артиллерийской подготовки намечалось широко применять огонь стрелкового оружия.

Артиллерийская поддержка атаки осуществлялась методом последовательного сосредоточения огня на глубину 1,5—2 км⁴, т. е. на глубину первой позиции. Планирование ее, за исключением 51-й армии, возлагалось на штабы артиллерии стрелковых дивизий, что существенно снижало его качество. Более целесообразно было бы планировать артиллерийскую поддержку атаки в масштабе армии, поскольку участок прорыва

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., ВАФ, 1961, с. 47.

² Там же, с. 49.

³ См.: История войн и военного искусства. М., Воениздат, 1970, с. 201.

⁴ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 165.

в армии был один. Сопровождение наступления пехоты и танков должно было осуществляться огнем по вызову.

Расход боеприпасов планировался в армиях, что привело к назначению различного их количества как на артиллерийское наступление в целом, так и на отдельные его периоды. Например, в 21-й армии в первый день было запланировано расходовать 1,3 бк, из них 0,3 бк на артиллерийскую поддержку и сопровождение наступления пехоты и танков. В 65-й армии на артиллерийское наступление отпускалось 0,5 бк, из них 0,3 бк на артиллерийскую подготовку. Хотя плотности артиллерии в 65-й армии были выше, чем в 21-й, но они не компенсировали трехкратного уменьшения расхода боеприпасов. Плотность огня в 65-й и 24-й армиях составила 13—60% от норм, определенных Правилами стрельбы наземной артиллерии. Опыт войны показал, что расход боеприпасов должен определяться и контролироваться фронтом с учетом потребностей и возможностей каждой армии.

Верховное Главнокомандование большое значение придавало авиационному обеспечению предстоящей операции. И. В. Сталин в телеграмме от 12 ноября 1942 г. на имя представителя Ставки генерала армии Г. К. Жукова указывал: «Если авиаподготовка операции неудовлетворительна у Еременко и Ватутина, то операция кончится провалом. Опыт войны с немцами показывает, что операцию против немцев можно выиграть лишь в том случае, если имеем превосходство в воздухе»¹. Вопрос даже ставился так: если «наша авиация сейчас не в состоянии выполнить эти задачи, то лучше отложить операцию на некоторое время и накопить побольше авиации»².

К началу контрнаступления в составе трех фронтов имелось 928 боевых самолетов, из них около половины составляли бомбардировщики и штурмовики³. Следовательно, при прорыве обороны противника авиация могла совершить около тысячи самолето-вылетов. При бомбовой нагрузке одного самолета (бомбардировщика и штурмовика) 354 кг⁴ это давало 400—450 т бомб, снарядов и патронов, или 6—7 т на 1 км участка прорыва.

Действия авиации впервые планировались в форме авиационного наступления, которое включало два периода: непосредственную авиационную подготовку и поддержку действий войск в оперативной глубине⁵.

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 193.

² Там же.

³ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 35.

⁴ См.: *Корец Л. Б.* Советские Военно-Воздушные Силы в битве под Сталинградом. М., Воениздат, 1959, с. 248.

⁵ См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 235.

Это обеспечивало лучшее согласование ударов авиации и огня артиллерии с действиями наступающих войск. Однако усилия фронтовой авиации все еще расплылись по общевойсковым армиям, для поддержки которых создавались авиационные группы¹. При планировании авиационного наступления недостаточно выделялось сил для непосредственной поддержки войск, ведущих прорыв.

Большая работа проводилась по подготовке командования, штабов и войск. «Главное внимание всего командно-политического состава, — отмечал Г. К. Жуков, — было сосредоточено на необходимости стремительно прорвать тактическую оборону вражеских войск, ошеломить их мощным ударом и быстро ввести в дело вторые эшелоны для развития тактического прорыва в оперативный»². Партийно-политическая работа направлялась на воспитание у личного состава высокого наступательного порыва, укрепление дисциплины, единоначалия, повышение воинского мастерства.

Подлинное искусство советское военное командование проявило в достижении внезапности перехода в контрнаступление. В этих целях проводились мероприятия стратегического, оперативного и тактического характера.

Ставка, планируя контрнаступление, приняла во внимание оценку обстановки гитлеровским командованием, которое считало, что советское командование не располагает силами для крупного наступления на Юго-Западном направлении, а метеорологические условия также не способствуют этому. Как стало известно позже, в приказе Гитлера на переход к стратегической обороне от 14 октября 1942 г. указывалось, что «сами русские в ходе последних боев были серьезно ослаблены и не смогут зимой 1942/43 г. располагать такими же большими силами, какие у них имелись в прошлую зиму...»³.

Чтобы поддержать такое мнение у гитлеровского командования, Ставка провела целый ряд мероприятий по скрытности подготовки контрнаступления. Они сводились к тому, чтобы исключить утечку информации. С этой целью ограничивался круг лиц, знающих о подготовке контрнаступления, запрещались переписка и телефонные разговоры по этим вопросам, выдвижения стратегических резервов на Юго-Западное направление проводилось со строжайшими мерами предосторожности, преимущественно ночью, с выгрузкой их из железнодорожных эшелонов вдали от линии фронта. 14 октября 1942 года Ставка приказала фронтам установить прифронто-

¹ См.: *Корец Л. Б.* Советские Военно-Воздушные Силы в битве под Сталинградом. М., Воениздат, 1959, с. 131—132.

² *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., Изд-во АПН, 1970, с. 403.

³ «Совершенно секретно! Только для командования!». М., «Наука», 1967, с. 391.

вую полосу на глубину 25 км с воспреещением доступа и проживания в ней гражданского населения¹.

На Западном стратегическом направлении Ставка готовила крупную наступательную операцию силами Западного, Калининского и Северо-Западного фронтов под названием «Марс». Для координации усилий этих фронтов был направлен заместитель Верховного Главнокомандующего генерал армии Г. К. Жуков.

Большие работы по оперативной маскировке проводились во фронтах, в армиях и их войсках. Для прибывающих соединений и частей готовились районы сосредоточения, где проводились мероприятия по скрытию войск. Районы сосредоточения оборудовались небольшие по размерам, с использованием балок, редких населенных пунктов и рощ. Это исключало сосредоточение в одном районе большого количества войск, что затрудняло разведке противника определение сосредоточения крупных соединений — важного признака подготовки наступления.

Перегруппировка войск в армиях осуществлялась под прикрытием ранее оборонявшихся частей. Пристрелка артиллерии проводилась с таким расчетом, чтобы не нарушался установившийся на участке фронта режим огня. В 5-й танковой и 1-й гв. армиях для пристрелки выделялось по одному пристрелочному орудию на калибр и пристрелка велась в течение 2—4 дней. Исходные районы для наступления занимались только ночью со строгим соблюдением мер маскировки.

На большинстве направлений все эти меры дали хорошие результаты. Противник не смог, например, вскрыть прибытия в район Серафимовича 5-й танковой армии, которая на его картах к началу наступления значилась в районе г. Ефремов, т. е. в 300 км от истинного ее положения.

В захваченном секретном документе штаба 7-го армейского корпуса немцев от 28 ноября 1942 г. давалась следующая характеристика маскировочным мероприятиям, проведенным войсками Советской Армии: «Хорошая маскировка всех частей стратегического сосредоточения, особенно сосредоточения танковых соединений. В широких масштабах удачно проведенное радиомолчание наступающих частей, особенно танковых. Передвижение только в ночное время. Необычайно тщательное прощупывание всего фронта методом разделенных большими промежутками времени обычных действий ударных отрядов (силою до полка) с целью точно установить слабые места фронта. Эта разведка боем особенно усилилась за два дня до начала наступления. Отказ от артиллерийской пристрелки². Усиливающиеся воздушные налеты на базы снаб-

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 13, лл. 131—133.

² Хотя она была проведена.

жения и на расположение штабов за много дней до начала наступления»¹.

Перенос наступления с 9—10 на 19—20 ноября затруднил дальнейшее скрытие созданных группировок, что позволило разведывательным органам противника получить некоторые данные о подготовке контрнаступления. Однако немецко-фашистскому командованию, введенному в заблуждение о подготовке стратегического наступления на московском направлении, не удалось сделать определенные выводы. После войны бывший начальник штаба оперативного руководства немецко-фашистскими вооруженными силами Йодль признал, что они не смогли раскрыть сосредоточения советских войск северо-западнее Сталинграда. «Мы абсолютно не имели представления о силе русских войск в этом районе. Раньше здесь ничего не было, и внезапно был нанесен удар большой силы, имевший решающее значение»².

Прорыв обороны противника на Юго-Западном и Донском фронтах начался 19 ноября, на Сталинградском — 20 ноября 1942 г. За 2—5 суток до этого на направлениях главных ударов была проведена разведка боем силами от усиленной роты до батальона, которая на многих участках позволила уточнить начертание переднего края и систему огня противника. Вместе с тем опыт показал, что выделять усиленную стрелковую роту для разведки боем в полосе дивизии недостаточно. Проведение же разведки за несколько дней до начала операции дает возможность противнику провести ряд мероприятий по усилению обороны.

На Юго-Западном и Донском фронтах артиллерийская подготовка, несмотря на густой туман и снегопад, началась в назначенное время — в 7 часов 30 минут (схема 16). Неблагоприятные условия погоды исключили возможность применения авиации.

Во время последнего огневого налета артиллерии пехота прибилась на 200—300 м к переднему краю противника и в момент переноса огня артиллерии в глубину совместно с танками НПП перешла в атаку. Передний край обороны противника был прорван сравнительно быстро, и войска начали продвигаться в глубину. Наиболее успешно наступали дивизии в центре ударных группировок 5-й танковой и 21-й армий, где оборона противника была подавлена наиболее надежно. К 12 часам они продвинулись на 2—3 км и прорвали первую позицию. Дивизии, примыкавшие к направлению главного удара, имели меньший успех.

¹ Сборник материалов по изучению опыта войны № 6. М., Воениздат, 1943, с. 55.

² Цит. по кн.: Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2. М., Изд-во АПН, 1974, с. 102.

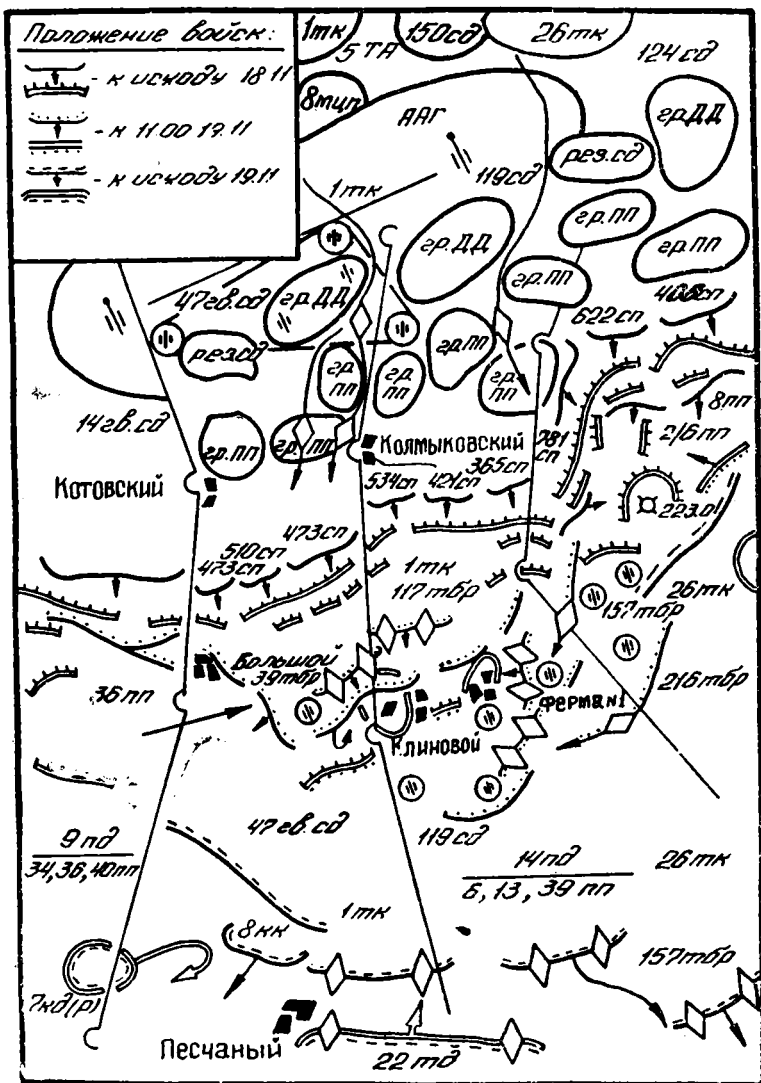

Схема 16. Боевые действия соединений 5-й танковой армии в ходе прорыва

С продвижением в глубину сопротивление противника усилилось, он начал предпринимать контратаки, и на ряде участков ему удалось приостановить наступление.

Одной из причин замедленной атаки была недостаточная степень подавления противника в глубине обороны. Сказывались также малая плотность танков НПП и построение бое-

вых порядков войск в один эшелон¹. Если при атаке переднего края такое построение позволяло привлечь до 70% огня пехоты и в какой-то мере усилить огневое воздействие по врагу, то для развития атаки ни полки, ни дивизии не располагали необходимыми силами. В ходе прорыва первой позиции некоторые подразделения и части встретили упорное сопротивление и были задержаны. Другие получили большой успех. На некоторых участках в обороне противника образовались слабые места, где можно было развить успех. Но для этого в полках имелось всего по одной роте, а в дивизиях — до батальона. В условиях начавшихся контратак противника командиры полков и дивизий не решались использовать свои резервы для развития успеха. И вскоре возможность для развития атаки затухала.

Таким образом, ход боев показал, что построение стрелковых дивизий и полков в один эшелон не позволяло наращивать удар из глубины и лишало возможности их командиров активно влиять на развитие событий путем ввода в бой свежих сил.

В некоторых военно-исторических работах² утверждается, что одноэшелонное построение боевых порядков давало возможность ввести в первую линию значительное количество стрелков, использовать при атаке большую часть огневых средств пехоты и наносить сильный первоначальный удар. На наш взгляд, такой довод не имеет под собой серьезного основания. Действительно, количество одновременно используемых в дивизии огневых средств пехоты увеличилось. Но увеличение стрелков в цепи подразделений не вело к повышению силы ее огня, ибо расстояние между стрелками оставалось прежним — 5—6 шагов. Вместе с тем плотности артиллерии, которые создавались осенью 1942 г., вполне обеспечивали подавление первой позиции. Качественный же состав артиллерии не позволял надежно подавлять именно глубину обороны противника, так как минометы составляли более 1/3, а с учетом реактивной артиллерии до половины общего количества артиллерии, привлекаемой к артиллерийской подготовке. Это обстоятельство дает основание сказать, что именно в глубине в большей мере требовалось усиливать мощь атакующей пехоты, т. е. вводить в бой вторые эшелоны полков и дивизий с танками НПП.

Правда, в ряде случаев атака задерживалась и перед передним краем. Но основная причина этого состояла не в недостатке огня артиллерии, а главным образом в разрыве между окончанием артиллерийской подготовки и моментом, когда пехота врывается на передний край противника. Разрыв более

¹ См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 262.

² История военного искусства, т. 5. М., ВАФ, 1958, с. 700; История военного искусства, т. 2. М., ВАФ, 1961, с. 264.

4—5 минут позволял уцелевшим расчетам и пехотинцам занять свои позиции до броска нашей пехоты на передний край. Если даже половина войск противника оставалась боеспособной, что считается очень высокой степенью поражения во время артиллерийской подготовки, то и тогда, располагая автоматическим оружием и противотанковыми средствами, они в состоянии были отразить атаку перед передним краем или нанести атакующим такие потери, которые в боевом и моральном отношении резко снижали их возможности по развитию атаки в глубину.

В приказе Народного Комиссара Обороны № 306 в качестве одного из доводов против построения глубоких боевых порядков приводилось то, что подразделения вторых и третьих эшелонов еще до вступления в бой «несут исключительно большие, ничем не оправданные потери в личном составе и огневых средствах от огня артиллерии, минометов и авиации противника...»¹.

Действительно, боевая практика первого периода Великой Отечественной войны показала, что вторые и третьи эшелоны до боя несли существенные потери. Одноэшелонное построение уменьшало «небоевые» потери но, как указывалось выше, лишало соединения и части средств для наращивания усилий и развития прорыва. Потери вторые и третьи эшелоны чаще всего несли потому, что недостаточно надежно подавлялись артиллерия и минометы противника, а вторые (третьи) эшелоны поднимались и шли в атаку почти так же, как и в первую мировую войну, — одновременно или почти одновременно с первым эшелоном. Оказавшись на открытой местности вблизи атакующего эшелона, они подвергались интенсивному обстрелу артиллерийско-минометным огнем, а более глубокие (полковые и дивизионные вторые эшелоны) — и ударам авиации. Поэтому уменьшения потерь следовало искать не в одноэшелонном построении, а в более надежном подавлении огневых средств противника, в изменении порядка перемещения вторых (третьих) эшелонов до ввода их в бой и лучшем прикрытии от ударов с воздуха.

Спад темпов прорыва главной полосы потребовал наращивания силы удара средствами армий. Командующий 5-й танковой армией решил ввести в сражение танковые корпуса, которые приступили к выдвигению из выжидательных районов вскоре после начала атаки. Это позволило им к 13.00 выйти на линию наступающей пехоты и после огневого налета артиллерии перейти в атаку.

Одновременное появление на поле боя большой массы танков произвело на противника сильный моральный эффект.

¹ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. М., ВАФ, 1964, с. 46.

Дополнив его огнем и ударом, танковые корпуса сломили сопротивление врага и быстро вышли в район основных артиллерийских позиций противника в районе Клиновой, ферма № 1. Удар с флангов и фронта четырех танковых бригад обоих корпусов привел к разгрому двух артиллерийских полков и батальона пехоты противника. Лишь небольшим его группам, пользуясь туманом, удалось отойти к совхозу Усть-Медведицкий. На направлении главного удара 5-й танковой армии оборона противника оказалась прорванной. Развивая наступление, танковые корпуса к исходу дня продвинулись на 18—20 км.

Вслед за танковыми корпусами был введен 8-й кавалерийский корпус, который направлялся для развития успеха в сторону фланга и образования внешнего фронта окружения.

Успех подвижной группы армии позволил и стрелковым дивизиям повысить темпы наступления. К исходу дня они продвинулись на глубину от 3 до 19 км.

Примерно также осуществлялся прорыв и в полосе 21-й армии. 4-й танковый корпус, введенный в сражение по двум маршрутам, правой колонной во взаимодействии со стрелковыми дивизиями в середине дня завершил прорыв главной полосы обороны противника. Две бригады этой колонны, обходя узлы сопротивления, начали быстро продвигаться в глубину. К исходу дня, овладев Манойлином, они прорвались на глубину 30—35 км¹. Левая колонна продвинулась на глубину до 12 км. Разрыв между колоннами, достигший 20 км, ухудшил управление корпусом и привел к задержке его продвижения.

Две дивизии 65-й армии, осуществлявшие прорыв, в первый день смогли вклиниться в оборону противника только на 3—5 км. Однако они приняли на себя удар 1-й румынской кавалерийской дивизии, что облегчило наступление 21-й армии. Нет сомнения, что при наличии в 65-й армии подвижной группы на направлении ее наступления оборона была бы прорвана.

Внезапность перехода войск Юго-Западного и Донского фронтов в наступление, создание двух глубоких брешей в обороне противника и вклинение еще на одном участке вызвали растерянность у немецко-фашистского командования. Это видно из задач, которые получил 19 ноября 48-й танковый корпус. Сначала он должен был нанести удар по войскам 21-й армии, по мнению командования противника, наносивших главный удар. В середине дня ему была поставлена задача нанести контрудар уже по 5-й танковой армии. 1-я танковая румынская дивизия должна была наступать в западном направлении, а 22-я танковая немецкая дивизия и 7-я кавалерийская румынская дивизия из разобщенных районов в се-

¹ ЦАМО, ф. 335, оп. 5113, д. 124, л. 13.

ро-восточном направлении. Ударом по трем направлениям противник намеревался ликвидировать образовавшуюся в обороне брешь. Однако наши танковые и стрелковые войска успешно отразили контрудар, чем создали предпосылки для стремительного наступления к намеченным рубежам.

20 ноября 26-й танковый корпус, умело применяя маневр на поле боя, удары по противнику с флангов, начал быстро продвигаться в оперативную глубину. Овладев Перелазовским, он открыл путь войскам армии в оперативную глубину. Но рассредоточенность бригад на большом фронте при одной радиостанции в штабе корпуса, отставание стрелковых дивизий привели к задержке продвижения корпуса к Калачу. Лишь в середине дня 21 ноября он устремился к Дону, а уступом за ним пошел 1-й танковый корпус.

Прорыв в армиях Сталинградского фронта также проходил в сложных метеорологических условиях и без поддержки авиации. Артиллерийская подготовка началась одновременно: в 51-й армии — в 7.30, в 57-й армии — в 8.15, а в 64-й армии — лишь в 13.50.

Несмотря на трудные условия ведения огня, оборона противника оказалась в основном подавленной, чему в немалой степени способствовала достигнутая внезапность. В короткий срок войска 51-й и 57-й армий прорвали передний край. Из-за сильного морального потрясения и слабости резервов противник не смог предпринять действенных мер по ликвидации обозначившихся брешей в своей обороне. Это позволило нашим стрелковым войскам выйти в районы основных артиллерийских позиций противника и создать благоприятные условия для ввода подвижных групп армий. 4-й механизированный корпус был введен в прорыв в 14.00 и к исходу дня продвинулся на 10—15 км. 13-й механизированный корпус вошел в сражение только в 16.00 и смог продвинуться на 16—17 км.

Успех войск 64-й армии был значительно меньшим, так как для наступления у нее оставалось мало светлого времени и она не имела подвижной группы.

С утра 21 ноября после короткой артиллерийской подготовки армии возобновили наступление. Отражая контратаки подошедших резервов противника, 51-я и 57-я армии на главных направлениях завершили прорыв, объединили его в одну фронтную брешь и перерезали железную дорогу Сталинград—Котельниково, открыв тем самым путь на Советский. Там в 16.00 23 ноября произошло соединение войск Юго-Западного и Сталинградского фронтов, замкнувших фронт окружения.

Анализ прорыва в ноябрьской операции под Сталинградом показывает, что на главных направлениях он был осуществлен в первый день при тесном взаимодействии всех родов войск. Успех прорыва был обеспечен правильным выбором

направлений главных ударов и решительным массированием на них сил и средств, скрытностью подготовки и достижением внезапности, точным расчетом необходимых для быстрого прорыва сил и средств, одновременным нанесением ударов на ряде участков сильными группировками, искусным применением артиллерии, бронетанковых войск, высоким наступательным порывом личного состава.

Этот опыт еще раз доказывает, что можно и при равенстве в силах, а иногда даже уступая в них противнику, сосредоточить превосходящие силы и средства на избранном направлении, нанести внезапный удар и добиться желаемых результатов.

Решающую роль в ходе прорыва сыграли танковые и механизированные корпуса, выполнявшие три взаимосвязанные задачи — развитие начатой пехотой атаки, завершение прорыва тактической зоны обороны противника и развитие тактического прорыва в оперативный. На выполнение первых двух задач, по своему содержанию тактических, танковые (механизированные) корпуса затратили много сил, что существенно уменьшило их оперативные возможности. Так, 1-й танковый корпус в первый день боя, когда в основном осуществлялся прорыв обороны противника, потерял 49 танков, 26-й танковый корпус — 46 танков. Это составило около 30% их боевого состава¹. При развитии тактического прорыва в оперативный действия танковых и механизированных корпусов характеризовались широким маневром, нанесением ударов по узлам сопротивления противника, как правило, во фланг и тыл, стремительностью продвижения.

Опыт прорыва обороны противника в районе Сталинграда нашел дальнейшее развитие в операции «Малый Сатурн», проведенной на Среднем Дону во второй половине декабря 1942 г. войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов (схема 17).

Особенность избранной формы оперативного прорыва в этой операции состояла в том, что удары хотя и были намечены по сходящимся к району Миллерово направлениям, однако окружение противника на Среднем Дону не было главной целью операции. Войска Воронежского и Юго-Западного фронтов, разгромив противостоящую 8-ю итальянскую армию, должны были глубоко врезаться в оперативную оборону противника, выйти во фланг и тыл группы армий «Дон» и тем самым сорвать операцию по деблокированию окруженной в Сталинграде группировки врага.

На направлении главного удара, наносимого смежными флангами двух фронтов, ударная группировка включала 12 стрелковых дивизий, четыре танковых корпуса², 2500 ору-

¹ ЦАМО, ф. 5041, оп. 1, д. 31, л. 33.

² В составе Юго-Западного фронта и 6-й армии имелось более 1000 танков.

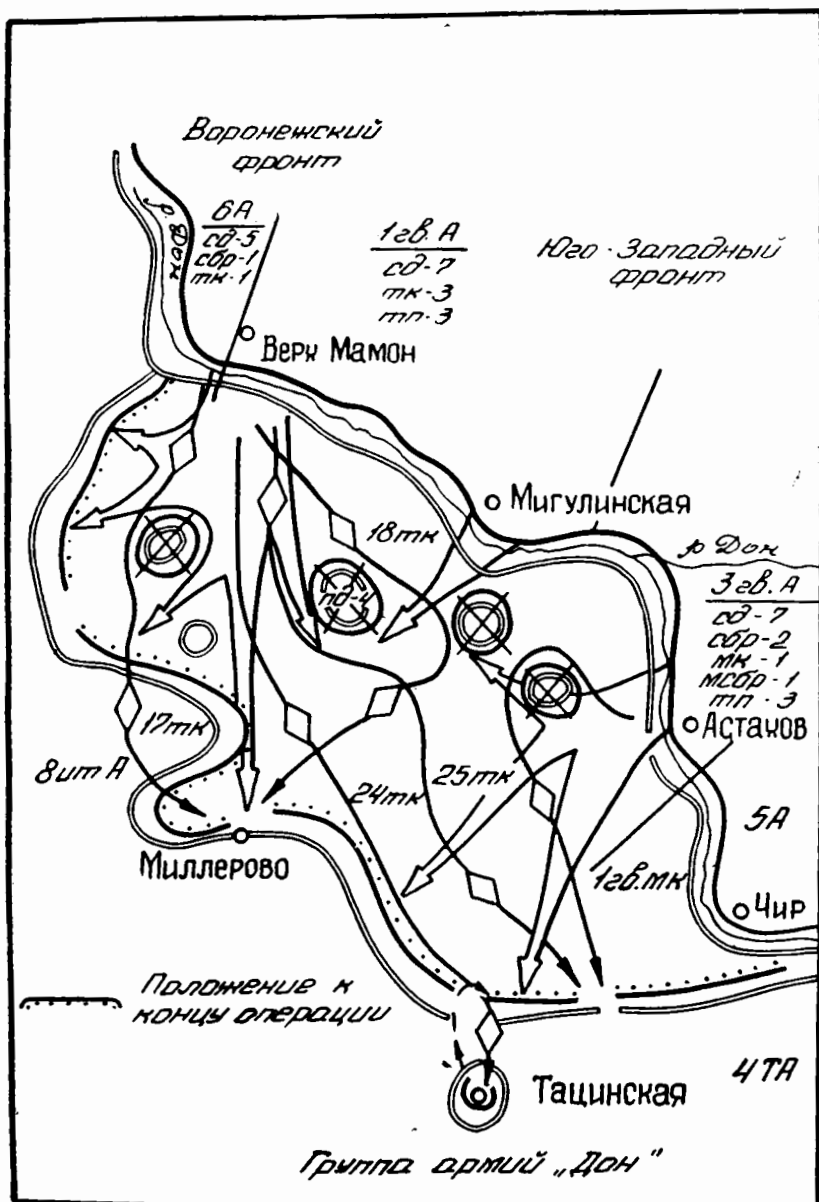

Схема 17. Замысел и конечный результат операции «Малый Сатурн»*

дий и минометов, 300 боевых самолетов. По количеству танков и артиллерии это была самая сильная группировка, создававшаяся до этого в наступательных операциях Советской Армии. При этом прорыв обе армии должны были осуществить на одном участке шириной 27 км.

Второй удар, наносимый 3-й гв. армией с одним механизированным корпусом, также был достаточно сильным.

Решительное массирование сил и средств позволило создать следующие плотности войск (табл. 5).

Таблица 5

Средние плотности сил и средств в армиях к началу операции «Малый Сатурн»¹

Наименование армий	Ширина (км)		Плотность			
	полосы наступления	участков прорыва	км на сд		артиллерии на 1 км участка прорыва	танков на 1 км участка прорыва
			по всей полосе	на участке прорыва		
6-я	27	9	5	2,2	72	$\frac{12}{31,6}$
1-я гвардейская	145	18	20,7	3,6	55	$\frac{6}{33}$
3-я гвардейская	89	14	12,7	3,5	73	$\frac{7}{18}$

Примечание. В числителе — плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

Из таблицы видно, что плотности стрелковых войск, артиллерии и танков НПП, особенно в 1-й гв. армии, были невысокими, так как участки прорыва определялись сравнительно широкими. При нанесении удара смежными флангами 6-й и 1-й гв. армий для ввода подвижных групп вполне было достаточно иметь единый участок прорыва шириной 18—20 км.

Невысокие плотности войск сказались на соотношении сил. На участке прорыва 6-й армии оно было: по пехоте 3,3 : 1, по танкам — 1,1 : 1, по артиллерии — 3,3 : 1; на участке прорыва 1-й гв. армии: по пехоте — 1,6 : 1, по орудиям и минометам (калибра 75 мм и крупнее) — 2,2 : 1, по танкам — 2 : 1. В 3-й гв. армии лишь по пехоте превосходство на участке прорыва удалось создать четырехкратным. По артиллерии оно составило 2,8 : 1, по танкам — 2,3 : 1².

¹ Таблица составлена на основании источников: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 323—326; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 171.

² См.: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 343.

Оперативное построение фронтов и армий было примерно таким же, как и в ноябрьской операции под Сталинградом. Фронты имели одноэшелонное построение, армии — двухэшелонное. Однако во втором эшелоне армии имели всего по одной стрелковой дивизии. Во всех армиях создавались подвижные группы. Особенно внушительной она была в 1-й гв. армии — три танковых корпуса.

Группы развития успеха намечалось вводить в сражение для завершения прорыва первой полосы обороны противника (два танковых корпуса в 1-й гв. армии) или развития тактического прорыва уже после ее преодоления (6-я и 3-я гв. армии).

Некоторые изменения произошли в построении боевых порядков. Стрелковые корпуса строились в один эшелон, стрелковые дивизии в 1-й гв. армии — в два эшелона, в остальных армиях — в один эшелон, но полки имели двухэшелонное построение. Это являлось следствием влияния опыта ноябрьской операции, в которой к двухэшелонному построению полки и дивизии начали прибегать с первых дней наступления¹.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 90 минут, из них массированный огонь на подавление составлял 15 минут. Поддержка атаки намечалась методом последовательного сосредоточения огня.

Расход боеприпасов в первый день наступления предусматривался от 0,75 до 1,5 бк. Однако не во всех артиллерийских частях и соединениях имелось даже такое количество боеприпасов, поскольку острый недостаток в транспорте затруднял их своевременный подвоз².

Небольшими возможностями для оказания помощи войскам, осуществлявшим прорыв, располагала и авиация. В наступлении на Среднем Дону могло принять участие 77 бомбардировщиков, 135 штурмовиков, 97 истребителей³. Кроме того, было 106 самолетов ПО-2 и Р-5, которые могли использоваться только ночью, когда боевые действия велись ограниченными силами.

Планом авиационного наступления предусматривалось нанесение до начала операции массированных ударов по аэродромам и другим важным объектам в глубине. Во время прорыва обороны противника усилия штурмовой и бомбардировочной авиации нацеливались на поддержку наступления пехоты и танков непосредственно на поле боя.

Специальные задачи авиация получила по обеспечению ввода в сражение подвижных групп. Однако сил для этого было выделено мало, ибо часть авиации в это время исполь-

¹ ЦАМО, ф. 242, оп. 6850, д. 10, л. 240; д. 5, л. 184; ф. 227, оп. 140946, д. 1, лл. 1, 2; ф. 266, оп. 271, д. 19, л. 18.

² См.: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 330.

³ См.: Там же, с. 330, 342.

зовалась для повторных ударов по аэродромам противника и подходящим резервам. Обеспечение действий подвижных групп ухудшалось и от того, что малочисленная авиация раздавалась по армиям, что вело к распылению ее усилий и снижению эффективности ударов.

Хотя мощь огневого воздействия по обороне противника не уступала той, которая была при переходе в контрнаступление, однако признать ее достаточной нельзя, ибо оборона противника на Среднем Дону готовилась 5 месяцев и была значительно прочнее. Она состояла из двух полос по две позиции в каждой. Главная полоса имела глубину 6—8 км. Позиции были оборудованы двумя-тремя траншеями, многочисленными дзотами и блиндажами. Передний край прикрывался проводочными заграждениями в 2—3 кола и плотными минными полями. Итальянские дивизии располагали большим, чем румынские, количеством артиллерии, в то время как у наступающих армий дальнебойной артиллерии имелось мало, особенно в 1-й гв. армии, в состав которой не успела прибыть 9-я артиллерийская дивизия.

Прорыву обороны противника предшествовала разведка боем, проведенная 14 декабря 1942 г., т. е. за двое суток до начала наступления. Хотя она применялась и раньше, но здесь перед ней ставились более конкретные задачи. В распоряжении Верховного Главнокомандующего Юго-Западному и Воронежскому фронтам в начале декабря 1941 г. по этому вопросу указывалось: «Так как немцы знают о наших М-30, взрывающих весь передний край обороны, они усвоили поэтому тактику следующую: оставляют на переднем крае только охранение, а сам передний край относят в глубину на 4—5 км. Этой тактике немцев мы должны противопоставить свою контртактику, а она заключается в том, что нам нужно раньше, чем перейти в наступление, делать боевую разведку с целью вскрытия переднего края обороны, и надо во чтобы то ни стало добраться до переднего края обороны противника. Провести ряд активных разведок, взять пленных и через них все узнать с тем, чтобы напрасно не расходовать боеприпасы. Разведку провести боем, отдельными батальонами за два дня до начала операции»¹.

В результате разведки боем удалось довольно точно определить передний край обороны противника. Воздушная и артиллерийская разведки вскрыли районы расположения резервов противника и огневые позиции его артиллерии. Однако система огня на переднем крае и непосредственно за ним, особенно на участках, где разведка боем не проводилась, была выявлена недостаточно.

¹ Цит. по кн.: Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 386—387.

16 декабря в 8.00 началась артиллерийская подготовка. Густой туман затруднил ведение прицельного огня артиллерией, что отразилось на его эффективности. Значительная часть огневых средств противника оказалась неподдавленной.

Непосредственная авиационная подготовка из-за неблагоприятных метеорологических условий не проводилась.

В 9.30 войска ударных группировок перешли в атаку. Соединения 6-й и 1-й гв. армий, форсировав Дон по льду и наведенным мостам, а также с осетровского плацдарма одновременно на широком фронте ворвались на передний край противника. Хотя значительная часть пехоты, оборонявшей его, была уничтожена, но отошедшие подразделения оказали упорное сопротивление, особенно в центре участка прорыва 1-й гв. армии, где к середине дня дивизии продвинулись всего на 300—400 м. На флангах продвижение составило 1,5—2 км.

В 6-й армии за три часа была полностью прорвана первая позиция. Появилась возможность ввести в сражение подвижную группу, но она располагалась на осетровском плацдарме в готовности войти в прорыв в полосе 1-й гв. армии, а там бои приняли особенно напряженный характер и атака развивалась медленно.

Командующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин, увидев опасность затухания атаки, в 11.00 начал выдвижение сразу 25-го и 18-го танковых корпусов. За ними продвигался 17-й танковый корпус.

Ввод в сражение двух танковых корпусов в пределах первой позиции, где еще не были сделаны проходы в минных полях, привел к тому, что часть танков подорвалась на минах; дальнейшее продвижение танковых корпусов пришлось приостановить. Прорыв продолжили стрелковые дивизии, но темпы их наступления были невысокими. Оправившийся противник начал вводить в сражение оперативные резервы, стремясь ликвидировать наметившийся прорыв. Но его контратаки были отражены. К исходу дня войска 6-й армии продвинулись на 4—5 км, 1-й гв. армии — на 2—3 км.

Наступление 3-й гв. армии в первый день успеха не имело. Причиной тому была низкая эффективность артиллерийской подготовки, запоздание с ее началом, а затем сокращение до 50 минут, что нарушило взаимодействие в ответственный момент перехода войск в атаку.

На второй день наступление в полосе 1-й гв. армии началось одновременно стрелковыми и танковыми соединениями при поддержке артиллерии и авиации. Ударом двух танковых корпусов во взаимодействии со стрелковыми дивизиями сопротивление противника было сломлено на ряде участков. Наибольший успех был достигнут в полосе 4-го гв. стрелкового корпуса, с которым наступал 25-й танковый корпус. В образовавшийся прорыв были введены 17-й и 18-й танковые

корпуса. Расширяя прорыв в сторону флангов, они вынудили противника начать отход на вторую полосу обороны, подготовленную по р. Богучарка.

Попытки прорвать вторую полосу обороны с ходу 17 декабря не увенчались успехом. Однако созданная в обороне брешь достигла 60 км по фронту и 20—25 км в глубину. Закрывать ее потрепанными резервами противник уже не мог. Ночью 25-й танковый корпус и 41-я стрелковая дивизия переправились через р. Богучарка, проникли за вторую полосу обороны, создав тем самым благоприятные условия для прорыва ее на всем участке, что и было сделано 18 декабря. К исходу дня брешь достигла 40 км в глубину и 60 км по фронту. Войска вышли на оперативный простор. К этому времени прорвала оборону противника и 3-я гв. армия.

Рассечение фронта 3-й итальянской армии привело к окружению и уничтожению нескольких ее соединений и частей. К 24 декабря наши танковые корпуса, овладев Тацинской, вышли в тыл тормосинской группировки врага и вынудили командование группы армий «Дон» ослабить группировку войск, предпринявшую контрнаступление на Сталинград.

Наступление на Среднем Дону еще раз подтвердило, что массирование сил и средств на участках прорыва является одной из важнейших предпосылок успеха прорыва. Возрастающие прочности обороны требуют более высоких плотностей сил и средств, и в первую очередь артиллерии. Низкие плотности артиллерии, особенно на участке прорыва 1-й гв. армии, в совокупности с неблагоприятными метеорологическими условиями, исключавшими ведение артиллерией огня достаточной точности, не позволили надежно подавить противника. Слабая эффективность артиллерийской подготовки непосредственно сказалась и на результатах действий войск в первый день операции. А опыт показывал, что успех перерастания тактического прорыва в оперативный зависел от прорыва тактической обороны, особенно ее главной полосы, именно в первый день наступления.

Как и при переходе в контрнаступление под Сталинградом, решающую роль в завершении прорыва главной полосы и всей тактической зоны обороны сыграли танковые корпуса. Однако ввод их в сражение в условиях, когда оборона противника еще не была расстроена, привел к существенным потерям и снизил их возможности по действиям в оперативной глубине. Опять-таки опыт прорыва уже в 1942 г. наглядно показывал необходимость насыщения дивизий первого эшелона танками НПП.

Некоторые новые моменты в развитии искусства прорыва обороны противника проявились в операции по разгрому группировки врага, окруженной под Сталинградом.

В связи с тем, что танковые и механизированные соединения после завершения окружения были отвлечены для борьбы

с противником, пытавшимся деблокировать окруженную группировку, а затем для развития наступления к низовьям Дона и осуществления операций на Верхнем Дону, основная тяжесть борьбы по уничтожению окруженной группировки легла на пехоту и артиллерию.

Замысел операции «Кольцо» состоял в том, чтобы ударами 65, 21 и 24-й армий с запада на восток, 57-й и 64-й с юга на север расчленил группировку врага и уничтожить ее по частям¹. Обращает на себя внимание то, что в этой операции на главном направлении объединяются усилия уже трех армий. Главная ударная группировка, развернувшаяся на 16-километровом участке, состояла из 13 стрелковых дивизий и различных частей усиления. Всего в ней сосредоточивалось 33% стрелковых дивизий, 50% артиллерийских, 57% гвардейских минометных и 75% танковых бригад и полков фронта².

Командующий 65-й армией в первый эшелон на 12-километровом участке прорыва поставил пять стрелковых дивизий, что позволяло иметь одну дивизию на 2—2,5 км.

Сужение ширины фронтового удара и дополнительное усиление Донского фронта артиллерией РВГК дали возможность создать очень высокую для начала 1943 г. ее плотность. На участке прорыва 65-й армии она достигала 135,6, а в полосах некоторых дивизий — 160—165 орудий и минометов на 1 км. Кроме того, на участке прорыва армии были сосредоточены две дивизии реактивной артиллерии (127 БМ-13, 11 БМ-8, 704 пусковых станка М-30)³.

Плотности артиллерии на направлениях главных ударов в других армиях также были высокими: в 57-й — 102,2, в 21-й — 84,6, в 24-й — 87 орудий и минометов на 1 км участка прорыва.

Такие плотности артиллерии позволили создать шестивосьмикратное превосходство над противником, а на направлении главного удара 65-й армии десятикратное, хотя общее превосходство по артиллерии составляло всего 1,7 : 1.

Артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 55 минут. В графике ее проведения отводилось специальное время для ведения огня орудиями прямой наводки, плотность которых на участке прорыва 65-й армии достигала 37 орудий на 1 км фронта. Новый шаг вперед был сделан в организации артиллерийской поддержки атаки, которая осуществлялась огнем валом на глубину 1,5 км⁴.

¹ См.: Великая победа на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 430.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 75.

³ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 175.

⁴ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 78.

Наступление началось 10 января 1943 г. Атаке пехоты и танков предшествовала непосредственная авиационная и мощная артиллерийская подготовка. Высокая степень массирования артиллерии позволила взломать оборону противника. При низких плотностях танков НПП (5—11 на 1 км участка прорыва) стрелковым соединениям в первый день наступления на ряде участков удалось прорвать оборону на глубину 6—8 км¹, несмотря на отчаянное сопротивление окруженных войск противника.

В последующие дни были прорваны вторая полоса обороны и другие оборонительные рубежи врага. При этом по мере сужения фронта наступления увеличивалась плотность артиллерии. Так, при прорыве бывшего внутреннего сталинградского обвода плотность ее возросла до 186 орудий и минометов на фронте 22 км, а на участке прорыва 21-й армии — до 222 орудий и минометов на 1 км. К концу января плотность артиллерии на участке прорыва 65-й армии достигала 273, а в полосе 27-й гв. стрелковой дивизии — даже 388 орудий и минометов на 1 км².

Возрастание мощи артиллерийского огня вело к значительному снижению потерь в наших войсках и повышению их в войсках противника. Если в первые три наиболее тяжелых дня прорыва потери в армии составляли 4%³, то в последние дни штурма, несмотря на ведение боя в городских условиях, они не превышали 2%⁴. Потери противника, находившегося в обороне, за первые 16 дней операции «Кольцо» составили свыше 100 тыс. человек, или почти 40% численности оставшихся к 10 января 1943 г. окруженных войск.

Таким образом, характерными чертами прорыва обороны противника при ликвидации его окруженной группировки в районе Сталинграда явились сосредоточение на главном направлении усилий трех армий, дальнейшее повышение искусства массирования сил и средств на участках прорыва, проведение в полном объеме авиационного наступления, осуществление прорыва при отсутствии в составе армий и фронта крупных соединений бронетанковых войск, повышение плотностей артиллерии, широкое использование орудий для ведения огня прямой наводкой, применение огневого вала для поддержки атаки пехоты и танков.

В целом в контрнаступлении под Сталинградом искусство прорыва и его развития на всю оперативную глубину поднялось на новую, более высокую ступень. Успешное решение этой проблемы позволило окружить и уничтожить крупную

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 77.

² ЦАМО, ф. 422, оп. 12568, д. 20, л. 64.

³ См.: Великая битва на Волге. М., Воениздат, 1965, с. 455.

⁴ ЦАМО, ф. 226, оп. 366, д. 16, лл. 176—198; д. 35, л. 379.

группировку врага при отсутствии значительного превосходства над ним.

Опыт операции явился убедительным подтверждением той истины, что успех прорыва достигается не только общим превосходством над противником в силах и средствах, но и умением создавать его на избранных направлениях за счет строгой экономии сил на второстепенных участках. Наряду с решительным массированием сил и средств советское командование проявило высокое искусство в достижении внезапности перехода в контрнаступление.

Несмотря на четко определившуюся тенденцию к увеличению состава ударных группировок, ведущая роль в осуществлении прорыва и его развитии принадлежала армиям, имевшим танковые и механизированные корпуса. Отсутствие во фронтах подвижных групп и вторых эшелонов не позволяло фронтовой инстанции своевременно наращивать силу удара и активно влиять своими средствами на ход сражения. Ее воздействие на ход операции ограничивалось главным образом согласованием усилий армий по месту и времени, чего было, конечно, недостаточно. Этот опыт нашел отражение в последующих операциях.

Смешанный состав танковой армии оказался в конкретных условиях обстановки приемлемым для осуществления тактического прорыва. Но наличие в армии соединений с различной подвижностью сильно затрудняло управление войсками в ходе операции, поддержание тесного взаимодействия между стрелковыми и танковыми соединениями, сдерживало действия танковых корпусов при развитии тактического прорыва в оперативный и сковывало маневр армии как оперативного объединения. Все это в значительной мере предопределило в дальнейшем переход танковых армий к однородной организации.

Опыт прорыва в контрнаступлении под Сталинградом показал, что построение боевых порядков стрелковых войск в один эшелон ограничило возможности командиров частей и соединений по наращиванию силы удара и развитию наметившегося успеха. Они по своей инициативе стали переходить к глубоким боевым порядкам, а в наступлении на Среднем Дону и при разгроме окруженной группировки врага глубокие боевые порядки применялись уже с самого начала прорыва.

Главную роль по взламыванию обороны противника выполняла артиллерия. Ее боевое применение осуществлялось в форме артиллерийского наступления. По сравнению с предшествующими операциями увеличились плотность артиллерии, продолжительность и эффективность артиллерийской подготовки. Однако недостаток в артиллерии крупных калибров не позволял надежно подавлять оборону противника за пределами первой позиции, что сказывалось на темпах прорыва.

Увеличение плотности артиллерии до 160 орудий и минометов на 1 км фронта при разгроме окруженной группировки врага обусловило возможность применения для поддержки атаки пехоты и танков одинарного огневого вала.

Темпы прорыва тактической обороны противника в контрнаступлении под Сталинградом оказались значительно выше, чем в первом периоде войны, и составили в среднем от 3—8 до 18 км в первый день и 10—25 км во второй и третий день наступления. Решающую роль в этом сыграли подвижные группы армий, вводившиеся в сражение при прорыве главной полосы обороны противника. Вместе с тем ввод их в сражение при недостаточном огневом обеспечении приводил к значительным потерям в танках, которые достигали 20—30% за время завершения прорыва. Это снижало возможности танковых и механизированных соединений при действии в оперативной глубине.

Опыт прорыва в контрнаступлении под Сталинградом получил творческое применение и развитие в ряде наступательных операций на завершающем этапе зимней кампании 1942/43 г. и в последующих кампаниях Великой Отечественной войны.

Разрушение южного крыла стратегического фронта противника (схема 18)

Обстановка на кавказском участке советско-германского фронта к началу и в ходе зимней кампании 1942/43 г. во многом определялась ходом и исходом борьбы у Сталинграда и в большой излучине Дона. Удержание советскими войсками Сталинграда, нависание Донского, Юго-Западного, Воронежского и Брянского фронтов над группой армий «Б», а в последующем наступление их на юг создали угрозу стратегического окружения основных сил немецко-фашистской армии на востоке, т. е. групп армий «А» и «Б». Это заставило германский генеральный штаб усилить сталинградское направление. В ходе оборонительных сражений это делалось в основном за счет стратегических резервов. С переходом советских войск в наступление и перехватом путей, ведущих к Сталинграду, на линии Миллерово, Ростов усиление группы армий «Б» в районе большой излучины Дона, оказание ей помощи в первую очередь могло осуществляться за счет сил и средств группы армий «А», действовавшей на Северном Кавказе.

Это подтверждается переброской 23-й танковой дивизии и дивизии «Викинг» под Котельниково, а затем значительной части 1-й танковой армии под Ростов.

Оперативная обстановка на Кавказском направлении в ноябре-декабре продолжала оставаться очень сложной и труд-

Центр-в-в. Зен. V 10-47 1972

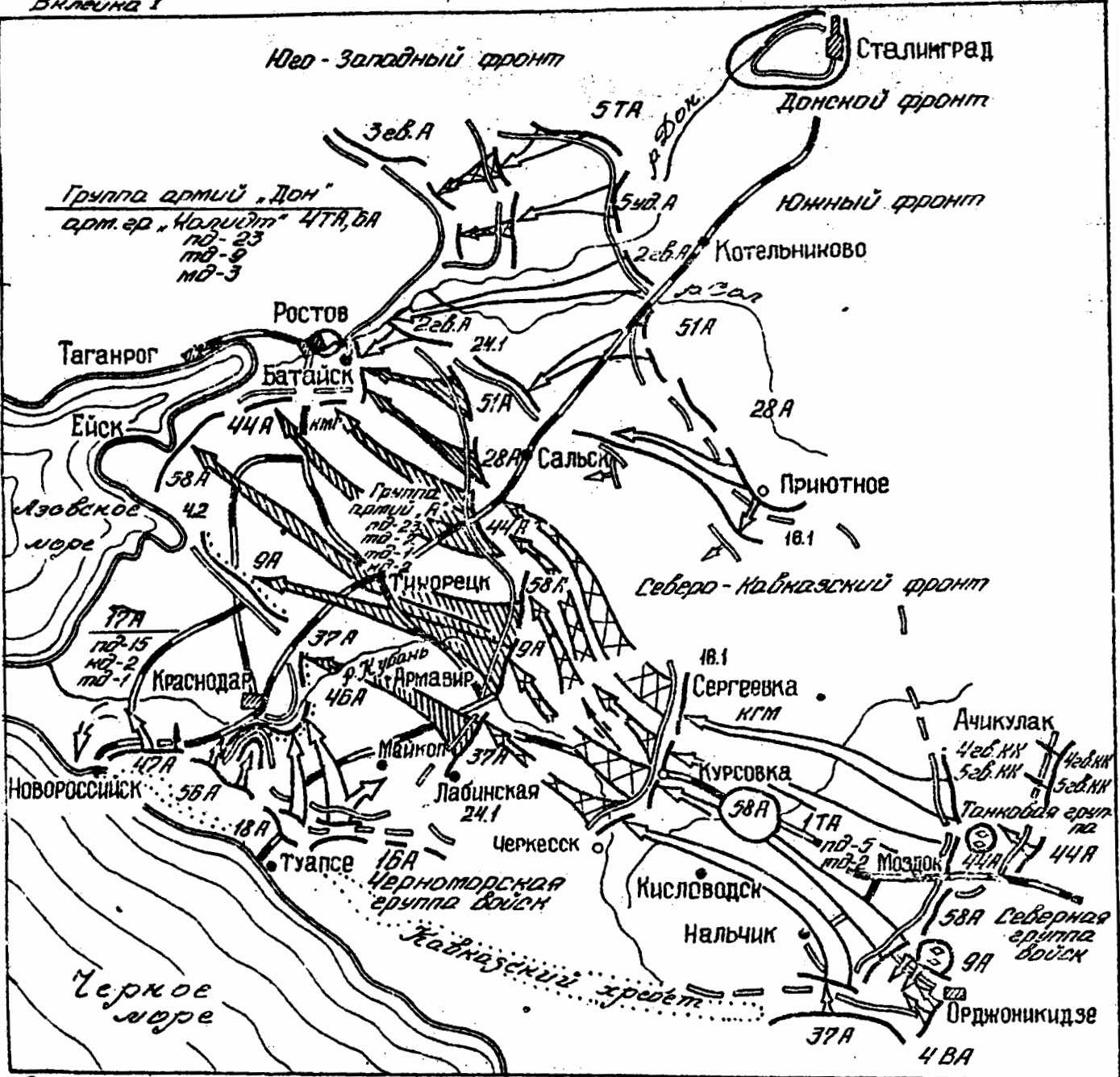

Схема 18. Разрушение южного крыла стратегического фронта противника

ной. Враг продолжал рваться к нефтяным районам Советского Союза. Фронт борьбы растянулся почти на 1000 км. В конце октября противник прорвал оборону Северной группы Закавказского фронта и создал опасность захвата Грозного и Орджоникидзе, откуда открывался путь в Закавказье. К середине ноября противник был остановлен, но оставалась угроза его прорыва на Туапсинском направлении, откуда он мог проникнуть к Поти и Батуми и лишить наш флот баз снабжения¹.

Выполнение оборонительных задач потребовало от командования фронта и групп максимума усилий. Это в известной мере отразилось на его понимании перспектив вооруженной борьбы, необходимости готовить войска к наступлению и планировать его с большим размахом. Ставка не раз напоминала и указывала, что пришла пора действовать смелее², решительно использовать открывающиеся возможности³, отрешиться от оборонческих настроений⁴. И все же командование Закавказского фронта с опозданием увидело наступивший перелом в вооруженной борьбе на всем советско-германском фронте и непосредственно на своем участке, что привело к потере времени, а затем к спешке в подготовке наступательных операций.

Подготовка наступательных операций осложнялась также горным характером местности, исключавшей маневр войск вдоль фронта. Например, для переброски войск из Северной группы (район Грозного) в Черноморскую пришлось использовать железную дорогу и совершить путь через Баку, Тбилиси до Поти на расстояние 1500 км, а затем 300 км по морю⁵. Узость горных долин, отсутствие сносных дорог, ненастная, дождливая погода затрудняли создание мощных ударных группировок и своевременный вывод их в исходные районы для наступления.

Удаленность Закавказского фронта от военно-экономических центров страны, расположение его тылов за Большим Кавказским хребтом породили очень сложные условия для снабжения войск боеприпасами, боевой техникой и даже продовольствием. Например, к началу наступательных действий войска имели от 0,1 до 0,8 бк боеприпасов⁶.

В ходе зимнего наступления 1942/43 г. Закавказский фронт выполнял две последовательно решаемые задачи: в ноябре-декабре — сковывание сил противника, воспреещение перебро-

¹ ЦАМО, ф. 48-А, оп. 1640, д. 180, лл. 284, 285.

² Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 210.

³ Там же, ф. 48-А, оп. 1640, д. 27, л. 154.

⁴ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 20.

⁵ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 92.

⁶ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 98; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 182.

ски их под Сталинград, в январе — во взаимодействии с войсками Южного фронта окружение основных сил северо-кавказской группировки противника ¹.

С учетом задач и их понимания командование фронта и групп планировало наступательные операции и прорыв оборонительного фронта противника.

Для проведения предстоящих операций Закавказский фронт, которым командовал генерал армии И. В. Тюленев, располагал значительными силами: восемь общевойсковых армий трех-восьмидивизионного состава, две воздушные армии, два кавалерийских корпуса, две танковые группы. В них насчитывалось более 55 стрелковых дивизий, 41 бригада, 11 тыс. орудий и минометов преимущественно средних калибров, 1278 танков, 900 боевых самолетов ². В восточной части Кавказа действовала Северная оперативная группа под командованием генерал-полковника И. И. Масленникова. В нее входили 37, 9, 58 и 44-я общевойсковые и 4-я воздушная армии, два кавалерийских корпуса и танковая группа. От г. Эльбрус до Новороссийска вела боевые действия Черноморская группа, состоявшая из 46, 18, 56, 47-й общевойсковых, 5-й воздушной армий и отдельных частей и соединений, подчиненных непосредственно командующему группой генерал-лейтенанту И. Е. Петрову.

Закавказскому фронту противостояла группа армий «А», имевшая в своем составе 30 дивизий. Советские войска на Северном Кавказе превосходили противника в 1,4 раза по живой силе и в 1,7—2,1 раза по танкам, боевым самолетам и артиллерии ³.

Выполняя задачи по сковыванию противостоящих сил противника, командование фронта в ноябре-декабре предприняло ряд контрударов. Характер их проведения хорошо прослеживается на действиях войск Северной группы.

По замыслу командующего генерала И. И. Масленникова каждая армия и кавалерийский корпус должны были наносить самостоятельные удары. В 9-й армии их было намечено даже четыре ⁴. Естественно, это привело к распылению сил. Ударные группировки оказались малочисленными — две-три стрелковые дивизии при очень слабом усилении артиллерией и танками. Это не позволило ни на одном направлении создать заметного превосходства над противником и тем предпринять быстрый прорыв его обороны. Небольшое продвижение малочисленных ударных групп, неизбежные потери вели к быст-

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 3, 4.

² См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976. с. 93.

³ См.: Там же, с. 13.

⁴ См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, с. 187—190.

рому ослаблению силы ударов и затуханию начавшихся прорывов.

Вместе с тем контрудары не были как следует подготовлены. Не были организованы взаимодействие войск, особенно между пехотой, танками и авиацией, и оперативно-тактическая маскировка. Снабжение войск боеприпасами осуществлялось плохо, разведка велась слабо¹.

Продвижение войск в ходе контрударов оказалось ограниченным. 9-я и 44-я армии, трижды предприняв попытки прорвать оборону противника, углубились в его оборону на 10—30 км. Лишь кавалерийские корпуса, воспользовавшись слабостью открытого левого фланга противника, вышли на рубеж Ачикулак, Иргаклы.

Иначе говоря, командование фронта и Северной группы не извлекло уроков из опыта операций, проведенных Западным фронтом летом 1942 г. по сковыванию противника в районе Жиздра, Белёв и повторили допущенные там ошибки. В связи с этим они не смогли достигнуть открывающихся дальних целей, а именно: прорыва на левом фланге группы армий «А» и прижатия 1-й танковой армии к Большому Кавказскому хребту (ее разгром позволял развить стремительный удар к Ростову и тем самым отрезать группу армий «А» от войск противника в большой излучине Дона). А это создавало реальные предпосылки для более раннего стратегического прорыва на всем Юго-Западном направлении и второго окружения противника на Северном Кавказе.

Северной группе, как и всему Закавказскому фронту, в ноябре-декабре удалось лишь сковать силы противника. Вместо двух дивизий², переброшенных под Котельниково, он ввел в группу армий «А» две свежие пехотные дивизии.

Окружение крупной группировки войск в Сталинграде, срыв попыток деблокировать ее и развитие наступления Южного фронта от Котельниково на Ростов, т. е. в глубокий тыл группы армий «А», что грозило окружением ее на берегу Азовского моря, вынудили гитлеровское верховное командование поторопиться с отводом 1-й танковой армии из предгорий Северного Кавказа. Это создало условия для немедленного перехода войск Северной группы в стремительное наступление и срыва в ходе него планомерного отвода войск противника к Ростову путем прорыва его оперативного фронта и нанесения ему решительного поражения в ходе преследования.

Однако командование Закавказского фронта своевременно не разглядело перспектив боевых действий на южном крыле стратегического фронта, хотя Ставка Верховного Главнокомандования еще 11 декабря предупредила командование

¹ См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, с. 187—194.

² 23-я танковая дивизия и дивизия «Викинг».

фронта и Северной группы: «Противник уже перебросил из района ваших войск часть своих сил на север и тем ослабил себя. Судя по ходу операции под Сталинградом, противник будет и впредь перебрасывать часть своих сил на север. Самовольный отход противника на северный берег Терека нельзя считать случайностью. Создалась, таким образом, благоприятная обстановка для наступления всех ваших войск. Ваша задача состоит в том, чтобы не упустить момента и действовать посмелее»¹.

Это указание Ставки требовало от командования Закавказского фронта создания сильных группировок войск для проведения глубоких операций в целях нарушения целостности фронта противника и разгрома его в ходе преследования. Но оно продолжало повторять многочисленные слабые удары, растрачивая в них силы и время.

К концу 1942 г. войска Южного фронта уже подходили к р. Маныч, откуда до Ростова оставалось 200—250 км, а фронт противника все еще находился под Моздоком. Отход войск противника становился все более неизбежным, и Ставка решительно потребовала от Закавказского фронта провести наступательные операции силами обеих групп. При этом Северная группа должна была разгромить группировку противника в районе Моздока и перейти в общее наступление, чтобы не допустить отхода врага на оборонительный рубеж по р. Кума и отбросить 1-ю танковую армию немцев к подножию Главного Кавказского хребта².

Но 1 января противник сам начал отход из района Моздока в северо-западном направлении. Войска Северной группы с запозданием обнаружили отход частей прикрытия и только 3 января начали преследование на всем фронте³. Таким образом, наиболее благоприятный момент для прорыва оперативного фронта противника и дезорганизации его отхода был упущен. Это привело к фронтальному преследованию отходящих войск с частыми остановками на промежуточных рубежах.

Ставка Верховного Главнокомандования своевременно вскрыла ошибки командования фронта и приказала организовать преследование так, чтобы основные силы Северной группы и все ее подвижные соединения действовали на правом заходящем крыле и стремились прижать противника к горам⁴, что сразу вело к оперативному прорыву и почти беспрепятственному движению на Ростов. Однако командующий Северной группой все еще продолжал опасаться ударов противника

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 210.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 93.

³ См.: Там же, с. 94.

⁴ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, лл. 3, 4.

на Грозный и Орджоникидзе. Это говорит о непонимании им коренных качественных изменений в стратегической обстановке на всем советско-германском фронте и непосредственно перед своими войсками. Поэтому преследование противника он осуществлял вяло, особенно на правом фланге, где конно-механизированная группа действовала с фронта, а не обходила открытый фланг противника. И поскольку ее ударная сила была не особенно большой, а маневренные возможности кавалерийских корпусов и танковой группы не использовались, то преследование на правом фланге велось вдвое медленнее, чем на направлении Нальчик, Пятигорск. Более того, с овладением районом Минеральных Вод и выходом Северной группы на рубеж Сергеевка, Курсовка, Черкесск командующий решил оставить на этом рубеже 44-ю армию для подготовки обороны ¹.

Хотя Ставка поправила командующих фронтом и Северной группой ², но время было упущено.

Возобновив преследование по всему фронту Северная группа с каждым днем усиливала нажим на противника. Нередко ее войска прорывали рубежи, на которых 1-я танковая армия по приказу командования группы «А» и просьб командующего 17-й армией должна была держаться длительное время ³. Однако развить успех на большую глубину, полностью дезорганизовать отступление противника им не удалось. К 23 января 1-я танковая армия смогла перенести фронт на рубеж Белая Глина, Новоалександровская, Армавир, Лабинск и на некоторое время сохранить его целостность. Это позволило немецко-фашистскому командованию отвести часть ее сил к Батайску и Ростову и противопоставить их Южному фронту, успешно наступавшему к этим городам и создавшим угрозу отсечения всей группы армий «А» на Северном Кавказе.

Но выбросив часть сил для закрытия горловины у Ростова, 1-я танковая армия ослабила свой участок фронта. Это, наконец, позволило Северной группе, преобразованной 24 января 1943 г. в Северо-Кавказский фронт, решительным ударом на Батайск прорваться в тыл противнику, прижать основные силы группы армий «А» к Азовскому морю и разорвать стратегический фронт врага на его южном крыле.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 94.

² ЦАМО, ф. 48-А, оп. 2, д. 13, лл. 21—23.

³ На совещании 10 января командующий группой «А» фельдмаршал Клейст категорически потребовал от командования 1-й танковой армии генерала Макензена замедлить темпы отступления. Но, по мнению командования армии, выполнить это требование из-за мощного давления русских было невозможно. Этого же мнения придерживался начальник штаба группы армий «А», заявивший, что «быстрое отступление наших войск, к сожалению, неизбежно, этого требует вся обстановка, натиск противника на нашем фронте». ЦАМО, ф. 6598, оп. 725168, д. 1172, л. 118.

В более сложных условиях проходил прорыв рубежа обороны противника в Черноморской группе. Ведение Туапсинской оборонительной операции вплоть до 17 декабря отвлекло значительные силы группы, и без прибытия резервов создание ударных группировок было затруднено.

Задачу на подготовку наступления с нанесением главного удара силами Черноморской группы в направлении на Краснодар командующий Закавказским фронтом получил от Ставки еще в середине ноября¹. Однако и на западном крыле фронта, в Черноморской группе, к созданию ударных группировок для прорыва обороны противника и нанесения глубокого удара в целях рассечения фронта 17-й армии противника он приступил в конце декабря, еще позже, чем в Северной группе, после настоящего напоминания Ставки. С опозданием, только 25 декабря, командующий фронтом начал планирование операции, хотя бои под Сталинградом, на Среднем Дону и у Котельниково говорили о наступившем в ходе вооруженной борьбы окончательном переломе, что требовало от войск Закавказского фронта скорого перехода от обороны к наступлению.

Разрабатывая план операции, командование Закавказского фронта отошло от четкого указания Ставки и первоначально решило нанести главный удар не на краснодарском, а на майкопском направлении, что могло привести лишь к отеснению войск противника, а не к прорыву в тыл его основным силам, находившимся в предгорьях Кавказа. Это заставило командование фронта переработать представленный Ставкой план операции. Новый план содержал не менее существенные ошибки. «Основной недостаток представленного Вами плана операции, — отмечала Ставка 31 декабря, — заключается в разбросанности сил по всему фронту Черноморской группы»². Указав направление ударов, Ставка потребовала начать наступление на Краснодар 11—12 января или несколько позже, если погода не позволит перейти в наступление в этот срок³.

Командующий Закавказским фронтом выехал в Черноморскую группу, где вместе с ее командующим генерал-лейтенантом И. Е. Петровым только к 10 января⁴ разработал окончательный план операции. Переработка плана операции отняла более 10 суток, так необходимые войскам для подготовки к наступлению.

Планом операции предусматривалось проведение не одной, а двух операций — «Горы» и «Море».

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М.: Воениздат, 1958, с. 92.

² ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 226.

³ Там же, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 16.

⁴ Там же, ф. 209, оп. 1060, д. 23, лл. 13—20.

Для проведения операции «Горы» привлекались 56-я армия, а также 46-я и 18-я армии, которые должны были нанести вспомогательные удары в своих полосах, для проведения операции «Море» — 47-я армия. 56-я и 47-я армии кроме главных должны были нанести вспомогательные удары. Если учесть, что 56-й армии предстояло прорвать оборону на двух участках, удаленных друг от друга на 15 км, то всего в Черноморской группе было намечено нанести пять ударов с прорывом обороны на шести участках.

Конечно, в условиях гор крайне трудно выбрать операционное направление, на котором можно было бы организовать наступление крупной группировки войск. Однако ход операции показал, что в полосе 56-й армии можно было сосредоточить усилия на одном направлении, что и сделал генерал-майор А. А. Гречко в ходе операции. При ограниченном количестве боеприпасов уменьшить количество участков прорыва было просто необходимо, поскольку только этим можно было добиться огневого превосходства над противником и надежно подавить его оборону.

Справедливо ради надо отметить, что планом операции фронта и Черноморской группы на основных направлениях предусматривалось создать достаточно высокие для зимней кампании 1942/43 г. плотности войск (табл. 6).

Таблица 6

Плотности войск на участках прорыва 56-й и 47-й армий¹

Армии	Ширина полосы наступления (км)	Количество и ширина участков прорыва (км)	Плотность на 1 км участка прорыва		
			строевых батальонов	орудий и минометов	танков
56-я	50	1—10, 2—6	1,8	70	12
47-я	70	1—8	4	86	15

Из таблицы видно, что плотности были на уровне тех, что создавались в контрнаступлении под Сталинградом. Но командование фронта при создании ударных группировок в горах не учло всех трудностей, тем более в дождливое время года. Перебрасываемые из Северной группы корпуса и дивизии на несколько дней были задержаны сильным штормом на

¹ Таблица составлена на основе данных трудов: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967; Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960.

Черном море. Высадившись в Туапсе, они очень медленно двигались по раскисшим от дождей и снега горным дорогам. И хотя с помощью местного населения было восстановлено много дорожных сооружений и построено 50 км новых дорог¹, однако это не помогло, ибо перегруппировка войск была начата с большим запозданием, без учета сложностей горного театра военных действий и характера зимней погоды на Кавказе. Это привело к тому, что командованию фронта не удалось своевременно передать 56-й и 47-й армиям выделенные для операции силы и обеспечить их материальными средствами. Большая часть артиллерии и танков осталась за перевалами², 10-й гв. стрелковый корпус находился в стадии сосредоточения, а 3-й стрелковый корпус до 26 января поджидал свои тылы, которые двигались походным порядком из Туапсе³. Таким образом, фактические плотности сил и средств были намного ниже запланированных. Так, к началу операции в 56-й армии в позиционные районы вышли 303 орудия и миномета из 1300 предназначенных для армии, что позволило создать плотности от 20 до 30 орудий и минометов на 1 км⁴. Плотности танков также были намного ниже запланированных.

Наступление войск Черноморской группы должны были поддерживать: 56-ю армию — 5-я воздушная армия, в составе которой было 60 бомбардировщиков, в том числе ПО-2; 47-ю армию — часть авиации Черноморского флота (118 самолетов всех типов)⁵. Таким количеством авиации было невозможно восполнить огонь, который могла дать не вышедшая на огневые позиции артиллерия.

С 5 января в связи с начавшимся преследованием Северной группы противник приступил к отводу своих войск с Главного Кавказского хребта. В этой обстановке было очень важно предпринять прорыв позиций противника на краснодарском направлении как можно раньше, и Ставка, естественно, торопила командование Закавказского фронта. Однако 13 января она телеграфировала: «Сроки начала и проведения операции не следует понимать как абсолютные и неизменные величины. Если погода плохая, можно начать операцию «Горы» или операцию «Море» на один-два дня позже⁶. Иначе говоря, телеграмма разрешила начать операции фронта в более благоприятное время, но с разрывом не более 1—2 суток.

¹ История Великой Отечественной войны. 1939—1945, т. 3, с. 90.

² См.: История военного искусства, т. 6, М., ВАФ, 1956, с. 71.

³ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 182.

⁴ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 98.

⁵ См.: Греко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, с. 254.

⁶ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34 л. 16.

Командование фронта воспользовалось предоставленной отсрочкой начала операций, но только для 56-й армии. Это привело к оперативному разрыву усилий армий, принимавших участие в операциях, ибо 11 января вспомогательный удар силами двух дивизий нанесла 46-я армия, на следующий день двумя бригадами 47-я армия и перешла в наступление 18-я армия. Главный же удар силами 56-й армии был нанесен 16 января¹, т. е. пять дней спустя.

Слабые вспомогательные удары сами по себе не могли дать и не дали значительного результата. В 46-й армии продвижение дивизий было незначительным, в 47-й армии успеха вообще не получилось. Но эти удары насторожили противника и позволили ему определить, что основные удары еще предстоят. Противник усилил разведку в тех долинах, где могли последовать основные удары. А поскольку Краснодарское направление было для него наиболее опасным, то он усилил его своими резервами.

Разновременное наступление могло иметь место, тем более в горах. Но оно должно было быть не самопроизвольным, а строго согласованным по месту и времени, таким, чтобы способствовать достижению успеха на главном направлении. В конкретных условиях обстановки, сложившейся перед Черноморской группой, на наш взгляд, вспомогательные удары было бы лучше нанести так, чтобы противник принял их за основные. Это позволило бы сковать его силы, в том числе резервы, на продолжительное время. Наносить вспомогательные удары следовало одновременно и даже несколько позже главных ударов, тогда противник выдвинул бы резервы на направление наметившегося успеха. Ослабленную перед ними оборону было бы легче прорвать и тем самым оказать большую помощь главным группировкам. В операциях «Горы» и «Море» вспомогательные удары развивались очень медленно, противник без особого труда определил их ограниченную силу и сдерживал атаки наступающих дивизий и бригад.

Войска 56-й армии начали прорыв утром 16 января слабой артиллерийской подготовкой. Лишь благодаря максимальному использованию орудий прямой наводки, которые могли вести огонь по нескольким ярусам обороны врага, оборудованной на высотах, удалось и незначительным количеством артиллерии поразить многие огневые точки противника. На обоих участках пехота без танков (по условиям рельефа и растительного покрова они не могли принять в ней участия) перешла в атаку и, поддерживаемая огнем орудий прямой наводкой и небольшим количеством танков, овладела передним краем противника. Однако в последующем, особенно на левом участке прорыва, атака развивалась недостаточно быстро,

¹ См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, с. 256.

ибо при движении пехоты вверх по склонам гор, покрытым лесом и кустарником, трудно было использовать эффект огневого поражения и обнаруживать ожившие огневые точки. Временами было сложно ориентироваться, выдерживать заданные направления. И все же войскам 56-й армии удалось прорвать первую позицию врага и овладеть важными тактическими объектами за ней. Наибольшего успеха добились соединения, наступавшие на правом участке,— 32-я и 55-я гвардейские стрелковые дивизии.

Командующий армией принял меры к развитию успеха, и на правом участке прорыва войска к концу короткого январского дня продвинулись до 12 км¹, что означало прорыв тактической зоны обороны противника. При наличии в армии подвижных войск уже на следующий день был возможен прорыв соединений армии в оперативную глубину, выход на равнину, а возможно, и на ближние подступы к Краснодару. Но подвижной группы в армии не было, а некоторые танковые части, выделенные ей, находились еще в 165 км от линии фронта². Чтобы вывести их в первый эшелон по трудным горным дорогам, требовалось более суток.

Успех не мог быть развит и 10-м гв. стрелковым корпусом, назначенным во второй эшелон армии, ибо он все еще был в пути³.

В этой сложной обстановке командующий армией перегруппировал основные силы на правый участок прорыва в целях развития на нем достигнутого успеха.

Противник также начал выдвигать на опасные направления резервы и предпринимать ожесточенные контратаки. И все-таки 56-й армии за 17 и 18 января удалось овладеть рубежом Калужская, Смоленская, Новоалексеевская, завязать бои за Григорьевскую, Пензенскую и тем самым выйти на равнину и создать опасность непосредственно группировке, оборонявшей Краснодар.

С утра 19 января противник, чтобы остановить наступление 56-й армии и тем самым предотвратить выход ее к Краснодару, нанес контрудар на левом фланге армии силами 97-й легкопехотной и 5-й авиаполевой дивизий. Завязались ожесточенные бои. Левый фланг армии был несколько потеснен.

Для изменения обстановки на левом фланге командующий ввел в бой 7-ю стрелковую бригаду. Но и противник продолжал наращивать силы, проводить контратаки. Для их отражения не хватало артиллерии: она все еще не могла выдвигаться к наступающим войскам; начал остро ощущаться недостаток в боеприпасах, так как по разбитым и раскисшим дорогам, забитым выдвигающимися войсками, их невозможно

¹ См.: История военного искусства, т. 6. М., ВАФ, 1956, с. 74.

² См.: Гречко А. А. Битва за Кавказ. М., Воениздат, 1967, с. 247.

³ См.: Там же.

было подвезти. Второй эшелон ударной группы армии к этому времени только частично вышел в район развернувшихся ожесточенных боев.

Все это не позволило вырваться на оперативный простор, непосредственно к Краснодару. Более того, наступление замедлилось.

Обстановка в полосе 56-й армии усложнилась еще и тем, что продвижение 46-й и 18-й армий приостановилось, противник получил возможность сосредоточить все усилия против 56-й армии.

С подходом 10-го гв. стрелкового корпуса командующий решил ввести его в сражение на направлении Горячий Ключ, Саратовская, в долине р. Псекупе, и ударом во фланг группировке противника, прикрывавшей Краснодар с юга, ликвидировать созданную на подступах к нему пробку. Одновременно это могло открыть путь к городу с юго-востока и создать угрозу тылу майкопской группировки врага. Отход ее на равнину мог расширить брешь и перевести тактический прорыв в оперативный.

Армии в основном удалось достичь намеченной цели. Она приблизилась к Краснодару на 12—16 км.

Продвижение 56-й армии к Краснодару и овладение Северной группой городами Минеральные Воды и Ставрополь вынудили противника ускорить отход за Кубань.

Угроза выхода Южного фронта к Ростову и неизбежность отхода главных сил группы «А» на Таманский полуостров увеличили значение Краснодара как оперативного пункта, удержание которого обеспечивало постепенный отход войск группы «А» на новые позиции. Поэтому противник уплотнил войска в районе Краснодара и усилил оборону, отрыв противотанковые рвы, траншеи, окопы, заминировав подступы к ним. Спротивление его войск резко возросло.

2 февраля Ставка изменила задачу Черноморской группе. 56-й армии предстояло нанести удар уже на запад вдоль левого берега р. Кубань. Захват Краснодара был возложен на 37, 46 и 18-ю армии¹.

Наступление войск вновь созданного Северо-Кавказского фронта началось 9 февраля. Прорыв обороны в полосах 37, 18 и 56-й армий создал угрозу окружения краснодарской группировки врага. 12 февраля были освобождены Краснодар и ряд крупных станиц. В последующем противник был отброшен еще на 40—60 км. Он смог закрепиться только на «Голубой линии», которая на значительном протяжении проходила по кубанским плавням, труднодоступным в весеннюю распутицу.

¹ ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 12, л. 127.

Рассмотрение хода подготовки и ведения прорывов в операциях на Северном Кавказе показывает, что разрушение южного крыла германского фронта проходило под воздействием двух сил — сокрушительных ударов, нанесенных по противнику под Сталинградом и в большой излучине Дона, т. е. под влиянием успехов на главном стратегическом направлении, и активных действий оперативных групп Закавказского фронта.

Для нарушения устойчивости фронта противника и его разрушения войсками Закавказского фронта применялись различные способы: нанесение контрударов, которыми противник сбивался с занятых рубежей и лишался возможности создать прочную оборону; фронтальные удары в сочетании с глубокими обходами открытого фланга в ходе преследования, что приводило к образованию в подвижном фронте брешей и дезорганизации отступления; обычные прорывы различных видов обороны — подготовленной в ограниченные сроки и близкой по своей устойчивости к позиционной в районе Краснодара.

Опыт операций на Северном Кавказе показал, что в предвидении перелома стратегической обстановки, перехода от обороны к контрнаступлению необходимо еще в процессе оборонительных операций готовить войска к наступлению и создавать силы и средства для образования мощных ударных группировок, способных быстро прорвать фронт противника и в кратчайший срок перевести тактический прорыв в оперативный, а затем и в стратегический. Всякое промедление, излишняя осторожность и нерешительность уменьшают возможности разгрома противника и тем самым усложняют, утяжеляют последующий ход борьбы.

Нередко быстрое изменение обстановки настоятельно требует быстрее перехода войск в наступление. Однако командующий фронтом или армией на основании данных разведки и глубокой оценки обстановки на каждом операционном направлении и даже участке прорыва должен определить, что приведет к немедленному прорыву, ранний ли переход в наступление или создание такой группировки, которая осуществит прорыв рубежа, занимаемого противником. Иначе говоря, переломный момент в стратегической обстановке создает большое разнообразие частных обстановок на различных участках фронта и требует от командующих большого искусства в выборе способа прорыва на каждом из них, состава группировок и времени перехода в наступление.

Создание ударных группировок для прорыва обороны в горах, особенно в дождливое время года, связано с огромными трудностями и требует самого тщательного и заблаговременного планирования перегруппировок и развертывания войск в исходных районах для наступления.

Состав ударных группировок во многом определяется емкостью долин, в которых наносятся удары, наличием в них дорог, доступностью для действий войск склонов гор, прилегающих хребтов и водоразделов. Ударные группировки должны обеспечивать прорыв обороны, наступление в долине и по прилегающим к ней склонам и горам, без овладения которыми трудно рассчитывать на глубокий прорыв.

Обстановка при переходе от обороны к наступлению может вынудить начать прорыв до выхода всех сил ударной группировки в исходный район. Однако удаление подходящих войск, выделенных в эшелоны развития успеха, должно быть таким, чтобы они могли вступить в бой или сражение во время, определенное им решением командующего или командира. В горах, где обстановка может изменяться быстро, запоздание с вводом в бой эшелонов развития успеха может привести к застуханию прорыва.

В связи с ярусным расположением объектов обороны для огневого поражения целесообразно выставлять как можно больше орудий и танков для стрельбы прямой наводкой, вплоть до назначения им целей, расположенных в обороне на значительной глубине.

Атака из-за сложности рельефа часто может начинаться без танков. Однако их участие в огневом поражении крайне желательно, ибо они могут существенно дополнить огонь орудий прямой наводкой и хорошо изучить местность, на которой им предстоит действовать.

Оборона в горах, особенно при ограниченных сроках перехода к ней противника, чаще всего будет неглубокой. Это создает предпосылки для быстрого ввода в бой (сражение) вторых эшелонов, успех которых может упредить подход резервов противника к важным рубежам и объектам и тем самым сорвать его намерения закрыть выходы из долин на равнину.

При переброске противником резервов из одной долины в другую прорыв может быть развит на тех направлениях, где оборона ослабла, или выходом специально подготовленных отрядов через труднодоступные направления к важным рубежам и объектам оперативной обороны противника.

С выходом войск на равнину для развития успеха желательно иметь специально подготовленный эшелон подвижных войск.

Прорыв обороны противника в операциях на Верхнем Дону в ходе общего наступления

В результате разгрома крупной группировки немецко-фашистских войск под Сталинградом создались благоприятные условия для перерастания контрнаступления советских

войск в общее наступление на широком фронте. В целях разгрома противника в верхнем течении Дона Ставка силами Воронежского, а затем и Брянского фронтов решила провести две последовательные операции — Острогожско-Россошанскую и Воронежско-Касторненскую.

В плане исследуемой темы эти операции заслуживают внимания по ряду причин. Они проводились при численном превосходстве противника в дивизиях и авиации, но в условиях, когда значительная часть фронта его обороны была уже расшатана, окружение крупной группировки под Сталинградом и срыв попыток ее деблокаирования потрясли солдат и офицеров, особенно армий сателлитов, на некоторых направлениях советские войска переходили в наступление после подготовки операций в короткие сроки.

Подготовка Острогожско-Россошанской операции Воронежским фронтом началась в двадцатых числах декабря 1942 г. Задача состояла в том, чтобы разгромить вражеские войска на Верхнем Дону и освободить участок железной дороги Лиски-Кантемировка. Обеспечение операции с юга возлагалось на 6-ю армию Юго-Западного фронта.

Группировка противника, оборонявшаяся в полосе намечаемого наступления Воронежского фронта, имела 22 дивизии общей численностью более 260 тыс. солдат и офицеров, свыше 1700 орудий и минометов, более 300 танков и около 300 самолетов¹. Основные усилия противника сосредоточивались на удержании тактической зоны обороны, которая состояла из главной полосы глубиной 6—8 км и второй полосы, подготовленной в 12—20 км от переднего края. Оборонительные позиции противник совершенствовал в течение шести месяцев за исключением участка южнее Первомайска, где он только что закрепился и где его оборона была развита слабо.

Воронежский фронт к концу декабря имел 18 стрелковых дивизий, 5 стрелковых и 9 танковых бригад, 243 тыс. солдат и офицеров, около 4 тыс. орудий и минометов калибра 76 мм и выше, 909 танков и 208 самолетов.

Советское командование учло особенности сложившейся обстановки в полосе предстоящего наступления и приняло смелое решение тремя ударными группировками, сосредоточенными на плацдармах у 1-е Сторожевое и Щучье, а также в районе северо-западнее Кантемировка, прорвать оборону противника и, развивая наступление по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить его острогожско-россошанскую группировку. При общей ширине полосы наступления фронта 260 км участки прорыва находились на удалении 40—160 км один от другого.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6, М., Воениздат, 1976, с. 110—111.

Избранная форма оперативного прорыва (схема 19) в наибольшей мере отвечала определенной фронту цели операции, положению наших войск (наличие плацдармов на р. Дон) и состоянию, в котором находились войска противника. В отличие от контрнаступления под Сталинградом здесь наносились только армейские удары, а рассекающий удар наносился даже отдельным стрелковым корпусом. Против более подготовленной, чем под Сталинградом, обороны они не обладали надежной пробивной силой, но при наличии стратегической инициативы, упадке морального духа войск противника позволяли не только прорвать оборону, но и развить тактический успех в оперативный.

В связи с тем, что наступление противника в полосе фронта было маловероятным, советское командование ослабило второстепенные направления и создало за счет этого такие ударные группировки, которые были бы способны самостоятельно прорвать вражескую оборону и развить успех в оперативную глубину.

В 40-й армии на участке прорыва шириной 10 км сосредоточивались пять стрелковых дивизий, одна стрелковая и три танковые бригады. На остальном 75-километровом фронте полосы армии были оставлены различные подразделения и части общей численностью восемь стрелковых батальонов, 57 орудий, или один батальон на 10 км и менее одного орудия на 1 км фронта¹.

В 18-м отдельном стрелковом корпусе из 4,5 расчетных дивизий на 8-километровом участке прорыва сосредоточивались три стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада со средствами усиления. Для обороны участков протяженностью 156 км оставлялась одна стрелковая дивизия и отдельные подразделения силой до 12 батальонов².

Самую мощную ударную группировку образовала 3-я танковая армия. В ее первый эшелон выделялись три усиленные стрелковые дивизии, а для развития прорыва нацеливались два танковых корпуса. На левом фланге этой армии намечалось ввести в прорыв 7-й кавалерийский корпус.

Боевые порядки стрелковых соединений первого эшелона ударных группировок строились в один-два эшелона, а стрелковых полков — в два эшелона³.

В результате решительного массирования сил и средств на главных направлениях были созданы несколько большие

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 113; Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 378; Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 9. М., Воениздат, 1955, с. 24.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 113.

³ См.: Там же, с. 115.

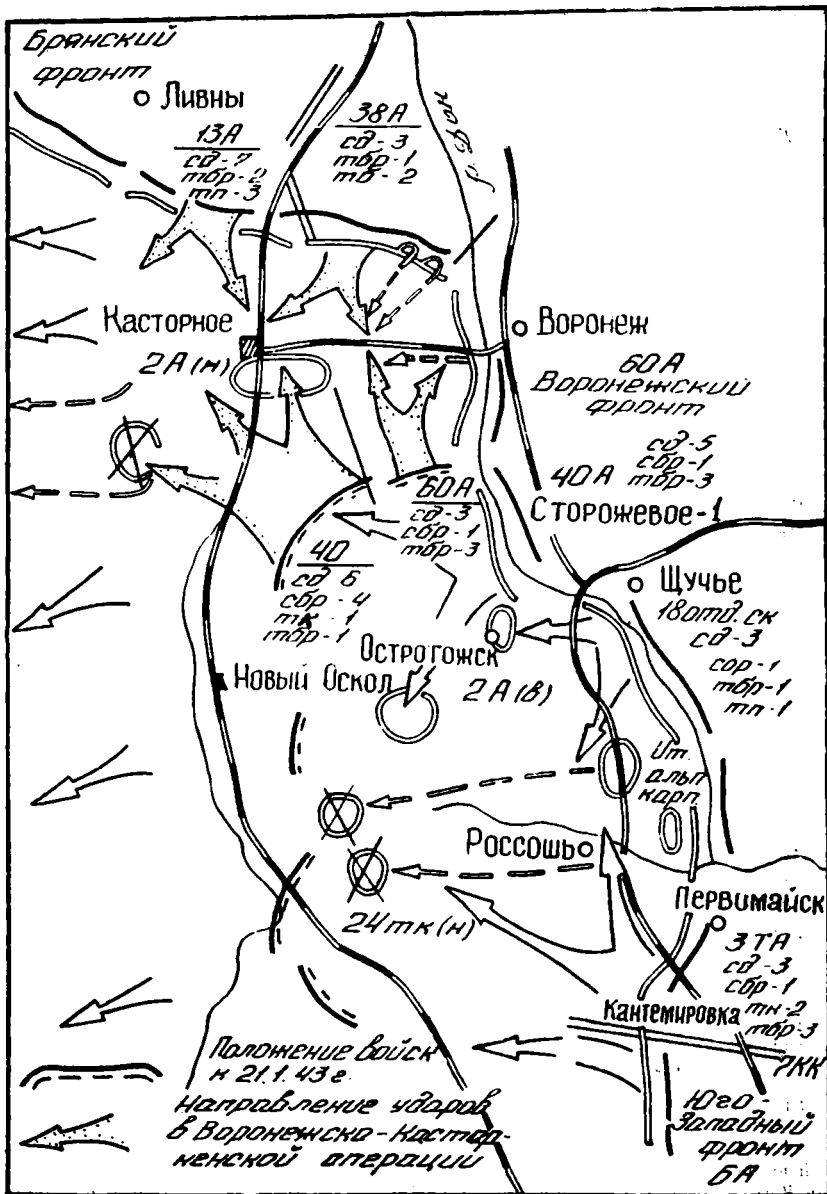

Схема 19. Формы оперативного прорыва в Острогожско-Россожанской и Воронежско-Касторненской операциях

плотности, чем при переходе в контрнаступление под Сталинградом, и обеспечено превосходство над противником (табл. 7).

Таблица 7

Средние плотности и соотношение сил и средств на участках прорыва в Острогжско-Россошанской операции

Ударные группировки	Участок прорыва (км)	Плотность			Соотношение сил и средств		
		км на сд	орудий и минометов на 1 км участка прорыва	танков на 1 км участка прорыва	по пехоте	по артиллерии	по танкам
40-я армия	10	1,8	92	13,3	3,7 : 1	8,2 : 1	1,3 : 1
18-й отдельный стрелковый корпус	8	2,3	83	15	3,5 : 1	8 : 1	1,2 : 1
3-я танковая армия	16	5	52	$\frac{10}{26}$	2,3 : 1	5,1 : 1	3,7 : 1

Примечание. В числителе — плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

Артиллерийская подготовка в 40-й армии и в 18-м отдельном стрелковом корпусе определялась продолжительностью 2 часа, а в 3-й танковой армии — только 20 минут¹, поскольку перед ней оборона подготавливалась противником поспешно и считалась слабой. Артиллерийская поддержка на всех направлениях планировалась методом последовательного сосредоточения огня на глубину 2,5—3 км.

Для поражения целей на переднем крае в 40-й армии и 18-м стрелковом корпусе на прямую наводку было выставлено более 20% всей артиллерии. Их средняя плотность составляла 25 орудий на 1 км участка прорыва. В 3-й танковой армии плотность таких орудий была всего 6—7 на 1 км, что, конечно, нельзя признать достаточным. Именно на ее участке при короткой артподготовке плотность орудий, ведущих огонь прямой наводкой, следовало бы иметь в два раза выше. Этого можно было добиться привлечением к стрельбе танков. Правда, выдвинутые к переднему краю накануне атаки они могли

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1957, с. 116; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 185.

вскрыть начало наступления. Но в условиях, когда противник в значительной степени был деморализован, выдвижение танков с началом артиллерийской подготовки могло произвести на него существенный моральный эффект.

Несмотря на то, что вражеские войска были в значительной степени морально надломлены, командование Воронежского фронта сделало многое, чтобы добиться максимальной внезапности удара. Достижение внезапности осложнялось ограниченностью плацдармов, с которых переходили в наступление 40-я армия и 18-й отдельный стрелковый корпус. Значительную роль в этом сыграли мероприятия по дезинформации. В период подготовки операции «Сатурн» 40-я армия имитировала подготовку наступления со сторожевского плацдарма, одновременно используя эту имитацию для подготовки своей наступательной операции. Когда же внимание противника в результате удара на Среднем Дону ослабло, командование 40-й армии осуществило ряд мер по оперативной маскировке. Все перегруппировки войск проводились только ночью. Значительная часть артиллерии развертывалась за рекой, чтобы лишить противника возможности обнаружить ее с наземных пунктов. Южнее Воронежа демонстрировались сосредоточение и подготовка войск к наступлению¹.

Прорыву обороны противника предшествовала разведка боем передовыми батальонами, проведенная 12 января 1943 г., т. е. за двое суток до начала наступления. В 40-й армии атака передовых батальонов обеспечивалась часовой артиллерийской подготовкой с привлечением около половины всей артиллерии. Действия передовых батальонов были успешными. Вводом главных сил двух дивизий удалось вклиниться в оборону противника на 6-километровом фронте на глубину до 3,5 км². Разведка боем в 18-м стрелковом корпусе и в 3-й танковой армии позволила только уточнить передний край и вскрыть огневую систему противника.

Командующий 40-й армией, оценив результаты разведки боем, решил с одобрения командующего фронтом с утра 13 января, т. е. на сутки раньше намеченного срока начала операции, перейти в наступление. Перед дивизиями, уже надломившими оборону противника, артиллерийская подготовка была заменена огневым налетом по узлам сопротивления, штабам и батареям врага. Войска армии быстро завершили

¹ См.: Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 380—381; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 184—185.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 119; Казаков М. И. Над картой бывших сражений. М., Воениздат, 1971, с. 149; Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 388—389.

прорыв главной полосы обороны на всем участке и продвинулись на глубину до 10 км.

На следующий день войскам армии пришлось отражать сильные контратаки противника, что привело к некоторой задержке развития прорыва. Командующий армией ввел второй эшелон для развития прорыва: дивизию — на главном направлении, стрелковую бригаду — для расширения участка прорыва в сторону правого фланга. К исходу дня удалось осуществить прорыв на глубину до 17 км и расширить его до 50 км. Однако только на отдельных направлениях дивизии подошли ко второй полосе, которую противник занял подошедшими резервами. Это потребовало ввода в бой еще одной дивизии, переданной армии из резерва фронта. Полностью прорыв тактической обороны был завершён только на третий день.

Причины задержки прорыва тактической зоны обороны, несмотря на очень удачное начало, состояли в том, что 40-я армия начала наступление одна, за день до общего наступления. Это привело к вводу в ее полосу оперативных резервов. В результате опоздания прибытия с Юго-Западного фронта 4-го танкового корпуса армия оказалась без эшелона развития успеха. Серьезную угрозу ей создавал открытый правый фланг, на обеспечение которого командующий был вынужден выделить значительные силы. Но разгром оперативных резервов противника в пределах тактической глубины обороны открыл широкие возможности для быстрого выхода войск 40-й армии на пути отступления основных сил 2-й венгерской армии в целях ее окружения. Оно завершилось 18 января 1943 г.

Войска 18-го отдельного стрелкового корпуса перешли на наступление 14 января после двухчасовой артиллерийской подготовки и в первый день прорвали главную полосу обороны. Однако противник, зная о переходе наших войск в наступление с плацдарма в районе Щучье, выдвинул против корпуса из оперативного резерва две дивизии — танковую и пехотную. Соотношение сил уравнилось, и наступление корпуса затормозилось на три дня¹. И хотя корпусу развитие прорыва на самостоятельном направлении оказалось не по силам, но в общем ходе операции его действия сыграли большую роль. Сковав крупные оперативные резервы противника, он лишил его возможности оказывать значительное противодействие развитию прорыва на направлениях ударов 40-й и 3-й танковой армий.

Командующий 3-й танковой армией, получив дополнительные разведывательные данные о противнике, решил увеличить продолжительность артиллерийской подготовки до полутора часов. Эта мера, безусловно, была правильной. Однако допу-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 120—121.

щенные при спешном планировании артиллерийского наступления ошибки, привели к недостаточной эффективности огня. К тому же между концом артиллерийской подготовки и атакой образовался пятиминутный разрыв¹, позволивший противнику привести себя в порядок и подготовиться к отражению атаки. Запоздали перейти в атаку и застрявшие в неразведанном овраге танки². Вследствие этого первая атака успеха не имела. Лишь предприняв новые усилия, стрелковые дивизии с приданными им танками за три часа смогли вклиниться в оборону противника на глубину 1—3 км.

Командующий 3-й танковой армией был вынужден ввести в сражение танковые корпуса. Их удар решил исход прорыва. К концу первого дня они прорвали всю тактическую зону обороны, оторвавшись от пехоты на 6—8 км. Глубина созданной бреши достигала 23 км, ширина — 10 км. Однако продвижение двух правофланговых дивизий составило всего 2—4 км³. Таким образом, небольшие оперативно-тактические ошибки привели к тому, что возможность быстро прорвать расшатанную оборону врага в полной мере не была использована.

Более медленный, чем предусматривалось, прорыв обороны противника привел к некоторым затруднениям в окружении и уничтожении его крупной группировки. Но конечные результаты Острогожско-Россошанской операции оказались значительными: была захвачена железная дорога на участке Лиски—Кантемировка, крайне необходимая для проведения операции по овладению Харьковским промышленным районом, освобожден значительный район между реками Дон и Оскол, разгромлены 2-я венгерская армия, итальянский альпийский и 24-й немецкий танковые корпуса и большая часть сил оперативного резерва группы армий «Б». Всего было полностью разгромлено более пятнадцати вражеских дивизий и взято в плен свыше 86 тыс. солдат и офицеров⁴. Этим были созданы благоприятные условия для проведения последующей, Воронежско-Касторненской операции.

Эта операция по своему характеру во многом сходна с Острогожско-Россошанской. Она готовилась и проводилась в условиях, когда после тяжелого поражения группы армий «Б» моральное потрясение немецко-фашистских войск усилилось. Как справедливо отмечает К. С. Москаленко, «немецко-фаши-

¹ См.: Жданов Д. П. Советская артиллерия при разгроме немецко-фашистских войск и войск сателлитов Германии на Верхнем Дону. Кандидатская диссертация, с. 128.

² См.: Сборник материалов Великой Отечественной войны, вып. 9. М., Воениздат, 1953, с. 70.

³ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 121; Сборник материалов Великой Отечественной войны, вып. 13. М., Воениздат, 1954, схема 16.

⁴ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 115.

стская захватническая армия, уже увидевшая перед собой призрак неминуемого поражения, больше всего теперь боялась действий на флангах. В этом отразился глубокий внутренний надлом, который произошел в немецко-фашистской армии в период описываемых событий»¹.

Сходным с Острогужско-Россошанской операцией было и то, что на левом фланге полосы, в которой должно было вернуться новое наступление, оборона противника проходила по поспешно занятому рубежу, на закреплении которого противник израсходовал все свои резервы. Приток сил с других участков в ближайшие сроки был ограничен.

Эти обстоятельства предопределили предложения А. М. Василевского и замысел Ставки Верховного Главнокомандования на проведение Воронежско-Касторненской операции², в которой Воронежский и Брянский фронты наносили навстречу друг другу по два армейских удара (см. схему 19). Промежутки между участками прорыва армий составляли 20—25 км и оборонялись примерно полутора-двумя полками, что позволяло уже в ходе прорыва армейские удары объединять во фронтовые.

В Воронежско-Касторненской операции, так же как и в Острогужско-Россошанской, отчетливо проявилось стремление командования фронтов к концентрации усилий на избранных для прорыва направлениях. Оба фронта намечали сосредоточить на таких направлениях 72% стрелковых войск, 90% артиллерии, 100% танков³. Это позволяло создать высокие плотности сил и средств, обеспечивавшие прорыв обороны противника и развитие его в глубину. Однако фронтовые и особенно армейские командования, будучи уверенными в успехе наступления, определили слишком широкие участки прорыва, что отразилось на действительно созданных плотностях (табл. 8).

Как видно из таблицы, при таких плотностях на участках прорыва 60-й и 40-й армий было достигнуто превосходство над противником: по пехоте — примерно в 2—3 раза, по артиллерии — в 2,6—4 раза, по танкам — 3—4 раза⁴. В 13-й и 38-й армиях оно было большим, особенно по артиллерии.

Опыт действий 3-й танковой армии в только что закончившейся операции показал, что прорыв даже поспешно занятой обороны противника при низких плотностях войск таит в себе опасность неудачи. Однако в новой операции плотности войск создавались примерно такими же, как в 3-й танковой армии в

¹ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. М., «Наука», 1969, с. 411.

² См.: Там же, с. 403.

³ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 13. М., Воениздат, 1954, с. 14.

⁴ См.: Там же, с. 40.

**Средние плотности сил и средств на участках прорыва армий
в Воронежско-Касторненской операции**

Армии	Ширина (км)		Плотность			
	полосы наступления	участка прорыва	км на сд		орудий и минометов на 1 км участка прорыва	танков на 1 км участка прорыва
			во всей полосе	на участке прорыва		
13-я	47	18	5,2	2,6	92	$\frac{9}{13,9}$
38-я	60	14	13,3	4,6	50	6,5
60-я	94	12	13,4	3,4	50	4,2
40-я	50	30	6,3	5,4	40	$\frac{1}{8,2}$

Примечание. В числителе — плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

Острогожско-Россошанской операции, и даже меньшими. Кроме того, степень подготовленности обороны при определении плотностей учитывалась недостаточно. Так, в полосе 38-й армии, где оборона готовилась противником более 6 месяцев, имела систему узлов с прочными огневыми сооружениями, соединенными траншеями, и была развита в глубину до 6—8 км, плотность артиллерии создавалась такая же, как и в 60-й и 40-й армиях, которым предстояло взламывать наспех подготовленную оборону.

В 40-й армии при сосредоточении основных усилий на 30-километровом участке частью сил намечалось перейти в наступление и в остальной полосе, где плотности артиллерии не превышали 10—15 орудий и минометов на 1 км фронта. При 0,5 бк боеприпасов, отпущенных на артиллерийскую подготовку, такие плотности не в состоянии были дать необходимого количества огня. Нужно отметить также, что действительная эффективность огня, как и в 3-й танковой армии, еще более снижалась тем, что артиллерия ускоренно готовилась к наступлению, ее развертывание проходило в районе, слабо обеспеченном топографически, с крайне редкой сетью опорных точек. Координаты выявленных целей не были определены. Осуществить полную подготовку данных для стрельбы не представлялось возможным. Следовательно, неизбежные ошибки, снижавшие эффективность огня артиллерии, настоятельно требовали компенсации путем повышения плотности как артиллерии, так и других войск по меньшей мере в два

раза. В тех условиях обстановки этого можно было достичь сужением участка прорыва с 30 до 12—15 км.

Нам могут возразить, зачем было сужать участок прорыва, если и в назначенных пределах соотношение сил было в нашу пользу, отвечало бытовавшим тогда взглядам и прорыв все же был осуществлен.

Действительно, в то время еще считалось, что тройное превосходство сил при искусной подготовке операции может обеспечить прорыв. Вместе с тем опыт даже успешно проведенных операций показал, что если соотношение 3:1 было удовлетворительным по пехоте, то по танкам и особенно по артиллерии оно было явно недостаточным, ибо артиллерии и танкам приходилось не только вести борьбу с соответствующим родом войск противника, но и выполнять большой объем других задач, чтобы обеспечить легко уязвимой пехоте атаку и ее продвижение в глубину. Именно это вынуждало создавать более чем трехкратное их превосходство над артиллерией и танками противника.

То обстоятельство, что прорыв был осуществлен и при созданных плотностях, также не может служить доказательством их оптимальности, так как ход прорыва показал, что темпы его были низкими.

В 13.00 24 января 1943 г. после 30-минутной артиллерийской подготовки 40-я армия перешла в наступление. Слабо подавленный противник открыл по войскам сильный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь. Бои на фронте армии с началом атаки приняли затяжной и упорный характер. Продвижение стрелковых дивизий наметилось лишь в центре и к исходу дня составило 0,5—3 км. Правда, известные помехи артиллерийской подготовке и атаке оказалась начавшаяся метель, но не на столько, чтобы сыграть основную роль в неуспехе атаки большинства соединений, ибо она помогла добиться внезапности. Основная причина крылась в недооценке устойчивости поспешно занятой обороны противника. Именно это привело к решению осуществить прорыв на широком фронте и тем самым сразу разгромить значительные силы врага.

Успешнее действовал 4-й танковый корпус, который наступал в первом эшелоне вместе со стрелковыми дивизиями. За два часа он продвинулся на глубину 6—8 км, но понес существенные потери. Прорваться в этот день в оперативную глубину ему не удалось. Общее продвижение корпуса составило 16 км, вместо запланированных 35 км¹. Из всех стрелковых дивизий лишь одна, воспользовавшись его успехом, продвинулась на 5—6 км, а две стрелковые дивизии и бригада весь

¹ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 13. М., Воениздат, 1954, с. 42.

день вели бои за передний край обороны противника. Вследствие этого между танковым корпусом и стрелковыми соединениями нарушилось и без того наспех организованное взаимодействие, что существенно отразилось на развитии прорыва в оперативную глубину. На следующий день благодаря искусным действиям 4-го танкового корпуса войска развили успех и продвинулись на 10—18 км. Лишь отсутствие в танковом корпусе горючего не позволило 25 января захватить Касторное¹.

25 января после часовой артиллерийской подготовки начала прорыв 60-я армия. Недостаточная сила огневого удара, несогласованность его с атакой пехоты и танков на ее участке прорыва привели к затяжной борьбе за передний край обороны противника². Только во второй половине дня двум дивизиям удалось продвинуться на 2—3 км, однако значительные их силы были связаны боем с окруженными опорными пунктами врага.

26 января после мощной артиллерийской подготовки и ударов авиации в наступление перешла 13-я армия. На участке ее прорыва соотношение сил и средств было более выгодным, чем в 40-й и 60-й армиях, и составляло: по пехоте — 4,7 : 1, по артиллерии — 9 : 1, по танкам — 5 : 1³. Поэтому и действия войск армии приняли иной характер. На направлении главного удара уже к 15.00 хорошо подготовленная оборона противника оказалась прорванной на глубину 6—7 км, что соответствовало задаче дня. Это позволило ввести в сражение подвижную группу армии и две стрелковые дивизии. К исходу второго дня армия преодолела оборону противника на глубину 20 км, расширив фронт прорыва до 25 км, чем был открыт путь на Касторное, появилась возможность соединиться с наступавшей навстречу 40-й армией и окружить крупную группировку врага.

Успех наступления 40-й армии, угроза удара 13-й армии вынудили противника начать отвод своих войск, и 38-я армия начала наступление сразу с преследования.

Прорывы, осуществленные в ходе Воронежско-Касторненской операции, их развитие в глубину привели к окружению и разгрому более одиннадцати дивизий противника, что создало в его обороне оперативную брешь шириной около 160 км. Вместе с полосами наступления 3-й танковой армии и 18-го стрелкового корпуса она составила около 400 км — от Ливны до Купянска⁴.

¹ См.: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, вып. 13. М., Воениздат, 1954, с. 43.

² См.: Там же, с. 46.

³ См.: Там же, с. 40.

⁴ История второй мировой войны. 1939—1945, т. 6. М., Воениздат, 1976, с. 117.

Анализ прорыва в Острогжско-Россошанской и Воронежско-Касторненской операциях показывает, что в условиях, когда противник на главном направлении потерпел крупное поражение и его оборона на значительном фронте оказалась надломленной или расшатанной, на прилегающих к полосе главного удара участках фронта уровень морально-психологической устойчивости обороняющихся его войск может существенно снизиться, что создает предпосылки для прорыва невысокими плотностями войск. Однако необходимо учитывать, что в начале наступления при прорыве по меньшей мере первых двух позиций противник в состоянии оказать достаточно упорное сопротивление.

Следовательно, прорыв расшатанной обороны надо планировать без существенного снижения степени огневого подавления обороны противника и силы первоначального удара пехоты и танков. Плотности сил и средств на избранных участках должны быть такими, чтобы гарантировать успешный прорыв обороны противника, обеспечить быстрое проникновение наступающих войск в оперативную глубину и расширение созданной, пусть даже небольшой брешы путем ударов в сторону открывшихся флангов противника. Такой способ создания брешы в обороне врага намного эффективнее и экономичнее, особенно при наличии подвижных войск, чем прорыв сразу на широком участке.

Опыт прорыва поспешно занятой обороны противника 3-й танковой армией в Острогжско-Россошанской и 40-й армией в Воронежско-Касторненской операциях показывает, что при подготовке операции в короткие сроки трудно осуществить весь комплекс мероприятий. В результате этого неизбежны некоторые ошибки (невысокая степень разведки целей и определения их координат, ошибки в подготовке данных для стрельбы, в организации взаимодействия и др.). Следовательно, значительное снижение плотностей войск на участке прорыва нежелательно, ибо возникает необходимость в перекрытии суммы таких недостатков не только искусными действиями войск при прорыве, но и их количественным и качественным превосходством над противником.

В обеих операциях на Верхнем Дону применялась решительная форма оперативного прорыва — нанесение ряда ударов по сходящимся направлениям в целях дробления фронта обороны противника, окружения, расчленения его группировки и уничтожения ее по частям. В Острогжско-Россошанской операции Воронежский фронт прорывал оборону противника одновременно на трех направлениях, значительно удаленных друг от друга. Это был первый случай в Великой Отечественной войне, когда один фронт в условиях неблагоприятного соотношения в силах прорвал подготовленную оборону на трех направлениях с последующим окружением и одновременным

расчленением крупной вражеской группировки. Полученный опыт был приумножен в последующих операциях Великой Отечественной войны. Многие его стороны сохраняют свою поучительность и в наши дни.

Особенности прорыва в операциях на второстепенных стратегических направлениях

В период подготовки и проведения контрнаступления под Сталинградом была осуществлена крупная операция войсками Западного и Калининского фронтов под кодовым названием «Марс».

Научный и практический интерес к этой операции вызывается тем, что подготовка и ведение прорыва в ней проходили в условиях, когда фронты должны были сковать резервы противника, не допустив их переброски под Сталинград. Это являлось одной из главных задач ударной группировки, предназначенной для действий в операции «Марс»¹.

Вместе с тем перед войсками Западного и Калининского фронтов ставилась задача уничтожить вражескую группировку в районе Белый, Ржев, Сычевка и тем самым «ликвидировать плацдарм врага в треугольнике Ржев, Гжатск, Вязьма, где его войска находились в 150—160 км от Москвы, продолжая угрожать столице нашей Родины. В дальнейшем советские войска должны были развить удар на Смоленск»².

Летом 1942 г. противник был серьезно обеспокоен за Центральное, Западное направления и в течение сентября—октября непрерывно укреплял занимаемые позиции и наращивал глубину обороны. Усиление Ставкой войск Западного и Калининского фронтов, мероприятия по подготовке крупной операции на Западном направлении убедили противника, что именно здесь готовится главный удар зимой 1942/43 г. В одном из донесений 9-й армии, оборонявшей ржевский выступ, отмечалось: «Русское наступление в районе Торопец, очевидно, выльется в крупное зимнее наступление, направленное против запада или Смоленска. Это наступление начнется с морозами, скорее всего в начале или в середине ноября. Армия предполагает, что перед проведением крупной операции противник захочет овладеть дорогой Духовщина—Белый, направив основной удар против долины р. Ломзянка»³.

Это мнение стало преобладающим в оперативно-стратегическом руководстве германской армии. Для укрепления За-

¹ См.: *Галицкий К. Н.* Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», 1973, с. 169.

² Там же, с. 164.

³ ЦАМО, ф. 6598, оп. 131691, д. 21, л. 118.

падного и Северо-Западного направлений противник в октябре—ноябре 1942 г. направил туда основную часть своих стратегических резервов — 16 дивизий, что составляло 60% от общего числа дивизий, прибывших за это время на советско-германский фронт из резерва ОКХ и других стран. Только непосредственно на ржевском выступе и вблизи него, где намечалось провести наступательную операцию «Марс», неприятель сосредоточил в резерве восемь танковых дивизий¹.

Интенсивное укрепление противником обороны, создание крупных оперативных резервов, необходимость проведения нашими войсками дезинформационных мероприятий на Западном направлении создавали большие трудности в выполнении задач по эффективному сковыванию крупных вражеских сил на длительное время с одновременной ликвидацией сильно укрепленных плацдармов и узлов сопротивления.

Следует отметить, что особенности условий обстановки и полученных задач в должной мере не были учтены командованиями Западного и Калининского фронтов при подготовке операции «Марс», что предопределило и ее результаты.

Решение командующего Западным фронтом (схема 20) состояло в том, чтобы, нанеся главный удар силами 20-й и 31-й армий южнее г. Зубцов, перерезать железную дорогу Сычевка—Ржев и, повернув главные силы в северном направлении, во взаимодействии с 30-й армией и армиями левого крыла Калининского фронта окружить и уничтожить ржевско-сычевскую группировку противника, освободив железную дорогу Москва — Великие Луки². Через неделю в наступление должны были перейти 5-я и 33-я армии с задачей разгромить гжатскую группировку противника и выйти на ближние подступы к Вязьме³. Кроме того, намечался удар 29-й армией.

Поскольку 5-я и 33-я армии должны были осуществлять прорыв на двух участках каждая, то в общей сложности замыслом командования Западного фронта предусматривалось образование в обороне противника семи брешей. В главной группировке, наступавшей на Сычевку (20-я и 31-я армии), на одном участке прорыва сосредоточивалось 14 стрелковых дивизий. На остальных шести направлениях состав группировки не превышал 3—5 дивизий. Ширина полос наступления дивизий в соответствии с требованиями приказа Народного Комиссара Обороны № 306 определялась 4—6 км.

Большое число участков прорыва отразилось на создании плотностей стрелковых войск, танков и особенно артиллерии. Если на участке прорыва 31-й и 20-й армий она была дове-

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, д. 1767, л. 1. (Положение немецко-фашистских войск на советско-германском фронте на 19.11.1942 г.).

² Там же, ф. 208, оп. 2511, д. 1085, л. 307; Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. М., Воениздат, 1944, с. 137.

³ Там же, лл. 321—323.

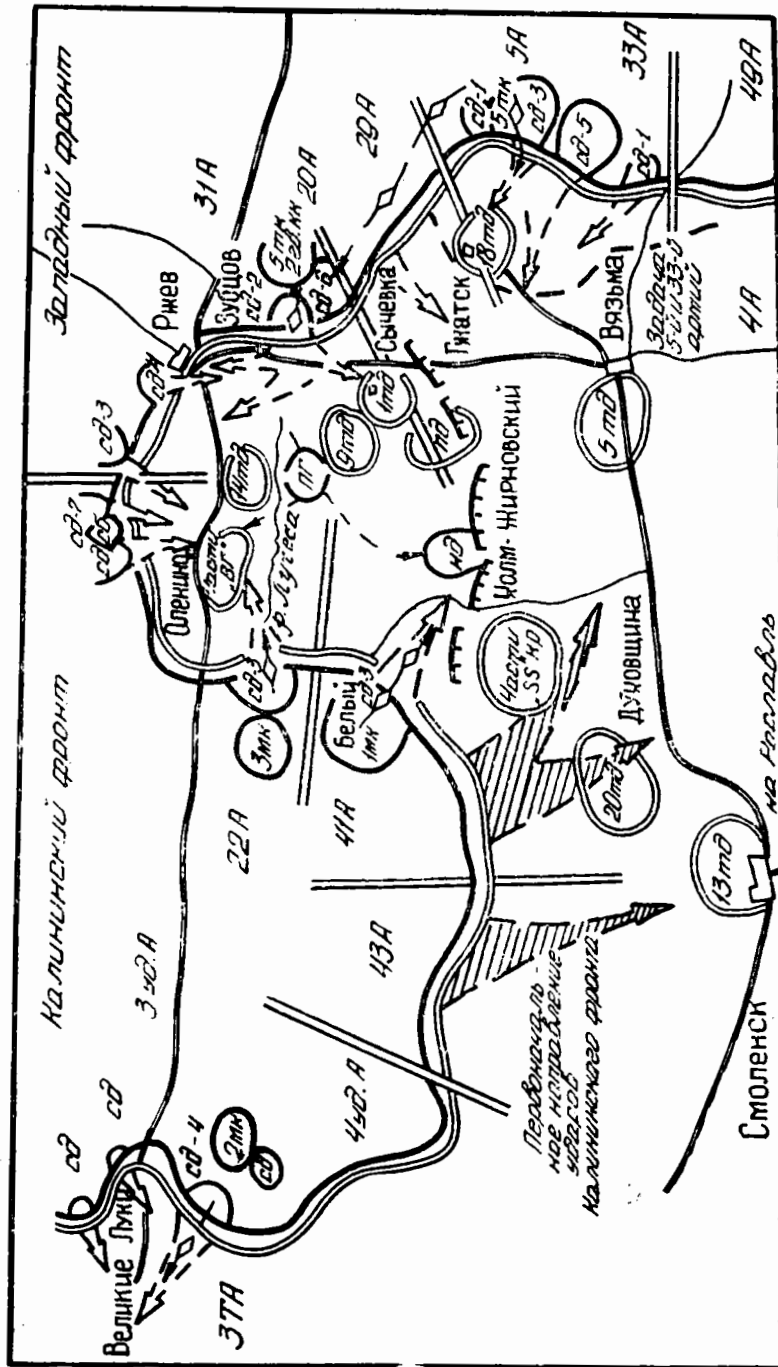

Схема 20. Замысел на операцию «Марс»

дена до 100, то на участках прорыва 5-й и 33-й армий не превышала 50 орудий и минометов на 1 км. 50-мм и 82-мм минометы составляли 65—70%. Плотность танков НПП была около 7—10 на 1 км¹, оперативная — около 15 и только на направлении главного удара — до 20 на 1 км. В 30-й и 29-й армиях плотности войск на участках прорыва были еще ниже.

Эшелоны развития успеха создавались лишь на основных направлениях. В полосе действий 31-й и 20-й армий предполагалось ввести в сражение конно-механизированную группу фронта в составе танкового и кавалерийского корпусов, а в полосе 5-й армии — 5-й танковый корпус. При этом действия конно-механизированной группы были спланированы так, что с выходом в оперативную глубину она должна была развивать удар в трех расходящихся направлениях².

В целом плотности войск, созданные для проведения операции, нельзя признать достаточными, хотя на направлении главного удара фронта они были близкими к тем, какие создавались в это же время под Сталинградом. Но на Западном направлении противник по сути дела уже подготовил позиционную оборону, развитую в глубину и насыщенную минными заграждениями. Вместе с тем, ожидая здесь главного удара в кампании, он максимально приблизил оперативные резервы к возможным участкам прорыва.

Еще большее дробление сил произошло на Калининском фронте (см схему 20). Навстречу Западному Калининский фронт наносил три армейских удара. Кроме того, операцию по захвату Великих Лук и ликвидации в этом районе опасного плацдарма должна была провести 3-я ударная армия. Всего, таким образом, должно быть нанесено четыре удара, не считая вспомогательного, который наносился 3-й ударной армией.

Правда, по первоначальному варианту плана операции «Марс» главный удар на Смоленск, Вязьму предусматривалось нанести силами 43-й и 41-й армий, усиленных механизированным корпусом каждая. В ходе развития операции их усилия должны были подкрепиться наступлением 22-й армии, также имевшей в своем составе механизированный корпус. Однако передача 2-го механизированного корпуса и части сил из 43-й армии в 3-ю ударную исключила возможность привлечения ее для наступления на Смоленск. Это привело к сужению размаха действий Калининского фронта. Участок прорыва 41-й армии был смещен к г. Белый, а 22-й армии — в долину р. Лучеса³.

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1483, л. 1; д. 1467, лл. 10, 52, 53.

² Там же, оп. 1085, д. 307; Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. М., Воениздат, 1944, с. 139.

³ Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 123, лл. 16—21; д. 135, л. 1; д. 179, лл. 1—41; д. 128, л. 1; д. 130, лл. 3—31.

Состав ударных группировок 22-й и 41-й армий не превышал трех стрелковых дивизий и одного механизированного корпуса в каждой. В группировке 3-й ударной армии было на одну дивизию больше. Только состав ударной группировки 39-й армии по стрелковым дивизиям был несколько сильнее, но в ней не было подвижных соединений.

Ограниченный состав ударных группировок армий в какой-то мере еще позволял осуществить прорыв на намеченных участках, ширина которых была от 7 до 15 км. Но развитие успех было крайне сложно, так как бреши такой ширины сравнительно легко могли быть закрыты тактическими резервами — силами одного-двух полков. Развить удар в глубину могли только механизированные корпуса, поскольку стрелковые дивизии в ходе прорыва несли существенные потери, и при наличии у противника подготовленных для нанесения контрударов оперативных резервов требовалось выделять до 2/3 их состава для обеспечения флангов образованных брешей.

Создаваемые плотности войск не предвещали прорыва в высоких темпах. В 22-й и 41-й армиях в первый эшелон выделялось по две дивизии. Участки их прорыва были от 3 до 8 км. Плотность артиллерии в 22-й армии достигала 85, а в 41-й армии — 70 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Плотности танков НПП были очень низкими — один полк (21 танк) на дивизию¹.

В 3-й ударной армии на главном направлении приходилось: одна дивизия — на 3 км, 45 орудий, минометов и 7 танков НПП — на 1 км участка прорыва².

Еще более низкими были плотности в 39-й армии, поскольку ее удар намечался коротким, на глубину 12—15 км. Дивизии армии строились в один эшелон, а в резерве находилась неполная дивизия.

Если рассматривать операцию «Марс» с точки зрения стратегической дезинформации, то, безусловно, подготовка столь большого числа ударов обоими фронтами позволяла показать размах намеченных на зиму боевых действий. Два мощных удара под основание ржевско-вяземского выступа с одновременными рассекающими ударами убедили противника в том, что над его 9-й армией занесены молоты мощной силы. Разгром ее открывал советским войскам путь непосредственно к Смоленску и Рославлю, что создавало угрожающее положение для всей группировки немецких войск, расположенных южнее.

Но войскам Западного и Калининского фронтов кроме сковывания противника ставилась задача овладеть рядом важных плацдармов, отсечь и разгромить значительные силы 9-й армии. Если подходить к оценке замыслов фронтов с этой

¹ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 179, лл. 31—40; д. 80, лл. 2—31.

² См.: Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», 1973, с. 174, 175, 182, 183.

точки зрения, то в них обнаруживаются существенные недостатки. Ударные группировки, особенно Калининского фронта, которые должны были протаранить оборону ржевского выступа и образовать внешний фронт на линии Сычевка, Холм-Жирковский, Белый, были недостаточно мощными как для прорыва хорошо подготовленной обороны противника, так и для отражения его возможных контрударов.

Удар 5-й и 33-й армий Западного фронта не получил необходимого завершения. Он не доводился до рубежа, на который должны были выйти войска 20-й и 41-й армий. Ограниченная глубина операций и значительная ширина фронта, на который выходили армии после их завершения, нацеливали командование не на решительное сосредоточение сил и средств в целях нанесения мощного глубокого удара, а на сковывание возможно большего количества войск противника непосредственно на линии боевого соприкосновения. Но такой способ сковывания менее эффективен, чем нанесение решительного поражения с созданием реальной угрозы важному пункту оперативной обороны врага. Ощутимые потери сами по себе делали бы опасной для противника переброску сил как внутри ржевского выступа, так и на южное крыло стратегического фронта.

Исходя из опыта летних наступательных операций, плотности сил и средств на участках прорыва должны были быть минимум на 1/3 выше, чем, например, в Погорело-Городищенской операции Западного фронта. Фактически же они оказались более низкими, особенно в 5-й и 33-й армиях. По пехоте плотности снизились в 2—3 раза, а отсутствие вторых эшелонов в полках и дивизиях исключало возможность наращивания усилий в ходе прорыва. Увеличения плотностей можно было добиться сокращением числа участников прорыва в 3 раза. Целесообразнее было бы каждому фронту наносить по одному удару по сходящимся к центру ржевского выступа направлениям, а дробить отсеченные войска 9-й армии противника следовало развитием ударов через вскрытые участки фронта.

Плотность артиллерии можно было повысить также путем привлечения ее из армий, находившихся в обороне. В ноябре Западный фронт имел 8500 орудий и минометов (не считая противотанковых). В частях РВГК насчитывалось 1507 орудий¹. К участию же в прорыве в полосах 20-й и 31-й армий было привлечено около 1100 орудий и минометов, из них только 28 полков РВГК², или менее половины имевшихся во фронте. Около 25 полков РВГК отдавалось в 5, 33, 29 и 30-ю армии. Но усилить их артиллерией РВГК можно было и после

¹ ЦАМО, ф. 20, оп. 2540, л. 12.

² Там же, оп. 2611, д. 1483, л. 1.

прорыва под Зубцовом, ибо эти армии переходили в наступление на 7—10 дней позже. В целом решение на операцию было отмечено пассивностью и отсутствием целеустремленности. Не найдено было главное — обоснованный порядок разгрома противника. Эта операция в общем стратегическом плане носила вспомогательный характер, но проводиться должна была предельно активно, уверенно и с решительной целью. Фронты использовали свои возможности на 50%. В плане большой стратегии это недопустимо.

Крупным недостатком планирования операции «Марс» являлось и то, что оперативной маскировке и дезинформации противника было уделено очень мало внимания. Сложность оперативной маскировки состояла в том, что, с одной стороны, нужно было показать противнику подготовку крупной операции, а с другой — скрыть истинные участки прорыва. Такие участки следовало избирать на направлениях, где противник менее всего ожидал нашего наступления, как это было сделано, например, в Погорело-Городищенской операции Западного фронта. В действительности большинство их было избрано на направлениях, которые дискредитировали себя в предыдущих наступательных операциях, где противник имел сильную тактическую оборону и крупные оперативные резервы. Например, удар 20-й и 31-й армий наносился там, где в августе—сентябре шли длительные бои по овладению Сычевкой. Удары Калининского фронта тоже наносились там, где неоднократно предпринимались попытки прорыва. Выбор таких направлений требовал создания более мощных ударных группировок и больших артиллерийских плотностей на участках прорыва.

Конечно, избранные направления были наиболее удобны в оперативном отношении. От участков прорыва в глубь расположения противника шли дороги. Но это «удобство» облегчало противнику определять места ударов. Изучение оперативных карт врага показывает, что он задолго до начала нашего наступления знал о многих передвижениях войск фронтов и довольно точно вскрыл состав ударных группировок¹. В приказе по 9-й армии за 16 ноября, т. е. за 10 дней до начала нашего наступления, отмечалось: «Противник еще не начал ожидаемых атак... Наступление возможно будет осуществляться против северного фланга 9-й армии с двух сторон — с востока на Сычевку и из района юго-западнее Зубцов, а также с запада на Белый»².

На основании этого вывода противник создал сильные резервы в дивизиях и корпусах и был готов парировать прорывы.

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 12484, дд. 1767, 1768, 1769.

² Там же, оп. 131961, д. 22, л. 97.

В районе Сычевки в резерве находились три танковые дивизии¹, а против 22-й и 39-й армий — две дивизии.

Результаты разведки противника свидетельствуют о том, что маскировочная дисциплина соблюдалась войсками далеко недостаточно. Мероприятия, проводимые по маскировке, направлялись в основном на скрытие сосредоточения ударных группировок от наземного наблюдения. В этих целях командование Западного фронта приказало войскам занимать исходное положение для наступления на линии расположения вторых эшелонов обороняющихся батальонов². Это затрудняло противнику наблюдение за нашими войсками с земли, но облегчало наблюдение с воздуха и в целом ненадежно обеспечивало скрытность сосредоточения. Вместе с тем расположение стрелковых подразделений на удалении 1—2 км от переднего края противника затрудняло движение их в атаку, одновременный удар непосредственно за переносом огня артиллерии в глубину и взаимодействие при развитии атаки.

Малоэффективными были и мероприятия по оперативной дезинформации противника. Они ограничивались нанесением вспомогательных ударов (29-я армия и часть сил 22-й армии) и стрельбой артиллерии на ложных участках прорыва.

Определив вероятное время начала наступления фронтов, противник произвел значительные перегруппировки войск и привел их в полную боевую готовность³.

Операция «Марс» началась 25 ноября, когда замкнулось кольцо вокруг Сталинградской группировки, но противник еще не осознал глубину возникшей опасности и рассчитывал на быстрое ее деблокирование. Поэтому к началу наступления войск Западного и Калининского фронтов ни о какой переброске резервов с Западного на Юго-Западное направление еще не шло речи.

Наступление началось неудачно, в снежную бурю. Из-за плохой видимости и резкого изменения метеорологических условий результаты артиллерийской подготовки оказались низкими, особенно на участках прорыва 20-й и 31-й армий. Об этом командующий Западным фронтом доносил в Ставку: «Снежный буран в первый день наступления свел почти на нет артиллерийскую подготовку, так как видимость была 100—200 м. Ввиду этого огневая система противника в необходимой степени не была нарушена, и в ходе наступления пришлось тратить дополнительные снаряды»⁴. На наш взгляд, переход в наступление надо было отложить.

Противник, определив по разведке боем и начавшейся ар-

¹ ЦАМО, ф. 6598, оп. 131961, д. 22 л. 98.

² Там же, ф. 208, оп. 2513, д. 228, л. 136; оп. 2511, д. 1085, л. 324.

³ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. М., Воениздат, 1944, с. 137.

⁴ ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 228, л. 193.

тиллерийской подготовке возможное время атаки, открыл сильный ответный огонь. Выдвижение пехоты и танков из удаленного исходного положения в значительной степени было дезорганизовано, взаимодействие в момент атаки переднего края нарушилось, ибо некоторые стрелковые подразделения запоздали или сбились со своих направлений. Только отдельным подразделениям дивизий 31-й армии удалось ворваться в первую траншею противника¹. Развить их успех в полках и дивизиях было нечем. Пришлось вводить в бой дивизию из второго эшелона армии. Поскольку ввод дивизии был осуществлен после длительной паузы, когда первый эшелон оказался под интенсивным и непрекращающимся обстрелом противника и не имел продвижения, результат ее наступления был незначительным. Она продвинулась всего на 1 км.

Соединения 20-й армии за первый день продвинулись от 1 до 3 км. На второй день командование фронта повторило артиллерийскую подготовку, чем допустило перерасход боеприпасов, отпущенных на всю операцию². Но успех намечался только в полосе одной дивизии 20-й армии. Здесь был введен в сражение танковый корпус, который стремительной атакой пробился к железной дороге Ржев-Сычевка и перерезал ее. Наступая без поддержки кавалерии и пехоты, корпус потерял 70 танков из 120³. Воспользовавшись образовавшимся разрывом между 6-м танковым корпусом и стрелковыми дивизиями, противник снова занял ряд населенных пунктов. Вести вслед за ним кавалерийский корпус в этот и следующий дни не удалось. Лишь ночью 28 ноября две кавалерийские дивизии проскочили к танковому корпусу, не создав, однако, своим броском бреши, через которую можно было бы развить успех всей армии. Отрезанные от главных сил они были вынуждены перейти к партизанским действиям⁴.

Постигшая неудача вынудила командование фронта приостановить атаки для накопления боеприпасов, пополнения войск и проведения необходимых перегруппировок.

Повторное наступление 20-я и 31-я армии предприняли в середине декабря и по сути дела на том же направлении. Успех прорыва 31-й армии был смещен к северу всего на 4 км⁵.

Хотя командование Западного фронта провело ряд новых мер (сузило полосы действий дивизий до 1,5—2 км, на направлении главного удара повысило плотности артиллерии до 130 орудий и минометов на 1 км)⁶, но отсутствие внезапности

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1467, лл. 11, 12.

² Там же, оп. 2513, д. 1156, лл. 265, 266.

³ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. М., Воениздат, 1944, с. 142; ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 288, л. 193.

⁴ См.: Сборник материалов по изучению опыта войны № 9. М., Воениздат, 1944, с. 142, 150. ЦАМО, ф. 208, оп. 2513, д. 1467, лл. 55—60.

⁵ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1467, л. 16.

⁶ Там же, оп. 2540, д. 24, л. 49.

повторного удара в условиях, когда боеспособность войск была ослаблена из-за неудачи первого наступления, не позволило добиться успеха.

Причиной потери внезапности явилось и то, что в повторном наступлении для уничтожения прочных огневых точек противника перед артиллерийской подготовкой были применены штурмовые отряды и группы. Слабо поддержанные огнем артиллерии они не оправдали возлагаемых на них надежд, но своими действиями позволили противнику определить начало артиллерийской подготовки и принять решение на отвод своих войск с переднего края. Эффективность артиллерийской подготовки оказалась низкой. Между ее окончанием и началом атаки опять образовался большой разрыв, что свело почти на нет эффект огневого подавления противника. Атака успеха не имела, несмотря на настойчивые попытки ее повторения¹.

Несколько лучше проходил прорыв на Калининском фронте. В полосах 22-й и 41-й армий удалось пробить бреши в обороне на всю тактическую глубину. Но для этого пришлось ввести в сражение механизированные корпуса, ибо слабые первые эшелоны армий не в силах были выполнить поставленных задач.

3-й механизированный корпус был введен в сражение в полосе наступления 22-й армии на второй день операции, когда оборона противника не была надломлена, а его оперативные резервы уже начали выдвижение к участку прорыва. Это привело к затяжным боям в тактической зоне обороны. Корпус нес большие потери и продвигался медленно. Введенная из резерва армии стрелковая дивизия не изменила оперативной обстановки на направлении наступления 22-й армии. Прорыв заглох².

1-й механизированный корпус был введен в сражение в первый день, когда наступательные возможности соединений первого эшелона 41-й армии были еще значительными. Усилив их удар, он завершил прорыв тактической зоны обороны противника и на третий день вышел на глубину 33 км. Развивать удар дальше было опасно, ибо к открытым флангам и разрывам, образовавшимся между корпусом и отставшими стрелковыми соединениями, стали подходить крупные оперативные резервы противника.

Командующему 41-й армией не удалось своим слабым резервом закрыть разрывы. Через них противник нанес удар двумя танковыми и одной пехотной дивизиями и отрезал 1-й механизированный корпус от главных сил армии. Наступательная операция 41-й армии на этом закончилась. Часть сил

¹ ЦАМО, ф. 208, оп. 2511, д. 1467, л. 53.

² Там же, ф. 213, оп. 2002, д. 179, л. 41.

1-го механизированного корпуса с трудом удалось вывести из окружения ¹.

Анализ операции «Марс» показывает, что осуществление прорыва и его развитие на направлениях, куда средствами стратегической дезинформации привлекается внимание противника, связано с огромными трудностями. Если судить по поведению противника, то основные результаты операции «Марс» (обман противника относительно истинного направления главного удара в кампании) были достигнуты на ее подготовительном этапе. Именно в это время противник на Западном направлении был насторожен и держал здесь крупные оперативные резервы. Отразив попытки прорыва обороны, он сразу же начал перебрасывать на Юго-Западное направление крупные силы, которые вошли в состав группировок, предпринявших в феврале—марте 1943 г. контрнаступление под Харьковом.

Если сравнить операцию «Марс» с Ржевско-Сычевской операцией (лето 1942 г.), то можно прийти к выводу, что сковывать противника эффективнее в том случае, когда войска, наступающие на второстепенном направлении, добиваются ощутимого оперативного результата. Поражение противника в районе Погорелое Городище, Зубцов летом 1942 г., несмотря на необходимость усиления войск, ведущих бои у Сталинграда, вынудило его бросить к Зубцову все резервы 9-й и 3-й танковой армий, девять дивизий из резерва группы армий «Центр» и с других направлений, в том числе одну пехотную дивизию, следовавшую из Крыма под Ленинград.

Этот вывод расходится с мнением участника операции «Марс» командующего 3-й ударной армией генерала К. Н. Галицкого. Исходя из задачи, поставленной ему представителем Ставки (операция должна стать преднамеренно длительной, чтобы можно было в течение нескольких недель сковывать и перемалывать силы врага) ², он решил растянуть во времени ввод свежих сил для развития операции. В своем труде К. Н. Галицкий пишет: «Что касается 2-го механизированного корпуса, то теперь уже я окончательно отказался от ввода его в прорыв в первый день наступления. Дело в том, что он, пожалуй, сумел бы овладеть Новосokolьниками в первый или второй день операции, но затем, вероятнее всего, оказался бы в тяжелом положении» ³.

Умышленно задерживать ввод механизированного корпуса в сражение означало преднамеренно затягивать прорыв, т. е. действовать в наиболее трудной, связанной с наибольшими потерями обстановке. Именно при длительном прорыве стрел-

¹ ЦАМО, ф. 213, оп. 2002, д. 180, лл. 27—79л

² См.: Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. 1941—1944. М., «Наука», 1973, с. 179.

³ Там же, с. 180.

ковые войска, понеся потери, не могли бы оказать механизированному корпусу необходимой помощи в случае прорыва в глубину. Если бы он прорвался в Новосokolьники, к узловой станции очень важной дороги Ленинград—Витебск, по которой противник совершал маневр вдоль фронта, то враг сосредоточил бы основные усилия на ее освобождении. Это облегчило бы завершение прорыва обороны и закрепление рубежа совместно со 2-м механизированным корпусом. Необходимость возвращения узловой станции заставила бы противника предпринять контрудары, и войска 3-й ударной армии могли бы нанести ему такие потери, которые не только не позволили бы ему изъять с данного участка хотя бы одну дивизию, но и вынудили бы его усилить действовавшую здесь группировку, как это произошло летом 1942 г.

Прорыв при проведении операции «Марс» был бы успешным и достиг цели, если бы операция готовилась не как «сковывающая» с нанесением серии слабых ударов на широком фронте, а как операция, проводимая с предельной активностью, рассчитанной на достижение определенного оперативного результата. «Сковывать» противника — это не значит действовать пассивно. Всякая операция должна проводиться целеустремленно, активно и преследовать цель — нанесение наибольшего ущерба противнику. Такая операция должна привлекать силы и средства врага, нарушать его оперативные планы, выигрывать нужное нам время. Дезинформировать противника с целью убедить его в подготовке крупного наступления на Западном стратегическом направлении и тем самым отвлечь его внимание от Юго-Западного направления следовало путем подготовки ударов на ложных, но убедительных в оперативном отношении направлениях с широким привлечением войск для показа создаваемых ударных группировок. Истинный план операции должен обеспечивать нанесение внезапных и стремительных оперативных ударов такой мощи, чтобы прорыв тактической зоны мог быть осуществлен в самые короткие сроки и до подхода оперативных резервов противника. Опыт войны уже на этом этапе убедительно показал, что наибольший успех в операции достигался тогда, когда тактическая глубина вражеской обороны прорывалась в первый день операции. Только в этом случае резервы противника могли быть поставлены в невыгодное положение и им пришлось бы действовать без тесной связи с войсками первого эшелона, на открытой, не подготовленной в инженерном отношении местности при нанесении контрударов в целях восстановления положения. В таких условиях группировка противника расчленялась, несла крупные потери и задача по сковыванию ее на стратегическом направлении выполнялась при меньших затратах сил и средств и с большим оперативно-стратегическим результатом.

Для осуществления прорыва в высоких темпах в операциях, проводимых в целях сковывания противника, не только желательно, но и крайне необходимо максимально массировать силы и средства на избранных направлениях, создавать высокие плотности войск и превосходство над противником. В условиях ограниченного усиления фронтов и армий резервами ВГК добиться этого сложно, но, не создав мощных ударных группировок, нельзя рассчитывать на значительный оперативный успех.

Как показал опыт, при недостатке сил, которым предстоит на длительное время сковать противника на второстепенном направлении, и очень близком расположении его резервов, изготовленных к парированию подготавливаемого удара, прорыв выгоднее начинать тогда, когда командование врага осознаёт, что главный удар в кампании нанесен не в ожидаемом им месте, и начнет перемещать резервы на истинное направление главного удара. Осуществление прорыва, выход наступающих войск в оперативную глубину неизбежно приведут к задержке двинувшихся на другое направление резервов или привлечению к новому опасному району тех, что выдвигались из глубокого тыла на главное направление. Именно такие результаты дала Погорело-Городищенская операция Западного фронта летом 1942 г. Однако это требует тщательной организации стратегической и оперативной разведки с тем, чтобы нанести удар в наиболее выгодное время. Сам же удар должен привести к разгрому основных сил противника.

Достижение оперативно-тактической внезапности в условиях демонстрации подготовки крупной наступательной операции является непременным условием ее успеха. Осуществить обман противника, когда внимание его разведки приковано к ложному главному направлению, очень сложно и требует особого искусства оперативной маскировки и дезинформации.

Удар должен быть всесторонне подготовлен и преследовать решительную цель. Бить надо наверняка. Если атака успешна, в ходе нее удалось разгромить наиболее сильный первый эшелон обороняющихся на первой позиции войск, то дальнейшее ведение прорыва обычно сулит успех. Если же атака получилась разрозненной, наступающий понес большие потери, наступательный порыв его войск спал, а ввод оперативных резервов запаздывает (относительно подхода к участку прорыва оперативных резервов обороняющегося), то осуществление прорыва путем повторения атак становится сомнительным. Ослабление атак убеждает обороняющегося в том, что они уже не опасны в оперативном отношении и он может начать переброску резервов в нужном ему направлении. Если же атаки прекратить до истощения сил войск и начать подготовку новой операции, то противник, очевидно, не рискнет отвести

из угрожаемого района значительную часть своих резервов. Поэтому при проведении операции, одной из важнейших целей которой является сковывание противника, необходимо своевременно и трезво оценивать достигнутые результаты и на их основе ставить вопрос о приостановке наступления, если перспективы его продолжения не сулят ощутимых оперативных результатов. Повторная операция должна быть тщательно подготовлена и привести к положительным результатам.

Первый опыт прорыва сильно укрепленной обороны противника

В результате развернувшегося зимой 1942/43 г. общего наступления советских войск все основные силы и резервы противника были скованы на широком фронте, что облегчало проведение операции в целях прорыва блокады Ленинграда. В этих условиях Ставка Верховного Главнокомандования решила совместными усилиями войск Ленинградского и Волховского фронтов разгромить вражескую группировку южнее Ладожского озера, ликвидировать шлиссельбургско-синявинский выступ противника и тем самым обеспечить сообщение с Ленинградом по суше ¹.

Шлиссельбургско-синявинскому выступу, ширина которого была 12—15 км, т. е. не выходила за тактические размеры, немецко-фашистское командование придавало оперативно-стратегическое значение и уделяло его укреплению особое внимание. Еще в конце 1941 г. противник перешел здесь к позиционной обороне, построенной на системе траншей, и в течение года непрерывно укреплял ее. В среднем на километр фронта было возведено по 20—25 огневых точек, каждая из которых имела один-два пулемета или малокалиберную пушку. На рубеже обороны по р. Неве плотность огневых точек доходила до 30—40. Берега реки были минированы. Средняя плотность артиллерии достигала 27,4 орудия и миномета на 1 км фронта ².

Таким образом, оборона имела очень развитую систему полевых укреплений и была сильно насыщена огневыми средствами, что требовало создания значительного превосходства над противником на избранных участках и тщательной подготовки прорыва.

По замыслу операции войска Ленинградского и Волховского фронтов наносили удары навстречу друг другу. Ударную группировку Ленинградского фронта составляла 67-я армия,

¹ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 32, л. 207.

² См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 138—140.

а Волховского — 2-я ударная армия, левый фланг которой обеспечивался наступлением части сил 8-й армии.

Участки для прорыва были избраны шириной 12—13 км. Чтобы избежать фронтальных атак наиболее мощных узлов обороны противника, армейские группировки были разделены на более мелкие ударные группы, которые должны были прорывать оборону между ними. Это еще больше суживало пространство сосредоточения основных усилий.

На участках были созданы высокие плотности артиллерии. На Ленинградском фронте они составляли в среднем 140, а на Волховском — 160 орудий и минометов на 1 км¹. На направлениях главных ударов они были еще выше: в 67-й армии — до 180, а во 2-й ударной армии — почти 210 орудий и минометов на 1 км.

Суммарная огневая мощь артиллерии увеличивалась также за счет продолжительности артиллерийской подготовки, которая на Ленинградском фронте составляла 2 часа 20 минут, а на Волховском — 1 час 45 минут при высоком использовании огневых возможностей артиллерийских систем. Чтобы сохранить лед на р. Неве, в 67-й армии разрушение оборонительных сооружений на переднем крае предусматривалось только орудиями, выставленными для стрельбы прямой наводкой. Их плотность доходила до 34 на 1 км участка прорыва². Поддержка атаки в обеих армиях планировалась огнем валом на глубину 1 км, а далее последовательным сосредоточением огня. Для авиационного обеспечения операции привлекалось до 900 самолетов Ленинградского и Волховского фронтов, что существенно увеличивало мощь огневого удара на участках прорыва.

Плотность танков НПП на обоих фронтах также была достаточно высокой — 16—22 танка на 1 км³. Но на Ленинградском фронте из-за невозможности перехода средних и тяжелых танков по льду в атаке переднего края противника могла принять участие только половина.

Оперативное построение армий было двухэшелонным с наличием резервов. Эшелон развития прорыва в армиях не создавался, так как глубина операции была небольшой. Боевые порядки дивизий 67-й армии строились в один, а 2-й ударной армии — в два эшелона.

В результате решительного массирования сил и средств на участках прорыва было достигнуто значительное превосходство над противником: по пехоте — в 4,5 раза, по артиллерии в 6—7 раз, по танкам — в 10 раз.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 142—143.

² См.: Там же, с. 145.

³ См.: Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Лениздат, 1968, с. 316.

Командование обоих фронтов приняло ряд мер, которые долгое время обеспечивали скрытность подготовки операции. Лишь за несколько дней до ее начала при оборудовании войсками исходных районов без соблюдения необходимых мер маскировки противнику удалось определить возможность перехода наших войск в наступление и привести свои части в повышенную боевую готовность. Это сказалось на успешности атаки ряда дивизий и развитии ее в глубину.

12 января 1943 г. после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки фронтов перешли в наступление. Войска 67-й армии, форсировав по льду р. Нева, в 12.00 ворвались в первую траншею противника. Две дивизии, наступавшие на главном направлении, к исходу короткого дня продвинулись на глубину до 3—4 км. На Волховском фронте в первый день дивизии также продвинулись на 3—4 км, но фронт прорыва их был шире. Задача, поставленная на первый день, была выполнена.

За ночь противник усилил группировку, оборонявшую шлюсисельбургско-синявинский выступ, двумя дивизиями. Поэтому на следующий день бои приняли особенно ожесточенный характер. Продвижение дивизий обеих армий составило всего 1—2 км. Столь же трудным было наступление и на третий день. Только на седьмой день операции войска двух фронтов соединились, прорвав тем самым блокаду Ленинграда, что имело важное значение в ходе Великой Отечественной войны.

Операция по прорыву блокады Ленинграда представляет собой первый случай прорыва нашими войсками сильно укрепленной обороны противника. Для ее проведения были созданы мощные ударные группировки и самые высокие до сих пор плотности артиллерии — 140—160 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Однако в ходе прорыва выяснилось, что для взламывания позиционной обороны, насыщенной очень прочными огневыми сооружениями, и такие плотности артиллерии еще не обеспечивают высоких темпов прорыва.

Опыт данной операции еще раз показал, что при прорыве позиционной обороны одноэшелонные боевые порядки соединений и частей малоэффективны, так как не обеспечивают наращивания силы атакующих войск при прорыве наиболее прочной части первой полосы обороны — полковых участков.

Сделанные на основе этой и других операций зимней кампании 1942/43 г. выводы помогли нашему командованию заблаговременно подготовиться к прорыву позиционной обороны, к которой противник с весны 1943 г. перешел на всем советско-германском фронте.

Подытоживая опыт развития прорыва в зимней кампании 1942/43 г., можно сказать, что он явился крупным вкладом в решение этой сложной проблемы военного искусства. Советским войскам приходилось прорывать оборону противника в

крайне разнообразных условиях оперативно-стратегической обстановки: при переходе в контрнаступление, его развитии в общее наступление, уничтожении окруженной группировки и образовании в обороне врага крупных разрывов в оперативном построении. Характер обороны также был различным: позиционная — под Ленинградом и на Западном направлении, подготовленная в ограниченные сроки под Сталинградом и на Среднем Дону, поспешно занятая перед войсками Закавказского, Сталинградского и Брянского фронтов в конце 1942 — начале 1943 г.

Столь разнообразные условия обстановки потребовали от Ставки, командований фронтов и армий творческого решения многих проблем прорыва, в частности определения оптимального состава ударных группировок и направлений их ударов, степени огневого поражения, последовательности ввода в бой (сражение) вторых эшелонов, резервов и др. В большинстве проведенных операций эти проблемы были решены правильно, что позволило советским войскам добиться крупных стратегических результатов.

Развитие прорыва в зимней кампании 1942/43 г. показывает, что в планировании и подготовке операций отчетливо проявилась тенденция к решительному массированию сил и средств на участках прорыва. На одном или сближенных участках сосредоточивались усилия двух-трех армий одного или двух фронтов. Это позволяло создавать высокие плотности сил и средств и значительное превосходство над противником.

Попытки прорыва подготовленной обороны противника небольшими по составу группировками приводили к ограниченному успеху, как правило, не получавшему оперативного развития. Лишь тогда, когда силы противника и их моральное состояние были надломлены, успешный прорыв на одном операционном направлении оказался посильным одной армии при нанесении ею сильного первоначального удара.

Срыв намерений противника закончить 1942 г. решительной победой, признание им факта неизбежности длительной войны вынудили его на Северо-Западном и Западном направлениях перейти к позиционной обороне, обладающей высокой степенью устойчивости. Операции, связанные с прорывом такой обороны, показали, что для ее взламывания требуется мощное огневое поражение. Это достигалось созданием высоких плотностей артиллерии, повышением точности огневых ударов, надежным согласованием движения огня и боевых порядков войск, осуществляющих прорыв.

Прорыв глубокой позиционной обороны требует глубокого построения наступающих войск. Одноэшелонное построение полков и дивизий, введенное приказом Народного Комиссара Обороны № 306, лишало наступающие стрелковые войска возможности развивать успех через ослабленные в обороне врага

участки, наращивать силу удара, чтобы добиться непрерывности атаки. В ходе кампании войска перешли к глубоким боевым порядкам частей и соединений. В подразделениях сохранилось преимущественно одношелонное построение.

Решающим средством развития тактического прорыва в оперативный были танковые и механизированные корпуса. Наиболее выгодным моментом их ввода являлось завершение прорыва пехотой наиболее сильного рубежа обороны — первой позиции, а лучше — полковых участков обороны врага. Раньше ввод в сражение танковых и механизированных корпусов вел к значительным потерям.

Прорыв обороны, утратившей свою устойчивость, проходил при более низких плотностях войск. Однако опыт операций показал, что при подготовке прорыва в короткие сроки неизбежно накопление определенной суммы ошибок, которые ведут к снижению эффективности огня и согласованности действий войск. Чтобы достичь безусловного прорыва обороны и в достаточно высоком темпе, плотности войск на участках прорыва необходимо иметь, близкие к тем, которые создаются при прорыве заблаговременно подготовленной обороны, вкладывая основные усилия войск в первоначальный удар.

Совершенствование искусства подготовки наступательных операций, боевой выучки войск и маскировочной дисциплины позволило во многих наступательных операциях зимней кампании 1942/43 г. добиваться внезапности наступления, что в значительной мере предопределяло успешный прорыв обороны противника. Там же, где противник заранее определял направления нашего наступления (Западный, Калининский фронты), прорыв обычно не удавался. С повышением прочности обороны противника фактор огневого превосходства и внезапности становился все более важным для успешного осуществления прорыва.

Опыт показал, что создание оперативно-стратегических предпосылок для успешного осуществления прорыва является прочной основой решения этой проблемы. Однако эти предпосылки могут быть сведены к минимуму тактическими ошибками, допущенными командирами и войсками, осуществляющими прорыв. В частности, образование разрыва между концом артиллерийской подготовки и моментом, когда пехота врывается в первую траншею, продолжительностью даже пять минут вело к срыву или длительной задержке атаки, а также к значительным потерям в пехоте и танках.

В целом в ходе этой кампании проблема прорыва обороны противника, в том числе сильно укрепленной, и его развития, несмотря на имевшиеся недочеты, была решена войсками Советской Армии успешно. Полученный многообразный опыт прорыва лег в основу подготовки наступательных операций в летне-осенней кампании 1943 г.

2. ПРОРЫВ ПОЗИЦИОННОЙ ОБОРОНЫ ПРОТИВНИКА В ОПЕРАЦИЯХ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1943 г.

Разгром немецко-фашистских войск под Сталинградом положил начало коренному перелому не только в ходе Великой Отечественной, но и всей второй мировой войны в целом. Международным авторитет Советского Союза поднялся еще выше, расширился фронт борьбы народов Европы против фашизма.

Благодаря самоотверженному труду советского народа, руководимого Коммунистической партией, к лету 1943 г. значительно увеличился выпуск военной продукции. При этом заметно возросло производство новых образцов вооружения. В Военно-Воздушные Силы во все возрастающем количестве поступали новые типы истребителей (Як-7, Як-9, Ла-5), штурмовиков (Ил-2), бомбардировщиков (Ил-4). Продолжалось производство новых типов танков, резко увеличился выпуск самоходно-артиллерийских установок. В массовых количествах производилось артиллерийское и стрелковое вооружение.

К июлю 1943 г. в действующей армии находилось 6,6 млн. человек, 105 тыс. орудий и минометов, 9831 танк и 368 САУ, из них 64% тяжелых и средних, 10 252 боевых самолета¹.

По сравнению с началом предыдущей кампании численность личного состава действующей армии увеличилась незначительно — на 21 тыс. человек, зато резко повысилось насыщение фронтов средствами борьбы. Количество орудий и минометов увеличилось на 27 тыс. (28%), танков и САУ — на 2,8 тыс. (26%), боевых самолетов — на 5,7 тыс., или в 2,4 раза. Производство боеприпасов возросло на 60%.

С учетом роста технической оснащенности войск, искусства их вождения, изменившихся условий ведения вооруженной борьбы совершенствовалась организационная структура соединений и объединений. К началу кампании в основном завершился переход стрелковых войск на корпусную организацию, что способствовало улучшению управления войсками и их использованию в бою. Создается армейская и корпусная артиллерия. В артиллерии РВГК были сформированы крупные артиллерийские соединения (корпуса прорыва, пушечные артиллерийские дивизии и др.). Это намного повысило возможности оперативного маневра крупными массами артиллерии и их сосредоточения на участках прорыва.

Рост производства бронетанковой техники позволил сформировать пять танковых армий новой организации², увеличить

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 7. М., Воениздат, 1976, с. 97, 101, 114.

² Танковая армия однородного состава имела, как правило, два танковых и один механизированный корпус.

число отдельных танковых и механизированных корпусов¹, отдельных танковых бригад, танковых и самоходно-артиллерийских полков.

Международное и внутреннее положение фашистской Германии после поражения на советско-германском фронте зимой 1942/43 г. значительно ухудшилось. Prestиж Германии в глазах ее союзников резко упал. Огромные потери в людях и боевой технике поколебали моральный дух армии и населения Германии. Однако немецко-фашистская армия представляла собой еще большую силу. На советско-германском фронте находилось 5,3 млн. человек, 54,3 тыс. орудий и минометов, 5,8 тыс. танков и штурмовых орудий, около 3 тыс. боевых самолетов².

Располагая крупными силами, немецко-фашистское руководство готовилось к большому летнему наступлению на восточном фронте, хотя никакой перспективы выиграть войну у него не было. Еще на совещании 1 февраля 1943 г. Гитлер заявил: «Я могу сказать одно: возможность окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует»³. Поэтому, готовясь к наступлению в районе курского выступа, верховное командование фашистской Германии одновременно принимало меры к созданию прочной обороны на других стратегических направлениях восточного фронта. В оперативном приказе ставки вермахта № 5 от 13 марта 1943 г. указывалось, что «на отдельных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника. Здесь мы заблаговременно должны создать особенно прочную оборону путем применения тяжелого оружия, совершенствования позиций в инженерном отношении, установки на необходимых участках минных заграждений, оборудования тыловых опорных позиций, создания подвижных резервов» и т. д.⁴.

Этот приказ закреплял переход германской армии к позиционной обороне. Теперь в отличие от первого периода войны противник стал создавать глубоко эшелонированную оборону, состоящую, как правило, из двух полос с двумя-тремя позициями в каждой, оборудованных траншеями, ходами сообщения, различными заграждениями, прочными огневыми сооружениями и укрытиями.

Советское командование еще в конце 1942 г. вскрыло тенденцию к переходу противника от очаговой обороны к позиционной и заблаговременно приняло меры, обеспечивающие

¹ По новому штату к лету 1938 г. танковый корпус имел 218, а механизированный — 237 танков и самоходно-артиллерийских установок.

² См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 7. М., Воениздат, 1976, с. 114.

³ «Совершенно секретно! Только для командования!» М., «Наука», 1967, с. 458.

⁴ См.: Там же, с. 499—500.

успешный прорыв такой обороны. Это выразалось в качественном и количественном развитии средств вооруженной борьбы, особенно артиллерии, совершенствовании организационной структуры войск, а также методов планирования и осуществления прорыва в операциях и в кампании в целом.

Учитывая, что к лету 1943 г. Советская Армия еще не располагала возможностями для сокрушения сильного и опытного противника одновременно на всем советско-германском фронте, Советское Верховное Главнокомандование на основе глубокого анализа военно-политической обстановки переходит к заблаговременному планированию ряда последовательно проводимых операций на достаточно широком фронте. Это позволяло шире и целеустремленнее маневрировать резервами, особенно артиллерией РВГК, бронетанковыми войсками, авиацией и материальными средствами, и создавать такие ударные группировки, которые были бы способны осуществлять взлом, прорыв позиционной обороны и развитие каждой из операций на значительную глубину.

Ставка Верховного Главнокомандования, приняв решение измотать противника в преднамеренной и упорной обороне в районе курского выступа, предусмотрела прежде всего разгромить наиболее крупные его группировки в районах Орла, Белгорода и Харькова. После этого намечалось развернуть наступательные операции на Западном и Юго-Западном направлениях. Войскам, действовавшим на северном участке, вменялось: обороняясь, сковать противостоящего противника и не позволить ему переброску отсюда сил на другие направления¹.

В отличие от двух предыдущих наступательных кампаний советских войск в замысле на летне-осеннюю кампанию 1943 г. отчетливо просматривается идея перевода ряда оперативно-тактических прорывов в стратегический, т. е. образования в стратегическом фронте противника широкой брешли, в которой можно было бы развернуть маневренные действия крупными силами и для закрытия которой противнику пришлось бы привлечь свои стратегические резервы и ослабить другие участки фронта.

Заблаговременное планирование перевода ряда оперативно-тактических прорывов в стратегический — начало качественно нового этапа в развитии прорыва в советском военном искусстве, получившее наиболее полное воплощение в последних кампаниях Великой Отечественной войны. Стремление достичь непрерывного перерастания тактического прорыва в оперативный, оперативных прорывов — в стратегический во многом предопределило распределение сил по стратегическим направлениям и выбор форм оперативного прорыва.

¹ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 7. М., Военгиздат, 1976, с. 118.

Льд. № 1-В-5. Зан. № 4047. 1977г.

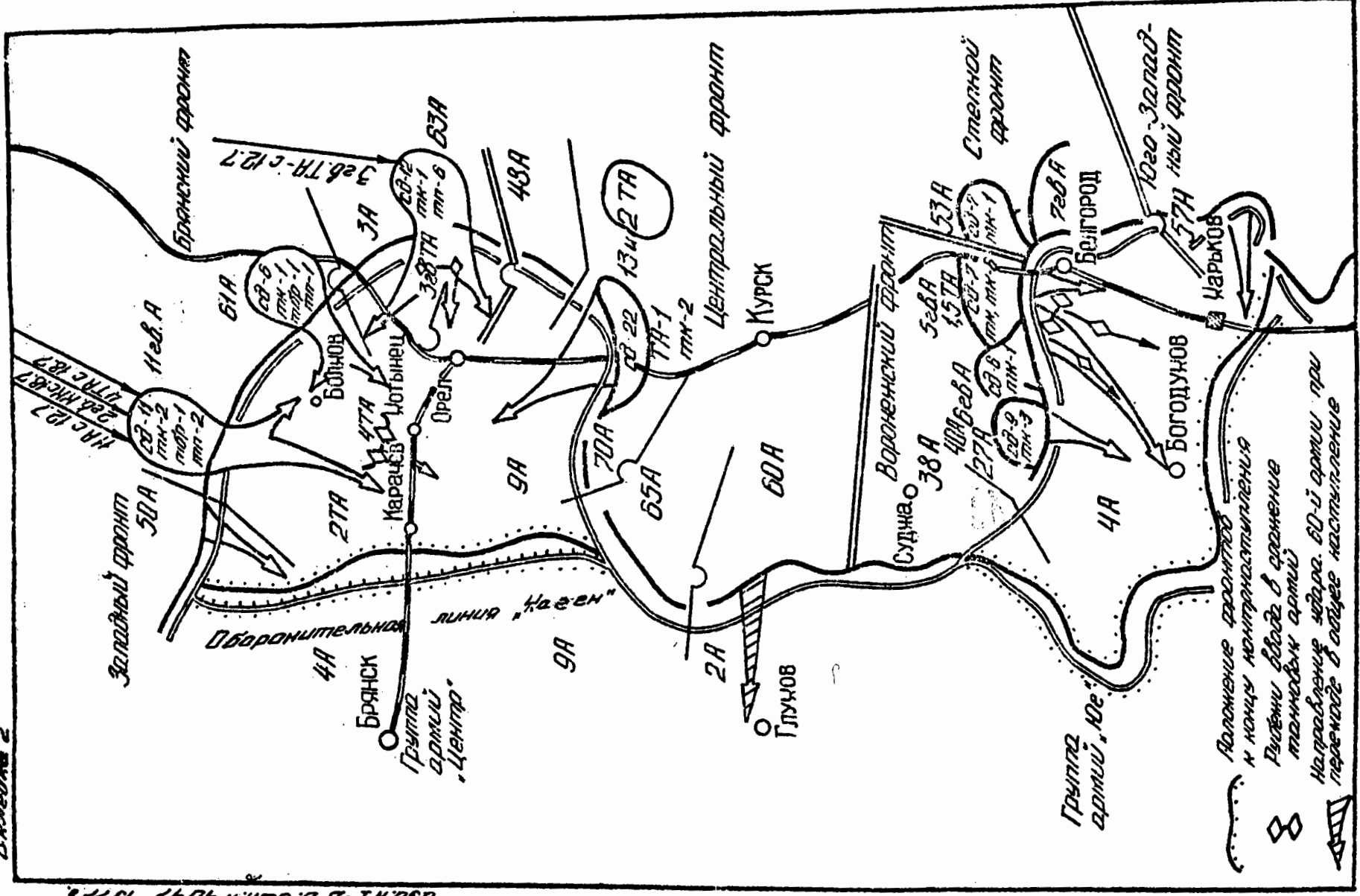

Схема 21. Формы оперативных прорывов фронтов в контрнаступлении под Курском и состав ударных группировок

Прорыв в контрнаступлении под Курском

Контрнаступление советских войск в районе курского выступа включало две стратегические операции: Орловскую, осуществленную войсками Западного, Брянского и Центрального фронтов, и Белгородско-Харьковскую, проведенную войсками Воронежского и Степного фронтов при содействии Юго-Западного фронта.

Для проведения контрнаступления Ставка привлекла крупные силы: 132 стрелковые, 13 артиллерийских, 3 минометные и 19 зенитных дивизий, 17 танковых корпусов и значительное количество отдельных бригад, полков и дивизионов. В них насчитывалось 1,5 млн. человек, 35,2 тыс. орудий и минометов, более 4,8 тыс. танков и САУ и столько же самолетов¹. Это составляло около 30% всех сил Советской Армии, сосредоточивались они на участке, немного превышавшем 10% всего советско-германского фронта². Такая концентрация сил и средств позволяла оперативным инстанциям создавать мощные наступательные группировки и избирать решительные формы прорыва и ведения операций в целом (схема 21).

Замысел Орловской наступательной операции предусматривал нанесение четырех мощных ударов: с севера — войсками левого крыла Западного фронта, с юга — войсками Центрального фронта в целях выхода к западу от Орла, с востока — два рассекающих удара Брянского фронта непосредственно на Орел. Результатом наступления должен был явиться разгром орловской группировки врага, насчитывавшей 37 дивизий, из них 8 танковых и 2 моторизованные³, и создание условий для перехода в общее наступление.

В Белгородско-Харьковской операции был избран иной способ оперативного прорыва: мощный рассекающий удар, дополненный несколькими вспомогательными ударами, с целью расчленив противостоящую группировку врага на две части, охватить и разгромить противника в районе Харькова.

Разгромом вражеских сил на орловском выступе и в районе Харькова предусматривалось образование бреши в стратегическом фронте противника, через которую можно было бы развить военные действия непосредственно к Днепру.

Значение каждого операционного направления в полосе стратегического наступления предопределило состав ударных группировок. Вместе с тем состав каждой из них Ставкой и командованием фронтов определялся таким, чтобы она была способна успешно осуществить прорыв глубоко эшелонированной позиционной обороны противника, развить его и про-

¹ См.: «Военно-исторический журнал», 1968, № 7, с. 77—81.

² См.: Там же, с. 82.

³ См.: История второй мировой войны. 1939—1945, т. 7. М., Воениздат, 1976, с. 158.

вести операцию на запланированную глубину. Состав ударных группировок в операциях показан в таблице 9.

Таблица 9

**Состав ударных группировок фронтов
при переходе в контрнаступление под Курском**

Наименование ударных группировок	Общевойсковые армии	Стрелковые дивизии	Танковые армии	Отдельные танковые корпуса	Воздушные армии	Артиллерийские и минометные дивизии	Артиллерийские и минометные бригады	Артиллерийские и минометные полки (без ап сд)
Орловская операция								
Группировка левого крыла Западного фронта (11-я гв. и 5-я армии)	2	14		3	1	3	7	21
Главная группировка Брянского фронта (63-я и 3-я армии)	2	12		1	1	3	2	12
Вспомогательная группировка Брянского фронта (61-я армия)	1	6		1		2	1	9
Группировка Центрального фронта (48, 13, 70-я армии, 2-я танковая армия)	3	22	1	2	1	3	11	16
Белгородско-Харьковская операция								
Главная группировка Воронежского и Степного фронтов (5-я гв., 6-я гв., 53-я армии, 1-я и 5-я гв. танковые армии)	3	20	2	2	2	4	3	4
Вспомогательная группировка Воронежского фронта (27-я и 40-я армии)	2	9		3		2		4

Как видно из таблицы, в состав каждой ударной группировки входили две-три общевойсковые, одна-две танковые армии, один-три танковых корпуса, от двух до четырех артиллерийских и минометных дивизий. Их действия поддерживались одной-двумя воздушными армиями.

Кроме этих сил в состав группировок Ставка намечала ввести: на левое крыло Западного фронта — общевойсковую и танковую армии, на главное направление Брянского фронта — танковую армию, на главное направление Воронежского фронта — две общевойсковые армии¹. К сожалению, 11-я общевойсковая, 3-я гв. и 4-я танковые армии к началу контрнаступления не закончили формирования и в состав фронтов прибыли уже в ходе операций, что существенно отразилось на их развитии.

Мощь ударных группировок фронтов увеличилась еще и потому, что общевойсковые армии к лету 1943 г. имели в своем составе по два-три, а иногда и четыре стрелковых корпуса — 6—12 стрелковых дивизий вместо 5—6 в предыдущих кампаниях. По численности и боевой оснащённости они превосходили в 1,5—2 раза бескорпусные армии первого периода войны, усиливались одной-тремя артиллерийскими дивизиями прорыва, танковыми бригадами и полками, поддерживались значительным количеством авиации. Танковые армии стали однородного состава, количество танков и САУ в них возросло до 800 боевых машин, а артиллерии до 700 орудий и минометов².

Техническая оснащённость и суммарная мощь наших наступательных группировок были в несколько раз выше, чем при переходе в контрнаступление под Москвой и Сталинградом (табл. 10).

Таблица 10

Рост численности группировок советских войск при переходе в контрнаступление

Стратегические операции	Личный состав	Орудия и минометы	Танки и САУ	Самолеты
Контрнаступление под Москвой*	100	100	100	100
Контрнаступление под Сталинградом	133	312	400	130
Контрнаступление под Курском	151	460	600	250

* Численность советских войск к началу контрнаступления под Москвой взята за 100%.

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 195.

² Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 3. М., Воениздат, 1944, с. 89, 92.

Ударные группировки создавались путем заблаговременной передачи в состав фронтов войск из резерва Ставки, а также межфронтовым и межармейским маневром. Так, при подготовке Белгородско-Харьковской операции в Воронежский и Степной фронты были переданы из Брянского фронта три артиллерийские дивизии прорыва и дивизия реактивной артиллерии¹. Это позволило почти на 20% увеличить плотность артиллерии в 5-й гв., 27-й и 53-й армиях.

Для создания на участках прорыва высоких плотностей артиллерии к участию в артиллерийской подготовке стали широко привлекаться орудия и минометы стрелковых дивизий из вторых эшелонов, артиллерия подвижных групп и часть артиллерии армий, действовавших на вспомогательных направлениях. Например, на участке прорыва 5-й гв. армии к артиллерийской подготовке были привлечены артиллерия 1-й и 5-й гв. танковых армий и четыре артиллерийских полка из дивизий 40-й армии, переходившей в наступление двумя днями позже. На участке прорыва 6-й гв. армии привлекались артиллерия 5-го и 10-го гвардейских танковых корпусов и два дивизионных полка 27-й армии, а на участке 53-й армии Степного фронта — артиллерия 1-го механизированного корпуса².

Искусство массирования сил и средств на важнейших направлениях в контрнаступлении под Курском поднялось на более высокую ступень. Если под Сталинградом средняя оперативная плотность на участках прорыва была: одна дивизия примерно на 3 км фронта, от 30 до 80 орудий и минометов, от 12 до 17 танков на 1 км, то под Курском средняя оперативная плотность составляла: одна дивизия на 1,6 км фронта, 150—230 орудий и минометов и 18—70 танков и САУ на 1 км (табл. 11).

Однако не все фронтовые и армейские управления смогли из артиллерии, входившей в ударные группировки, привлечь к артиллерийскому наступлению максимально возможное количество орудий и минометов. Если на Брянском фронте ее было привлечено 80%, на Воронежском — 90%, то на Степном — только 58%, что существенно отразилось на тактической плотности артиллерии, т. е. на фактически привлекаемых к артиллерийскому наступлению орудиях и минометах. Это особенно хорошо видно из сравнения тактических плотностей в армиях Воронежского и Степного фронтов. Так, на главном направлении 6-й гв. армии она достигала 217,7, в 5-й гв. армии — 192,2 орудий и минометов на 1 км участка прорыва, а в 53-й армии Степного фронта — всего 138,9 орудий и минометов на 1 км. Естественно, степень поражения однотипной обо-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 244.

² См.: Там же, с. 245.

Средние оперативные плотности при прорыве
в контрнаступлении под Курском¹

Фронты	Общая ширина полосы на- ступления (км)	Ширина уча- стка проры- ва (км)	Плотности					
			км на сд		орудий и минометов		танков и САУ	
			во всей полосе	на уча- стке про- рыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва	во всей полосе	на 1 км участка прорыва
Западный (ле- вое крыло)	70	20	3,7	1,4	60,1	183,6	8,8	30,7
Брянский	158	30	8	1,9	40,3	173,7	4,9	18,6
Централь- ный	150	36	5,4	1,6	42	104,9	8	40
Воронеж- ский	160	20	5	1,9	53,9	215,8	13,5	70
Степной	90	11	4	1,3	57,5	230	5,5	42

¹ «Военно-исторический журнал», 1968, № 7, с. 88.

роны противника оказалась совершенно различной. На Степном фронте она на 30% была ниже, чем на Воронежском. Разница в степени поражения обороны противника огнем артиллерии почти в прямой пропорции сказалась на темпах прорыва войск армий. Правда, в полосе 5-й гв. армии действовали две танковые армии, влияние на темпы прорыва которых было огромно. Но их действия облегчали наступление и 53-й армии, ибо 18-й танковый корпус 5-й гв. танковой армии наступал вдоль разграничительной линии, а 5-й гв. механизированный корпус по решению представителя Ставки 5 августа нанес удар в полосу армии на Грязное.

Влияние боевых действий танковых армий на наступление 6-й гв. армии было меньшим, чем на 53-ю армию, но в первый день наступления она продвинулась глубже. Лишь ввод противником в ее полосу 19-й и 11-й танковых дивизий резко снизил темпы ее продвижения.

Умелым массированием сил и средств на участках прорыва, и прежде всего за счет смелого ослабления второстепенных направлений, удалось резко поднять соотношение сил в пользу наших войск, несмотря на увеличение плотности войск противника. В среднем оно составляло: по пехоте — 6—10 : 1, по артиллерии — 5—10 : 1, по танкам — 3—7 : 1, по авиации—

2—3 : 1¹. В Орловской операции в полосе 11-й гв. армии Западного фронта на участке прорыва шириной 14 км было достигнуто превосходство над противником: по пехоте — в 5 раз, по артиллерии — в 13,5 раза, по танкам — в 1,7 раза. На остальном 22-километровом фронте полосы ее наступления соотношение сил было в пользу противника: по пехоте — в 4,8, а по артиллерии — в 8,4 раза.

Особое внимание при подготовке прорыва уделялось планированию огневого поражения противника. В связи с необходимостью прорыва позиционной обороны продолжительность артиллерийской подготовки была увеличена в 2 и более раза. На Западном фронте, например, артиллерийская подготовка планировалась продолжительностью 2 часа 45 минут, а на Воронежском — 2 часа 50 минут. Возросла и глубина поражения массированным огнем артиллерии — с 2—2,5 до 3—4 км². Для поддержки наступления пехоты и танков чаще стал применяться огневой вал в сочетании с последовательным сосредоточением огня на глубину первой позиции обороны противника.

Создание артиллерийских корпусов и дивизий прорыва потребовало выработки новых принципов управления артиллерией. Поскольку эти соединения рассматривались как оперативные, то предусматривалось централизованное их использование на время артиллерийской подготовки (Западный фронт) и даже на весь период прорыва тактической зоны обороны противника (Брянский, Центральный, Воронежский фронты). Некоторым артиллерийским корпусам было подчинено планирование огня и войсковой артиллерии.

Наделение командиров артиллерии РВГК расширенными правами использования артиллерии в бою имело и отрицательную сторону. Они обычно хуже знали оборону противника, ибо имели на ее изучение намного меньше времени, чем командующие артиллерией общевойсковых объединений и соединений. Сосредоточив в своем непосредственном подчинении большинство артиллерийских частей, привлекаемых к прорыву, командиры артиллерии РВГК тем самым затрудняли общение своих командиров с общевойсковыми, что усложняло организацию взаимодействия артиллерии с пехотой и танками, особенно поддержание его с началом атаки, поскольку артиллерийские командиры нередко запаздывали с прибытием к общевойсковым командирам, которым они переподчинялись.

К лету 1943 г. возросла мощь нашей авиации. Наступление Западного, Брянского и Центрального фронтов в Орлов-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 483.

² См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 757.

ской операции должно было поддерживаться более чем тремя тысячами самолетов трех воздушных армий. На Воронежском и Степном фронтах насчитывалось более 1300 самолетов. Кроме того, привлекалось до 200 самолетов дальней авиации.

Наряду с качественным ростом усилия авиации все больше направляются на поддержку наступления наземных войск. Если в контрнаступлении под Сталинградом для этой цели выделялось 43,6% самолетов-вылетов, то в Орловской операции — 55,6%, при этом 80—85% всех самолетов-вылетов приходилось на поражение объектов в тактической зоне обороны противника.

Применение авиации планировалось в форме авиационного наступления.

Авиационную подготовку наступления на направлениях наступления ударных группировок предусматривалось проводить по-разному. На всех фронтах, кроме Центрального, значительное количество авиации привлекалось для нанесения массированных ударов ночью. За 15 минут до атаки или непосредственно перед ней удары наносились по главной полосе обороны противника¹. Но основные усилия воздушных армий направлялись на поддержку наступления наземных войск. Это следует признать целесообразным, ибо дальность стрельбы артиллерии не обеспечивала подавления глубинных целей, особенно в ходе наступления, когда их обнаружение с наземных пунктов становилось затруднительным. Основными объектами действий авиации в ходе наступления были живая сила, артиллерия и танки противника в первой и последующих полосах обороны, а также его резервы, выдвигавшиеся к участку прорыва.

Переход противника к позиционной обороне потребовал изменения боевых задач и боевых порядков общевойсковых соединений и частей.

В целях лучшей организации взаимодействия при прорыве тактической зоны обороны противника, состоявшей из двух полос по две-три позиции в каждой, боевая задача соединений стала четко разделяться на ближайшую, последующую и задачу дня. Ближайшая задача стрелковой дивизии заключалась в прорыве одной-двух позиций, последующая — в прорыве всей главной полосы, задача дня — в выходе ко второй полосе или в полном прорыве тактической зоны. Стрелковые корпуса получали задачу: ближайшую — прорыв главной полосы, последующую — прорыв тактической зоны, задачу дня — захват выгодного рубежа для ввода в прорыв подвижной группы армии или для дальнейшего развития наступления.

¹ Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1968, с. 186—190.

Глубина боевых задач дивизий по сравнению с прорывом обороны противника в контрнаступлении под Сталинградом несколько сократилась. В то же время примерно в два раза уменьшилась ширина полос наступления, что способствовало повышению тактических плотностей. Средние показатели боевых задач общевойсковых соединений, наступавших на главном направлении, приведены в таблице 12.

Таблица 12

**Ширина полос наступления, участков прорыва
и глубина боевых задач соединений
в контрнаступлении под Курском**

Соединения	Ширина (км)		Задачи (км)		
	полосы наступления	участка прорыва	ближайшая	последующая	задача дня
Стрелковая дивизия	2—3	2—2,5	2—3	6—8	10—14
Стрелковый корпус	3—6	3—4	6—8	14—15	20—25

Боевые порядки соединений и частей в отличие от зимней кампании 1942/43 г. стали глубоко эшелонированными. Хотя приказ Народного Комиссара Обороны № 306 от 8 октября 1942 г. в этой части не был отменен, но объективная необходимость последовательного наращивания усилий в ходе прорыва оборонительных позиций противника, эшелонированных в глубину, вынуждала иметь глубокое построение боевых порядков.

Стрелковые соединения строились преимущественно в два эшелона, полки — в два, а иногда и в три эшелона. Более сильными по составу создавались артиллерийские группы и резервы. Возросла плотность танков НПП — до 10—18 на 1 км фронта прорыва. В состав танковых групп НПП впервые были включены самоходно-артиллерийские установки, которые должны были продвигаться за танками и поддерживать их огнем. В некоторых армиях танки НПП придавались стрелковым дивизиям не только первого, но и второго эшелона корпуса.

Для развития тактического прорыва в оперативный в общевойсковых армиях, действовавших на главных направлениях, создавались подвижные группы в составе одного-двух танковых корпусов. Во фронтах для этой цели впервые применялись танковые армии однородного состава. При этом Воронежский фронт имел две танковые армии, которые в целях

максимальной концентрации танкового удара предусматривалось использовать одновременно на одном направлении — в полосе одной общевойсковой армии.

Ввод в сражение эшелонов развития успеха в каждом фронте и в каждой армии планировался по-разному, творчески, с учетом особенностей обороны противника и других данных обстановки.

Например, в 11-й гв. армии Западного фронта эшелон развития успеха, который состоял из двух танковых корпусов, предусматривалось ввести в сражение: в первый день операции после прорыва стрелковыми соединениями главной полосы обороны на глубине 6—8 км — 5-й танковый корпус, а на второй день сражения — 1-й танковый корпус. В дальнейшем в полосе этой же армии намечалось использовать и 25-й танковый корпус — резерв командующего фронтом.

В 61-й армии Брянского фронта 20-й танковый корпус было решено ввести в прорыв в пределах тактической глубины обороны, а в 63-й армии 1-й гв. танковый корпус — после ее прорыва¹.

На Воронежском фронте для завершения прорыва главной полосы обороны в районе основных артиллерийских позиций противника было решено ввести в бой передовые танковые бригады — по одной от танкового (механизированного) корпуса первого эшелона танковой армии (всего около 200 танков на фронте 10 км). При поддержке специально назначенной артиллерии, во взаимодействии со стрелковыми дивизиями они должны были прорвать третью позицию первой полосы и создать благоприятные условия для ввода в бой основных сил своих корпусов. Главные силы танковых армий предназначались для прорыва второй полосы с ходу и развития наступления в ближайшей глубине. Вторые эшелоны танковых армий планировалось ввести в сражение за пределами армейской полосы обороны противника.

На вспомогательном направлении (27-я и 40-я армии) два танковых корпуса намечалось ввести в сражение для завершения прорыва тактической зоны обороны, при этом танковые бригады первого эшелона — для завершения прорыва главной полосы обороны противника. Еще один танковый корпус вводился в сражение в оперативной глубине.

Сосредоточение крупных масс войск на участках прорыва и необходимость преодоления хорошо подготовленной позиционной обороны требовали особо тщательной организации взаимодействия. Введение корпусных управлений облегчило эту работу в армейском звене. При организации взаимодействия во всех звеньях управления главное внимание уделялось

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 194.

согласованию действий войск при занятии исходного положения для наступления, проведении артиллерийской и авиационной подготовки и выполнении войсками боевых задач. Наиболее тесно взаимодействие организовывалось на глубину прорыва главной полосы обороны¹.

Во многом по-новому и в более широком масштабе, чем прежде, организовывалось инженерное обеспечение прорыва. Исходные районы для наступления оборудовались, как правило, широко развитой системой траншей и ходов сообщения. В связи с возрастанием в обороне противника плотности инженерных заграждений, особенно перед передним краем, ответственной задачей инженерных войск стало проделывание проходов в минных полях. Их количество обычно определялось из расчета два прохода на стрелковую роту и три-четыре на танковую бригаду². Важной задачей инженерных войск являлось оборудование путей и маршрутов для совершения перегруппировок войск и осуществления маневра, особенно танковыми соединениями и частями. Подразделения инженерных войск включались в состав передовых батальонов, а также привлекались для решения специфических задач при овладении особо прочными объектами противника.

Увеличение объема задач по инженерному обеспечению прорыва обусловило повышение плотности инженерных войск на участках прорыва и сосредоточение их прежде всего в тактическом звене, осуществлявшем прорыв. Если в контрнаступлении под Сталинградом (5-я танковая армия) тактическая плотность инженерных войск была одна саперная рота на 1 км, то в контрнаступлении под Курском она возросла в 3—4 раза и составляла, например, в 11-й гв. армии 4,4 инженерные (саперные) роты на 1 км при оперативной их плотности на участке прорыва 7 рот на 1 км³.

Важное место в подготовке прорыва занимала партийно-политическая работа. Победа под Сталинградом, освобождение от оккупантов значительной территории были хорошей основой для развертывания этой работы. В паузах между кампаниями проводились регулярные политические занятия и информации. На них раскрывались преимущества социалистического государства и все возрастающие возможности Советской Армии, повышение международного авторитета СССР, расширение борьбы народов против фашизма, углубление противоречий между фашистской Германией и ее сателлитами. Особенно широкая работа велась с пополнением.

Партийно-политические работники взяли под неослабный контроль боевую подготовку войск. Они мобилизовали личный

¹ См.: Общевойсковая армия в наступлении. М., Воениздат, 1966, с. 75.

² См.: Инженерные войска в боях за Советскую Родину. М., Воениздат, 1970, с. 166.

³ См.: Там же, с. 167.

состав на умелое владение оружием и изучение боевого опыта, широко пропагандировали героические подвиги, совершенные однополчанами.

Всей системой партийно-политической работы личный состав был подготовлен к успешному выполнению сложных боевых задач в ходе контрнаступления.

Наряду с всесторонней подготовкой войск, тщательным планированием операций, решительным массированием сил и средств на участках прорыва советское командование искусно провело ряд мероприятий по достижению внезапности ударов. В этих целях в армиях Западного и Брянского фронтов проводились широкие и строго соблюдаемые мероприятия по оперативной маскировке. В Воронежском фронте имитировалась подготовка прорыва в районе Суджи. В оперативном отношении этот удар выглядел очень убедительным и привлек внимание и силы противника. Не менее эффективной оказалась и ускоренная подготовка к переходу в контрнаступление на том направлении, где совсем недавно шли ожесточенные оборонительные сражения. В своих воспоминаниях «Утерянные победы» Манштейн писал: «Мы надеялись в ходе операции «Цитадель» разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этого фронте на определенную передышку. Однако эта надежда оказалась потом роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем мы ожидали»¹.

Быстрый переход от обороны к контрнаступлению сыграл важную роль в достижении внезапности, осуществлении прорывов и развитии операций, но только на тех направлениях, где были созданы мощные группировки с высокими плотностями войск (Воронежский и Степной фронты). Центральный фронт, получивший всего два дня на подготовку наступления, не смог создать сильной ударной группировки, сосредоточенной на узком фронте, что сказалось на результатах прорыва и операции в целом.

Прорыв тактической зоны обороны противника на всех операционных направлениях начался успешно. Его темпы находились в прямой зависимости от степени огневого поражения обороны противника, плотности танков НПП, а также от того, в какой мере была достигнута внезапность.

В Орловской операции прорыв войсками Западного и Брянского фронтов начался ранним утром 12 июля, когда противник еще пытался достичь целей, поставленных в операции «Цитадель». Прорыву предшествовала разведка боем передовыми батальонами, проведенная на широком фронте. Она позволила лучше вскрыть систему огня противника, внести по-

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М., Воениздат, 1957, с. 460.

правки в планы артиллерийского и авиационного наступления, уточнить задачи пехоте и танкам.

В связи с тем, что на Курской дуге наши войска вели ожесточенные оборонительные сражения, немецко-фашистское командование разведку боем расценило как неудачную попытку удержать имевшиеся на Орловской дуге немецкие резервы от ввода в наступление на Курск¹. Тем самым противник был введен в заблуждение относительно истинных намерений советского командования и задержал проведение крупных оперативных мероприятий по отражению мощных ударов. Однако надо сказать, что некоторые оперативно-тактические командования все же предприняли ряд предупредительных мер (переместили резервы, привели войска в повышенную готовность)², что осложнило прорыв первой полосы обороны на ряде участков.

В 11-й гв. армии в результате надежного взлома обороны противника мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, в ходе которой первый эшелон 211-й и 293-й пехотных дивизий понес до 50—60% потерь³, прорыв начался успешно. Уже через 2,5 часа после начала атаки войска 8-го гв. стрелкового корпуса, поддержанные огневым валом, овладели всей первой позицией⁴ (схема 22).

В это время были введены в бой передовые отряды дивизий первого эшелона в составе танковых бригад с десантами пехоты. Они быстро подошли ко второй позиции, где противник оказал упорное сопротивление и даже предпринял контратаки. Однако с подходом главных сил дивизий вторая позиция также была прорвана. Это создало благоприятные условия для развития прорыва на всю тактическую глубину.

Командующий 11-й гв. армией принял решение вести в сражение 5-й танковый корпус, а по колоннам выдвигавшейся к участку прорыва 5-й танковой дивизии противника попросил нанести удары авиацией.

В 16.00 12 июля 5-й танковый корпус начал выдвижение на рубеж ввода. Из-за плохой подготовки маршрутов и сильных разрушений дорог во время артиллерийской подготовки выдвижение его затянулось до 20.00, т. е. на 3—3,5 часа позже намеченного срока⁵. За это время стрелковые дивизии завершили прорыв первой полосы обороны и развили наступление ко второй. Однако их продвижение было не столь быстрым, чтобы упредить отход противника на вторую полосу.

Задержка с вводом в сражение танкового корпуса позволила противнику подтянуть резервы, в том числе 5-ю танко-

¹ См.: Wehchwissenschaftliche Rundschau», 1965, № 10, s. 596.

² ЦАМО, ф. 258, оп. 20518, д. 5, л. 64.

³ См.: «Военно-исторический журнал», 1971, № 1, с. 20.

⁴ См.: Там же, с. 21.

⁵ См.: Там же, с. 22.

Схема 22. Прорыв обороны противника 8-м гв. стрелковым корпусом

вую дивизию, и организовать оборону. В 20.30 стрелковые дивизии совместно с 5-м танковым корпусом при поддержке артиллерии и авиации атаковали вторую полосу. Однако атака не имела успеха. Через полтора часа она была повторена, но продвижение оказалось незначительным.

Таким образом, к исходу первого дня операции войска 11-й гв. армии на направлении главного удара прорвали главную полосу обороны, продвинулись на глубину 8—10 км и вышли ко второй полосе, но прорвать ее с ходу не смогли.

С утра 13 июля соединения 11-й гв. армии лишь на флангах смогли перейти в наступление после сильной артиллерийской подготовки. В центре противник сам начал предпринимать на ряде участков контратаки силой один-два батальона пехоты с 15—30 танками на каждом. Только в 12.00, отразив четыре контратаки, наши корпуса перешли в наступление и к 14.00 прорвали вторую полосу обороны. Тактический прорыв был завершен.

Прорыв в полосе 61-й армии развивался менее успешно, чем в 11-й гв. армии, главным образом из-за недостаточно надежного поражения противника в период артиллерийской подготовки и нарушения планомерности артиллерийской поддержки атаки (поддержка методом последовательного сосредоточения огня сбилась и стала осуществляться по вызову). На преодоление первой позиции дивизии 61-й армии затратили 6—8 часов, а к исходу дня продвинулись всего на 3—7 км на участке шириной 12 км.

На второй день для развития прорыва командующий армией ввел в сражение танковый корпус и две стрелковые дивизии из своего второго эшелона. Но в течение ночи противник успел выдвинуть с курско-орловского направления к Болхову 12-ю танковую дивизию и оказать возобновившим наступление войскам упорное сопротивление. Несмотря на то, что плотность артиллерии на участке ввода в сражение свежих сил была высокой (180—220 орудий на 1 км), надежно подавить противника не удалось, так как основная масса артиллерии вела огонь из-за р. Ока на большой дальности по недостаточно разведанным целям. 13 июля войска 61-й армии, отразив контратаки противника, овладели несколькими ударами сопротивления, но развить прорыв в глубину не смогли.

14 июля командующий армией ввел в сражение еще одну стрелковую дивизию — свой резерв, но и теперь прорыв осуществить не удалось. переброска на Воронежский фронт 16-й артиллерийской дивизии из состава 61-й армии немного уменьшила ее артиллерийскую группировку. Это еще более затруднило прорыв тактической зоны обороны. Он был завершен только 19 июля, т. е. на восьмой день операции ¹.

¹ См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 231.

Прорыв на главном направлении Брянского фронта войсками 3-й и 63-й армий осуществлялся с форсированием р. Зуша. Хотя в обороне противника, которая готовилась почти полтора года, было немало прочных огневых точек, в том числе бронированных, в пределах первой позиции она была подавлена, что позволило быстро овладеть этой позицией. Но в дальнейшем наступление замедлилось. Противник непрерывно бомбардировал войска, особенно 63-й армии; кроме того, он предпринял несколько контратак.

Наравниванию силы удара помешало то, что значительная часть артиллерии 3-й армии и почти все ее наблюдательные пункты находились на высоком берегу р. Зуша, далеко сзади от боевых порядков пехоты и огневых позиций батарей, расположенных на плацдарме. Это нарушило взаимодействие артиллерии с пехотой и танками в наиболее ответственный момент боя — при завершении прорыва главной полосы обороны противника. Наибольшее продвижение — 6—7 км было достигнуто на стыке 3-й и 63-й армий. На остальном фронте продвижение составило 3—4 км¹.

В связи с небольшим удалением ударной группировки противника, наносившей удар на Курск с севера (30 км), противнику в течение ночи удалось выдвинуть к участку прорыва 3-й и 63-й армий 36-ю пехотную дивизию и передовые части 8-й танковой дивизии. Сильными контратаками при поддержке многочисленной авиации 13 июля они попытались не только задержать наступление наших войск, но и отбросить их в исходное положение. Массированным огнем 2-го артиллерийского корпуса прорыва и ударами 15-й воздушной армии удалось сорвать намерения врага. Соединения 3-й и 63-й армий возобновили наступление и, овладев несколькими сильными узлами сопротивления, создали условия для ввода в сражение 1-го гв. танкового корпуса. Но противник, обнаружив выход танкового корпуса на рубеж развертывания, обрушил на него удары авиации, чем задержал его ввод в сражение до второй половины дня. К этому времени к участку прорыва подошла 8-я танковая дивизия противника и закрыла наметившуюся брешь. Повысить темпы наступления не удалось, но все же к концу дня вторая полоса обороны противника оказалась прованной. Прорыв достиг 25 км по фронту и 15 км в глубину².

Войска Центрального фронта перешли в наступление 15 июля. Ограниченность времени на подготовку операции не позволила сместить удар в сторону от главной группировки врага, только что прекратившей наступление и имевшей еще очень плотные боевые порядки. Сила огневого удара, осуществленного на широком фронте, оказалась намного ниже, чем

¹ ЦАМО, ф. 202, оп. 5, д. 1434, л. 1.

² См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М., Воениздат, 1970, с. 215.

того требовали условия обстановки. Вследствие этого армии правого крыла фронта «продвигались медленно, преодолевая упорное сопротивление гитлеровцев, умело использовавших хорошо оборудованные рубежи... Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось достаточно»¹.

Для осуществления прорыва командующий фронтом ввел в сражение 2-ю танковую армию. Ведя бои в пределах первой позиции противника, она понесла существенные потери, но пробить брешь в его обороне так и не смогла.

Таким образом, прорыв тактической зоны обороны противника в Орловской операции был успешно завершён к исходу второго дня наступления только на направлениях действий главных ударных группировок Западного и Брянского фронтов. Именно здесь открылись возможности для развития тактического прорыва в оперативный.

Для решения этой задачи Западный фронт располагал еще двумя танковыми корпусами (один находился в составе 11-й гв. армии, другой — в резерве фронта). Кроме того, Ставка намечала включить в состав фронта с 18 июля 4-ю танковую армию, которая заканчивала формирование в районе Москвы. Брянский фронт не имел резервных подвижных соединений, и ему с 14 июля передавалась 3-я танковая армия, формирувавшаяся в районе Плавска.

Командующий 11-й гв. армией, как только был завершён прорыв второй полосы обороны противника, 13 июля ввел в сражение 1-й танковый корпус с дивизией второго эшелона 16-го стрелкового корпуса. Удар двух танковых корпусов и стрелковой дивизии при поддержке артиллерии и авиации позволил продвинуться вперед до 25 км². Однако создать свободу для маневренных действий все еще не удалось. Противник подвел к образованной брешу три танковые и моторизованную дивизии. Завязалась напряженная борьба по отражению контрударов. Только на следующий день противник был вынужден начать отход. Появились условия для дальнейшего развития успеха. Но танковые корпуса понесли потери и уже не обладали необходимой ударной силой для самостоятельных действий в оперативной глубине.

18 июля, т. е. на седьмой день операции, был введен в сражение 25-й танковый корпус из резерва фронта. Ему удалось развить удар в глубину, которая достигла уже 70 км, и одной бригадой подойти к станции Хотынец на железной дороге Орел—Брянск. В результате контратаки противника эта бригада отошла к главным силам корпуса. Перерезать железную дорогу у армии не хватило сил. Полоса ее наступления расши-

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, с. 227—228.

² См.: «Военно-исторический журнал», 1971, № 1, с. 24.

рилась до 150 км. Противник путем переброски резервов на наиболее угрожаемое направление уравнил силы и даже предпринял ряд контратак с целью разгромить передовые части 25-го танкового корпуса. Для наращивания усилий и выхода на оперативный простор требовался ввод свежих сил.

18 июля Ставка передала Западному фронту 4-ю танковую армию. В его состав она смогла прибыть только 24 июля¹, т. е. на тринадцатый день операции, когда 11-я гв. армия была в состоянии вести активные действия лишь двумя дивизиями, а танковые корпуса в боях с танками противника понесли большие потери и не смогли продвигаться. Противник, воспользовавшись образовавшейся паузой, укрепил обороняемый рубеж. В связи с этим 4-й танковой армии предстояло не войти в прорыв, как намечалось, а начать боевые действия с прорыва обороны противника. По определенной ей задаче в первый день она должна была сломить сопротивление врага на участке 14 км западнее Болхова и продвинуться на глубину 50—60 км к югу от него². На подготовку прорыва были даны всего одни сутки. Из-за ограниченного времени не удалось должным образом организовать взаимодействие. Артиллерия не была сосредоточена к участку ввода танковых корпусов. Танковые бригады получили задачи поздно вечером и не успели подготовиться к наступлению. Все это привело к тому, что танковая армия, вступив в сражение 26 июля, к исходу дня смогла продвинуться только на 2—4 км. Не дал желаемых результатов и второй день наступления. Лишь на третий день армия вынудила противника начать отход. Однако вследствие того, что ей не удалось проникнуть в глубину оперативного построения противника, он смог осуществлять планомерный отход скачками в 4—8 км в сутки³.

В первых числах августа 4-я танковая армия, переданная в конце июля в состав Брянского фронта, предприняла попытку прорваться к железной дороге Орел — Брянск в районе Хотынец, подступы к которому противник оборонял особенно сильной группировкой войск, потеснившей перед этим войска 11-й гв. армии. Прорыв на этом рубеже должны были начать дивизии 11-й гв. армии, а 4-я танковая армия «войти в прорыв для развития наметившегося успеха»⁴.

6 августа 11-я гв. армия после артиллерийской подготовки к 13.00 прорвала оборону на глубину 3 км. Развить успех дальше она не смогла, поскольку ее соединения уже не обла-

¹ См.: Под знаменем танковой гвардии. Изд. Политического управления ГСВГ, 1967, с. 25.

² См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 3. М., Воениздат, 1944, с. 46, 60.

³ См.: Там же, с. 63—68.

⁴ См.: Там же, с. 76.

дали необходимой ударной силой. Но командующий 4-й танковой армией лишь в 15.30 приказал 30-му Уральскому добровольческому танковому корпусу войти в прорыв. Задержка с вводом в сражение танкового корпуса не позволила получить непрерывный и нарастающий по силе удар. Наступление танкового корпуса задержалось, а ввод других танковых корпусов в лесистой местности оказался затруднительным. Продвижение танковой армии в первый день составило 4 км, во второй — 5 км и лишь 8 августа она продвинулась на 14—16 км, но была остановлена перед новым оборонительным рубежом, на который противник отвел свои войска. После его прорыва танковая армия задержалась перед третьим рубежом, так и не сумев вырваться на оперативный простор.

Оценивая попытки развития тактического прорыва в оперативный силами 4-й танковой армии, только что закончившей формирование и потому недостаточно сколоченной, следует согласиться с мнением маршала И. Х. Баграмяна, командовавшего в то время 11-й гв. армией: более целесообразно было ввести ее в сражение не на подступах к Болхову, где противник имел очень прочную подготовленную оборону, а сразу на Хотынец¹, где оборона была нарушена на всю глубину. Именно здесь, даже при самостоятельном прорыве оборонительного рубежа в конце июля, она смогла бы прорваться в оперативную глубину и сорвать намерения противника по планомерному отходу на рубеж «Хаген».

3-я гв. танковая армия, переданная в состав Брянского фронта 14 июля, прибыла в район сосредоточения к исходу следующего дня, совершив сложный 150-километровый марш. К этому времени противник отошел на хорошо подготовленный рубеж обороны по р. Олешня, а наступательные возможности 63-й и 3-й армий уже существенно уменьшились.

На подготовку операции 3-я танковая армия получила всего одни сутки. Ставка, командование Брянского фронта, так же как и Западного при вводе в сражение 4-й танковой армии, считали, что более короткие сроки ввода танковой армии не дадут противнику возможности перестроить, укрепить нарушенную оборону и тем самым удастся быстро выйти на оперативный простор. Как свидетельствует С. М. Штеменко, при передаче 3-й гв. танковой армии Брянскому фронту Верховный главнокомандующий рекомендовал ввести ее в сражение «как можно скорее, чтобы не дать врагу укрепиться»².

Но такое решение недостаточно учитывало возможности противника по организации обороны на новых рубежах. Перед Брянским фронтом они в инженерном отношении, в сущности, были оборудованы. Следовательно, противнику требовалось

¹ См.: «Военно-исторический журнал», № 7, с. 94.

² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, с. 172.

лишь разместить войска в назначенных им районах и организовать систему огня. Но это нужно было около суток, а танковым соединениям — несколько часов. Поэтому наступающий, стремясь осуществить прорыв таких рубежей, мало выигрывал с подготовкой наступления за одни сутки. Но проигрывал много. Плохая организация боевых действий войск резко снижала их боевые возможности, что в конечном итоге прешло медленное продвижение или неуспех вообще.

Участок прорыва 3-й гв. танковой армии был избран шириной 16 км. На нем удалось создать следующие плотности: орудий и минометов — 43, танков — 50. Противник на этом участке имел 35 орудий и минометов и 10 танков. К тому же, вскрыв выдвижение танковой армии, он нацелил на нее большое количество авиации, которая в течение 19 июля провела до 1000 самолето-вылетов¹.

При таком соотношении сил, когда оборона противника была разведана плохо, наступление организовано поспешно, а элемент внезапности отсутствовал, рассчитывать на быстрый ее прорыв было трудно. Несмотря на высокие оперативные плотности танков, 3-я гв. танковая армия продвинулась за день на 7—10 км и лишь в юго-западном направлении — до 20 км. Однако ее корпусам не удалось предупредить противника в занятии обороны по р. Оптуха² и тем самым вырваться на оперативный простор.

В этом, несомненно, сказалось следующее. Ставка, получив данные от командования Брянского фронта о том, что противник начал отвод мценской группировки в район Орла, а путь 3-й гв. танковой армии на запад закрыт сильным сопротивлением противника, приказала командующему Брянским фронтом в 14.00 20 июля изменить направление действий 3-й гв. танковой армии и с утра 20 июля нанести удар в целях разгрома мценской группировки³.

С 19 июля по 10 августа 3-я гв. танковая армия семь раз предпринимала усилия по прорыву обороны противника и выходу в оперативную глубину, но получить свободу маневра не смогла. Действуя медленно, она несла большие потери, добиваясь ограниченных оперативных результатов. За время Орловской операции армия потеряла 60,3% танков Т-34 и 72,9% танков Т-70⁴. Боеспособность ее была значительно снижена⁵, и 11 августа она была выведена в резерв Ставки для пополнения.

¹ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 3. М., Воениздат, 1944, с. 14.

² См.: Там же, с. 16, 17.

³ ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 177.

⁴ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 3. М., Воениздат, 1944, с. 41.

⁵ См.: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, с. 228.

Разумеется, этим ни коим образом не умаляется роль 3-й гв. танковой армии в Орловской операции. В ходе операции Ставка шесть раз меняла направление ее наступления. Такое оперативное использование армии вызывалось конкретной обстановкой. Каждое появление танковой армии на новом направлении, как отмечал Маршал Советского Союза И. И. Якубовский, ставило врага в затруднительное положение, вынуждало бросать в бой резервы и ослаблять свои группировки на других направлениях. Вместе с тем опыт показал, что применение танковой армии для самостоятельного прорыва заранее подготовленной обороны противника без ее надежного огневого поражения приводит к большим потерям, в связи с чем войска фронта лишаются мощного средства развития успеха.

Опыт ввода в сражение танковых соединений и объединений на Западном и Брянском фронтах показал, что, не осуществив своевременного и непрерывного наращивания силы удара в глубину, трудно добиться быстрого развития тактического прорыва в оперативный. Полученный первый опыт применения танковых армий новой организации был учтен в Белгородско-Харьковской операции.

Прорыв обороны противника в Белгородско-Харьковской операции начался 3 августа. Накануне, как и в Орловской операции, была проведена разведка боем передовыми батальонами, которая подтвердила, что противник прочно обороняется на прежних рубежах. В 5.00 началась артиллерийская подготовка, которая продолжалась в течение почти трех часов. Одновременно с этим сильные удары по противнику наносила авиация двух воздушных армий. В результате мощной артиллерийской и авиационной подготовки враг понес большие потери. Его артиллерия оказалась надежно подавленной.

Пехота и танки НПП, перейдя в атаку при поддержке огневого вала, за два часа овладели первой позицией, продвинувшись в глубину на 1,5—2 км¹. Надо признать, что темп атаки 1 км в час при столь мощном подавлении обороны противника был недостаточно высоким. Причина состояла в том, что огневой вал велся в основном артиллерией РВГК, связь и взаимодействие с которой осуществлялись через несколько инстанций. Вследствие этого перенос огня задерживался и атака велась в замедленном темпе.

По мере продвижения наших войск в глубину сопротивление противника возрастало, но последовательный ввод вторых эшелонов позволял наращивать силу удара. В течение 5 часов на главных направлениях фронтов войска продвинулись в глубину на 4—5 км и, прорвав две позиции, вышли в район

¹ См.: Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями. М., Воениздат, 1957, с. 100.

основных артиллерийских позиций противника. Здесь наступление общевойсковых соединений стало замедляться. Третья позиция из-за недостатка дальнобойной артиллерии оказалась подавленной слабо. К тому же эффект подавления спустя 5 часов после окончания артиллерийской подготовки, в сущности, исчез. Огневых средств, которые могли бы надежно подавить резервы противника, занявшие третью позицию в ходе прорыва, не хватало, поскольку значительная часть артиллерии начала смену огневых позиций и не могла сопровождать наступающие войска массированным огнем с прежней плотностью. Небольшое количество танков НПП, к тому же понесших потери, не могло восполнить недостаток огня артиллерии, которая к этому времени израсходовала 73% дневного лимита боеприпасов¹.

В этой обстановке решающую роль в завершении прорыва главной полосы обороны сыграли передовые танковые бригады 1-й танковой армии (200-я и 49-я) и 5-й гв. танковой армии (32-я и 110-я) (схема 23).

Использование только передовых танковых бригад в этих армиях позволило сохранить главные силы танковых армий для борьбы с ближайшими оперативными резервами противника и для действий в оперативной глубине в отрыве от общевойсковых армий.

Передовые бригады 1-й танковой армии, начавшие выдвижение к переднему краю с началом атаки, в 12.00—13.00 вступили в бой и совместно со стрелковыми дивизиями завершили прорыв главной полосы обороны противника. Представилась возможность для быстрого наступления ко второй полосе и прорыва ее с ходу. Но 200-я танковая бригада, действовавшая в полосе 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий, которые не имели танков НПП, не смогла оторваться от них, поскольку ей приходилось наступать в направлении, где населенные пункты тянулись сплошной полосой.

49-я танковая бригада совместно с 93-й отдельной танковой бригадой действовала в полосе 13-й гв. стрелковой дивизии. После завершения прорыва главной полосы обороны она могла устремиться сразу ко второй полосе, пока слабо занятой подходящими резервами противника. Однако незнание обстановки не позволило командиру бригады пойти на такой рывок.

Таким образом, создавшийся благоприятный момент для прорыва с ходу второй полосы обороны противника, пока не занятой резервами противника, на направлении 1-й танковой армии не был использован передовыми танковыми бригадами, а подход на рубеж ввода главных сил корпусов первого эшелона задерживался.

¹ ЦАМО, ф. 203, оп. 51354, д. 3, л. 2.

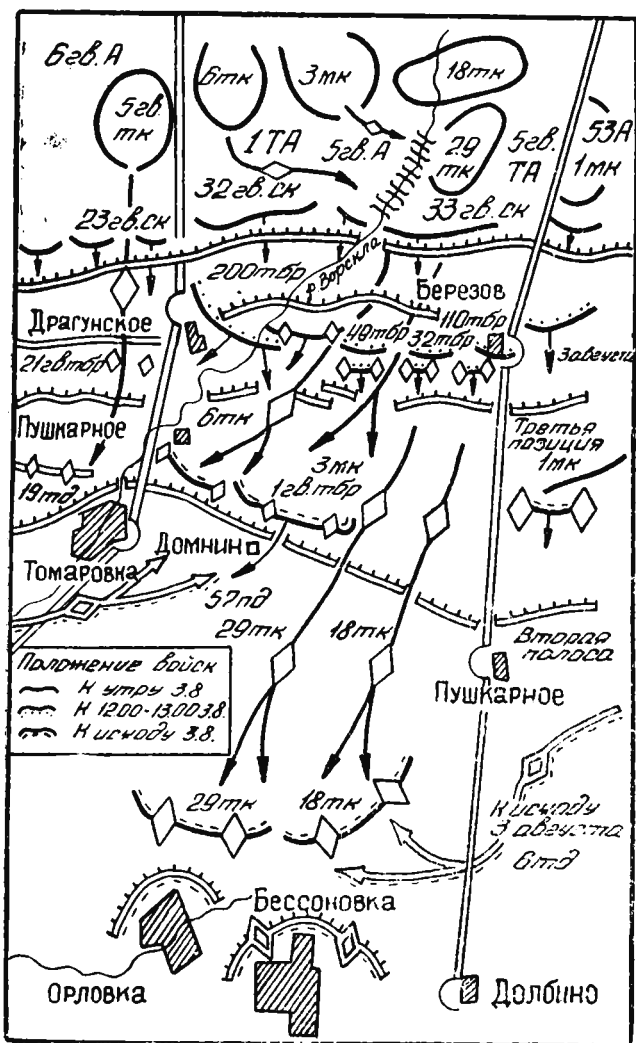

Схема 23. Действия танковых армий при развитии прорыва в Белгородско-Харьковской операции

Выдвижение корпусов 1-й танковой армии осуществлялось в полосе шириной 3—4 км, что позволило иметь только по одному маршруту на корпус. При подходе к переднему краю они должны были преодолеть узкую (5—7 м), но с заболоченной поймы р. Ворсклы, на которой было построено пять мостов. Но поскольку подходы к мостам не были оборудованы, то после прохода головных подразделений они оказались столь разбитыми, что темп выдвижения корпусов снизился с

15 до 2 км. Танковые бригады первого эшелона вместо 15.00 вышли на линию наступающих войск только в конце дня. Потеря 5 часов времени позволила противнику занять вторую полосу обороны силами 6-й и 11-й танковых дивизий, что в конечном итоге привело к неполному выполнению задач первого дня наступления. Лишь на рассвете 4 августа 1-й танковой бригаде 3-го механизированного корпуса удалось преодолеть вторую полосу в слабом месте и тем самым создать условия для развития удара в оперативную глубину.

На направлении действий 5-й гв. танковой армии достигнутая непрерывность развития прорыва дала блестящие для 1943 г. результаты. Передовые танковые бригады ее корпусов, вступив в бой в 13.00, обогнали стрелковые части и быстро преодолели главную полосу обороны.

Главные силы танковых корпусов первого эшелона с ходу прорвали вторую полосу обороны и к 18.00 вышли на глубину 20—26 км¹. Правда, главные силы 18-го танкового корпуса из-за отставания войск 53-й армии пришлось развернуть для отражения ударов противника с востока, что сказалось на атаке опорных пунктов на армейской полосе обороны противника. В связи со слабой артиллерийской поддержкой и применением только фронтальных ударов овладеть опорными пунктами не удалось, что привело к некоторому недовыполнению задачи дня и отразилось на развитии наступления в оперативной глубине.

Таким образом, в Белгородско-Харьковской операции на направлении главного удара к исходу суток удалось прорвать прочно оборудованную тактическую зону и подойти к армейской полосе обороны, хотя и на узком участке. Это создавало условия для развития наступления в оперативную глубину. Но вытягивание 6-го танкового корпуса во фронтальные бои за Томаровку², необходимость оказания помощи 53-й армии Степного фронта и обеспечения фланга 5-й гв. танковой армии от угрозы контрудара танковой дивизии противника не позволили 4 августа сделать рывок в оперативную глубину. В этот день армейского рубежа обороны достиг только 3-й механизированный корпус 1-й танковой армии. Прорвать его удалось лишь 5 августа.

Прорыв армейского рубежа обороны, разгром томаровской группировки врага, развитие наступления 27-й и 40-й армиями, усиленных тремя танковыми корпусами, создали в обороне противника оперативную брешь на богодуховском направлении, для закрытия которой он не имел достаточных сил. К исходу 7 августа фронт прорыва наших войск достиг 120 км.

¹ См.: Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Великой Отечественной войне. Сборник № 4. М., Воениздат, 1944, с. 56, 63.

² ЦАМО, ф. 300, оп. 51348, д. 14, л. 5.

Танковые армии продвинулись на глубину до 100 км, а общевойсковые — до 60—65 км.

Анализ прорыва в контрнаступлении под Курском показывает, что в связи с совершенствованием материально-технической базы наших войск, учетом предшествующего боевого опыта, переходом противника к глубоко эшелонированной позиционной обороне в искусстве подготовки и осуществления прорыва произошли дальнейшие изменения.

На каждом операционном направлении создается достаточно мощная ударная группировка, способная самостоятельно осуществить прорыв и развить его в оперативную глубину. Между ударными группировками и фронтами, действовавшими на различных направлениях, организуется тесное взаимодействие. На узких участках прорыва решительно сосредоточиваются основные силы и средства, достигаются более высокие их плотности, чем в предшествующих операциях, и более выгодное превосходство над противником. Во фронтах впервые появляются сильные подвижные группы в виде танковых армий. Боевые порядки стрелковых войск строятся глубокими. Совершенствуется система огневого поражения противника.

Все это в совокупности с другими факторами позволило советскому военному искусству впервые в крупном масштабе успешно решить проблему прорыва заранее подготовленной, глубоко эшелонированной обороны противника с последующим развитием его в оперативную глубину.

Опыт прорыва в контрнаступлении под Курском показал, что взлом обороны противника достигался при плотности артиллерии около 200 орудий и минометов на 1 км и расхода до 1 бк боеприпасов на артиллерийскую подготовку и 0,25—0,5 бк на поддержку атаки и столько же на обеспечение боя в глубине, или около 300—350 т боеприпасов на 1 км участка прорыва. Такие плотности обеспечивали взлом обороны только при достижении оперативной внезапности.

Стрелковые соединения первого эшелона успешно осуществляли прорыв, как правило, первых двух позиций обороны противника на глубину 4—5 км. В дальнейшем вследствие недостаточной степени огневого поражения противника в период артиллерийской подготовки, ослабления эффективности артиллерийской поддержки из-за перемещения артиллерии на новые позиции, недостатка танков НПП для завершения прорыва главной полосы требовалось вводить подвижные группы армий или часть сил подвижной группы фронта. Главную полосу обороны на большинстве направлений удавалось прорвать в первый день, а тактическую зону — к исходу второго дня и только в одном случае (Белгородско-Харьковская операция) — в первые сутки.

Одной из основных причин неуспеха прорыва второй полосы обороны с ходу, в том числе танковыми соединениями, являлось заблаговременное занятие ее резервными соединениями и частями противника. Это требовало проведения сильной артиллерийской и авиационной подготовки. Артиллерия из-за трудностей перемещения не могла своевременно обеспечить атаку второй полосы, а воздействие авиации оказывалось недостаточным.

Развитие тактического прорыва в оперативный достигалось вводом в сражение не только вторых эшелонов, подвижных групп армий, как это было в контрнаступлении под Сталинградом, но и подвижных групп фронтов в составе одной-двух танковых армий.

Опыт применения танковых армий в качестве подвижных групп фронтов показал, что лучшие результаты их использования достигались тогда, когда для завершения прорыва главной полосы обороны вводились не все силы танковой армии, а лишь передовые танковые бригады. Это позволяло сохранить главные силы армии для решения задач в оперативной глубине.

Запоздалый ввод в сражение танковых армий на северном фланге орловского выступа привел к разъединению усилий общевойсковых и танковых армий. Танковые армии вводились в сражение тогда, когда общевойсковые армии, истощив свои возможности, приостанавливали наступление, а противник успевал закрыть своими резервами созданные в обороне бреши. Самостоятельный прорыв танковыми армиями заранее подготовленной обороны противника при плотности танков даже 50 единиц на 1 км фронта, но при поддержке всего 40—45 орудиями и минометами оказался безуспешным, привел к крупным потерям и не позволил развить удар в оперативную глубину.

Большинству фронтов, участвовавших в контрнаступлении, удалось создать глубокие оперативные бреши, однако недостаточно высокие темпы наступления не позволили безостановочно развить прорывы таким образом, чтобы объединить их в единый фронтовой и межфронтовой, что создало бы наиболее благоприятные условия для выхода войск на оперативный простор и перевода серии оперативных прорывов в единый стратегический.

Опыт и уроки прорыва в контрнаступлении под Курском многосторонни. Особенно ценным является творческий, гибкий подход советского командования к выбору форм оперативного прорыва и методам его ведения, что позволило достичь важных стратегических результатов. «Гигантская битва на Орловско-Курской дуге летом 1943 года, — говорил Л. И. Брежнев, — сломала хребет гитлеровской Германии и испеклила ее удар-

ные бронетанковые войска. Всеми миру стало ясным превосходство нашей армии в боевом мастерстве, в вооружении, в стратегическом руководстве»¹.

Характер и причины затяжного прорыва в Смоленской операции

Смоленская наступательная операция проводилась силами Западного и левого крыла Калининского фронтов с 7 августа по 2 октября 1943 г. Противник перед войсками этих фронтов на рубеже протяженностью до 600 км имел к началу операции около 40 дивизий и, находясь в обороне продолжительное время (до пяти месяцев, а на отдельных участках — до полутора лет), создал сильную оборону, состоящую из пяти-шести полос общей глубиной 100—130 км.

Тактическая зона обороны включала две полосы глубиной до 15 км. На ее удержании сосредоточивались почти все усиленные немецко-фашистских войск. Например, из 20 дивизий, оборонявшихся перед Западным фронтом, 18 находились в тактической зоне. В оперативной глубине были подготовлены три-четыре оборонительные полосы, но войска их заблаговременно не занимали. Использовать эти полосы предполагалось при необходимости в ходе оборонительного сражения. Это требовало от наступающих войск быстрого прорыва тактической зоны и упреждения противника в занятии им подготовленных оборонительных рубежей как резервами и соединениями, перебросенными с других участков, так и отходящими войсками.

Ставка Верховного Главнокомандования, предусматривая проведение Смоленской наступательной операции, поставила перед войсками Западного и Калининского фронтов цель: сковать немецко-фашистские войска на смоленском и рославльском направлениях, не допустить переброски соединений противника на Юго-Западное направление, где советские войска наносили главный удар. Глубина операции составляла 80—100 км. Ограничение задачи фронтом объяснялось прочностью обороны противника, небольшим количеством в составе фронтов танковых и механизированных соединений, недостатком авиации и сокращением отпуска фронтам боеприпасов с 5 до 2,5 бк.

Замысел на Смоленскую операцию (схема 24) предусматривал нанесение главного удара Западным фронтом силами четырех армий, из них две в первом эшелоне (10-я гв. и 31-я) и две во втором (68-я и 21-я) на рославльском направлении. Два вспомогательных удара готовили 31-я и 5-я армии в целях

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 1. Речи и статьи. М., Политиздат, 1970, с. 126.

разгрома дорогобужской группировки врага и наступления на Смоленск. Третий вспомогательный удар должна была нанести 10-я армия из района г. Киров. Таким образом, прорыв на Западном фронте предусматривалось осуществить на четырех участках общей шириной 42 км¹. Для развития успеха в

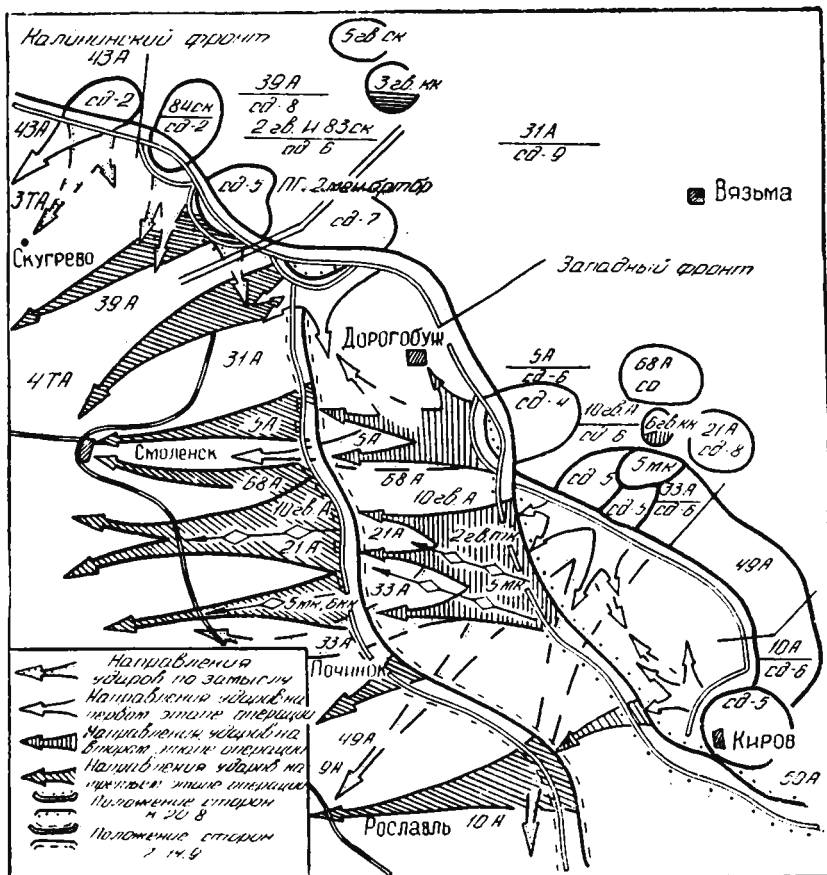

Схема 24. Группировка войск и ход прорыва в Смоленской наступательной операции

глубину кроме двух общевойсковых армий во втором эшелоне фронт располагал механизированным и кавалерийским корпусами. Их намечалось использовать на главном направлении.

Калининский фронт должен был прорвать оборону противника войсками 39-й армии на двух участках шириной 16 км

¹ См.: Истомин В. П. Смоленская наступательная операция. М., Воениздат, 1975, с. 20, 21, 34—44.

и частью сил (две дивизии) 43-й армии на одном 4-километровом участке¹. Для развития успеха планировалось использовать подвижную группу фронта (две механизированные и одна танковая бригады), кавалерийский и стрелковый корпуса из резерва фронта.

Таким образом, всего в Смоленской операции предполагалось осуществить прорыв на семи участках различными по силе группировками, что позволяло обеспечить средние плотности (табл. 13).

Таблица 13

Состав ударных группировок, ширина участков прорыва и средние плотности артиллерии и танков в Смоленской операции

Наименование и состав ударных группировок	Ширина участка прорыва (км)	Ширина участка прорыва дивизии (км)	Плотность	
			артиллерии на 1 км участка прорыва	танков на 1 км участка прорыва
Западный фронт				
Главная группировка (10 гв., 33, 21, 68А; 5 мк, 6 гв. кк)	16	2—3	165	$\frac{7,6}{20}$
Вспомогательные группировки:				
31-я армия	8	1,6	105	—
5-я армия	11	2,7	92	7,4
10-я армия	7	2,3	75	13
Калининский фронт				
Главная группировка 39-й армии (2 гв. ск, 83 ск, 3 гв. кк, 5 гв. ск)	10	2	82	$\frac{7}{22}$
Вспомогательные группировки:				
39-я армия (84 ск)	6	3	78	7,6
43-я армия (две сд)	4	2	85	8

Примечание. В числителе — плотность танков НПП, в знаменателе — оперативная.

¹ *История В. П. Смоленская наступательная операция.* М., Воениздат, 1975, с. 307—312.

Из таблицы видно, что в большинстве группировок плотность артиллерии не превышала 100 орудий и минометов на 1 км фронта, а плотность танков НПП ограничивалась 7—8 танками на 1 км, что, конечно, было недостаточно для прорыва хорошо подготовленной позиционной обороны.

В этой связи нельзя не согласиться с мнением бывшего представителя Ставки Н. Н. Воронова, осуществлявшего координацию Западного и Калининского фронтов в этой операции. В своих воспоминаниях он пишет, что его тревожила мысль о том, что «уже в самом замысле операции есть существенные просчеты»¹. Нанесение большого числа ударов не могло быть в должной мере обеспечено материально. «Видимо, Ставка имела целью вынудить противника рассредоточить внимание, силы и средства, держать свои оперативные резервы и войска прикованными к Западному и Калининскому фронтам, чтобы гитлеровское командование не могло перебрасывать их на южные направления. Тем не менее сложный замысел операции на Западном фронте не имел под собой прочной почвы»².

К артиллерийскому наступлению на всех участках прорыва командование Западного фронта привлекло 4950 орудий и минометов 76-мм и выше или 40% имевшихся во фронте³, что нельзя признать достаточно высокой степенью массирования артиллерии. На Калининском фронте было привлечено еще меньше артиллерии — 30%.

Одной из причин, ограничивавших привлечение к артиллерийской подготовке большего количества артиллерии, был недостаток боеприпасов. Эта причина, разумеется, существенна, но ни в коей мере не оправдывает занижение плотностей артиллерии на участках прорыва. При невозможности создать высокие плотности артиллерии на желаемом участке прорыва его следовало избирать такой ширины, чтобы суммарная мощь огня, которую может дать артиллерия и авиация, обеспечивала надежный взлом позиционной обороны. При сосредоточении на направлениях ударов 1653 орудий и минометов⁴ Калининский фронт мог избрать только один участок прорыва шириной около 8, максимум 10 км. Это позволило бы иметь общую плотность артиллерии 165—200 орудий и минометов на 1 км и меньше отвлекать ее для подавления целей в флангах, ибо число их сократилось бы с шести до двух.

К авиационному обеспечению операции на Западном фронте привлекалось 888, а на Калининском — 288 самолетов, из них 126 штурмовиков и бомбардировщиков. На Западном

¹ Воронов Н. Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963, с. 384.

² Там же.

³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 313.

⁴ Истомин В. П. Смоленская наступательная операция. М., Воениздат, 1975, с. 58.

фронте на непосредственную авиационную подготовку выделялось 1340 самолето-вылетов¹, что позволяло дать около 16 т бомб и снарядов на 1 км участка прорыва и увеличивало суммарную мощь огня на 11%.

Назначение большого количества участков прорыва нормальной в оперативном отношении ширины при ограниченном составе большинства ударных группировок привело к созданию недостаточно выгодного для прорыва позиционной обороны превосходства над противником. На главном направлении Западного фронта оно, например, было: по пехоте — 4 : 1, по полевым орудиям — 5,5 : 1, а на второстепенных направлениях в 2—3 раза меньшим². Примерно таким же было соотношение сил и на Калининском фронте.

Необходимость создания выгодного соотношения сил, скажем, не ниже чем во фронтах, осуществлявших Орловскую операцию, ограниченное количество боеприпасов и подвижных соединений настоятельно диктовали уменьшить число участков прорыва. На наш взгляд, в операции можно было ограничиться тремя участками прорыва: один прорыв осуществить смежными флангами Калининского и Западного фронтов в общем направлении с северо-востока на Смоленск, второй (главный) — силами Западного фронта и третий (вспомогательный) — 10-й армией Западного фронта, поскольку конфигурация фронта перед ней позволяла быстро выйти противнику в тыл и во взаимодействии с главными силами фронта в короткие сроки разгромить спасдеменскую группировку противника, что сразу бы намного расширило созданную Западным фронтом оперативную брешь.

Ограничение числа участков прорыва без их расширения позволило бы на 50—100% повысить плотность огня и с большей надежностью подавить оборону противника. •

Невысокие плотности войск с особой остротой ставили задачу достижения максимальной внезапности. Однако командования Западного и Калининского фронтов, получив задачи на сковывание противника, не провели их в жизнь с необходимой настойчивостью.

Для введения противника в заблуждение об истинном направлении главного удара штаб Западного фронта разработал «маскировочную операцию» с показом ложного сосредоточения войск в полосе 50-й армии, т. е. на своем левом фланге. Однако в оперативном отношении это было сделано недостаточно убедительно. Имитация подготовки удара проводилась малыми силами, без контроля результатов воздействия ее на

¹ *Истомин В. П.* Смоленская наступательная операция. М., Воениздат, 1975, с. 58.

² См.: *Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*, т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 322.

противника. Это привело к обратному эффекту. Противник быстро догадался, что не здесь, а в направлении на Рославль Западный фронт готовит главный удар. Кроме того, войска фронта совершали перегруппировки не только ночью, но и днем. А за 15 часов до начала атаки на исходные позиции, удаленные всего на 1,5 км от переднего края противника, были выведены танки НПП, что окончательно убедило его о месте и времени перехода в наступление. Еще 28 июля 1943 г. в Бюллетене № 1 оценки обстановки на советско-германском фронте было записано: «На участках группы армий «Центр» многие признаки свидетельствуют о продолжающейся подготовке к наступлению противника с ограниченной целью (Рославль, Смоленск, Витебск) и о задержании сил группы армий «Центр».

Обнаружив подготовку Смоленской операции, противник с 1 по 10 августа выдвинул из резерва и с орловского направления против 39-й армии Калининского фронта 246-ю пехотную, 25-ю моторизованную, часть сил 18-й моторизованной, 18-ю танковую дивизии, а против 31, 5, 10-й гв. и 33-й армий Западного фронта — 2-ю и 9-ю танковые, 36, 56 и 262-ю пехотные дивизии¹. «За три дня до начала наших действий (противник — А. Р.) значительно усилил огневую деятельность своей артиллерии, минометов и бомбардировочной авиации, проводил систематическую контрподготовку в районах расположения наших войск»².

Столь плохая оперативная маскировка дает основание предполагать, что командование Западного фронта, видимо, самым ходом подготовки операции стремилось сковать и привлечь на смоленско-рославльское направление силы противника. Отчасти оно этого добилось, чем намного затруднило осуществление прорыва.

7 августа перешли в наступление войска Западного фронта на главном направлении. Недостаточно подавленный в ходе артиллерийской подготовки противник с самого начала наступления оказывал упорное сопротивление. Прорыв главной полосы обороны принял затяжной характер. К исходу дня войска продвинулись всего на 4 км.

На следующий день, несмотря на ввод двух дивизий 68-й армии, достичь каких-либо результатов не удалось, ибо противник ввел в сражение три дивизии, переброшенные накануне с орловского направления.

8 августа перешла в наступление 31-я армия и тоже не добилась успеха.

Последующим вводом в сражение свежих сил (12 августа были введены две дивизии 21-й армии, а затем и остальные

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, схема 29.

² Воронов Н. Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963, с. 387.

дивизии армий второго эшелона фронта) главной группировке Западного фронта за семь дней наступления удалось продвигаться только на 12—16 км. Войска 31-й и 5-й армий вклинились в оборону противника всего на 3—5 км ¹.

Немного по-другому проходил прорыв в 10-й армии. Он начался на четвертый день операции, когда противник определил направление главного удара Западного фронта и выдвинул туда свои основные резервы. На участке прорыва 10-й армии оставалось всего четыре батальона 31-й пехотной дивизии, растянутой на фронте 24 км. Небольшая глубина расположения обороняющихся войск, слабость тактических резервов, достигнутая внезапность позволили в течение дня прорвать оборону противника на фронте 8 км и вклиниться на глубину до 6 км. На следующий день прорыв был расширен до 10 км по фронту и в глубину. Но отсутствие эшелона развития успеха не позволило создать более глубокую брешь. 12 августа командующий фронтом перебросил сюда 5-й механизированный корпус, который совершил за день 130-километровый марш, и с утра 13 августа, т. е. на четвертый день после перехода в наступление 10-й армии, вступил в сражение. Но противник уже успел занять отошедшими войсками оборону на промежуточном рубеже, и механизированный корпус успеха не получил.

Всего за две недели операции общее продвижение войск Западного фронта составило 35—40 км ². Средний темп наступления был примерно 2,5 км в сутки.

Еще менее удачно прошло наступление войск Калининского фронта. Началось оно 13 августа после 35-минутной артиллерийской подготовки. За 6 дней войска вклинились в оборону противника всего на 5—6 км ³.

Обоим фронтам оперативный прорыв осуществить не удалось. Однако основную задачу по сковыванию сил противника они все же выполнили. Противник, опасаясь, что войска Западного фронта могут выйти на фланг орловско-брянских группировки, с 1 по 18 августа перебросил против Западного и Калининского фронтов до 13 дивизий ⁴, из них более половины до начала наступления. Если бы оперативный прорыв был осуществлен, то Западному и Калининскому фронтам удалось бы не только притянуть к себе еще большие силы, но и перемолоть их, ибо резервам противника пришлось бы сдерживать наступление не на подготовленных рубежах, а, как говорится, в чистом поле.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 325, 326.

² См.: Там же, с. 329.

³ См.: Там же.

⁴ См.: Там же, схема 29.

Основными причинами затяжного характера прорыва явились: недостаточно выгодное превосходство над противником в силах и средствах на участках прорыва, слабое огневое подавление обороны, быстрый приток соединений противника и занятие ими подготовленных рубежей, потеря внезапности. «Противник, — докладывал в Ставку ее представитель Н. Н. Воронов 9 августа, — безусловно, знал о готовящемся наступлении и принял ряд мер для противодействия ему»¹.

В связи с необходимостью пополнения войск, особенно боеприпасами, проведения перегруппировки и более тщательной подготовки нового удара войска Западного фронта с 20 августа приостановили наступление. В течение семидневной паузы было решено создать новые ударные группировки и продолжить затем выполнение поставленной задачи. Главный удар переносился с рославльского направления на смоленское. Участок прорыва был сужен до 20 км². Плотности войск создавались такими, какие были наивысшими для Западного фронта в начале операции. Особое внимание обращалось на скрытность перегруппировки войск и сохранение замысла операции. Одновременно принимались меры по введению противника в заблуждение, для чего имитировалась подготовка наступления на ложных направлениях: Юхнов—Ельня и Киров—Рославль³, т. е. на флангах полосы наступления. Все эти мероприятия позволили достичь внезапности, что существенно сказалось на ходе прорыва.

28 августа после 85-минутной артиллерийской подготовки и ударов авиации войска фронта перешли в наступление. В первый день им удалось прорвать оборону до 25 км по фронту и 6—8 км в глубину. На второй день, несмотря на то, что противник предпринимал сильные контратаки, в которых участвовало по 70—100 танков, участок прорыва был расширен до 30 км, а его глубина достигла 12—15 км. На третий день операции был введен в сражение 2-й гв. танковый корпус. За день он продвинулся на 20 км⁴. Это вынудило противника начать отвод войск на широком фронте. Но осуществить преследование в темпах, опережавших отход противника, войскам Западного фронта не удалось, что позволило 4-й немецкой армии занять подготовленный оборонительный рубеж по рекам Уж и Десна. Попытки прорвать рубеж с ходу не привели к положительным результатам, и войска Западного фронта оказались вынужденными в третий раз готовить и осуществлять прорыв в ходе одной операции.

¹ Воронов Н. Н. На службе военной. М., Воениздат, 1963, с. 387.

² См.: Истомин В. П. Смоленская наступательная операция. М., Воениздат, 1975, с. 104.

³ ЦАМО, ф. 69, оп. 260662с, д. 4, л. 22—26.

⁴ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 331.

Не получил успеха и прорыв на Калининском фронте. С 7 сентября наступательные действия обоих фронтов по приказу Ставки были прекращены. Общее продвижение войск за время второго этапа Смоленской операции составило 30—40 км. Для подготовки нового удара была сделана семидневная пауза.

Командующий Западным фронтом решил сузить до 12 км участок прорыва для ударной группировки в составе трех армий. Это позволило поднять плотность артиллерии до 160—185 орудий и минометов, не считая реактивной артиллерии¹, и до 48 танков и САУ на 1 км участка прорыва. На Калининском фронте основные усилия сосредоточивались в полосе 39-й армии, ширина участка прорыва которой равнялась 9 км. Средние плотности здесь составляли 4,5 батальона, 128 орудий и минометов, 24 танка на 1 км.

14 сентября перешли в наступление войска Калининского, а на следующий день и Западного фронтов. Благодаря пополнению фронтов боеприпасами продолжительность артиллерийской подготовки была увеличена на Калининском фронте до двух часов, а на Западном — до 2 часов 35 минут. Ее эффективность оказалась высокой. В течение первого дня обоим фронтам удалось прорвать оборону на глубину 10—13 км. К исходу пятого дня глубина прорыва на Западном фронте достигла 40 км, а фронт расширился до 250 км. Успешно наступали в эти дни и войска Калининского фронта. 20 сентября Ставка поставила задачи фронтам на продолжение дальнейшего наступления².

Итак, прорыв обороны противника на всю ее оперативную глубину (100—130 км) был осуществлен войсками Западного фронта, если не считать двух оперативных пауз по семь суток, в течение 26 дней со средним темпом — 4—5 км в сутки³. При этом на первом этапе средний темп прорыва был около 2,5 км, а на втором — 3—4 км в сутки. При таких низких темпах продвижения противник успевал отходящими войсками и соединениями, перебрасываемыми с других участков советско-германского фронта, последовательно занимать подготовленные в глубине оборонительные рубежи и оказывать наступающим войскам сильное сопротивление. Фактически в ходе одной операции пришлось трижды заново организовывать и осуществлять прорыв вражеской обороны.

Такой затяжной характер прорыва был обусловлен рядом как объективных, так и субъективных причин.

Как указывалось выше, основная цель Смоленской наступательной операции состояла в том, чтобы сковать силы про-

¹ См.: Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 260.

² ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 219.

³ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 344.

тивника на Западном стратегическом направлении и не допустить их переброски на Юго-Западное направление, где наносился главный удар в кампании. Эта задача Западным и Калининским фронтами была выполнена. Они не только не позволили перебросить туда ни одной дивизии из 3-й танковой и 4-й армий, но и привлекли на себя 16 дивизий с других направлений¹. В ходе операции было прорвано четыре-пять укрепленных полос, разгромлены пять пехотных и две танковые дивизии, 14 дивизиям нанесено тяжелое поражение.

Вместе с тем анализ притока резервов противника показывает, что из одиннадцати дивизий, переброшенных против Западного фронта на первом этапе Смоленской операции, семь были введены в сражение после 10 августа, когда 10-я армия создала угрозу выхода в тыл спасдеменской группировки врага, из них три танковые и две пехотные непосредственно против 10-й армии². Иначе говоря, эффект сковывания оказался большим тогда, когда создавалась реальная угроза прорыва наступающих войск в оперативную глубину. С полным основанием можно сказать, что, если бы на рославльском направлении с самого начала операции удалось создать глубокую оперативную брешь в обороне противника, это неизбежно привело бы к быстрому отводу его войск с орловского выступа. При этом отвод совершался бы поспешно, в невыгодных для противника оперативных условиях и позволил бы достигнуть куда большего результата при меньших затратах сил и средств.

Этот вывод подтверждают результаты второго этапа операции, во время которого был достигнут прорыв. Несмотря на сокращение полосы наступления Западного фронта, число дивизий противника перед ним возросло на 20% по сравнению с началом боевых действий³, а оперативная плотность поднялась с 11,8 до 8,6 км на одну дивизию.

Обобщение результатов операций, таких, как «Марс» и Смоленская, проведенных в целях сковывания сил противника, приводит к твердому убеждению, что при подготовке таких наступательных операций прорыв должен готовиться на тех же основаниях, что и в главных операциях кампании. В этом главный смысл взаимодействия фронтов в стратегической операции. Прорывать оборону противника следует надежно на всю оперативную глубину ее построения. Опыт этих операций еще и еще раз подтвердил огромное значение успеха безостановочного и стремительного прорыва в первые дни наступления. Темп прорыва и стремительность его наращивания должны опережать ввод в сражение резервов противника.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 342.

² См.: Там же, схема 29.

³ См.: Там же, с. 335.

Командования Западного и Калининского фронтов, исходя из специфики полученной задачи (сковывание противника), предусмотрели слишком большое количество ударов на широком фронте, что привело к распылению сил и средств и не позволило создать необходимые, уже определенные опытом Орловской операции плотности войск, обеспечивавшие надежный взлом и прорыв позиционной обороны противника. Заниженные плотности войск, особенно артиллерии и танков НПП, привели к затяжному прорыву тактической обороны врага.

Одной из существенных причин затяжного характера прорыва была утрата фронтами внезапности перехода в наступление. Противник, заранее определив участки прорыва, выдвинул к ним резервы и вводил их в сражение по мере наращивания наступающими фронтами своих усилий. Это не позволяло войскам наших фронтов выйти в короткий срок на оперативный простор и путем широких маневров поставить противника в критическую ситуацию, вынудив его тем самым к поспешному и неорганизованному отходу, в результате чего достигается наибольший оперативный успех.

Объективной причиной, затруднявшей развитие прорыва в Смоленской операции в высоких темпах, было малое количество танковых и механизированных соединений, штурмовой и особенно бомбардировочной авиации, что не позволяло упреждать противника в выходе к подготовленным оборонительным рубежам в глубине, уничтожать и задерживать его резервы на подходе к участкам прорыва и громить их до развертывания в боевые порядки. Эти обстоятельства с особой остротой диктовали необходимость максимально возможного массирования сил на ограниченном количестве участков, чтобы можно было осуществить тактический прорыв без затраты подвижных войск и значительного расхода авиаресурсов, крайне необходимых для борьбы с подходящими резервами.

Западный фронт к началу операции имел сильный второй эшелон (две армии в составе 14 дивизий). Однако ввод его по частям из-за слабости вторых эшелонов армий (8 дивизий в пяти армиях) не приводил к резкому изменению обстановки.

Несмотря на отмеченные недостатки, проведение Смоленской операции позволило значительно расширить общий фронт активных действий советских войск летом 1943 г., создало более благоприятные условия для успешного завершения контрнаступления под Курском и проведения операций по освобождению Левобережной Украины.

Совершенствование искусства прорыва при развитии общего наступления в ходе кампании

Развитие Орловской, Белгородско-Харьковской и Смоленской операций к середине августа 1943 г. на многих участ-

ках ослабило стратегический фронт противника. Немецко-фашистское командование использовало все свои стратегические резервы, имевшиеся на восточном фронте, и предельным напряжением сил пыталось воспрепятствовать нашим войскам образовать бреши, развитие наступления в которых могло вывести их к Днепру.

В этой обстановке Ставка наметила ряд ударов фронтов, которые позволили бы перейти в общее стратегическое наступление, освободить Донбасс, Левобережную Украину и захватить плацдармы на правом берегу Днепра.

Поучительным примером прорыва обороны в условиях предельного напряжения стратегического фронта противника являются действия 60-й армии Центрального фронта в конце августа 1943 г. (схема 25).

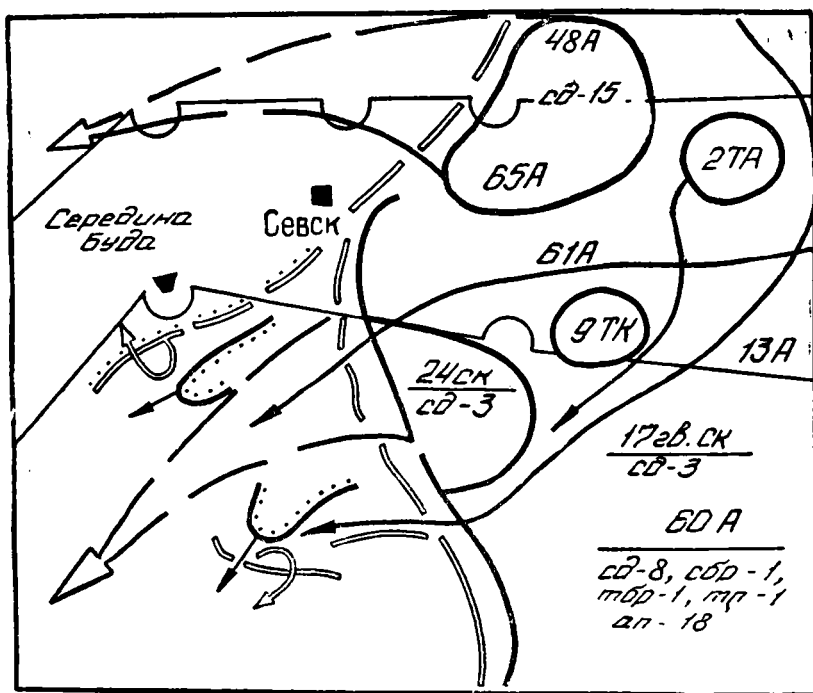

Схема 25. Прорыв обороны войсками 60-й армии

Развитие Орловской операции привело к отходу войск противника перед Брянским и правым крылом Центрального фронтов на оборонительную позицию «Хаген», имевшую тричетыре траншеи и значительное количество прочных огневых точек. Перед 60-й армией положение фронта не менялось. Обо-

рона противника перед ней готовилась с марта 1943 г. и в инженерном отношении была более прочной, чем перед остальными армиями фронта.

16 августа Ставка Верховного Главнокомандования, приняв решение на переход в общее наступление, поставила задачу Центральному фронту нанести удар в общем направлении на Севск, Хутор Михайловский, а затем на Киев. Главная группировка Центрального фронта в составе 65, 48 и 2-й танковой армий должна была прорвать оборону на 25-километровом участке и, развив наступление, с ходу преодолеть р. Десна.

60-й армии предстояло осуществить прорыв на самостоятельном участке шириной 10 км, удаленном от участка главной группировки фронта на 15 км.

На подготовку операции отводилось 10 суток — срок, по мнению К. К. Рокоссовского, явно недостаточный¹. На наш взгляд, в процессе развития операции это был немалый срок. При хорошей организации материально-технического обеспечения этого времени было достаточно. Подготовка удара на главном направлении проводилась торопливо и без строгого соблюдения мер маскировки. К тому же в связи с переносом сроков наступления главная группировка войск, занявшая исходное положение для наступления, пять дней была на виду у противника, который определил направление главного удара фронта и стянул к нему с менее опасных участков основные силы 2-й армии — пять дивизий из восьми².

Фронт обороны противника в полосе 60-й армии оказался в значительной мере ослабленным. На участке, где намечался прорыв, оборонялось немногим более полка, подразделения которого в основном были вытянуты по переднему краю. Командующий армией привлек к осуществлению прорыва два стрелковых корпуса, две танковые бригады, артиллерийскую дивизию прорыва и артиллерию армии. Это обеспечило создание следующих тактических плотностей на 1 км фронта: стрелковых батальонов — 2,1, танков — 6, орудий и минометов — 90³. Хотя эти плотности были невысокими, но они позволяли иметь превосходство над противостоящим противником: по пехоте — 3 : 1, по артиллерии — 9 : 1, по танкам — 1,3 : 1.

Подготавливая операцию, командующий армией принял все меры к скрытому сосредоточению войск. Штаб разработал и осуществил план мероприятий по оперативной маскировке и дезинформации, в котором предусматривалось проведение демонстративных действий на левом фланге армии с целью

¹ См.: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, с. 230.

² См.: *Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.*, т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 351.

³ См.: *Кузнецов П. Г.* Генерал Черняховский. М., Воениздат, 1969, с. 111.

создать у противника впечатление о подготовке наступления на этом направлении¹.

Наступление войск Центрального фронта началось 26 августа. На главном направлении сильная группировка противника, изготовившаяся к отражению наступления, оказала войскам 65-й и 48-й армий упорное сопротивление; кроме того, она неоднократно предпринимала контратаки, которые поддерживались ударами авиации.

27 августа в сражение была введена 2-я танковая армия. Но переброшенные сюда резервы противника снова оказали упорное сопротивление. Несмотря на то, что в этот день был взят г. Севск, развить успех в глубину не удалось.

В этот же день неожиданно для противника перешла в наступление 60-я армия. За сутки ей удалось прорвать главную полосу обороны и развить наступление ко второй полосе. С утра второго дня наступления командующий 60-й армией ввел в сражение свой второй эшелон—17-й гв. стрелковый корпус и переданный в его распоряжение 9-й танковый корпус. Несмотря на ограниченные возможности этих соединений, понесших потери еще в оборонительных боях, войскам 60-й армии удалось быстро прорвать вторую полосу обороны и вырваться на оперативный простор, где у противника уже не было резервов.

Командующий фронтом, используя успех 60-й армии, перегруппировал в ее полосу 13-ю, 2-ю танковую и 61-ю армии². За пять дней фронт прорыва был расширен до 100 км, глубина его достигла 60 км. Этот прорыв серьезно повлиял на группировку противника, оборонявшуюся перед Воронежским фронтом.

Опасаясь флангового удара в южном и юго-западном направлениях противник начал отвод войск перед Воронежским фронтом из района Сумы. В свою очередь продвижение Воронежского и Степного фронтов создало угрозу глубокого обхода сильной группировки противника в Донбассе, что позволило Южному и Юго-Западному фронтам осуществить быстрое его освобождение.

Рассмотренный пример осуществления прорыва силами 60-й армии, на наш взгляд, поучителен с двух сторон. Во-первых, он убедительно показывает, что в условиях существенного ослабления обороняющегося противника и растраты им оперативно-стратегических резервов прорыв позиционной обороны возможен значительно меньшими силами и средствами, чем это было необходимо в начале кампании, но при условии нанесения внезапного массированного удара на слабо обороняемом участке. Во-вторых, своевременное и быстрое перене-

¹ См.: ЦАМО, ф. 301, оп. 14950а, д. 4.

² См.: *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., Воениздат, 1968, с. 232.

сение основных усилий фронта с главного на вспомогательное направление, где обозначился успех, позволило развить прорыв в глубину и в стороны флангов до таких размеров, что он приобрел большое значение не только для фронта, но и для всего стратегического направления.

Определенный интерес с точки зрения прослеживания путей совершенствования искусства прорыва и творческого подхода к решению этой проблемы с учетом конкретно сложившихся условий обстановки представляют Запорожская и Киевская операции, проведенные на заключительном этапе летне-осенней кампании 1943 г.

Запорожский плацдарм протяженностью до 40 км по фронту и 18—20 км в глубину противник подготовил к обороне заблаговременно. Плацдарм опоясывался двумя оборонительными обводами (внешним и внутренним), оборудованными траншеями, колючей проволокой, многочисленными дзотами, особо прочными в каменных домах. Для укрытия личного состава противник построил много убежищ и использовал многочисленные катакомбы¹.

Для ликвидации плацдарма командование Юго-Западного фронта привлекло три армии, две из которых (12-я и 8-я гв.) наносили удар смежными флангами на участках шириной по 6 км каждый. Участок прорыва 3-й гв. армии составлял 8 км.

Недостаток сил не позволил фронту создать ни высоких плотностей войск, ни существенного превосходства над противником, который имел на плацдарме высокие плотности войск: 10—12 км на пехотную дивизию и 22 орудия, 5 танков на 1 км фронта обороны².

Наступление войск Юго-Западного фронта на Запорожье началось 10 октября после 40-минутной артиллерийской подготовки. За день напряженных боев войска всех трех армий продвинулись на 1—3 км.

На следующий день наступление возобновилось. 3-я и 8-я гв. армии успеха не имели, 12-я армия продвинулась на 3—5 км.

За два дня ограниченный запас боеприпасов истощился. Командующий 12-й армией решил предпринять ночную атаку. Она удалась. Было занято несколько важных высот 10 км северо-восточнее Запорожья³. Используя ее опыт, командование фронта решило предпринять в ночь на 13 октября наступление всеми тремя армиями.

На третий день наступления войска фронта предприняли сначала дезинформационное наступление. Начав атаки, они прекратили их уже в первой половине дня, создав впечатление, что наступление окончательно выдохлось. Но после корот-

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 590, д. 227, лл. 2, 3.

² Там же.

³ Там же, л. 14.

кого отдыха войска во второй половине ночи перешли в атаку по всему фронту. Сбитый с позиций противник начал беспорядочный отход. К утру войска фронта продвинулись на 5 км и прорвали внешний оборонительный обвод. За день армии продвинулись еще на 3 км. В ожидании отхода противника на внутренний обвод, проходивший по окраине города, войска фронта изготавились к штурму. В 22.00 13 октября, используя лунное освещение, они снова перешли в атаку на всем фронте и утром ворвались в город. К исходу 14 октября Запорожье было освобождено. Наступление было столь быстрым, что противник смог лишь частично взорвать плотину Днепрогеса¹.

Опыт прорыва в Запорожской операции представляет интерес тем, что здесь впервые в ходе Великой Отечественной войны прорыв обороны противника и его развитие осуществлялись войсками главной ударной группировки фронта в составе трех армий ночью. Это было новым в военном искусстве. До сих пор ночные действия не выходили за рамки соединений и лишь иногда армии (30-я армия в битве под Москвой начинала прорыв перед рассветом).

Успех был достигнут благодаря введению противника в заблуждение, хорошей подготовке войск к ночным действиям с использованием только что полученного опыта 12-й армии, а также решительным атакам, которыми был опрокинут фронт противника и начато его преследование.

Подготовка и осуществление прорыва обороны противника с лютежского плацдарма в Киевской наступательной операции примечательны тем, что здесь нашел творческое воплощение и дальнейшее развитие опыт прорыва, добытый советскими войсками в предыдущих наступательных операциях летне-осенней кампании 1943 г.

Замыслом операции предусматривалось нанесение двух армейских ударов с лютежского плацдарма в юго-западном направлении (схема 26). Прорыв 38-й армии намечалось осуществить на участке шириной 14 км, 60-й армии — 20 км.

3-я гв. танковая армия и 1-й гв. кавалерийский корпус составили подвижную группу, которой предстояло войти в прорыв на второй день операции.

38-я армия имела в своем составе четыре стрелковых корпуса и усиливалась 5-м танковым и 7-м артиллерийским корпусами. 60-я армия получила одну артиллерийскую дивизию и другие части усиления.

Перед нашими войсками оборонялось 12 пехотных и две танковые дивизии из 30 противостоящих 1-му Украинскому фронту, т. е. почти половина состава. Это позволило противнику иметь одну дивизию на 4—5 км и 18—40 орудий на 1 км

¹ ЦАМО, ф. 229, оп. 590, д. 227, лл. 16—25.

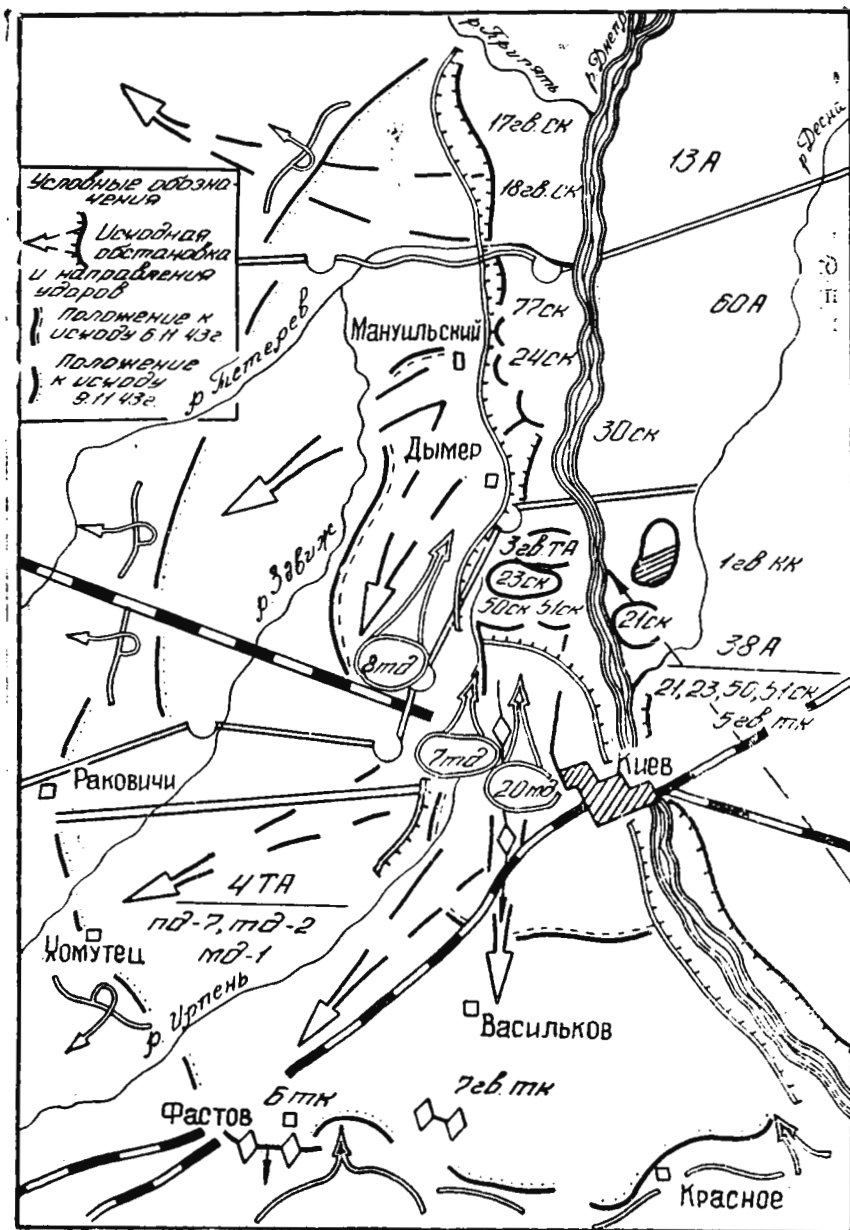

Схема 26. Прорыв в Киевской операции (ноябрь 1943 г.)

фронта обороны¹, которая представляла собой систему сильных опорных пунктов, соединенных траншеями. Глубина ее достигла 14—15 км.

Армии строились в два эшелона. В первом эшелоне 38-й армии предстояло наступать двум стрелковым корпусам, усиленным двумя танковыми бригадами танкового корпуса и отдельным танковым полком, во втором — также двумя стрелковыми корпусами. Кроме того, в армии создавалась подвижная группа из оставшихся сил 5-го танкового корпуса. Сильным первым эшелонем и армейской подвижной группой намечалось прорвать тактическую зону обороны, чтобы второй армейский эшелон и подвижную группу фронта можно было использовать для развития наступления в глубину.

В первом эшелоне 60-й армии наступало три стрелковых корпуса и стрелковая дивизия, во втором — две стрелковые дивизии и танковая бригада.

Для создания высоких плотностей войск командующие армиями пошли на предельно возможное сужение участков прорыва. В 38-й армии он составил 6 км, в 60-й — 13 км². На этих участках в первом оперативном эшелоне наступало по два стрелковых корпуса, которые поддерживала основная масса артиллерии. Это позволило создать в 38-й армии высокие плотности войск: 9 батальонов, 380 орудий и минометов, около 20 танков непосредственной поддержки пехоты (с учетом подвижной группы армии) на 1 км участка прорыва. Оперативная плотность танков достигла 70 танков и САУ³. На участке прорыва 50-го стрелкового корпуса плотности артиллерии составили 416 орудий и минометов на 1 км. «Такой высокой артиллерийской плотности не удавалось достичь ни в одной из ранее проведенных наступательных операций Великой Отечественной войны»⁴.

Плотности войск в 60-й армии оказались намного ниже. Если по пехоте они были почти равными, то по артиллерии на главном направлении составили всего 74 орудия и миномета на 1 км⁵. Общая плотность танков на главном направлении составила 10—12 танков на 1 км.

Наступление армий поддерживалось всеми силами 2-й воздушной армии.

Решительное массирование сил и средств позволило добиться превосходства над противником: по пехоте — в 3 раза,

¹ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943—1945 гг. М., «Наука», 1972, с. 156.

² Там же, с. 162.

³ В 38-й и 3-й гв. танковой армиях было около 430 танков и САУ. ЦАМО, ф. 315, оп. 4440, д. 80, лл. 113—114; История военного искусства, т. 2. М., ВАФ, 1961, с. 462.

⁴ Гречко А. А. В боях за столицу Украины. «Военно-исторический журнал», 1963, № 11, с. 9.

⁵ ЦАМО, ф. 417, оп. 10591, д. 4, лл. 208, 209.

по артиллерии — в 4,5 раза, по танкам — в 9 раз¹, несмотря на то, что против 38-й и 60-й армий плотности обороняющихся войск противника были очень высокими.

Немаловажное значение имело достижение внезапности. Прорыв готовился со строгим соблюдением мер маскировки. 27-я и 40-я армии накануне должны были нанести удар с букринского плацдарма и тем самым привлечь к себе внимание и сковать силы противника. Очень искусно была осуществлена перегруппировка 3-й гв. танковой армии, 7-го артиллерийского корпуса прорыва, 3-й гв. минометной дивизии, 23-го стрелкового корпуса и других соединений и частей с букринского на лютежский плацдарм, обеспечившая внезапность удара.

Прорыв обороны противника начался 3 ноября мощной артиллерийской подготовкой, продолжавшейся 40 минут. Из-за густого тумана авиационная подготовка не проводилась. Эффективность артиллерийской подготовки была столь высокая, что, по определению командующего 38-й армией генерала (ныне Маршала Советского Союза) К. С. Москаленко, оборона противника была буквально сметена. Пехота и танки беспрепятственно продвинулись на глубину 2 км. Из многочисленной артиллерии противника огонь смогли открыть лишь отдельные батареи.

Противник, увидев возникшую угрозу прорыва наших войск к Киеву, до которого было всего 10 км, начал спешно подтягивать к участку прорыва свои резервы. Во второй половине дня перед фронтом 60-й армии появилась 8-я танковая дивизия, а в полосе 38-й армии — 7-я танковая и 20-я моторизованная дивизии. Это задержало наступление армии. Но все же к исходу дня войска продвинулись на глубину 7—12 км.

Ставка Верховного Главнокомандования в 20.30 3 ноября потребовала начать операцию «не затягивать, т. к. каждый лишний день дает только преимущество противнику, позволяя ему сосредотачивать сюда свои силы, пользуясь хорошими дорогами, тогда как у нас разрушенные противником дороги затрудняют и ограничивают маневр»². Ставка приказывала перерезать дороги, ведущие к Киеву, и не позднее 5—6 ноября овладеть г. Киев. «Решая эту задачу, пойти на жертвы, имея в виду, что эти жертвы будут во много раз меньше тех, которые придется затратить, если операция затянется»³.

В 10.00 4 ноября войска фронта возобновили наступление. Противник встретил войска 38-й армии контратаками. Ввод

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 382—383; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 291; «Военно-исторический журнал», 1968, № 10, с. 120; 1963, № 11, с. 9.

² ЦАМО, ф. 132-А, оп. 2642, д. 34, л. 273.

³ Там же, л. 274.

подвижной группы армии, а затем 3-й гв. танковой армии позволил создать перелом в ходе прорыва и продвинуться на глубину от 3 до 5—6 км.

Прорыв был завершен ночью, когда 3-я гв. танковая армия, поддержанная соединениями 38-й армии, перешла в наступление с зажженными фарами¹. Это ошеломило врага, он начал поспешно отступать. Развивая успех, соединения армий перерезали житомирское шоссе, что предредило быстрое освобождение Киева.

5 ноября завершила прорыв и 60-я армия. На следующий день был освобожден г. Киев. К концу операции войска 1-го Украинского фронта продвинулись на 150 км.

Таким образом, решительное массирование сил и средств на узких участках, позволившее создать высокие плотности войск, хорошая оперативная маскировка, надежное огневое поражение противника, последовательное наращивание усилий и развитие прорыва ночью с использованием неожиданного для противника приема обеспечили прорыв очень прочной обороны, плотно насыщенной войсками и боевыми средствами.

Крах принципов прорыва немецко-фашистского командования

Если для Советской Армии лето 1943 г. явилось временем новых побед и взлета военной мысли, обеспечившей рациональное применение в операциях созданного страной вооружения и боевой техники, то для немецко-фашистской армии оно оказалось последним, когда она попыталась решить множество политических и военных проблем и потерпело сокрушительное поражение. Немалую роль в этом сыграл тупик, в который зашло военное искусство гитлеровского командования, в том числе и взгляды на планирование и ведение прорыва. Все это проявилось в генеральной операции «Цитадель», проведенной в тех же районах, где советские войска летом 1943 г. нанесли противнику сокрушительное поражение.

Принципы прорыва гитлеровского командования, оттолкнувшись в 30-е годы от взглядов Эймансбергера, прошли определенный путь развития. В основе их лежали концепции о молниеносной войне: разгром поочередно противостоящих государств последовательными ударами; решение исхода войны с определенным государством в свою пользу в кратчайшие сроки, в ходе первой и единственной кампании; сосредоточе-

¹ Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943—1945 гг. М., Воениздат, 1972, с. 173.

ние основных усилий для достижения сокрушительной мощи первого удара; обеспечение внезапности. Последние два принципа были основополагающими для осуществления прорыва.

Планируя войну против Советского Союза, гитлеровское командование поставило в первый стратегический эшелон 168 из 190 дивизий, чтобы одним ударом уничтожить «основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в Западной России»¹ и тем самым получить свободу для широких маневренных действий. В резерве главного командования оставалось только 24 пехотные, 2 моторизованные и 2 танковые дивизии.

Исходя из этого принципа, было предусмотрено одноэшелонное построение групп армий². В их резерве находилось всего по одной дивизии и лишь в группе армий «Север» — 3 пехотные и 3 охранные дивизии. Только в ходе операции намечалось усилить группы армий 2—6 дивизиями.

Оперативное построение полевых армий предусматривалось одно-двухэшелонным. Так, 9-я армия группы армий «Центр» не имела второго эшелона, а резерв ее состоял всего из двух охранных дивизий. Во втором эшелоне 4-й армии находился 13-й армейский корпус, состоящий из двух пехотных дивизий.

В целях придания первому эшелону максимальной ударной силы немецко-фашистское командование включило в него 90% танковых и моторизованных дивизий. В их использовании как в начале, так и в ходе войны действовал догмат, сформулированный отцом бронетанковых сил Германии Г. Гудерианом: «...Бронированные моторы могут донести наше оружие к месту расположения противника без предварительной артиллерийской подготовки, если только будут соблюдены следующие важнейшие условия: движение по удобной местности, внезапность, массированное использование танков»³.

К началу войны с Советским Союзом в германской армии взял верх взгляд, по которому танковые группы в операциях должны действовать самостоятельно⁴, образуя в оперативном построении групп армий танковые клинья. Этот взгляд нашел воплощение в планах операций групп армий «Центр» и «Север». 2, 3 и 4-я танковые группы вошли в состав первого эшелона и имели самостоятельные задачи и полосы наступления. Лишь 1-й танковой группе предстояло действовать совместно с 6-й полевой армией.

Для достижения решительного превосходства на направлениях главного удара выделялось до 70% войск объединений, что позволяло создать следующие плотности войск: в среднем 3—4 батальона, 50 орудий и 15 танков на направлении главного удара группы армий. В танковых группах плотности на

¹ Weisung 21, Hubatsch, Ibidem.

² См.: Вторая мировая война, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 20, 23.

³ Цит. по кн.: Соловьев Б. Г. Вермахт на пути к гибели. М., 1973, с. 71.

⁴ См.: Прозктор Д. М. Агрессия и катастрофа. М., «Наука», 1972, с. 248.

направлениях главных ударов достигали 170—200 танков и 45—50 орудий. Лишь на отдельных участках плотность артиллерии поднималась до 90—112 орудий на 1 км фронта прорыва.

В условиях, когда советские войска не изготовились к отражению агрессии, подобные плотности войск, принцип использования бронетанковых соединений, испытанный на Западе, соответствовали сложившимся условиям обстановки. Гитлеровские войска, перейдя в наступление после артиллерийской подготовки или без нее, смогли вклиниться в расположение наших войск и затем развить удар в глубину. Там же, где наши войска успели занять оборону, продвижение было медленным. Таким оно оказалось в полосах обороны 125-й стрелковой дивизии в районе шоссе Таураге—Шауляй и 41-й стрелковой дивизии под Рава-Русская¹.

В сентябре—октябре немецко-фашистским войскам танковыми ударами удалось прорвать оборону Юго-Западного, затем Западного фронтов, ибо она еще не обрела необходимой устойчивости, строилась неглубокой, у войск не доставало средств борьбы с танками, а прибывшие из глубины страны соединения не имели боевого опыта. Но уже в ноябрьском наступлении на Москву, когда наши войска сумели создать глубокую противотанковую оборону, 3-й и 4-й танковым группам, наступавшим в обход Москвы с северо-запада, не удалось вырваться на оперативный простор.

Несколько успешнее действовала 2-я танковая армия противника к югу от Москвы, но и ее в районе Тулы задержали советские войска.

Неудача наступления на Москву не заставила гитлеровское командование летом 1942 г. внести какие-либо существенные изменения в методы ведения прорыва. Танковые армии и корпуса по-прежнему составляли основную силу ударных группировок и наступали в первом оперативном эшелоне при поддержке главным образом авиации. Так, при прорыве нашей обороны в конце июня — начале июля западнее и юго-западнее Воронежа 4-я танковая армия составляла бронированный клин армейской группы «Вейхс», а 40-й танковый корпус — 6-й полевой армии, прорывавшей оборону восточнее Белгорода.

Хотя танковым корпусам противника удалось прорвать нашу оборону, однако темпы прорыва оказались в два раза ниже, чем летом 1941 г. Отметим, что после неудачного для нас исхода Харьковской наступательной операции наша оборона на южном крыле не обладала достаточной оперативной устойчивостью. К тому же командование Брянского фронта

¹ См.: Артиллерия в боевых примерах. М., ВАФ, 1967, с. 60; Анфилов В. А. Начало Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1962, с. 156.

допустило крупные ошибки в применении своих бронетанковых соединений, которые в состоянии были закрыть созданную противником брешь. Медленные темпы прорыва не позволили ни 4-й танковой армии, ни 40-му танковому корпусу на первом этапе операции плотно замкнуть кольцо окружения вокруг 40-й и 21-й, а затем 38-й и 9-й наших армий, которые с боями отошли на восток и юг.

Прорыв 1-й танковой армии немцев был осуществлен в условиях начавшегося отхода войск Южного фронта. Однако и ей не удалось отсечь его левое крыло.

Таким образом, выполнение танковыми войсками летом 1942 г. двух оперативных задач — прорыва обороны и развития успеха в оперативную глубину не позволило немецко-фашистскому командованию добиться тех результатов, какие оно намечало при планировании начальных операций.

Последний успешный прорыв немецко-фашистским войскам удалось осуществить в феврале 1943 г. Перебросив крупные силы из Франции и других участков фронта к юго-западу от Харькова, оно 19 февраля нанесло три танковых концентрических удара, стремясь окружить вырвавшиеся на подступы к Днепропетровску войска правого крыла Юго-Западного фронта. За пять дней ведения прорыва линии, совершенно не подготовленной к обороне, им удалось продвинуться на 50—70 км. Средний темп составил 10—12 км в сутки. В силу этого противник не смог окружить основные силы нашей 6-й армии и создать оперативную брешь, через которую можно было бы развить быстрое наступление в глубину. Операция приняла затяжной для германских танковых корпусов характер. С 23 февраля по 3 марта они прошли около 100—120 км. Наши войска закрепились на р. Сев. Донец. Реванш за Сталинград противнику взять не удалось.

В оперативной паузе, образовавшейся между зимней и летне-осенней кампаниями 1943 г., верховное и оперативное командование фашистской Германии имело возможность тщательно проанализировать опыт осуществления прорыва. Обнаружилось немало симптомов, говорящих о том, что старый, испытанный метод уже не отвечает коренным образом изменившимся условиям вооруженной борьбы. Возросли мощь Советской Армии, боевой опыт командных кадров. Советское командование быстро наращивало силы на решающем стратегическом направлении, возрастали плотности войск. Оборона из неглубокой и очаговой быстро развивалась в позиционную и многополосную. Прорыв такой обороны, как показал еще опыт первой мировой войны, требует мощного огневого поражения, создания не только сильного первоначального удара, но и специальных оперативных эшелонов для развития наступления в глубину и борьбы с оперативными резервами. Однако ход и исход летне-осенней кампании 1943 г. показали,

что, планируя операцию «Цитадель», немецко-фашистский генералитет не внес в применявшийся способ прорыва принципиально новых положений.

На операцию «Цитадель» немецко-фашистское командование возлагало очень большие надежды. Добившись победы на Курской дуге, оно вторично намеревалось взять реванш за Сталинград и тем самым укрепить моральный дух немецкого народа, произвести благоприятное впечатление на мировое общественное мнение, внушить немецким солдатам и союзникам веру в конечную победу, вынудить нейтральные страны соблюдать осторожность и сдержанность.

Прорывом центра советского фронта намечалось перехватить стратегическую инициативу на все лето 1943 г., вывести Германию из кризисной ситуации, разрубить туго затянувшийся узел целей и возможностей, а в конечном итоге изменить ход борьбы в свою пользу по меньшей мере с удержанием продовольственной базы и земель Украины, руды, угля и металлургии Донбасса, господство на Черном море и на Балтике, самых богатых областей восточного пространства, т. е. главного, ради чего гитлеровский райх начинал войну против СССР.

Огромные и многочисленные цели, которые были поставлены перед операцией «Цитадель», заставили немецко-фашистское командование вложить в нее все лучшее: «лучшие соединения, наилучшее оружие, лучших командиров и большое количество боеприпасов», как писал Гитлер в приказе № 6¹.

Надо полагать, что для осуществления прорыва было применено все лучшее, чем располагали военные умы Германии.

Замысел операции «Цитадель» состоял в том, чтобы двумя мощными ударными группировками прорвать оборону у основания курского выступа и, соединившись в районе Курска, окружить и разгромить основные силы Центрального и Воронежского фронтов. В последующем намечалось осуществить операцию «Пантера» в целях разгрома войск Юго-Западного фронта.

Из 12 армий, которыми располагало гитлеровское руководство на восточном фронте, к участию в операции «Цитадель» привлекались три в составе 46 дивизий, из них 30 пехотных, 14 танковых, 2 моторизованных, а также 2 танковые бригады, 3 отдельных танковых батальона и 8 дивизионов штурмовых орудий. Это составило более 20% пехотных, 70% танковых и до 30% моторизованных дивизий от общего количества дивизий, которыми располагал противник на советско-германском фронте². В группировки, которым предстояло осуществить

¹ Цит. по кн.: *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., «Наука», 1973, с. 410.

² См.: *История второй мировой войны. 1939—1945*, т. 7. М., Воениздат, 1976, с. 136—137.

прорыв, вошли все танковые и моторизованные дивизии, а также 14 пехотных. Их наступление намечалось поддерживать 2 тыс. самолетов и 10 тыс. орудий и минометов, что составляло 66% боевой авиации и 18% артиллерии, имевшихся у противника на восточном фронте.

Все это говорит о том, что гитлеровское руководство в ударные группировки сосредоточило максимально возможное количество сил. Правда, степень сосредоточения пехотных дивизий, особенно артиллерии, нельзя признать высокой. Это объясняется двумя причинами. Советское Верховное Главнокомандование на ряде направлений создало угрозу проведения крупных наступательных операций, что ограничило возможности гитлеровского командования по переброске к курскому выступу большего количества дивизий. Германский генеральный штаб и генералы надеялись осуществить прорыв в основном танковыми корпусами при массивной поддержке авиации, артиллерию они по-прежнему недооценивали. В немецко-фашистской армии ее было в 1,9 раза меньше, чем в советской. Особенно малочисленной оказалась артиллерия резерва главного командования, что ограничивало проведение оперативных маневров и массирование артиллерии на направлениях ударов.

Северная ударная группировка была создана из соединений 9-й армии, входившей в группу армий «Центр» (схема 27). Она включала 6 танковых, моторизованную и 8 пехотных дивизий. В их составе вместе с приданными частями насчитывалось около 1200 танков и штурмовых орудий, 3500 орудий и минометов. В 6-м воздушном флоте, который нацеливался на ее поддержку, имелось 700 самолетов¹. Ударная группировка 9-й армии разворачивалась на фронте 40 км. Группа армий «Юг» создавала две ударные группировки: к северо-западу от Белгорода из войск 4-й танковой армии, а южнее Белгорода из армейской группы «Кемпф». В составе ударной группировки 4-й танковой армии имелось пять танковых, моторизованная и пять пехотных дивизий, в которой насчитывалось около 1700 орудий и минометов, 1100 танков и штурмовых орудий. Ей предстояло осуществить прорыв на участке немногим более 40 км (схема 28).

В ударную группировку армейской группы «Кемпф» входили три танковые и три пехотные дивизии, в которых было около 400 танков и штурмовых орудий, 800 орудий и минометов. Группировка разворачивалась на фронте около 25 км.

Обращает на себя внимание приверженность германского командования к определенной ширине участка прорыва ударной группировки армии — около 40 км. Впервые на таком уча-

¹ См.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., «Наука», 1973, с. 395.

19712
1042

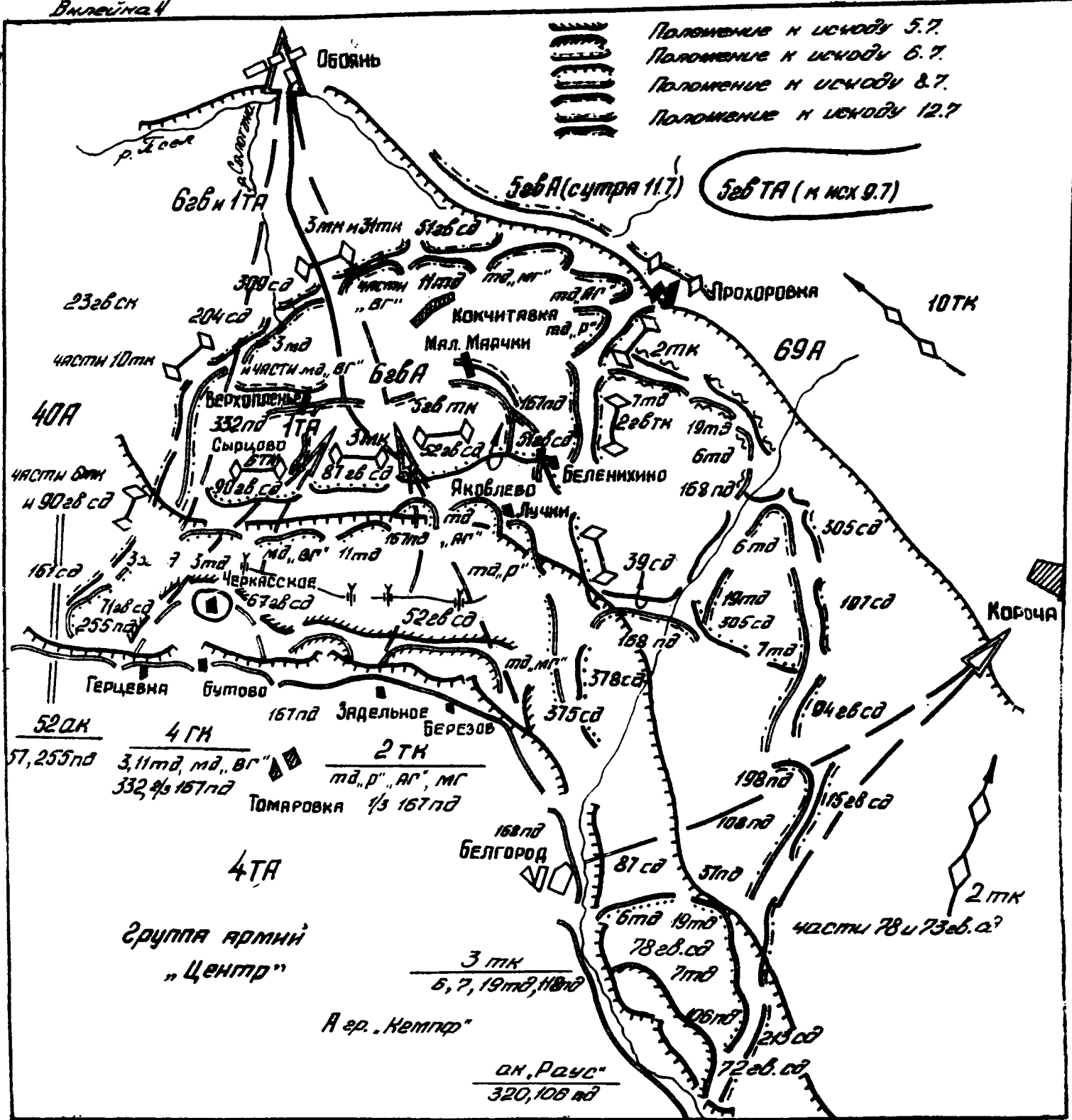

Схема 28. Форма оперативного прорыва в группы армий "Юг" и его ведение в операции "Цитадель"

тке осуществлялся прорыв в 1914 г. под Горлицей (горлиций прорыв). Его успех привел к тому, что примерно такая величина участка прорыва определялась и в последующих операциях германских войск.

В межвоенные годы ширина участка прорыва 30—40 км считалась наиболее целесообразной.

В первый период второй мировой войны и в начале нападения на СССР ударные группировки осуществляли прорыв примерно на таких же участках (табл. 14).

Таблица 14

**Ширина полос и участков прорыва
в кампаниях первого периода второй мировой войны
и по плану «Барбаросса»**

Группировки	Полоса наступления (км)	Участок прорыва (км)
Германо-польская война		
Группа армий «Юг», 10-я армия	110	30
Война на Западе		
Группа армий «А», танковая группа «Клейта»	60	35
По плану «Барбаросса»		
Группа армий «Север», 16-я армия и 4-я танковая группа	195	45
Группа армий «Центр», 4-я армия и 2-я танковая группа	220	55
9-я армия и 3-я танковая группа	200	50

Данные таблицы показывают, что на протяжении четырех лет войны взгляд на ширину участка прорыва, по существу, не изменился. В основу его величины брались два фактора — непростреливаемость участка прорыва огнем с флангов и в некоторой степени трудность закрытия его ближайшими оперативными резервами. Многочисленные операции Великой Отечественной войны уже достаточно отчетливо определили, что успех прорыва в первую очередь зависел от надежного огневого поражения и взлома обороны противника, что требовало определенной суммы огня артиллерии и авиации. При мелкой организации контрбатареинной борьбы ширина участка прорыва может быть значительно уже суммы двух дальностей стрельбы наиболее многочисленной артиллерии обороняющегося.

Огневые средства, которые были выделены в ударные группировки, не обеспечивали высокой степени огневого поражения на участках прорыва, достигавших 40 км и более.

Ударная группировка 9-й армии располагала 350 орудиями и минометами, что позволяло ей создать плотности 87 стволов на 1 км фронта. Однако тактическая плотность артиллерии, т. е. той артиллерии, которая могла быть привлечена к артиллерийской подготовке, составила только 52 и лишь на главном направлении до 114 орудий и минометов на 1 км участка прорыва¹. При часовой артиллерийской подготовке при таких плотностях можно было поразить не более 7—10% целей, или в три раза меньше целей, чем советская артиллерия, которая создавала плотности 150—200 орудий и минометов на 1 км.

Большие надежды командование группы армий «Центр» по-прежнему возлагало на авиацию. Но из имеющихся 700 самолетов оно могло привлечь к бомбовым ударам 60—65%, или 450 бомбардировщиков и штурмовиков, что увеличивало общую сумму огня не более чем на 10—15%. При этом они могли поразить только те цели, которые располагались на третьей позиции и во второй полосе обороны. Наступающие войска в благоприятных условиях могли подойти к ним через 5—8 часов. За это время подвергшиеся бомбовым ударам войска могли ликвидировать последствия, а психологический эффект огневого воздействия с воздуха в значительной мере уменьшался.

В группе армий «Юг» степень огневого поражения оказалась еще ниже, ибо средняя плотность артиллерии не превышала 40 и на направлении главного удара поднималась до 70—80 орудий и минометов на 1 км участка прорыва. Артиллерийская подготовка предусматривалась продолжительностью всего 30 минут.

Правда, группа армий «Юг» располагала 1100 самолетами. Но и они не могли существенно поднять плотность огневого поражения.

Из сказанного следует, что средства, выделенные гитлеровским руководством для огневого поражения, явно не соответствовали новому, позиционному типу обороны.

Слабое огневое поражение обороны требовало создания очень высокого превосходства наступающих войск над обороняющимися. Но и эта закономерность немецко-фашистским командованием не была соблюдена. На участках прорыва по пехоте и артиллерии ему не удалось создать даже минимально необходимого — тройного превосходства над обороняющимися.

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 222; Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М., Воениздат, 1960, с. 753.

Лишь высокие тактические плотности танков, ввод в сражение большого числа тяжелых танков создавали некоторые предпосылки для осуществления тактического прорыва. Так, в 48-м танковом корпусе насчитывалось 520 танков, из них Т-5 «Пантера» — 200, Т-6 «Тигр» — 14, штурмовых орудий «Фердинанд» — 48¹, или 52% от их общей численности.

В составе 9-й армии имелось около 1200 танков, из них значительное количество тяжелых, что позволяло иметь оперативную плотность 25 танков на 1 км участка прорыва. На направлении основного танкового клина в полосе наступления 47-го танкового корпуса шириной около 7 км она поднималась до 55 танков на 1 км. В полосе 41-го танкового корпуса, имевшего всего одну танковую дивизию (18-ю), два дивизиона штурмовых орудий и дивизион самоходных гаубиц (всего около 260 бронеединиц), плотность танков составляла 18—19 единиц на 1 км. При вводе в сражение оперативной группы «Эзбек» (резерва 9-й армии и группы армий «Центр») оперативная плотность могла быть 47 танков на 1 км фронта². Даже столь высокие плотности оказались недостаточными для того, чтобы добиться заметного оперативного превосходства по танкам над войсками Центрального фронта, который имел в своем резерве четыре танковых корпуса. А это значит, что при таких плотностях танков группа армий «Центр» в условиях, когда советские войска приобрели большой боевой опыт, не имела перспектив протаранить оборону Центрального фронта на всю оперативную глубину.

Следует отметить особенность применения танковых сил в группе армий «Центр». Из пяти танковых дивизий в первый эшелон была поставлена только одна — 20-я танковая дивизия 47-го танкового корпуса. Пехотные дивизии, наступавшие в первом эшелоне, усиливались танками и штурмовыми орудиями из егерских и танковых дивизионов.

Во втором эшелоне 47-го танкового корпуса находились две танковые дивизии — 2-я и 9-я, в 41-м — 18-я танковая дивизия. Иначе говоря, в этой армии мы видим наш, зимы 1942/43 г., принцип построения танковых войск с рудименторным остатком в виде одного танкового клина, создаваемого за счет 20-й танковой дивизии. Правда, в группе армий «Центр» еще имелась группа «Эзбек». Однако использовать ее предусматривалось как обычный резерв, поддивизионно в зависимости от хода операции, а не как целостный эшелон развития прорыва.

В группе армий «Юг» придерживались чисто германского метода использования танковых соединений. Правда, Ман-

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 208.

² Расчет составлен на основании данных книги: Дашичев В. И. «Банкротство стратегии германского фашизма», т. 2. М., «Наука», 1973, с. 395.

штейн объясняет это тем, что ОКХ для прорыва не дало дополнительно пехотных дивизий¹. Но факт остается фактом. В первый оперативный эшелон были включены все три танковых корпуса: два — в 4-й танковой армии, один — в армейской группе «Кемпф».

В резерве оставался лишь 24-й танковый корпус в составе 202 танков². Но он не предназначался для участия в операции «Цитадель», а должен был быть готовым к парированию ударов наших Южного и Юго-Западного фронтов. Таким образом, для удара с юга привлекались три танковых корпуса: 48-й — 520 танков и штурмовых орудий, 2-й СС — 422 танка и штурмовых орудия и в группе «Кемпф» 3-й — 310 танков и штурмовых орудий. Всего 1252 танка и штурмовых орудия³.

На участке прорыва 4-й танковой армии — высоты северо-западнее Белгорода, Коровино — шириной 38 км, оперативная плотность составила 25 танков на 1 км фронта. Эту плотность также нельзя признать достаточной для проведения глубокой операции, ибо Воронежский фронт имел в своем резерве 1-ю танковую армию и два танковых корпуса и мог быть усилен за счет резервов Ставки.

Тактические плотности танков оказались намного выше. Это объясняется примененным способом прорыва. В 4-й танковой армии танковые корпуса должны были осуществлять прорыв на самостоятельных участках. Наступавший справа 2-й танковый корпус СС имел полосу наступления шириной около 25 км, а участок прорыва Березово, Задельное⁴ — шириной всего 5 км. На нем сосредоточивались усилия двух танковых дивизий. Одна дивизия, эшелонированная уступом вправо, имела задачу овладеть дорогой Белгород—Яковлево⁵.

48-й танковый корпус имел полосу наступления 13 км. Его основные усилия при прорыве первой полосы сосредоточивались на участке Бутово, Герцевка шириной 7 км. Тактическую связь между ними и обеспечение их флангов осуществляла 167-я пехотная дивизия, которой предстояло наступать в полосе шириной около 14 км.

Оба танковых корпуса должны были соединиться в районе Покровки и, быстро уничтожив 52-ю и 67-ю гвардейские стрелковые дивизии 6-й гв. армии, образовать единый участок прорыва шириной около 30 км⁶.

¹ См.: Манштейн Э. Утерянные победы. М., Воениздат, 1957, с. 435.

² См.: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., «Наука», 1973, с. 395.

³ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 208—209.

⁴ Приказ по 4-й армии от 28 июня 1943 г. Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма, т. 2. М., «Наука», 1973, с. 419.

⁵ Там же.

⁶ Анализ проведен на основе приказа по 4-й танковой армии от 28 июня 1943 г.

Прорыв обороны танковыми клиньями позволял противнику на участках прорыва создать высокие плотности — 50—55 танков и штурмовых орудий на 1 км участка прорыва. Если учесть, что тяжелые танки составляли 30—50%, их огневые и защитные возможности были в 2—3 раза выше, чем у танков Т-3 и Т-4, а для борьбы с ними у наших войск еще не хватало мощных противотанковых средств, то плотности танков на участках прорыва обоих корпусов увеличатся до 75 танков и штурмовых орудий на 1 км.

3-й танковый корпус группы «Кемпф» также имел самостоятельный участок прорыва шириной 10 км, отделенный от участка 2-го танкового корпуса СС полосой 10 км, в которой предстояло действовать 168-й пехотной дивизии. Имевшимися танками он создавал плотность 31 машина, из них 4—5 «тигров», на 1 км участка прорыва. С их учетом наивысшая плотность могла достичь 35 танков на 1 км фронта.

Произведенный расчет показывает, что в 4-й танковой армии танковые клинья обладали очень высокой пробивной способностью. Однако это имело и существеннейшие недостатки. Три клина имели шесть флангов. Для того, чтобы подавить на них силы обороняющегося, особенно многочисленную артиллерию, требовалось значительное количество крупнокалиберной артиллерии, что снижало и без того невысокую ее плотность на участках прорыва.

Клинья на 1/3—1/4 их ширины простреливались наиболее уязвимым фланговым противотанковым огнем обороны. А это означало, что свободное пространство для движения в глубину составляло всего 3,5—5,5 км. Для закрытия его противотанковым огнем с плотностью 10—15 орудий и танков на 1 км требовалось 2—3 истребительно-противотанковых и танко-самоходных полка.

6-я гв. армия, оборонявшаяся на направлении наступления 4-й танковой армии, имела две противотанковые бригады и два полка (всего 6 полков), две танковые бригады и два танковых полка¹. При использовании половины противотанковых средств она могла не только закрыть на значительное время, но и окаймить создаваемую противником брешь, что, несомненно, затруднило бы противнику быстрое развитие наступления в глубину и в стороны флангов. Кроме сил 6-й армии на направление удара 4-й танковой армии противника уже в первый день боев или к утру следующего дня могли подойти противотанковые и танковые резервы фронта. Естественно, это не могло не привести к затяжному ходу прорыва.

Самый существенный недостаток прорыва обороны танко-

¹ См.: Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 228, схема 20; Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. 2. М., Воениздат, 1961, с. 157.

выми клиньями состоял в том, что успех пролома обороны командование группы армий «Юг» стремилось достичь в основном средствами и способами тактики (изолированные удары танковыми корпусами, узкие участки их прорыва, развитие успеха частями — все это в основном тактика).

Применение артиллерии, действия которой планировались в корпусном звене, тоже не выходило за пределы тактики. Лишь авиация использовалась оперативно, в масштабе группы армий. Но ее возможности по непрерывному поражению обороняющихся войск были слишком ограниченными, чтобы непрерывно обеспечивать наступление войск в ходе прорыва.

Что же показали боевые действия?

Несмотря на огромные усилия, немецко-фашистскому командованию не удалось добиться важнейшего, как оно считало, фактора — внезапности перехода в наступление. Узнав о времени начала атаки противника, командование Центрального фронта провело контрподготовку по войскам 9-й армии на фронте Глазуново, Верхнее Тагино¹, т. е. по основным силам 41-го и 47-го танковых корпусов. С началом артиллерийской подготовки противника она была повторена на всем запланированном фронте, т. е. от Верхнего Тагино до Красной Слободы. Теперь в ней приняли участие 967 орудий и минометов². Кроме 47-го и 41-го танковых корпусов огневому давлению подвергся 23-й армейский корпус. Огневymi ударами удалось дезорганизовать управление противника, ослабить его артиллерийскую подготовку и в некоторой степени нанести поражение живой силе, занявшей исходное положение для наступления. В связи с этим наступление 41-го танкового и 23-го армейского корпусов началось в 4.30, т. е. на час позже запланированного времени и только в 7.30 к ним присоединился 47-й танковый корпус³. Для проделывания проходов в минных полях противник использовал телеуправляемые самоподрывающиеся танкетки «Голиаф».

Первую атаку пехоты и танков противника, поддержанную 100 танками и штурмовыми орудиями на стыке 13-й и 48-й армий, советские войска отбили. Лишь на фронте Согласный, станция Малоархангельск к 6.00 противнику удалось овладеть отдельными участками нашего переднего края, но от огня артиллерии, противотанковых орудий и стрелкового оружия его атакующие подразделения понесли большие потери и под угрозой уничтожения были вынуждены отойти в исходное положение.

В 7.30 началось наступление немецко-фашистских войск на

¹ См.: Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны. М., Воениздат, 1961, кн. 2, с. 177—178.

² См.: Там же, с. 178, схема 21.

³ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966. s. 246—247 (время московское).

всем фронте от Красной Слободы до Морозихи. Основные усилия авиации группа армий «Центр» сосредоточила в полосе наступления 47-го танкового корпуса. Однако уже через несколько часов наступления выяснилось, что ее возможностей не хватает для подавления многочисленной артиллерии обороняющегося¹. Поэтому наступление даже 47-го танкового корпуса — основного клина ударной группировки 9-й армии противника проходило медленно. Еще труднее оно шло в районах станции Малоархангельск, Никольское 1-е, Озерки, Турейка. К исходу первого дня наступления 23-й армейский корпус силами 216-й и 383-й пехотных дивизий смог продвинуться до 2—2,5 км и лишь 78-й штурмовой дивизией на узком участке до 3 км.

41-й танковый корпус, в первом эшелоне которого наступали две пехотные дивизии, заметного успеха добился только в центре, где его 86-я пехотная дивизия, поддержанная танками и штурмовыми орудиями, узким клином пробилась к лесу южнее Сокольники и обошла 676-й стрелковый полк 15-й стрелковой дивизии с востока и юго-востока.

Наибольшего успеха достиг 47-й танковый корпус, у которого боевые порядки оказались наиболее плотными. К исходу дня он прорвал главную полосу обороны и во взаимодействии с частями 41-го танкового корпуса окружил 676-й стрелковый полк. Однако, заняв круговую оборону, стрелковый полк продолжал удерживать занимаемый район, нанося наступающим войскам противника значительные потери². Ночью полк неожиданным ударом разорвал кольцо окружения и отошел на рубеж обороны главных сил дивизии.

46-й танковый корпус продвинулся только на стыке с 47-м танковым корпусом.

Как отмечает Эрнст Клинк в своем труде «Операция «Цитатель», командование 9-й армии в основном было удовлетворено результатами первого дня наступления. Однако, на наш взгляд, бои этого дня показали, что первый эшелон советских войск оказал дивизиям противника очень сильное сопротивление, предприняв несколько контратак. Во второй половине дня командующие армиями и фронтом на угрожаемые направления смогли выдвинуть сильные противотанковые и танковые резервы: на стык 48-й и 13-й армий — 13-ю истребительно-противотанковую бригаду, в полосу 81-й стрелковой дивизии — 27-й танковый полк, 129-ю танковую бригаду с 1442-м самоходно-артиллерийским полком (более 80 бронеединиц). Кроме того, в полосе 13-й армии развернулся 86-й гв. минометный полк. В полосу 15-й стрелковой дивизии командующий 13-й армией выдвинул 237-й танковый, а также 1441-й и 1541-й са-

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 246—247 (время московское).

² См.: Там же, с. 246.

моходно-артиллерийские полки. Это позволило закрепить позиции, на которые были вынуждены отойти части дивизий и приостановить наступление войск противника. Безостановочный прорыв не получился, что явилось первым симптомом кризиса прорыва, начатого 9-й армией.

Командующий Центральным фронтом генерал К. К. Рокоссовский, вскрыв направление главного удара противника — в полосе 13-й армии на Ольховатку, переподчинил 13-й армии 1-ю, 13-ю истребительно-противотанковые бригады, 21-ю отдельную минометную бригаду¹ и принял решение нанести 6 июля по вклинившемуся противнику контрудар к северу от Ольховатки силами 17-го гв. стрелкового, 16-го и 19-го танковых корпусов. К обеспечению контрудара привлекалось значительное количество артиллерии 13-й и 70-й армий². Все эти силы накрепко закрыли наметившуюся было брешь в обороне.

Командование противника, довольное итогами, не заметило возникшего в ходе прорыва кризиса. На 6 июля были поставлены следующие задачи. 23-му армейскому корпусу с 78-й штурмовой дивизией в тесном взаимодействии с 41-м танковым корпусом продолжать наступление на правом фланге; 216-й и 383-й пехотным дивизиям привести себя в порядок и создать резервы; 41-му танковому корпусу с рассветом продолжить наступление на юго-восток, нанося основной удар правым флангом, окончательно прорвать оборону противника и овладеть высотами по обе стороны Поныри. Для этого в бой вводилась 18-я танковая дивизия, а 86-я пехотная дивизия усиливалась полком штурмовых орудий.

47-й танковый корпус, используя мощь всей авиации и введя в бой 2-ю и 9-ю танковые дивизии, должен был прорвать вторую полосу обороны и овладеть высотами по обе стороны Ольховатки.

46-му танковому корпусу ставилась ограниченная задача — прорвать вторую полосу обороны только на участке, примыкающем к 47-му танковому корпусу³.

Приказ командующего 9-й армией на 6 июля говорит о том, что участок прорыва вместо необходимого для развития операции расширения сужается в результате перехода к обороне 383-й и 216-й дивизий на левом фланге и ограничения задач правофланговым дивизиям 46-го танкового корпуса. Решающего успеха командующий намеревался достичь в центре, где вводится второй эшелон 47-го и 41-го танковых корпусов — три танковые дивизии.

¹ Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. 2. М., Воениздат, 1961, с. 184.

² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 240.

³ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 247—248.

Контрудар, нанесенный командующим Центральным фронтом силами 17-го гв. стрелкового и 16-го танкового корпусов утром 6 июля, спутал намерения противника. С утра на Поньри ему удалось ввести в сражение только 18-ю танковую дивизию. 2-я танковая дивизия вступила в бой с задержкой, а 9-я — только во второй половине дня.

Итоги второго дня прорыва для 9-й полевой армии оказались неутешительными. 23-й армейский корпус продвинулся на 500—1000 м и то только силами 78-й штурмовой дивизии. 41-й танковый корпус подошел ко второй полосе в районе Поньри. 47-й танковый корпус, как отмечалось в донесениях 9-й армии, продвинулся «слегка» и смог вклиниться во вторую полосу на глубину от 500 до 1500 м всего на двух узких участках — 9-й танковой дивизией западнее Поньри 1-е, 2-й танковой дивизией — к югу от Подсоборовки.

Медленное продвижение танковых дивизий противника позволило командованию Центрального фронта еще более укрепить угрожаемые направления. В район станции Поньри были выдвинуты 11-я минометная, 46-я легкая артиллерийская бригады и один истребительно-противотанковый полк из состава 48-й армии. Командующий 13-й армией перебросил сюда же 13-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду и два подвижных противотанковых резерва¹. Все это осело в хорошо подготовленной обороне 307-й стрелковой дивизии. В боях за Поньри, как признает в своем труде Е. Клинк, дивизии 41-го танкового корпуса понесли большие потери. Немалые потери понес и 47-й танковый корпус.

Трудный ход прорыва вынудил командование группы армий «Центр» передать из своего резерва в подчинение 9-й армии 4-ю танковую дивизию, которая начала выдвижение в полосу наступления 47-го танкового корпуса. Благодаря вводу ее в сражение оно намеревалось не только прорвать всю вторую полосу обороны, но и выйти на высоты севернее Курска².

Командование 9-й армии более реально оценивало обстановку. Оно считало, что 46-й танковый корпус едва ли сможет примкнуть к наступлению 47-го танкового корпуса, а сил 41-го танкового корпуса хватит только на то, чтобы прикрыть обширный район на левом фланге 47-го танкового корпуса. Поэтому командование возбудило ходатайство о переводе в его резерв всех сил группы «Эзбек» с тем, чтобы их можно было использовать для наступления на Фатеж³. Исходя из такой оценки оно и определило задачи корпусам. 23-й армейский

¹ См.: Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг., т. 2. М., Воениздат, 1958, с. 241.

² См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 249.

³ См.: Там же.

корпус 78-й штурмовой дивизией обязан был продвинуться до рубежа Гриневка, Петровка и перейти к обороне. 41-му танковому корпусу предстояло овладеть истоком р. Полевая Снова, станция Поныри. 47-й танковый корпус, наступая на юг, с прорывом второй полосы получал в свое подчинение 4-ю танковую дивизию с задачей перерезать шоссе Бычки — Фатеж¹, т. е. выйти 20 км южнее Ольховатки, пройдя за день 25 км. 46-й танковый корпус должен был продвинуться лишь левым флангом на 3—5 км. На остальном фронте ему следовало вести скользящие действия.

Таким образом, из всей ударной группировки наступательные задачи получили только два корпуса, из них лишь на 47-й танковый корпус возлагалась задача осуществить прорыв второй и третьей полос обороны и вырваться на оперативный простор. Но ширина намеченного прорыва не превышала 15 км, что облегчало его надежное закрытие оперативными резервами обороняющегося.

Ход боев 7 июля, в сущности, не дал противнику не только оперативных, но и тактических результатов. Фланги ударной группировки 9-й армии, скованные контратаками, только оборонялись. В районе Поныри 41-му танковому корпусу после многих атак удалось овладеть северной частью Поныри, но стойко оборонявшаяся 307-я стрелковая дивизия выбила вклинившегося противника.

Наиболее ожесточенные бои развернулись на участке Поныри 2-е, Самодуровка, где у противника наступали четыре танковые и две пехотные дивизии. Их четыре атаки были отбиты с большими для них потерями. Лишь к исходу дня немецко-фашистским войскам удалось овладеть высотой 257,0 и вклиниться во вторую полосу обороны.

Кризис наступления достиг своего пика. В связи с большими потерями командование 9-й армии просило разрешения использовать маршевые батальоны и 5 тыс. человек пополнения. Начал ощущаться недостаток в танковых выстрелах, и оно срочно запросило у начальника генерального штаба сухопутных войск 100 тыс. снарядов.

8 июля в сражение вводятся 4-я танковая дивизия и часть сил 12-й танковой дивизии. Потрепанная 20-я танковая дивизия выводится во второй эшелон. Но и бои 8 июля не привели к каким-либо результатам. Большинство дивизий противника оказалось обескровленными. Командующий 9-й армией, выслушав мнения командиров корпусов, принял решение сделать паузу, чтобы произвести перегруппировку войск, их пополнение и после сильной авиационной и артиллерийской подготовки завершить начатый прорыв. Однако начавшееся контрна-

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 250.

ступление войск Брянского и Западного фронтов сорвало это намерение. Командование группы армий «Центр» спешно изъято из 9-й армии только что переданные ей 12-ю танковую и 10-ю моторизованную дивизии и направило их для закрытия созданных советскими войсками брешей. Наступление 9-й армии было приостановлено.

Группа армий «Юг» добилась несколько больших результатов, ибо готовила наступление на фронте около 80 км. Это затруднило командованию Воронежского фронта определить направления ударов противника, и оно было вынуждено путем некоторого ослабления тактического эшелона создать сильные оперативные резервы в составе 69-й и 1-й танковой армий, 2-го и 5-го гвардейских танковых и 3-го механизированного корпусов. Если дивизии Центрального фронта на вероятном направлении удара противника обороняли полосы шириной 6—9 км, вторая полоса обороны была заблаговременно занята девятью дивизиями, то в армиях Воронежского фронта дивизии первого эшелона оборонялись в полосах шириной 14—19 км и лишь в одном корпусе 7-й гв. армии — шириной 9 км. Поэтому плотности войск оказались здесь в два раза ниже, чем в обороне Центрального фронта. В условиях более сильных бронированных клиньев групп армий «Юг» это создавало определенные предпосылки для быстрого прорыва первой полосы обороны.

Наступление 4-й танковой армии началось в 15.00 4 июля силами пехоты при поддержке 20 танков, артиллерии и авиации в целях захвата выгодных позиций на участке Бутово, Бубны (10—15 км) севернее и северо-западнее Томаровки. Лишь в отдельных местах противнику удалось захватить высоты, на которых располагалось боевое охранение. 52-й армейский корпус и 167-я пехотная дивизия не добились и этого.

Скромные результаты боев командование противника расценило как обнадеживающие. Однако атака передовых отрядов, предпринятая на узком фронте, позволила командованию Воронежского фронта определить вероятные направления ударов и провести 4 июля в 22.30 и 5 июля в 3.00 артиллерийскую контрподготовку в полном объеме. В 6-й гв. армии она проводилась по шести районам вероятного скопления войск противника с привлечением 555 орудий и минометов и 88 установок БМ-13. На направлении наступления 48-го танкового корпуса плотность артиллерии, участвовавшей в контрподготовке, составила 31 орудие и миномет на 1 км. В районах массирования огня — Пушкарное, Бутово, Томаровка — плотность огня оказалась еще выше, но удар пришелся по боевым порядкам 167-й пехотной дивизии и лишь в районе Бутово — по 11-й танковой дивизии противника.

На участке Белгород, Березов контрподготовка в основном пришлась по дивизиям 2-го танкового корпуса СС. Но плот-

ность огня была недостаточно высокой, что не позволило нанести им существенные потери.

Командование 7-й гв. армии привлекло к контрподготовке 696 орудий и минометов, 47 установок полевой артиллерии на фронте 46 км. Это дало возможность создать плотность 15 орудий и минометов на 1 км фронта контрподготовки. Лишь на отдельных участках она поднималась до 45—68 орудий и минометов на 1 км¹.

Артиллерии, привлеченной к контрподготовке, удалось нарушить управление противника, подавить часть его артиллерии и нанести ограниченное поражение живой силой. Это заставило командование группы армий «Юг» отложить начало наступления, чтобы ликвидировать последствия.

Наступление войск противника началось 5 июля после 30-минутной артиллерийской подготовки: 2-го танкового корпуса СС — в 4.00, 48-го танкового корпуса — в 5.00. За два часа они сбили боевое охранение² и атаковали передний край. Наиболее напряженные бои развернулись в районе Черкасское и Березов — на направлениях главных ударов танковых корпусов. В течение первого дня противнику удалось обойти Черкасское и окружить там 196-й гв. стрелковый полк 67-й гв. стрелковой дивизии. Стойкой обороной полк сковал значительные силы противника и затруднил продвижение его главных сил в глубину. В ночь на 6 июля он по приказу вырвался из окружения и отошел на рубеж обороны своей дивизии.

Задержка продвижения противника в районе Черкасское позволила командованию 6-й гв. армии выдвинуть на угрожаемое направление кроме ранее переданного 67-й гв. стрелковой дивизии 493-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка 27-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду, а затем и другие противотанковые части. Всего 67-й и 71-й гвардейским стрелковым дивизиям было передано семь истребительно-противотанковых полков РВГК.

Во второй половине дня в районе Черкасское перешли в наступление 250 танков противника. Впереди шли «тигры» и «фердинанды». Атаку поддерживала авиация. Ценой больших потерь (свыше 100 танков) противник углубился в нашу оборону на 4—5 км.

2-й танковый корпус СС в боях за район Березов потерял от огня артиллерии и на минах 33 танка, из них 10 «тигров». В 11.00 он повторил атаку на 3-километровом участке, введя в бой сразу до 200 танков, и к исходу дня овладел Быковкой, сделав в обороне вмятину глубиной до 6 км и шириной около

¹ Артиллерия в оборонительных операциях Великой Отечественной войны, кн. 2. М., Воениздат, 1961, с. 13—149.

² Э. Клиник считает, что немецкие войска своей атакой прорвали первую полосу обороны. Фактически они за два часа подошли только к переднему краю первой полосы и завязали за нее бои.

9 км. Выдвинутые к клину противотанковые резервы остановили дивизии противника.

Группа «Кемпф» начала наступление форсированием р. Сев. Донец. Только к 13.00 противнику удалось преодолеть реку и захватить плацдарм. Предприняв с него наступление, дивизии группы «Кемпф» вклинились в оборону на глубину 3—5 км на фронте около 10 км.

Таким образом, в первый, решающий день наступления группе армий «Юг» удалось сделать три вклинения в нашу оборону, удаленных друг от друга на 8—20 км. Только 4-я танковая армия имела возможность объединить два участка прорыва в один, ибо между ее участками вклинения оборонялось не более полутора полков 52-й гв. стрелковой дивизии. Но созданные вмятины позволили командованию Воронежского фронта точно определить направления вбиваемых в оборону клиньев и принять меры к противодействию дальнейшему продвижению группировок противника. На обоянском направлении на второй полосе были развернуты соединения 1-й танковой армии, а также 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса. Командующие 6-й гв. и 40-й армиями выдвинули свои противотанковые и танковые резервы. То же самое сделал командующий 7-й гв. армией.

Западногерманские исследователи операции «Цитадель», ограниченный успех Манштейна, одного из лучших командующих немецко-фашистской армии, иногда объясняют не упорной обороной советских войск, не искусством советских военачальников быстро массировать силы и средства на угрожаемых направлениях, а... погодой. Так, автор книги «Закон движения. Операция «Цитадель» 1943» Е. Клинк пишет: «Прошедший ливень сделал долину совсем недоступной, и танки завязли, пока не был построен мост. Это вызвало задержку первого наступающего эшелона на 12 часов. Лишь к вечеру 80 танкам мотопехотной дивизии «ВГ» удалось форсировать речку»¹.

О какой речке идет речь? В районе Березов протекает только р. Ерик. По сути дела это не речка, а ручеек, пересекавший только правую часть полосы наступления 2-го танкового корпуса СС. В середине сухого лета этот ручеек без заболоченной поймы не мог от короткого дождя стать непреодолимым препятствием для танков.

На направлении клина 48-го танкового корпуса, в полосе действий 167-й пехотной дивизии протекал ручей Ворсколец, на направлении танкового клина южнее Черкасское — исток безымянного ручейка шириной не более 2 м и севернее Черкасского примерно такой же ручеек. Они не могли быть сколь-

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 210.

ко-нибудь серьезными препятствиями для танков. К тому же 4—5 июля, как показывают сводки погоды, сильных дождей не было. Они прошли 12—13 июля, когда началось контрнаступление советских войск. Лишь река Ворскла шириной 5—6 м с заболоченной в отдельных местах поймой могла несколько задержать танки, но она протекала в правой части полосы наступления 167-й пехотной дивизии и форсировать ее не было необходимости.

Утверждение автора расходится и с мнением генерала Гота и его штаба: «Вечером 5 июля командование 4-й танковой армии пришло к выводу, что вопреки существовавшему до этого мнению боевая подготовка и политико-моральное состояние обороняющихся дивизий противника являются хорошими и что основные силы его, включая артиллерию, без особых потерь отошли на вторую полосу»¹.

Командования группы «Юг» и 4-й танковой армии на 6 июля поставили корпусам задачу прорвать вторую полосу обороны. Но в результате огромных усилий 4-й танковой армии удалось образовать единый участок прорыва и на небольших участках вклиниться в нее западнее и восточнее Яковлево. Под угрозой удара советских войск по отставшему правому флангу наступление 2-го танкового корпуса СС в районе Лучки было приостановлено.

Ударная группировка «Кемпф» за второй день наступления подошла ко второй полосе на участке шириной около 3 км. Отрыв ее танковой армии достиг 35 км.

В отличие от Центрального на Воронежском фронте в первые дни контрудары не наносились. Была сделана лишь одна попытка нанести контрудар силами 1-й танковой армии. Бои передовых бригад показали, что наши танки несли от огня тяжелых танков противника при сближении с ними большие потери, ибо были вооружены в основном 76-мм пушками и не могли поражать танки противника с дальних дистанций. Командующий фронтом решил использовать танковые корпуса для удержания второй полосы обороны. Однако потери в передовых танковых бригадах при бое с тяжелыми танками противника на второй полосе привели к ослаблению ряда участков.

Чтобы не допустить прорыва войск противника в оперативную глубину до перехода Западного, Брянского и других фронтов к активным действиям, советское командование направило в район Прохоровки 10-й танковый корпус из состава Степного фронта и 2-й танковый корпус — из состава Юго-Западного фронта. К боям над районами вклинения привлекается 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта, из стра-

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 210.

тегического резерва начала выдвижение 5-я гв. танковая армия. Противник же по сути дела вблизи созданных клиньев не имел оперативных резервов и мог продолжать наступление, усиливая важные направления только за счет внутрикорпусных и внутриармейских перегруппировок. Иначе говоря, уже второй день наступления создал для группы армий «Юг» кризисную ситуацию, успешно разрешить которую оно не имело сил. Это показали бои 7 и 8 июля.

Командование 4-й танковой армии в течение 7 июля намеревалось продвинуться на 25—30 км и прорвать армейскую полосу. Фактически только 2-му танковому корпусу СС удалось пробиться к Беленихино. На следующий день 48-й танковый корпус овладел частью Верхопенья. 2-й танковый корпус с трудом пробился на рубеж Малые Маячки, но до армейской полосы ему еще нужно было пройти от 5 до 15 км.

9 июля 48-му танковому корпусу предписывается пробиться к Новоселовке (на глубину 6 км) и охватить фланг нашего 6-го танкового корпуса, а 2-му танковому корпусу СС — овладеть плацдармом за речкой Солотина по обе стороны Кочетовка, чтобы в дальнейшем можно было нанести решительный удар на Прохоровку¹.

Бои пятого дня прорыва оказываются малоперспективными для противника. 2-й танковый корпус лишь на ближнем участке выходит к армейской полосе в районе Прохоровки, 48-й танковый корпус продвинулся на 6—8 км. и на левом фланге овладел Сырцово².

Хотя глубина вклинения ударной группировки 4-й танковой армии возросла, но ввиду расширения дуги фронта возросла и опасность на флангах вклинения. Явственно обозначился кризис затухания прорыва. Командование 4-й танковой армии просит активизировать ударные группы 2-й армии, чтобы сковать резервы Воронежского фронта. Манштейн принимает решение подвести ближе к участку прорыва 24-й танковый корпус, надеясь, наконец, завершить прорыв и пробиться к Курску. Но 202 танка этого корпуса не могли изменить обстановку, ибо к Прохоровке шла наша 5-я гв. танковая армия в составе трех корпусов.

11 и 12 июля сражение на южном фланге курского выступа подошло к кульминационному моменту. Немецко-фашистское командование приложило все усилия, чтобы прорвать армейский рубеж обороны и вырваться на оперативный простор. 11 июля оно добилось некоторого успеха. 3-му танковому корпусу удалось прорвать оборону 305-й стрелковой дивизии 69-й армии и уничтожить часть артиллерии, выдвигавшейся для обеспечения контрудара 5-й гв. танковой армии. Корпуса 4-й

¹ См.: Klink E. Das Gesetz des Handels. Die Operation «Zitadelle», 1943. Stuttgart, 1966, s. 223.

² См.: Там же, с. 224.

танковой армии на фронте Прохоровка, Веселый вклинились в армейскую полосу обороны. Но с утра 12 июля войска Воронежского фронта нанесли сильные контрудары. В районе станции Прохоровка завязалось крупное танковое сражение. Ход его убедил гитлеровское командование в провале наступления группы армий «Юг». Хейнрици признает, что советские войска, наступавшие против левого фланга Гота, «добились таких угрожающих прорывов, что 48-й танковый корпус должен был отказаться от своих собственных наступательных замыслов и две трети предусмотренных для этого сил повернуть туда, чтобы восстановить положение. Ни удар с северо-востока в «донецкий треугольник», ни захват переправ через Псёл в район Шипы в таких обстоятельствах не могли быть осуществлены»¹.

Вечером 12 июля, когда стало известно о прорыве в нескольких местах фронта «Орловского бастиона», германская ставка пришла к выводу не только о невозможности прорыва обороны советских войск на курском выступе, но и о провале всей операции «Цитадель».

Ход операции «Цитадель» обнажил пороки немецкого способа прорыва обороны, в котором основная сила вкладывалась в первый удар, осуществляемый рядом бронированных клиньев, наносимых в масштабе полевой армии и даже отдельных танковых корпусов. Этот способ давал определенные результаты при прорыве поспешно занятой или неглубокой обороны. С развитием обороны из очаговой в позиционную, насыщением ее противотанковыми средствами он все чаще стал давать осечки. Долгие месяцы немецко-фашистские войска не могли прорвать оборону под Севастополем, защитники Ленинграда выдержали неоднократные штурмы врага. В августе 1942 г. группа армий «Центр» не удалась попытка прорвать оборону Западного фронта танковыми дивизиями из района Жиздры на Калугу. Наконец, непреодолимой для немецко-фашистских войск стала оборона Сталинграда.

Уже в 1942 г. явственно обозначился переход сторон к позиционным формам обороны. К лету 1943 г. такая оборона образовалась на всем советско-германском фронте. Советское командование, заблаговременно определив тенденцию развития обороны, к лету 1943 г. провело огромную работу по насыщению войск техникой, создало крупные артиллерийские, авиационные и бронетанковые соединения и объединения, что способствовало быстрому созданию мощных ударных группировок и в конечном итоге обеспечило проведение многочисленных прорывов очень прочной обороны противника. Гитлеровское политическое и военное руководство, имея несомненно

¹ Цит. по кн.: *Прозктор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., «Наука», 1972, с. 543.

большие экономические возможности, основной упор сделало на создание тяжелых танков и восстановление боеспособности авиации. Артиллерия, основная огневая сила второй мировой войны, все еще должным образом не оценивалась. В немецко-фашистской армии ее было мало, а организация и способы боевого применения мало чем отличались от времен первой мировой войны.

Непропорциональное развитие родов войск, консервативность мышления немецко-фашистского командования в их применении и планировании в главной операции летне-осенней кампании 1943 г. — операции «Цитадель» привели к ее провалу, несмотря на то, что в нее было вложено все, на что были способны фашистская Германия и ее генералитет. Это доказывает не только конечный результат операции, но и ход прорыва, что видно из сравнения наступления германских и советских ударных группировок. Так, 9-я армия группы армий «Центр» прорывала оборону советских войск, подготовленную в течение 2,5—3 месяцев. В ней были только траншеи, минные поля и небольшое количество легких блиндажей. 11-я гв. армия Западного фронта прорывала оборону, которая готовилась противником в течение полутора лет. Мощный огневой удар артиллерии и авиации нарушил систему огня, и в течение первого дня наступления войска 11-й гв. армии вышли ко второй полосе. Войска 9-й армии при более высоком насыщении боевых порядков танками и штурмовыми орудиями за такое время смогли лишь на отдельных участках вклиниться в нашу оборону от 2 до 4 км. На второй день наступления войска 11-й гв. армии прорвали вторую полосу и создали в обороне противника брешь глубиной до 25 км и шириной 28 км. Дивизии 9-й армии к исходу второго дня лишь в центре подошли ко второй полосе. Несмотря на настойчивые атаки в последующие дни прорвать вторую полосу им так и не удалось. 11-я гв. армия на седьмой день операции создала брешь в обороне противника глубиной 70 км.

Сравнение наступления группировок группы армий «Юг» и Воронежского фронта на южном фланге курского выступа также подтверждает порочность германского метода прорыва позиционной обороны.

В первый день 4-я танковая армия прорвала только главную полосу обороны на трех изолированных участках. Ударная группировка Воронежского фронта вышла ко второй полосе, а 5-я гв. танковая армия и один корпус 1-й танковой армии прорвали ее. Группа армий «Юг» этой цели добилась только на четвертый день наступления и то на фронте шириной всего 25 км. К этому сроку войска Воронежского и Степного фронтов образовывали оперативную брешь глубиной около 90 км и шириной до 100 км, что создало хорошие предпосылки

для развития наступления в целях освобождения Харькова, наступления к Полтаве, а затем к Днепру.

Кроме недооценки роли артиллерии и переоценки возможностей авиации и танковых войск порок германского способа прорыва состоял в том, что в ударных группировках противника не создавался специальный эшелон развития тактического прорыва в оперативный, благодаря которому советские войска добивались непрерывного и нарастающего по темпам прорыва. Резервы немецких группировок вводились после ослабления наступательных возможностей первого эшелона, что вело к вязкому, затухающему ходу прорыва, обороняющаяся сторона получала время для сосредоточения сил на угрожаемое направление, что в конечном итоге не позволило обоим ударным группировкам пробиться к Курску.

* *
*

Второй период Великой Отечественной войны во многом оказался переломным благодаря тому, что советские войска овладели искусством осуществления прорыва.

Опыт боевых действий со всей убедительностью показал, что создание бреши в обороне противника имеет решающее значение в достижении поставленных перед войсками оперативных объединений задач. Прорыв обороны в высоком темпе, безостановочное его развитие в глубину предопределяли ход и исход всей операции армии и фронта и существенно влияли на развитие операций на других направлениях.

Отбор всего лучшего, что было добыто в наступательных операциях первого периода войны, внедрение и творческое развитие его в операциях второго периода позволили выработать и успешно применить на практике достаточно эффективные приемы и методы прорыва тактической обороны противника и развитие его в оперативную глубину. Число успешно проведенных прорывов обороны противника значительно возросло. Если в первом периоде войны успешные прорывы в проводимых операциях по некоторым исследованиям составляли около 50%, то во втором они достигли 70%.

Определяющим направлением в развитии искусства прорыва подготовленной обороны противника было все возрастающее массирование сил и средств на участках прорыва. Это достигалось благодаря росту мощи ударных группировок и сужению их участков прорыва. Если в первом периоде войны прорыв на одном участке, как правило, осуществлялся силами одной армии, имевшей в своем составе 5—7 дивизий, то во втором периоде, особенно в летне-осенней кампании 1943 г., на одном или близко расположенных участках прорыва сосредоточиваются усилия преимущественно двух-трех общевой-

сковых, одной-двух танковых армий (или двух-трех танковых корпусов), одной воздушной армии и до артиллерийского корпуса прорыва. Такое количество сил и средств обеспечивало необходимое превосходство над противником и высокие плотности войск, позволявшие надежно поразить его оборону массой огня и последовательно наращивать усилия не только в ходе прорыва, но и при развитии операций на большую глубину.

Опыт показал, что прорыв обороны противника обычно достигался тогда, когда на 1 км участка прорыва создавались плотности: 6—9 батальонов, до 20 танков НПП и 180—200 орудий и минометов.

Во взломе обороны противника и обеспечении наступления войск при прорыве значительную роль играла авиация. Она прикрывала наступающие войска от ударов с воздуха, сопровождала пехоту и танки и наносила массированные удары в наиболее ответственные моменты прорыва.

Для развития тактического прорыва в оперативный создавались подвижные группы армий в составе одного-двух танковых корпусов и подвижные группы фронтов в составе одной-двух танковых армий. Танковые соединения и объединения во втором периоде войны являлись основным средством командующих армиями и фронтами завершения прорыва тактической обороны и развития удара в оперативную глубину.

Сосредоточение к участкам прорыва основных сил фронта и армий, тщательная организация их действия потребовали увеличения времени на подготовку операций. Лучшие результаты прорыва достигались тогда, когда всем звеньям войск до батальона включительно предоставлялось необходимое время и планирование основных мероприятий намеченного наступления проводилось по единому плану, разработанному штабом фронта.

Основные положения по организации оперативного прорыва в полосе фронта и армии определяла Ставка Верховного Главнокомандования. Детализировали их и осуществляли организацию действий войск при прорыве командования фронтов и армий.

Во втором периоде войны намного возросло искусство достижения внезапности — очень важного фактора осуществления прорыва подготовленной обороны противника. Внезапность достигалась скрытностью создания ударных группировок, подготовки прорыва и введением противника в заблуждение относительно истинных направлений намечаемых ударов. Наиболее успешно задача дезинформации выполнялась Ставкой. Обман противника во фронтовом звене еще не стал обязательным элементом планирования и подготовки наступательной операции.

В искусстве ведения прорыва определилось такое использование тактических и оперативных эшелонов, которое обеспечивало последовательное наращивание усилий, сохранение превосходства над противником и увеличение темпов прорыва по мере продвижения войск в глубину его обороны. При этом большую роль играли подвижные группы армий и фронтов, ввод которых (или части их сил) оказался наиболее целесообразным с выходом атакующих войск в район основных артиллерийских позиций для завершения прорыва главной и атаки с ходу второй полосы обороны противника.

Во втором периоде войны совершенствовалось искусство развития тактического прорыва в оперативный, в том числе в условиях перехода противника к глубокой позиционной обороне. Оно достигалось вводом в сражение главных сил танковых корпусов и армий и действиями их в отрыве от общевойсковых соединений и объединений, которые, используя их успех, увеличивали темпы наступления, стремясь как можно быстрее перенести фронт борьбы в оперативную глубину.

Предпринятые немецко-фашистским командованием в 1943 г. наступательные операции показали, что германская военная мысль не справилась с проблемами прорыва позиционной обороны. Бронированные клинья при слабой огневой поддержке артиллерии оказались неспособными вести прорыв в высоком темпе и образовать в обороне такие бреши, которые позволили бы ударным группировкам вырваться на оперативный простор и развернуть маневренные действия.

В целом во втором периоде Великой Отечественной войны советская теория и практика прорыва получили большое развитие и обогатились весьма важными выводами и положениями. Гибкость применения различных форм и способов прорыва в соответствии с условиями конкретной обстановки явилась ярким свидетельством творческого характера нашего военного искусства. Приобретенный боевой опыт был использован и приумножен в третьем периоде войны.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Ретроспективный взгляд на прорыв	7
1. Факторы, определившие необходимость применения прорыва обороны противника	7
2. Поиски решения проблемы прорыва в годы первой мировой войны	14
3. Прорыв в операциях Красной Армии в годы гражданской войны	28
4. Развитие теории прорыва в советском военном искусстве после гражданской войны	37
5. Принципы прорыва обороны противника накануне Великой Отечественной войны	48
Глава вторая. Прорыв в операциях первого периода Великой Отечественной войны	63
1. Первый опыт прорыва в операциях летне-осенней кампании 1941 г.	63
Способы наступления и прорыва в первой операции в районе Смоленска	64
Попытка прорыва во втором наступлении в районе Смоленска	75
Опыт прорыва в третьем наступлении на Смоленск и при ликвидации ельнинского выступа	81
2. Прорыв в операциях зимней кампании 1941/42 г.	89
Организация и осуществление прорыва при переходе в контрнаступление под Москвой	90
Прорыв подготовленных оборонительных рубежей в ходе контрнаступления	109
Прорыв при переходе в общее наступление	117
3. Опыт прорыва в операциях летне-осенней кампании 1942 г.	130
Уроки прорыва в Харьковской наступательной операции	131
Причины неудач прорыва в Болховской операции	147
Прорыв в Ржевско-Сычевской операции	153
Глава третья. Развитие прорыва во втором периоде войны	163
1. Прорыв в зимней кампании 1942/43 г.	163
Подготовка и осуществление прорыва в контрнаступлении под Сталинградом	164

Разрушение южного крыла стратегического фронта противника	190
Прорыв обороны противника в операциях на Верхнем Дону в ходе общего наступления	203
Особенности прорыва в операциях на второстепенных стратегических направлениях	216
Первый опыт прорыва сильно укрепленной обороны противника	229
2. Прорыв позиционной обороны противника в операциях летне-осенней кампании 1943 г.	234
Прорыв в контрнаступлении под Курском	237
Характер и причины затяжного прорыва в Смоленской операции	262
Совершенствование искусства прорыва при развитии общего наступления в ходе кампании	272
Крах принципов прорыва немецко-фашистского командования	281

Литературный редактор *Спивак Н. К.*

Технический редактор *Жукова Т. С.*

Корректоры *Слабошевич Л. М. и Белецкая К. А.*

Сдано в набор 5.5.77 г. Г-251098 Подписано к печати 4.8.77 г.

 Формат бумаги 60×90¹/₁₆
 Объем: 19,25 печ. л.; 9,63 бум. л.; 18,8 авт. л.; 18,9 уч.-изд. л.
 + клейки: 0,65 авт. л.; 0,81 уч.-изд. л.

Цена 2 р. 56 к. (Только для внутриведомственной продажи)
 Изд. № 1-В-6. Зак. № 4047. 1977 г.

Типолитография ВАФ.

